ЭРИК ФРЭНК

РАССЕЛ

Безумный мир

ЭРИК ФРЭНК

РАССЕЛ

ЭЛИК ФРЭНК
ЖЕЛЕЗНЫЙ ЖИЛЕЦ

РАССЕЯ

Безумный мир

ЭРИК ФРЭНК

РАССЕЛ

Безумный мир

Космический марафон

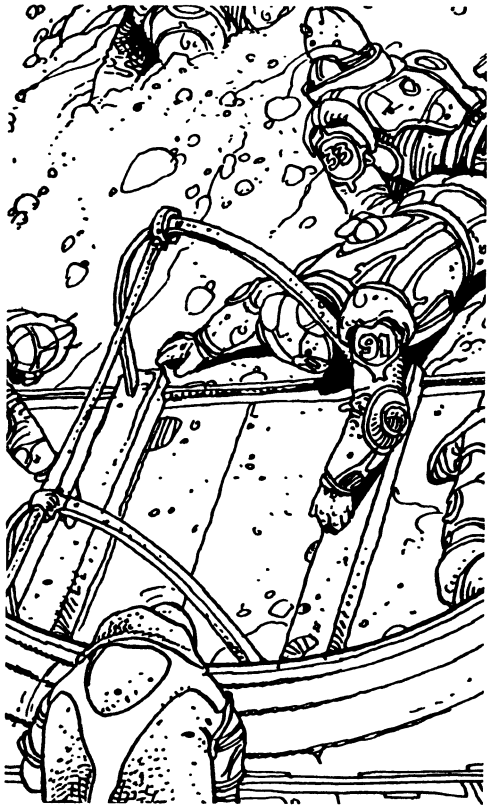
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
2000

ББК 5.84 (7 США)

Э. Ф. Рассел
Безумный мир: Романы.— СПб.: Северо-Запад, 2000.— 544 с.

На пути к звездам не счесть преград, но вот парадокс: чем тяжелее приходится человеку, тем легче ему раскрыть неисчерпаемые возможности своего интеллекта. А если вдобавок есть сила в мышцах и отвага в сердце, то и полчища жестоких марсианских шпионов нипочем, вместе с их венерианскими и юпитерианскими пособниками. Дело остается за малым — понять наконец, что человечество выросло из земных пеленок, а затем опереться на верных единомышленников и разорвать паутину мирового заговора.

ISBN 5-93835-001-8 © «Северо-Запад», подготовка текста, серийное оформление, 2000



РОМАН

Безумный мир

Глава первая

О начале 2032 года возвестил взрыв семнадцатого космического корабля «Земля — Марс». Взрыв был самый что ни на есть заурядный, и тем не менее это событие вызвало некоторый переполох. Для сенсации имелись две причины. Во-первых, ничего более выдающегося на первые полосы газет в тот момент не нашлось. Во-вторых, в ракете находился человек. Предыдущие шестнадцать неудач уже научили публику не удивляться таким случаям. Обыватель воспринимал каждое известие о катастрофе марсианской ракеты точно так же, как довольно частые, несмотря на официальные заверения, сообщения о падении самолетов. Из шестнадцати провалов восемь пришлось на долю американцев, пять — русских, по одному — англичан, французов и канадцев; всеми кораблями управляли автоматы. Долларов сгорело в избытке, но человеческих жертв до сих пор не было.

Общественное мнение, реагируя на повторяющуюся перед каждым запуском шумиху, перебирало возможные причины постоянных неудач. И нашло две: либо инженеры не столь непогрешимы, как считается, либо имел место искусный саботаж со стороны некоей международной диверсионной организации, поставившей перед собой задачу не допустить ракеты на Марс. Официальная пропаганда усиленно пережевывала вторую версию, причем не столько потому, что власти придерживались ее сами, сколько для того, чтобы отвлечь внимание от пер-

вого, гораздо более опасного для них предположения. И те, кто попался на эту удочку, упорно искали возможных диверсантов.

Поскольку на этот раз обратились в пыль триста миллионов рублей и вместе с ними русский космонавт Микитенко, диверсия не могла быть делом рук самой России. Следовало найти какую-то другую причину, и налогоплательщик, на собственной шкуре испытавший достижения науки, опять обратился к первой версии. Нужно добавить, что подобным умонастроениям немало способствовала болтовня леваков и безответственных теоретиков об уничтожении капиталистами излишков продукции. Это напугало людей. Обычно безропотный Джон Доу представил, как его кровные деньги горят в огне, и завопил во весь голос.

Такой была ситуация, когда Джон Дж. Армстронг читал в «Геральд» статью профессора Мэндла. Согласно его теории, Марс окружала смертоносная электромагнитная оболочка, радиус которой менялся со временем и составлял примерно от десяти до двенадцати тысяч миль. Гипотеза, однако, основывалась на довольно скудной информации.

Армстронг был плотным, широкоплечим мужчиной в твидовом костюме и ботинках на толстенной подошве. Мышление его отличалось осмотрительностью и взвешенностью. В жизненных состязаниях он чаще всего приходил к финишу в числе первых, и делал это с такой же обманчивой неторопливостью, как железнодорожный локомотив, хотя и менее шумно.

Спинка кресла прогнулась до предела под его весом в две сотни фунтов. Он вгляделся в мерцающий экран телевизора. На экране проецировалась та самая страница из «Геральд», которая заварила в его голове кашу из всевозможных теорий.

Наконец он набрал номер Мэндла. На экране появилось лицо профессора, молодое, смуглое, в обрамлении курчавых волос.

— Не думаю, что вы меня знаете. Меня зовут Джон Дж. Армстронг,— сообщил он Мэндлу.— Я имею отношение к ракете номер восемнадцать, которая строится сейчас в Нью-Мехико. Закончат ли ее вообще — вопрос сложный, пресса завывает на эту тему, как стая волков, а если эстафету подхватит Конгресс, нам, скорее всего, придется бросить эту затею и заняться чем-то другим.

— Да, я в курсе.— Лицо Мэндла выразило сочувствие.

— Я прочел вашу статью в сегодняшней «Геральд»,— продолжал Армстронг.— Если ваша теория не высосана из пальца, корабль можно смело сдавать в утиль. Поэтому я хотел бы задать вам пару вопросов. Первый: известны ли вам способы, посредством которых можно измерить параметры этого слоя, не губя корабль? И второй — как вы считаете, можно ли вообще преодолеть это препятствие? — Он помолчал и добавил: — Или Марс останется для нас недоступным на веки вечные?

— Теперь слушайте,— ответил Мэндл.— Информация, переданная искусственными спутниками, однозначно доказывает, что вокруг Земли существует ионизированный слой. Вокруг Марса может существовать похожий слой, но необязательно идентичный земному. О его природе можно лишь догадываться. Из семнадцати кораблей одиннадцать взорвались на расстоянии десяти — двенадцати тысяч миль от планеты, то есть преодолев девяносто пять процентов пути. Как вы сами понимаете, для простого совпадения это слишком. Мы имеем дело с некоей закономерностью...

— Хм! — пробурчал Армстронг.— Остальные шесть так далеко не проникали, а два вообще взорвались на старте...

— Следует учитывать человеческий фактор, дефекты в конструкции, низкую квалификацию, ошибки в расчетах и прочее, и прочее. Все ракеты были без экипажей, ведь мы все еще продвигаемся

к цели на ощупь, методом проб и ошибок. Я считаю, что даже при объединенных усилиях всей планеты первые корабли были обречены на гибель, причем задолго до того, как они достигли окрестностей Марса.

Армстронг поскреб подбородок волосатой рукой.

— Что ж, может, и так. Но они легко преодолели слои Эплтона и Хевисайда, спокойно перенесли скачок температуры и интенсивности космических лучей, так почему они должны взрываться в этом марсианском слое, даже если он и существует?

— Потому что он другой.— В голосе Мэндла появились нетерпеливые нотки.— Может быть, он провоцирует спонтанный распад топлива или корпуса корабля. Но это не очень корректное допущение. Скорее можно предположить, что он вызывает столь интенсивный перегрев, что корабль вспыхивает, как врезавшийся в атмосферу метеор. И если причина тому — какое-то неведомое поле вокруг планеты, то выхода я пока не вижу. Но если дело всего лишь в трении, тогда барьер можно преодолеть, просто снизив скорость.

— Этот восемнадцатый корабль задуман как пилотируемый,— мрачно заметил Армстронг.— Камикадзе по имени Джордж Куин намерен обосноваться в его носовой части. Нам не хотелось бы, чтобы он поджарился. Что же делать? Мэндл колебался, о чем-то размышляя.— Единственное, что можно сделать...— медленно произнес он,— нужен автоматический зонд, который пойдет впереди. Если оба корабля снабдить датчиками, которые...— Не мигая, его темные глаза твердо смотрели на Армстронга, а затем лицо медленно сползло с экрана.

Глядя на опустевший экран, Армстронг ждал, когда собеседник появится снова. Пауза затягивалась. В конце концов, нахмурившись, он нажал кнопку срочного вызова. На экране возникла девушка-диспетчер.

— Я разговаривал с профессором Мэндлом, Вестчестер 1042,— пожаловался Армстронг.— Что случилось?

Девушка исчезла и через минуту появилась с сообщением:

— Извините, сэр, абонент не отвечает.

— Какой у него адрес?

Ее улыбка была любезной.

— К сожалению, сэр, нам разрешено сообщать адреса абонентов только полиции.

— Тогда соедините меня с Вестчестерским полицейским участком,— отрезал он.

С дежурным офицером Армстронг церемониться не стал.

— Говорит Джон Дж. Армстронг, Гринвич 5717. В доме профессора Мэндла, Вестчестер 1042, что-то случилось. Прошу вас отправиться туда как можно скорее!

Он отключился, затем набрал номер «Геральд», запросил добавочный «двенадцать» и сказал:

— Привет, Билл! Па пустяки времени нет. Мне срочно нужен адрес профессора Мэндла, чью статейку ты засунул в последний выпуск. Можешь устроить? — Он немного подождал и, получив адрес, громыхнул в трубку: — Спасибо! Перезвоню позже.

Схватив шляпу, Армстронг выскочил на улицу, втиснул могучее тело в автомобиль и завел двигатель. Почему-то он был уверен, что профессор Мэндл никому и ничего уже не скажет.

Предчувствие его не обмануло. Скрюченный, уже начавший коченеть труп лежал на ковре под телефоном. Лицо Мэндла было спокойно.

По комнате расхаживал властного вида седоусый мужчина.

— Вы тот самый Армстронг, который нам позвонил? Быстро соображаете. Мы выехали сразу и все равно опоздали...

— В чем причина? — осведомился Армстронг.

— Пока не могу сказать. На первый взгляд он протянул ноги без чьей-либо помощи. Вскрытие покажет.— Он оценивающе взглянул на Армстронга.— Когда покойный разговаривал с вами, он был чем-нибудь взволнован, испуган, показался ли он вам обеспокоенным?

— Нет. Ничего подобного, насколько можно судить по экрану.— Армстронг недоверчиво посмотрел на труп.— Совсем еще молодой парень. Наверное, меньше тридцати. Странно, не правда ли, когда такие молодые люди вдруг умирают?

— Вовсе нет,— усмехнулся полицейский.— У нас такое случается каждый день.— Он перевел взгляд на вошедшего в комнату товарища.

— В мясной фургон, кэп? — гаркнул тот с порога.

— Да. Тащите его отсюда. Ничего интересного тут больше нет.— Он снова повернулся к Армстронгу: — Если вас интересуют результаты вскрытия, могу позвонить. Вы говорили, Гринвич 5717? — Верно.

Полицейский капитан проявил легкое любопытство:

— Вы родственник?

— Нет. Я консультировался с ним по одному техническому вопросу. Меня аж передернуло, когда он вот так, прямо на полуслове...

— Пожалуй, кого угодно передернуло бы.— Капитан помахал шляпой, мрачно обвел глазами комнату и небрежно натянул ее на голову.— Хотя нам не привыкать,— добавил он и вышел.

Армстронг направился в «Геральд» и, вызвав Билла Нортона, предложил позавтракать в небольшом уютном кафе, славившемся необыкновенными бифштексами.

Первое слово он произнес только после того, как проглотил все, что заказал.

— Мэндл мертв. Сыграл в ящик, когда говорил со мной. Паршивый трюк — так надуть, когда разговор еще не окончен.

— Бывают трюки еще паршивее,— сообщил Нортон.— Однажды один парень вдруг взял и спятил в тот самый миг...

— Давай без репортерских воспоминаний,— перебил Армстронг.— Просто я теперь в каком-то дурацком, подвешенном состоянии. Я подозреваю, что Мэндл действительно что-то добыл, и хочу знать что.

— Увы, слишком поздно.— Нортон мрачно и равнодушно кивнул.— Время течет, вспять не повернет.— Он перевел взгляд на свою тарелку: — Спасибо за бифштекс, дружище.

— К черту бифштекс! — Стол заскрипел, когда Армстронг ухватился сильными руками за его края.— Чего стоил Мэндл? Кем он был в своей науке — настоящим ученым или выскочкой?

— Можно спросить у Фергюсона. Он редактор по науке, и он взял ту статью. И раз он ее взял, значит, Мэндл был серьезной фигурой. Может быть, его слова когда-нибудь даже высекут на камне. Ферги специализируется на последних новинках в науке и сам так учен, что покупает этот ликер не квартами, а литрами.

— Кажется, ты говорил, что он не пьет?

— Ну, ты же понимаешь, о чем я говорю.— Зевая, Нортон вежливо прикрыл рот ладонью.— Он малость не от мира сего.

— Слушай, Билл, сделай доброе дело, а? У меня нет контактов со всеми этими изобретателями слоев, и я начинаю об этом жалеть. Расспроси Фергюсона о Мэндле. Мне это нужно. Это плюс имя и адрес любого другого здешнего парня, которого он считает достаточно толковым, чтобы подобрать то, что уронил Мэндл.

— Ты так говоришь, будто тебе грозит потеря денег.

— Мне грозит потеря семи новых и чертовски дорогих игрушек. В том числе уникальной камеры. Помимо прочих хитрых штучек в корабле Куин

захватит с собой пятидесятифунтовую камеру, которая отснимет многометражный цветной фильм. Это обошлось мне в двести тысяч баксов, но зато я приобретаю права на прокат фильма о путешествии на Марс. Это просто одна сплошная головная боль, но если я не получу фильм, половина моего состояния вылетит в трубу.— Он на миг задумался.— Я многое ставлю на кон, хотя шансы не равны, и я не хочу заведомого проигрывав.

Нортон ухмыльнулся и сказал:

— Поэтому ты хочешь быть уверенным, что Куин вернется национальным героем?

— Именно! Не говоря уже о том, что я не хочу, чтобы Куин поджарился.— Армстронг посерьезнел.— Он сумасброд — как любой из тех, кто считает, что к Марсу можно промчаться пулей, в то время как дорогу еще надо расчищать. Но мне он нравится. Даже если он потеряет камеру и все остальное, я хочу, чтобы он вернулся обратно, не подпалив штанов.

— Очень мило с твоей стороны! — Нортон встал, похлопал себя по животу, отдуваясь.— Прямо беда с этими космическими катастрофами. Слишком далеко от нас. А что далеко — то неинтересно. Не мог бы ты уговорить Куина хлопнуться где-нибудь поближе? И заодно, скажем, снести Эмпайр Стейт Билдинг?

— Если ему суждено навернуться, надеюсь, он сделает это прямо на притон дядюшки Джо, где днюет и ночует вся твоя кровожадная репортерская братия.

Нортон рассмеялся:

— Ладно! Напущу на тебя Ферги. Тогда и позвоню.

— Хорошо бы тебе поторопиться. Заказав вторую чашку кофе, Армстронг задумчиво отхлебывал из нее маленькими глотками, глядя в спину удаляющегося Нортона.

— Событие, повторившееся столько раз, не может быть случайным,— заявил Мэндл.— Это — яв-

ление, которое говорит о существовании какого-то закона. Логично, ничего не скажешь. Одна и та же комбинация иногда выпадает раз за разом, об этом знает любой игрок в кости, но вряд ли она выпадет семнадцать раз подряд. Мэндл что-то разнюхал... но что? Закон? Какой закон? Чей закон?

Армстронг устало прикрыл глаза. «Чей закон?» — как глупо! Все равно что «Кто виноват?». Типично русский вопрос. Физические законы — не плод человеческого ума, они такие, какие есть, и альтернатив нет. Так называемые социальные законы — всего-навсего этические соглашения, которые запросто изменяются в зависимости от места и времени действия. Никакие человеческие указы и постановления не могли взорвать одиннадцать кораблей на расстоянии больше сорока миллионов миль. Нет, конечно, нет. Ответственность за случившееся несет нечто, находящееся далеко за пределами этого мира.

За пределами этого мира? А что за его пределами? Именно это и пытались обнаружить те корабли. Именно это должна заснять его суперкамера. Как бы то ни было, в одном можно быть уверенным твердо: в новых мирах таятся новые законы.

Или новые люди пользуются новыми законами...

Или старые люди пользуются старыми законами...

Хмурясь от того, куда завели его мысли, Армстронг допил кофе и направился к выходу. В дверях, уловив в зеркале свое отражение, он остановился и некоторое время изучал собственные черты. На широком смуглом подвижном лице ясно выделялись серые глаза, и это создавало впечатление твердости, надежности и... обыденности.

— У какие у тебя большие зубы, бабушка,— произнес Армстронг. Отражение оскалилось и ответило: — Это чтобы легче съесть тебя, моя дорогая! — Слишком я расфантазировался,— пробормотал он сокрушенно. Хотя именно благодаря

фантазии появились суперкамера, солнечный компас и другие идеи, в тот момент он был чересчур зол на себя, чтобы отдать ей должное.— Пора образумиться!

Последнее мрачное замечание стало пророческим, хотя Армстронг об этом не подозревал. Первым раздался звонок от Нортона

— Ферги говорит, что Боб Мэндл в последнее время считался одним из самых многообещающих астрофизиков. К его теориям присосалась толпа народу. Я видел у Ферги последнюю статью Мэндла. Там целая прорва безумных рисунков и формул, а речь идет о каких-то кривых Мэндла, которые хитрым способом взаимодействуют с другими каракулями — фигурами Лиссажу. И это взаимодействие якобы доказывает, что фотоны имеют массу покоя. Лично мне абсолютно наплевать; есть у фотона масса покоя или нет. Но Ферги считает, что эта статья — серьезная заявка на открытие чего-то там такого-эдакого.

— А как насчет остальной информации? — напомнил Армстронг.

— Ах да! Ближайший аналог Мэндла — профессор Мэндл.

Армстронг продолжал терпеливо смотреть на экран и, встретив наконец взгляд Нортона, коротко рявкнул:

— Повтори!

— Единственная здешняя светлая голова уровня Мэндла — профессор Мэндл. С моим телефоном все в порядке. Что-то не так с твоим?

— Я слышал тебя и в первый раз. Просто мне сейчас не до смеха. С чего ты взял, что я валяю дурака? У меня пока еще хватает ума не конкурировать с тобой! Нортон ухмыльнулся в экран.— Ферги сказал, что это должен знать любой, у кого мозги в черепе не болтаются, как грецкий орех.— Он снова ухмыльнулся.— Клэр Мэндл

— Девушка?!

— Его сестра. Педантична, как квадратный корень. Если она снисходит до того, чтобы послушать волчий вой, то исключительно для изучения эффекта Доплера.

— Хм! — только и мог сказать пораженный Армстронг. Нортон снова стал серьезным.

— Но Ферги утверждает, что она такой же классный специалист, каким был ее брат. Конечно, есть ученые и покруче Клэр Мэндл — например, ветхий старикашка по фамилии Горовиц, но у него есть существенный недостаток — он живет в Вене. Этот Горовиц — Фергюсон его просто боготворит — взвесил фотон с точностью до ста с лишним знаков после запятой при помощи математических фокусов вокруг реакции на хлорофилл. Кстати, ты не знаешь, что это такое?

— Поскольку в одной из моих игрушек используется фотосинтез, минимальное представление я должен иметь,— криво улыбнувшись, ответил Армстронг.

— Ты просто гениален! Для меня что колонизация, что личная гигиена — все едино. Такое уж я дремучее существо. Что-нибудь еще хочешь узнать?

— Больше, кажется, ничего. Спасибо, Билл.

— Не за что. Я расплатился за бифштекс. Когда ты созреешь накормить меня следующим?

— Когда телепатически узнаю, что ты проголодался.— Армстронг выключил аппарат и погрузился в размышления, но телефон внезапно зазвонил вновь.

На сей раз это оказался капитал полиции.

— Вскрытие показало, что причина смерти — тромбоз сосудов сердца,— сообщил он.— На обычном языке это означает, что там кровь свернулась.

— Причина естественная?

— Разумеется! — Полицейский капитан начал раздражаться.— Почему бы и нет?

— Я только хотел узнать, и все,— успокоил его Армстронг.— Мало знать — хуже, чем не знать ни-

чего. Разумеется, это простое совпадение, но мне известно, что кровь может свертываться при отравлении ядом гадюки Рассела. Хотя, конечно, отсюда ничего не следует...

Раздражение капитана усилилось, он стал более настойчивым.

— Если вы что-то подозреваете, ваш долг — сообщить об этом нам!

— Видите ли, я знаю одно — запуски ракет словно заколдованы. Поэтому, когда первый человек, который мог дать нам хоть какие-то зацепки, вдруг отправляется на тот свет, я начинаю задумываться — а нет ли тут чего-то большего, чем простое невезение?

— Чего, например?

— Вы меня подловили! — признался Армстронг.— Я играю вслепую.

— Смотрите, не сверните себе шею,— предостерег капитан.

— Постараюсь.

После того как капитан отключился, Армстронг обдумал предстоящий разговор с Клэр Мэндл. Ясно, что неудобно докучать ей сейчас, когда на нее свалилась внезапная смерть брата. Лучше немного выждать. По крайней мере, неделю. Но неделя — это куча времени, и, значит, можно съездить в Нью-Мехико, проверить, как там идут дела. Кроме того, путешествие поможет ему избавиться от навязчивой идеи, какого-то непонятного, дурацкого предощущения, что и восемнадцатый по счету корабль не достигнет цели, если он, Армстронг, не сделает то, что сделать должен... Но здесь-то и крылся подвох — о том, что нужно делать, Армстронг и понятия не имел.

Снова засев за телефон, он позвонил в аэропорт и заказал билет на утренний рейс до Санта-Фе. Собираясь поужинать, он решил пройтись до ресторана пешком: иногда это полезно — больше увидишь и обдумаешь.

Ресторан он выбрал неудачно. Еда была приличная, но подавали ее при помощи роликовой обслуживающей системы — так на фермах распределяют корм скотине. В зале оказался небольшой пятачок для танцев, на котором, в самый разгар его трапезы, с десяток пар затеяли наимоднейшую «трясучку» под равномерное, бьющее по нервам бренчание шести контрабасов и электрической арфы. Оркестр бухал, как мефистофелевский метроном. Выпучив глаза и раскрыв рты, слившиеся в экстазе царочки дрожали с головы до пят. Арфа и контрабасы довели их почти до истерики. Армстронг вышел, не закончив ужина.

Он подошел к витрине небольшого магазинчика. Его внимание привлек один экспонат — причудливо изогнутый обрубок дерева, чем-то напоминающий омара, из которого выступали два тонких родиевых стержня: один торчал прямо, другой целился в сторону. Табличка внизу гласила: «Автор — Тамари. Возвышение Психеи. Цена 75 долларов».

Армстронг почувствовал, как сжались челюсти, когда он поймал взглядом собственное отражение в стекле витрины. Какое-то время он смотрел на самого себя так, словно это был совершенно чужой человек.

«Кто хлебал из моей чашки? — запричитал крошечный медвежонок».

Он топнул ногой, словно стряхивая что-то, и направился к ближайшей телекабине. Незанятой оказалась только кабина с «Дейли»; он вошел в нее, откинулся на сиденье, бросил монетку и стал просматривать появившийся на экране вечерний выпуск.

О космических кораблях никак не упоминалось, за исключением заметки о том, что правительство России с признательностью оценило многочисленные выражения сочувствия, поступившие практически от всех государств. Ни словечка о демонстрациях и протестах против продолжения запусков.

Наверное, газеты, пока могли, воздерживались от подобных публикаций. Престиж нации требовал, чтобы старты ракет продолжались.

Весь выпуск оказался на редкость «беззубый»; главный акцент делался на разлив Миссисипи и дело Вентворса об убийстве. Юного Вентворса признали невменяемым, и «Дейли» намекала, что если бы он не был Вентворсом, то погорел бы непременно. Но парень был Вентворсом, и три психиатра, с ученым видом поразглагольствовав об агрессивных неврозах, в итоге его спасли. Оправдали гонорар. А в какой-нибудь Бирме или Сомали людей вешают как раз за то, что они в самом деле спятили. Неважно, что ты сделал, важно — что ты думал, когда это делал.

— Чертовщина какая-то! — громко произнес Армстронг.— Что это сегодня со мной?

Выйдя из кабины, он поставил себе диагноз: барахлит печень, надо принять слабительное. Если бы он определил у себя сифилис, эдипов комплекс или сверхчувственное восприятие, то и тогда он не был бы дальше от истины.

«Истина — это драгоценный камень с множеством граней»,— определил принц Гаутама. Но Будда забыл добавить, что чем дальше уходишь от одной грани, тем ближе подходишь к другой. Впрочем, Армстронг также не думал об этом. Ни теперь, ни потом!

Глава вторая

Строительный комплекс и стартовая площадка Нью-Мехико находились милях в пятидесяти севернее Галлупа. С точки зрения тех кто там работал, единственным достоинством этого места была его дешевизна. Двадцать лет назад отсюда стартовала ракета номер два, и когда она взорвалась в космосе, словно чудовищная петарда, опечаленные создатели покинули несчастливое место. Конструкторы девятой ракеты, лучше финансируемые — отчасти даже правительством,— снова использовали здешний комплекс, модернизировали его, но затем тоже бросили. И вот сейчас создатели номера восемнадцатого надеялись на лучшую участь.

Армстронг нашел космодром до странности безлюдным и тихим. Немногословные охранники впустили его через стальные ворота с тройными запорами, и, пройдя полпути до административного корпуса, он повстречался с Куином.

— Хэлло, малыш! — проговорил достававший Армстронгу до плеча Куин.— Что тебя вдруг сюда занесло?

— Ты ни строчки не пишешь своему благодетелю,— в тон ему ответил Армстронг.

Куин ухмыльнулся:

— Тоже мне благодетель! Лоусон со своей математикой уже от меня бегает. Сейчас ты его нигде не найдешь. Я его прямо замучил, заставляя подсчитывать твою долю. Он говорит, что если фильм

займет десять минут, ты получишь десять миллионов зелененьких.

— Из которых семьдесят процентов заберет правительство, а пятнадцать — ты.— Согнав с лица улыбку, Армстронг спросил: — Погоди-ка, ты хочешь сказать, что Лоусон не работает? Что тут вообще происходит — местный день независимости?

— Работа встала вчера. Вашингтон прекратил финансирование из-за какого-то вопроса из сферы высокой политики. Наши спонсоры перепугались и пошли в ту же масть. Осталась тонюсенькая струйка, которой хватает на недельные выплаты, но и только. Вдобавок компания «Рибера Стил» задержала поставки из-за нехватки бериллия для обшивки.— Он снова ухмыльнулся.— Потому и суета.

— Это преступление!

— Отнюдь. Чем дольше это продолжается, тем больше срок моей жизни.

Армстронг внимательно посмотрел на него:

— Ты можешь не лететь, Джордж. Ты можешь выйти из игры в любой момент.

— Я знаю.— Задиристый взгляд Куина устремился в небо.— Я всего лишь подурачился. От этого корабля, раз он отправляется в полет, меня за уши не оттащишь. Мне этим заниматься, мне — и никому другому! Не забывай.

— Когда еще все начнется...

— Когда-нибудь начнется. Работу тормозят технические неурядицы и бюрократические препоны, но в конце концов она будет сделана. Я нутром чую.

— Какой молодец! — похвалил Армстронг.— Слава Богу, что тут есть хоть один оптимист.

— Вообще-то я никогда не был завзятым оптимистом. Но ведь ты не грустил, когда мы виделись здесь в прошлый раз. Ты сам говорил, что на номер девять ушло два года и что эта — намного лучше той.— Он с любопытством рассматривал Армстронга.— Между прочим, сам-то ты сейчас от оп-

тимизма ох как далек. Хандришь. Нужно встряхнуться!

Джон Армстронг на минуту задумался. Мимо, насвистывая «Крошка, танцуй веселей», прошел рабочий в замасленной робе. Армстронга передернуло.

— Может, ты прав,— признал он.— Я в последнее время совсем не отдыхал. Всякий бред в голову лезет...

— Причина проста,— с уверенным видом заявил Куин.— Ты работал как вол, чтобы успеть сварганить в срок несколько безделушек для корабля. Ты подстегивал свои мозги как только мог. Сейчас работа кончена, а шарики все еще крутятся. И это тебя беспокоит. Ты просто должен переключиться на что-нибудь простенькое, полезное для здоровья и возбуждающее, например на ограбление банка...

— Спасибо за совет, доктор Куин.— Он улыбнулся.— Ну, пошли мучить нашего друга Фазергила.

Проходя мимо недостроенного корабля, они остановились и молча его осмотрели. Ракета располагалась внутри ажурной фермы — тусклый черный цилиндр в восемьдесят футов высотой. Ферма возвышалась еще на восемьдесят футов — то есть на предполагаемую длину корабля после того, как будет прилажена головная ступень. Это означало, что корпус готов лишь наполовину, да и начинки еще маловато. Работы впереди было много.

В административном корпусе, в персональной берлоге-кабинете, они нашли темноволосого энергичного малого, явно обожавшего цветы, которые стояли даже на его рабочем столе.

— А, Джон! Привет? — Он протянул холеную руку, затем указал на кресла, аккуратно уселся в свое, поправил безупречный узел галстука и подвинул на дюйм вазу с цветами.— Ну-с? — со слащавой веселостью произнес он.— Чему мы обязаны таким удовольствием?

— Мне скучно,— сообщил Армстронг, уставясь на Фазергила твердым немигающим взглядом.

— В самом деле? — Фазергил беспомощно развел руками.— Ты выбрал очень неподходящий момент. Мы связаны по рукам и ногам перебоями со снабжением... нерешительность правительства... Прорва всяких «не»...

— Каких именно? — бесцветным голосом осведомился Армстронг.

— А?

— Ты упомянул про какие-то «не», которые связывают вас по рукам и ногам.

Фазергил глотнул, посмотрел на цветы, затем на потолок и снова на цветы.

— Ну? — подстегнул собеседника Армстронг. Сбоку задумчивым взглядом их изучал Куин, но Армстронг не обращал на это внимания.

— Мелочи,— слабым голосом произнес Фазергил.

— Какие мелочи? Все, что способно подрезать проекту крылышки, не может считаться мелочью. Кто говорит, что это мелочи?

Весь вспыхнув, Фазергил выпрямился в кресле.

— Ты не имеешь права говорить со мной в таком тоне? Что, черт возьми, за манеры?!

— Полегче, Джон,— озабоченно предупредил Куин.

Армстронг подался вперед, его серые глаза загорелись.

— Почему мы должны сидеть и ждать пластин от «Рибера Стил», когда у «Бетльхэма» столько бериллия, что из него можно построить линкор? Фазергил дернулся в кресле.

— Откуда тебе это известно?

— «Бетльхэм» завалил рекламой своего бериллия все коммерческие издания.

— Все равно я не могу разорвать контракт,— возразил Фазергил.

— А я и не думаю, что можешь. Но ничто не мешает «Бетльхэму» поставлять бериллий от име-

ни «Риберы». Это обычная торговая практика. Кто решил, что «Рибера» должна заполучить этот контракт в первую очередь?

— Вомерсли.

— Сенатор Вомерсли? — Кустистые брови Армстронга изогнулись дугой.

Передвинув цветочную вазу еще на дюйм, Фазергил кивнул. Выражение лица у него было таким, словно его пытали.

— Итак, что насчет этих «не»? — упорствовал Армстронг.

— Ох, ради святого Петра! — Фазергил в тщетной надежде принялся сквозь очки изучать потолок.— Разработчики вдруг сменили атомное горючее, вместо плутония взяли торий. Какие-то туманные соображения из области динамики ядерного распада... Но это не так уж важно, раз двигатели еще не закончены. Еще говорят, что кремний-бериллиевая облицовка тоже не слишком надежна. Ее нужно сделать толще или как-то усилить... Это предложение исходит от фирмы «Североамериканские трубы».

— Что еще?

— Кто-то украл рентгеновский сканер, и теперь нам нечем исследовать сварные швы. Пришлось затребовать другой сканер. Его еще нет.

— Все?

— Забастовка водителей грузовиков задержала поставки на несколько дней. С этим мы справились, пригрозив задействовать железнодорожную ветку.

— Фазергил начал обретать уверенность. Он посмотрел на Армстронга:

— Что с тобой творится? Ты ведешь себя так, словно тебя назначили официальным толкачом. Или ты приобрел на Марсе алмазные копи?

Армстронг встал и кривовато улыбнулся.

— Что ж, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало,— произнес он загадочно.— Премного благодарен за новости, простите, что влез в ваши дела.

Фазергил поднял руку и стал поглаживать свою набриолиненную голову, словно вытесняя из нее все мысли об Армстронге.

— У меня хлопот полон рот,— проговорил он, снова принимая гостеприимный вид,— но я всегда рад тебя видеть, Джон...

На улице Армстронг обратился к Куину:

— Тебе все равно сейчас делать нечего, Джордж. Как насчет того, чтобы протянуть руку помощи старому приятелю?

— Что ты задумал?

— Я хочу, чтобы ты засунул нос в чужие дела и раскопал для меня кое-какие имена. Пришли их по почте, как только раздобудешь. Мне нужно имя того парня, который спер сканер; имя того, кто порекомендовал сменить топливо; имя человека из «Североамериканских труб», который возжелал усилить обшивку. Если сумеешь выяснить, кто подзуживал водителей грузовиков, пригодится и это.

Джордж Куин недоверчиво оглядел Армстронга и сказал:

— Сдается мне, что ты спятил!

— Большинство людей на земле думает, что спятил именно ты,— парировал Армстронг. Он пожал руку Куину, заставив того сморщиться от боли.— Мы, шизики, должны держаться друг за дружку.

— Ладно.— Куин помрачнел.— Если ты играешь в Шерлока, так и быть, я буду Ватсоном.

Армстронг хлопнул Куина по спине, выразив таким способом одобрение. Да, надо держаться друг за дружку...

Внезапно им снова овладело мрачное настроение. Казалось, будто мозг сжала гигантская четырехмерная амеба... Засунув руки поглубже в карманы, Армстронг, тяжело ступая, направился к воротам. Лучше убраться отсюда, пока изучающий взгляд Куина не превратился в неодобрительный.

Дома, в своей нью-йоркской квартире, он оценил ситуацию под другим углом зрения. У него была

небольшая, но отлично оборудованная лаборатория в Коннектикуте, в которой он провел свои лучшие часы, воплощая «в металл» свои идеи. Место, куда спешишь только тогда, когда тебя обуревает жажда творить... Но являться туда в поисках прибежища от мирской суеты... Нет, это совсем не радовало.

В настоящий момент Армстронгу было нечего разрабатывать. Его прибор и без того являлся основой дюжины многообещающих устройств, и для любого вольного, не работающего по найму, изобретателя это представляло большой успех. Но он не мог заставить себя загореться вдохновением, без которого всякий лабораторный труд обречен на провал. Вдохновение всегда приходило внезапно — непредвиденное, незваное. Сейчас его не было, и именно поэтому он, Армстронг, догадался, что его, Армстронга, беда заключается в праздности ума.

Измученный безвыходностью положения, его мозг рыскал в поисках хоть какого-нибудь занятия. Он искал ту самую черную кошку, за которой мог бы гоняться в темной комнате.

Дойдя в приступе самокопания до подобного вывода, девять человек из десяти решили бы, что им следует либо посетить психиатра, либо совершить кругосветный вояж. Либо, на худой конец, вступить в гольф-клуб. Реакция Армстронга была иной и совершенно для него типичной. Его ум хочет гоняться за призраками? Пожалуйста! Но погоня должна быть безопасной и, по возможности, захватывающей. Почему бы не попытаться выследить мифического дракона? В мрачной лесной чащобе и впрямь можно повстречать нечто огнедышащее. И уж если он так решил, это означало, что дни дракона сочтены. Из акульей хватки Армстронга не так-то легко вырваться.

Приняв наконец решение, он успокоился и, приехав на машине в Нью-Джерси, позвонил в дверь Эдди Дрейка.

— Ба! — воскликнул Дрейк.— Человек-Гора пожаловал! — Он сделал приглашающий жест.— Садись вот сюда — это самое прочное кресло в доме. Ну, сколько тебе нужно взаймы?

— Раз ты так щедр, одолжу сигарету.— Армстронг прикурил, закинул ногу за ногу и вперил взгляд в свои огромные ботинки.

— Эдди, семь лет назад ты работал с ракетой номер девять.

— Не напоминай о ней,— огорчился Дрейк.

— Это не твоя вина.

— Вообще ничья,— заметил Дрейк.

— Ты уверен?

Дрейк выронил зажигалку, поднял ее с ковра и запротестовал:

— Что-то я тебя не понимаю! Номер девять гробанулся на полдороге к Марсу. Каждый из нас сделал все от него зависящее. Очевидно, этого оказалось недостаточно. Так чья тут вина?

— Меня интересует вовсе не результат. Меня интересуют те препятствия, о которые ты споткался в процессе работы, их, так сказать, природа.

— Ясно.— Дрейк посмотрел на него с хитринкой во взгляде.— У тебя проблемы с номером восемнадцать, и ты ищешь зацепки?

— В некотором смысле — да.

— Не удивляюсь. Ладно, чем могу, помогу.— Дрейк задумался, вспоминая давно минувшее.— Самой большой нашей бедой была авария двигателей. На испытательных стендах они вели себя великолепно. На первых испытаниях после установки в корабль — тоже. И только при повторных испытаниях... С превеликим трудом мы их заменили, и это обошлось нам в пять месяцев сумасшедшей работы.

— Кто выполнял монтаж двигателей?

— «Саузерн Атомикс Компани».

— Кто их проектировал, знаешь?

— Не имею понятия. Может быть, сумею выяснить.

— Буду очень обязан, если сумеешь,— сказал Армстронг.— Какие еще случались неприятности?

— Всякая ерунда, мелочи.— Пришлось изрядно повозиться со схемой управления. На испытаниях полетели два микропроцессора, заменили другими. Много было столкновений с местными чиновниками, которым не нравилась суета в их округе, и они хотели, чтобы мы убрались от них хоть в Китай. Мы не могли послать их к чертовой матери, потому что правительство упорно делало вид, что не замечает строительства корабля...

Дрейк сощурил глаза, изучающе глядя на Армстронга, и продолжил:

— Но худшее началось потом... Стартовала эта штуковина, как ты помнишь, на глазах всей планеты. И взорвалась на полпути. Скажу тебе, грохот стоял такой, что, мне кажется, я слышу его до сих пор. Всякие доблестные налогоплательщики, иностранцы, религиозные проповедники, финансисты и политические экстремисты писали ядовитые письма в газеты, в Конгресс и всем имевшим хоть какое-то отношение к кораблю. Дюжина придурков написала и мне, предлагая арестовать тех, кто взорвал ракету. Еще двое признались, что это сделали они. Десять сообщили, что то была Божья кара. Один прислал мне по почте свою налоговую декларацию и потребовал, чтобы я ее оплатил...— Он хмыкнул.— Когда номер восемнадцать накроется, ты очень скоро узнаешь, кто виноват,— доброхоты сообщат тебе письменно.

— Как ты думаешь, кого они назовут?

— Католиков, евреев, негров, масонов, Ку-Клукс-Клан, Армию Спасения, ветеранов второй мировой войны, свидетелей Иеговы, англичан, русских, капиталистов, анархистов, банкиров, арабских нефтяных магнатов...— Он остановился и перевел дыхание.— Список можно продолжить.

— Прямо кладезь информации! — Ты увидишь, что мир битком набит мелочными ненавистниками, напыщенными пессимистами и извращенцами.

— Почему же битком? — не согласился Армстронг.— Нет, я бы так не сказал. Кое-где царит рассудительное спокойствие. Ладно... давай вернемся к этому позже. Эд, кто поставлял автоматику и сопла двигателей?

— Автоматику делала компания «Дистанционное управление». Сопла — «Североамериканские трубы».

— Хм! Еще один пунктик — ты знаешь, кто начал против вас агитацию среди населения? Если не знаешь, то можешь выяснить?

— Знаю,— тут же ответил Дрейк, скорчив гримасу.— Имел счастье несколько раз мило беседовать с этим типом. Его зовут Мервин Ричардс, у него впалые щеки и ввалившиеся глаза. Любит совать свой нос в чужие дела. Способен заговорить до смерти кого угодно и чертовски напугал тогда окрестных жителей.

— Нас он пока не беспокоил.

— Я думаю, этого не случится. Последнее, что я о нем слышал,— он подался во Фриско разыгрывать роль верховного служителя культа эктоплазменного резонанса. Черт знает что это такое.

— Понятно.— С минуту Армстронг размышлял, затем спросил: — Не знаешь, где Кларк Маршал?

— Наверное, где-нибудь во Флориде. Хочешь допросить и его?

— Да. Уж что-нибудь я из него вытяну.— Армстронг встал, пожал Дрейку руку: — До встречи, Эд. Не забудь о тех именах для меня.

По дороге домой Армстронг остановился у библиотеки городка Джерси и какое-то время потратил, просматривая справочники и книги по ракетной технике. Он выписал девять фамилий, две из которых нашел в Манхэттенском телефонном справочнике. Он позвонил этим двоим и учинил им фор-

менный допрос, получив в ответ целый ливень саркастических замечаний и язвительной брани. Однако он вытянул из них, хотя и с трудом, обещания сотрудничать, а большего пока и не требовалось. После библиотеки он направился домой и записал все то, что узнал к этому моменту. Затем перечитал написанное и задумался. Не так уж много. Всего лишь куча малопонятной чепухи. Впрочем, материала прибавится, когда Куин, Нортон, Дрейк и другие добудут информацию.

Хотя картина в любом случае получится туманной. Есть риск, что, в конце концов, он останется один на один с безумной гипотезой, которую ни проверить, ни как-нибудь использовать не сумеет, но все равно убивать время таким образом — лучше, чем писать на стенах: «Голосуйте за Мориарти».

Что дальше? Еще семь фамилий, за которыми можно поохотиться завтра и послезавтра. После этого пора будет поговорить с Клэр Мэндл. Он вдруг подумал, что в целом мире никто не помешает ему довести дело до конца. Целеустремленность и основательность! Если бы ему пришло в голову заняться сомнамбулизмом, он наверняка стал бы чемпионом среди лунатиков.

Расчехлив пишущую машинку, Армстронг отпечатал письма — четыре в Англию и три во Францию. Письма были ясные, убедительные, призывали к сотрудничеству, но он сомневался в успехе. Безотлагательность имеет тенденцию таять пропорционально расстоянию. Даже самые крупные неприятности выглядят значительно мельче, если случаются за несколько тысяч миль. Может, европейцы откликнутся и пришлют информацию, может, нет, но попробовать стоило.

Отправившись на традиционную прогулку, во время которой он привык размышлять, Армстронг опустил письма в почтовый ящик и двинулся к центру города. Здесь на каждом углу переливались, мигали, вспыхивали огни: «Розовый Бурбон», «За-

кусочные Перлица», «Виталакс даст вам жизнь», «Танец такси», «Кит Руни в "Удаче ирландца"», «Виталакс», «Виталакс», «Виталакс»... Вкрадчиво, соблазнительно, убедительно, и снова — вкрадчиво, соблазнительно — до тех пор, пока... Потому что, если вранье повторять слишком часто, в него поверят. Бог есть любовь. Студенты-бездельники любят добрую старую выпивку. Жизнь прекрасна! Если новость удовлетворяет этому лозунгу, она достойна... Что значит «удовлетворяет» и кто так говорит? Виталакс даст вам жизнь. Сильные руки защитят мир. Все новости... Виталакс...

Должно быть, он непроизвольно заговорил вслух, потому что какой-то мужчина остановился, посмотрел на него и сказал:

— Извините?..

— Нет, нет, ничего,— заверил Армстронг.— Я просто болтал с Твилипом.— Заметив непонимающий вид прохожего, он пояснил: — Он совсем крошечный и зеленый, а на хвосте у него узелок. Я ношу его в кармане жилета.— Армстронг ухмыльнулся, показав зубы.

— А-а! — Мужчина посмотрел на него странным взглядом и поспешил удалиться.

Войдя в ближайшую закусочную, Армстронг занял столик в углу и попросил пинту крепчайшего яванского кофе. В ожидании заказа он поглаживал волосы руками. Ему казалось, что его мозг заполняется маленькими голубыми пузырьками, лопающимися с характерным «плоп-плоп-плоп». На самом деле, конечно, никаких пузырьков не было, а такими ему представлялись греховные замыслы. Впрочем, он вовсе не мечтал вывалять кого-нибудь в смоле и перьях или подлить кому-нибудь масла в ботинки. Пока.

Принесли кофе, он отхлебнул немного, разглядывая поток прохожих. Блики от окон и рекламы освещали их, будто актеров на сцене. Лица бесстрастные, лица возбужденные, лица вытянутые, лица

круглые, лица энергичные, лица счастливые, лица мрачные, лица красивые, лица самодовольные, лица пустые, лица плачущие, лица любопытные — все разные и вместе с тем объединенные каким-то сходством. И это сходство было краеугольным камнем власти.

Какой власти? Линкольна? Ленина? Королевы Елизаветы? Власти Робеспьера? Конфуция? Или легкомысленного и просвещенного герцога де Морни, который не думал о людях, пока вдруг случайно с ними не сталкивался?

Формы власти столь же разнообразны, сколь различны сами люди.

Бармен за стойкой включил радио, и медленно потекла соната Генделя в исполнении Филадельфийского симфонического оркестра. Музыка успокаивала. Медленный величавый ритм очищал мозг от всего ненужного, как автомобильный «дворник». Она напрочь стерла «Танцующую крошку», отфильтровала дурацкий «Виталакс» и сделала симпатичными лица людей.

Вдруг музыка смолкла, и вместо нее раздался бесстрастный четкий голос:

— Экстренное сообщение! Полчаса назад произошла крупная катастрофа на гигантской российской атомной станции в Уральских горах. Взрыв зарегистрирован всеми сейсмическими станциями. О жертвах не сообщается, но есть опасения, что они могут быть очень велики. Дальнейшая информация будет передаваться по мере поступления.— Голос умолк, затем добавил: — Сообщение зачитано с любезного разрешения фирмы «Гильде Брау», производителя лучшего в мире пива.— Снова зазвучал Гендель. Теперь музыка звучала словно реквием.

Негромко выругавшись, Армстронг покинул кафе и влился в толпу. Стемнело, небосвод был черным и траурным, и только в одном месте злобно глядел вниз гигантский белый глаз луны. Непрерывный поток ярких движущихся огней озарял небо над

Манхэттеном и дальше, над Бронксом. Где-то между потоком света и Луной, высоко на крыше невидимого небоскреба медленно полз малиновый червяк, образуя слова: «Она любит мятную жевательную резинку!»

За спиной Армстронга радио переключилось на другую станцию и заиграло с новой силой. Песня называлась «Еще одна танцующая крошка», и ритм ее сотрясал тело с головы до пят.

«Услышав, как музыка насмехается над царством их теней, они поняли вдруг, что умерли...»

Армстронг не мог вспомнить, откуда знает эти слова и когда они запали ему в душу.

Но все это выбило его из колеи. Прыгнув в подвернувшееся такси, он поспешно покинул это место, сам не зная, от чего убегает.

Семерка была не таким уж счастливым числом. Он встал со звонком будильника, чувствуя, что неплохо выспался, и это странным образом контрастировало с перипетиями вчерашнего дня. Затем принял душ, побрился и включил запись утренних новостей. Русские объявили, что пятьдесят квадратных миль превратились в пустыню, а воронка в эпицентре оказалась почти в двадцать метров глубиной. Причина взрыва неизвестна. Общество Друзей предложило двадцать авиагоспиталей и перебросило их от китайской границы на место катастрофы. Юный Вентворт продал права на экранизацию своей автобиографии.

В ярости Армстронг выключил телевизор и остаток дня провел в поисках тех семи человек.

Двое, как выяснилось, умерли. Один был в Европе — незнамо где. До троих он дозвонился по телефону. Первый из них пребывал в легкомысленном и беззаботном настроении, двое других были сердиты, нетерпеливы, язвительны и даже не пытались скрыть, что считают его надоедливым дилетантом. Последнему из семерки он послал письмо. Все. Он сделал, что мог. Без свежей информации

дальнейшее расследование невозможно. Конечно, если не считать Клэр Мэндл.

Утром следующего дня Армстронг мчался к Территауну, держась крайней левой полосы. Клэр Мэндл оказалась молодой женщиной, темноволосой, с живым лицом и совсем не похожей на своего брата. Она была одета в зеленый вельветовый костюм, сшитый у хорошего портного, и держала себя со спокойной уверенностью. Присмотревшись, Армстронг решил, что самая привлекательная ее черта — глаза, темные и миндалевидные; они делали ее похожей на эльфа.

Клэр Мэндл легко опустилась во вращающееся кресло, положила руки на колени и приготовилась слушать. Армстронг быстро пересказал события.

— ...Затем ваш брат начал развивать свою идею... и вот здесь-то это и произошло.— Он задумался на несколько секунд.— Я чувствовал, что не имел права беспокоить вас до сегодняшнего дня...

Ее красиво изогнутые брови чуточку поднялись.

— Вы считаете, что я смогу дать вам недостающую информацию?

— Меня уверили, что вы — единственный человек, который в состоянии это сделать.

— Мы с Бобом работали вместе, но только изредка,— задумчиво проговорила она.— У нас были разные области научных интересов. Чтобы ответить на ваши вопросы, я должна просмотреть его бумаги и кое-что вспомнить.

— Я был бы очень признателен, если бы вы именно так и сделали,— уверил он.— Я могу вам позвонить?

— Конечно.— Он пристально посмотрел на нее спокойными серыми глазами.— Но я предпочел бы встретиться где-нибудь в городе. Мы могли бы обсудить дело за ленчем.

Ее смех напомнил ему звон серебряных колокольчиков.

— Вы времени даром не теряете!

— У меня имеются скрытые мотивы,— сообщил Армстронг.

— В самом деле? — Она обнаружила женское любопытство.— Какие же?

— Я хотел бы познакомить вас с одним своим приятелем, газетным коршуном. Он мне сказал, что у ваших волос квадратные корни.

В ответ прозвучал смех — такой же, как прежде, мягкий и низкий.

— Договорились! Поставить на место газетчика — благая цель, и я готова раскрыть правду.— Она напоминала Армстронгу эльфа, подглядывающего изумленными глазами в замочную скважину.— Я вам позвоню, когда все сделаю.

— Благословляю вас! — произнес Армстронг, неожиданно заметив, что голос его охрип.

Сев в автомобиль, он завел мотор, отъехал на приличное расстояние и только тогда решился дать себе волю — изобразить нечто в духе тирольской песни.

Братец, за удовольствия надо платить!.. Смотри, куда это тебя заведет!.. Она полюбит мятную жвачку!..

Он оборвал рулады, сердито уставился в ветровое стекло и остаток пути не раскрывал рта.

После полудня подал весточку Куин, сообщив четыре фамилии.

— Вот они, Шерлок. Может, ты чего-нибудь из них и вытащишь.— Он прищурился и показал язык.— Полюбуйся! Таким ты был неделю назад.

— Что же, по-твоему, случилось неделю назад?

— Ничего. Поэтому ты так и выглядел.

Армстронг в ответ проворчал что-то невразумительное. Аккуратно занеся имена в свою записную книжку, он спросил:

— Что-нибудь еще у вас происходит?

— У нас начались гонки шакалов.

— Ну и как, они уже собрались у трупа?

— Обглодали до косточек. Сенатор Кармайкл во всеуслышание огласил, сколько зелененьких потра-

чено на полеты к Марсу до сего дня. А также сколько потратить еще предстоит. Он говорит, что это позор. Сенаторы Райт, Эмблдон и Линдл поют ту же песню. Прямо-таки хором.

В книжном шкафу у Армстронга имелся экземпляр «Политического зоопарка». Сняв его с полки, он прочитал краткие биографии сенаторов Кармайкла, Райта, Эмблдона и Линдла. Затем, вспомнив про Вомерсли, просмотрел соответствующую статью тоже. Это ни к чему не привело: он не нашел ничего интересного. Комплименты и плохо замаскированная лесть вперемежку с перечнем политических побед и счастливых историй о бедных фермерах. Эти пятеро отличались друг от друга совершенно ординарными качествами, а другими, столь же ординарными, были похожи. Армстронг искал другое (если это вообще могло быть найдено) — странности, необычности, какие-то свойства, присущие им всем одновременно. Из «Зоопарка» же удалось выудить только одно — общей у пятерых сенаторов оказалась привычка носить брюки.

Конечно, глупо гоняться за воображаемыми диверсантами в одиночку и без подходящих средств, стараясь переплюнуть ФБР. Но сама охота его практическому уму не казалась глупой. Армстронгу уже приходилось гоняться за призраками, и в конце концов каждый раз обнаруживалось, что выглядят они на удивление реальными. Поистине, то была редчайшая, «эдисоновская» случайность, но когда однажды ночью произошел мгновенный всплеск напряженности магнитного поля и иридиево-кобальтовая игла, развернувшись перпендикулярно силовым линиям, медленно начала колебаться... И дело даже не в самом феномене, а в погоне за ним, потому что когда человек два года подряд преследует цель, настигает ее и патентует солнечный компас, то к этому моменту у него развивается нюх на всякий любопытный запах, не хуже, чем у охотничьей собаки. Рассуждая таким образом, Армстронг

примирялся со своей непоседливостью и учился извлекать из нее пользу. Кроме того, у него было еще одно оправдание перед самим собой: он никогда не позволял своему разуму вертеться вокруг какой-нибудь бесполезной и никчемной задачи.

Следующий логический шаг — отстегнуть зелененьких и купить пару добавочных неглупых мозгов. За развлечения нужно платить и не скупиться, иначе шутки могут кончиться плохо — в разгар веселья можно схлопотать удар отравленным кинжалом.

Глава третья

Подходящим союзником казался Хансен, его репутация во всех отношениях была безупречна.

Армстронгу потребовалось всего несколько минут, чтобы добраться до здания из коричневого камня, на втором этаже которого размещалось агентство Хансена.

Высокая томная блондинка, взяв визитную карточку Армстронга, скрылась за дверью и почти сразу вернулась со словами:

— Мистер Хансен примет вас прямо сейчас, мистер Армстронг.

Хансен оказался почти такого же роста, как его клиент, разве что не столь широкоплечим. Предложив Армстронгу кресло, он сел за стол и сквозь очки внимательно оглядел гостя с головы до пят. Осмотр был неторопливый, непринужденный и откровенный.

— Ваше резюме? — улыбнулся Армстронг.

Не отводя испытующих глаз и не изменившись в лице, Хансен осведомился:

— Чем могу быть полезен, мистер Армстронг?

— Мне нужна информация о некоторых людях.— Армстронг вытащил из кармана листок и протянул его Хансену.

Детектив просмотрел список.

— Пятеро из них — сенаторы.

— Это имеет значение?

Пронзительные глаза снова впились в Армстронга.

— Все зависит от того, что вы подразумеваете под информацией. Если вам нужны их биографии — нет проблем! Но если речь идет о компромате, я должен знать точно, кто вы такой и как намерены использовать материал. Если дело мне не понравится, я за него не возьмусь.— Его тонкие губы сжались.— Таковы мои принципы.

— Весьма достойный подход,— одобрил Армстронг.— Чтобы рассеять ваши сомнения, есть простое решение. Вам нужно всего лишь постараться узнать мое имя.

— Какое?

— Джон Дж. Армстронг.

— Да-а,— согласился Хансен.— Этого вполне достаточно.— Правой рукой он поигрывал золотым перстнем с печаткой, блестевшим на пальце левой руки.— Прошу вас подробнее.

— Мне не нужны пухлые романы об этих людях. Меня не интересуют их дни рождения. Мне нужна как можно более полная и исчерпывающая информация об организациях, к которым они принадлежат, их деловых интересах, клубах, дружеских связях, политических, религиозных или этнических объединениях, вообще, о любых норах, в которые они могли бы провалиться...

— Это будет нетрудно,— заметил Хансен.

— Значит, обойдется дешево.— Армстронг широко улыбнулся, когда его собеседник вздрогнул.— Чем лучше вы выполните это задание, тем легче вам будет в дальнейшем.

— Да! — удивленно произнес Хансен, передвигая лист.— Так это не все?

— Это только начало. Скоро у вас появится другой список, а после него еще один. Если у меня хватит денег и терпения и если мои друзья из сострадания не отговорят меня от этого дела, вам предстоит собрать сведения о целом батальоне.

— Мы сделаем все возможное. Уверен, вы будете довольны.— Хансен опять поиграл перстнем.—

Информация по каждому объекту обойдется в сорок долларов. Все дополнительные затраты будут указаны в счете. Не проконсультировавшись с вами, мы не пойдем на крупные расходы.

— Да хранит вас за это Бог! — с озорным пафосом ответил Армстронг и отсчитал деньги.

Нажав кнопку на столе, Хансен приказал появившейся блондинке:

— Положите деньги в сейф, Мириам, и дайте мистеру Армстронгу расписку.

Автомобиль двигался в сторону редакции «Геральд»; небрежно развалясь за рулем, Армстронг проводил мысленный смотр своих войск. Из профессионалов у него имелся Хансен и батальон его помощников. Отряд волонтеров состоял из Нортона, Дрейка, Куина... Пожалуй, и все. Еще сюда он мог добавить и эльфа-Клэр. Было бы неплохо, чтобы и впредь никто из них не знал, что делают другие. В конце концов, члены любой разветвленной структуры просто не в состоянии знать все о характере деятельности своей организации, да и не должны это знать. Они должны видеть цель и идти к ней или, по крайней мере, верить, что идут. А его задача — убедить их в этом.

Когда Армстронг подъехал к редакции, Нортон был занят. Его провели в комнату отдыха — большую, обставленную с кричащей роскошью и заваленную бумажными копиями недавних выпусков. Он лениво начал их просматривать и в первой же наткнулся на кое-что интересное. Заголовок на седьмой странице гласил: «Самолеты пожирают расстояния», и тут же на десятой оказались трагические снимки авиационной катастрофы в Айове, где погибло несколько десятков людей. Расстояние до могилы! Он перевернул страницу. «Виталакс»... «Гильде Брау»... «Час хладнокровия»... «Внешняя оболочка слоновой кости содержит бенадиум, чудесный порошок для ваших зубов».

Армстронг рывком перевернул страницу. «Четыре свободы». «Шелковый магнат предъявляет об-

винение Аркадии». «Протест Греции». «Медь на свалке». «Мысль о сегодняшнем дне»... Мысль о сегодняшнем дне... Он моргнул и прочитал заметку, набранную маленькими буковками в небольшом столбце.

«Воистину говорю я вам, будет ли польза людям, если они завоюют весь мир, но потеряют свою бессмертную душу?»

Именно в этот момент в комнату с веселым кличем влетел Нортон:

— Эй, парень, у меня просто зверский телепатический аппетит! — Он остановился, глянул на Армстронга и добавил гораздо спокойнее: — Что с тобой, бедолага?

— Да так, лезет в голову всякий бред,— медленно произнес Армстронг.— Наверное, мне вообще не стоило высовывать нос из лаборатории.

— Отнюдь нет,— возразил Нортон.— У тебя та же беда, что у Кассия,— ты слишком много думаешь. И слишком редко обедаешь в компании,— ввернул он.

— Так. Намек понят. Где ты желаешь объедаться за мой счет на этот раз?

Нортон закатил глаза:

— Ну зачем так грубо?

— Зато вполне в духе нашей беседы.

— Давай тогда его сменим. Предлагаю навестить *обжираловку* Папазоглуса. Говорят, он готовит мясо каким-то новым способом.

Добравшись до Пятидесятой улицы, они запарковали машину на подземной стоянке и после короткой прогулки по двум кварталам подошли к заведению грека — современному кафе, наполненному аппетитными ароматами.

Мясо «по-новому» оказалось здоровенным, наполовину обугленным бифштексом с грибами. Нортон, по своему обыкновению, расправился с ним так, словно голодал по меньшей мере лет тридцать.

— Уф-ф! — Он откинулся на стуле и обратил на Армстронга лоснящийся сытый взгляд.— Ну вот.

Сейчас я не в состоянии даже пошевелиться. Можешь давать работу. Что я должен сделать на сей раз?

— Кажется, пропал Кларк Маршал. Эдди Дрейк считал, что он во Флориде, но так и не сумел напасть на его след. Вот я и подумал, может, кто-нибудь из твоих тамошних газетных волков раздобудет о Маршале какие-нибудь сведения? Несколько дней назад его видели в Ки-Уэсте.

— Не лучше ли этим заняться полиции?

— Я не могу идти в полицию, у меня нет причин подозревать, что с Маршалом что-то случилось. Скорее всего, он собрал вещички и легким аллюром отправился в неизвестном направлении. Но ведь он — личность заметная, и наверняка кто-нибудь из твоих любителей бифштексов знает, куда он девался.

— Да, он личность известная, верно. Был! Ему трижды выпадало писать о космических кораблях — о номерах первом, десятом и четырнадцатом.— Нортон печально покачал головой.— Бедный старина Кларк! Он пропал после того, как взорвался последний.— Он задумчиво и холодно посмотрел на Армстронга.— Ты никогда с ним не встречался?

Армстронг пожал плечами:

— Я видел только его фотографию и читал несколько давнишних статей. Еще я читал его письмо в газеты, где предрекалось, что номер восемнадцатый тоже обречен. Сдается мне, он здорово скис от несбывшихся надежд.

— Он больше чем скис. Он свихнулся.— То есть?

— У него развилось что-то вроде мании преследования. Он метался по стране с видом перво-христианского мученика — от чего-то убегал.

— Или за чем-то охотился?

Нортон с трудом поднялся:

— Послушай. Я не против побегать вместе с тобой за привидениями, делая перерывы для добрых бифштексов. Но не добавляй к прочим своим ил-

люзиям еще одну: будто Кларк Маршал и всякие бродяги, двоеженцы и прочие выродки, которые где-то скрываются, окажутся в одной упряжке с тобой и что они тоже мечтают ловить призраков. Не воображай, Бога ради, что весь этот дурной мир — твой надежный тыл.— Нортон устало плюхнулся обратно на стул.— Потому что он совсем ненадежен!

— Я все это знаю,— сказал Армстронг.— Мир таков не только для меня. Он ненадежен для кого угодно и для чего угодно.

Сцепив пальцы на сытом брюхе, Нортон снизошел до возражения на последнее замечание.

— Мир? — проворчал он.— Нет! Если не дерутся народы — слава Богу, сейчас этого нет,— то дерутся семьи, наконец, отдельные люди.— Он прикрыл глаза.— И иногда они колотят манекены, просто забавы ради...— Нортон открыл глаза.— Пища! Жратва! — тоном проповедника выговорил он.— Мир постоянен в еде. Весь мир ест — это инстинкт.

— За исключением тех случаев, когда он постится или объявляет голодовку.

— Проклятие! — устало воскликнул Нортон.— Мир постится по религиозным мотивам, голодает по политическим и иногда уничтожает продовольствие по экономическим.

— Хорошо. Ты меня убедил. Мир действительно непостоянен. Ни в чем. А знаешь почему?

— А ты?

— Ха! Любой газетчик это знает, а кроме газетчиков — еще множество людей. Потому, что мир глуп.

— Я бы так не сказал,— заметил Армстронг.

— А я бы сказал.— Нортон удовлетворенно похлопал себя по животу.— Ты слишком долго жил с закрытыми глазами, чтобы видеть, как самозабвенно глуп этот мир. Несколько лет назад один из наших ребят попросил сотню прохожих назвать фамилию матери президента Джексона. Сорок семь ответили правильно — миссис Джексон. Пятьдесят

три сказали, что не знают или не могут вспомнить.— Нортон самодовольно взглянул на Армстронга.— В прошлом году двести тысяч русских побывали в мавзолее Ленина, словно это храм Божий. А у французов появилась мода татуировать на мочках ушей три черточки — за свободу, равенство и братство. Годом раньше, когда император Таиланда сломал ногу, весь двор ковылял на костылях, потому что моду там задают члены королевской семьи. Было время, когда все британские аристократы носили помочи из змеиной кожи по той же самой причине.

— Может быть, но...

— Нет, продолжим,— гнул свое Нортон, не переставая любоваться собой.— Аккурат к двадцатилетнему возрасту начинаешь понимать, что нет на свете невозможных безумств. Ты читал когда-нибудь «Краткий экскурс в историю человеческой глупости» Питкина?

— Кажется, нет.

— Поверь мне, ключевое слово здесь — «краткий». Ни Питкин, ни его сыновья, ни внуки не прожили бы столько, чтобы написать «полный» экскурс. Марафонские танцоры, пожиратели яиц, земляных орехов, любители ходить на шестах были во все века. Глупость восходит к истокам человеческой истории. Пирамиды — такая большая глупость, что тысячи глупцов сочиняют о них глупые теории с первого дня их существования.

— Да не хочу я с тобой спорить...

— Ради всего святого! — взмолился Нортон.— Дай же мне хоть слово сказать! Глупость — понятие относительное. Например, я считаю себя умным, потому что повидал на своем веку немало людей гораздо глупее себя. Но и мой ум относителен, потому что, по большому счету, я тоже глуп, хотя не так безнадежно, как некоторые тупицы. Вообще, на свете немало людей с проблесками ума, которые в состоянии воспользоваться глупостью

окружающих. Одни, чтобы облегчить себе махинации, придумывают новые законы — это политики. Другие зарабатывают на жизнь, прикрываясь уже готовыми законами, и становятся журналистами, торговцами, производителями оружия, гадалками на кофейной гуще... Еще они могут запускать ракеты. Третьи доходят до того, что игнорируют любые законы, становятся обманщиками и плутами.— Нортон мечтательно улыбнулся.— Есть старинное изречение, что природа создала мошенников для того, чтобы учить уму-разуму дураков.

— Ты закончил? — дружелюбно улыбнулся Армстронг.

— Да.— Нортон еще раз с видимым удовольствием похлопал себя по животу.— Это бифштекс. Из-за него я так миролюбив.

— Ну, тогда,— продолжил Армстронг,-мне сдается, что твои рассуждения смахивают на бред: ты начал со следствий и прошел весь путь в обратную сторону, к выдуманной причине.

— Выдуманной?

— Именно. С чего ты взял, что это глупость?

— А что же еще? — Не знаю.

— Вот! — Портов торжествовал.— Ты не знаешь!

— Ну и что? Что доказывает мое невежество?

— Оно ничего не доказывает,— неохотно признал Нортон.— Но оно и не опровергает мою теорию о тою, что мир есть, всегда был и, вероятно, всегда будет безнадежно глуп. Видишь ли, слишком уж хорошо в эту теорию укладываются факты.

— Я сочиню тебе десяток таких теорий,— сообщил Армстронг.— И все они объяснят те же факты еще лучше? — Он встал, встретившись с удивленным взглядом собеседника.— Как ты заметил, беда в том, что я слишком много думаю.— Армстронг взял шляпу.— Надеюсь, ты не настолько глуп, что забудешь разузнать о Маршале? — Он помахал ручищей: — До скорого, непоседа.

— А ты — бродяга! — громко крикнул Нортон вдогонку. Хмуро уставившись в пустую тарелку, он облизал губы и вдруг помрачнел еще больше.— О, змей! Он не заплатил за бифштексы!..

Пять дней понадобилось Хансену, чтобы раскопать подробности. С точки зрения Армстронга, дело продвинулось быстро, и его оценка крепкого долговязого детектива выросла до высшего балла.

Раскрыв аккуратно напечатанное послание Хансена, Армстронг тщательно его прочел, вполголоса бормоча отдельные фразы.

«Ирвии Джеймс Линдл, совладелец компании «Рид энд Линдл» в Уичите, штат Канзас. Сенатор, член Комитета по общественному питанию и Комитета по связям с Латинской Америкой. Принадлежит к Ассоциации производителей сельскохозяйственной техники, Национальной ассоциации производителей... м-м... Вторая авеню... Епископская Капелла в Уичите, Международный Ротари-клуб, Канзасский кегельный клуб, номер 414 Американского Легиона, клуб снайперов... м-м... попечитель Американского движения молодежи...»

Информации оказалось море — Хансен выполнил работу добросовестно. Внимательно изучив пункты, Армстронг пересчитал их и обнаружил, что Линдл состоял членом ни много ни мало тридцати восьми организаций. На другом листе Вомерсли побил этот рекорд — у него было сорок четыре. Эмблтон опустил планку до двадцати одного. Пометив каждое досье соответствующим числом, Армстронг обнаружил, что первым идет Вомерсли с сорока четырьмя, а замыкает список Мервин Ричардс всего лишь с одиннадцатью. Но этого изобилия было далеко не достаточно. Ему понадобится информация обо всех, перечисленных в письме, которое он получил от Куина и переслал Хансену только вчера. А еще кое-что должно поступить от Нортона, Дрейка и других. Тратить время и силы, чтобы решить головоломку на десять процентов, было не в его привыч-

ках. Предстоит собрать еще много кусочков, чтобы подобрать ключик ко всей мозаике, разобраться, какие фрагменты пропущены, а может, и узнать, где их прячут.

Пронзительно заверещал видеотелефон, и Армстронг оставил свое занятие. На экране появилось лицо Клэр Мэндл.

— Добрый день, мистер Армстронг!

— Добрый день, Клэр,— ответствовал он с неподдельным энтузиазмом.— Когда мы идем обедать?

— Я заставила вас ждать?

— Почти неделю.

— Простите. Я не думала, что это так срочно.

— Конечно, вы не думали. Вы сама благопристойность! — Он наградил ее насмешливым взглядом.— Но теперь вы убедились, что мои намерения честны...

— У вас есть намерения? — с озорным видом перебила она.

Это вывело Армстронга из равновесия. Он поджал губы, борясь с желанием сказать какую-нибудь едкость. Клэр смотрела на него своими раскосыми глазами, и это никак не способствовало его душевному покою.

— Я говорил вам о них,— тихо произнес он.— Вы мне нужны для представительности. Она улыбнулась и снова изящно кольнула его: — И где же вы хотите устроить представление моей персоны?

— Вы выбираете самые ужасные слова,— пожаловался Армстронг.— Как насчет «Лонгчампа»?

— Сегодня вечером?

— Да! — прямо расцвел он.

— Ничего себе! — удивилась она.— О какой же науке может идти речь?

— Вы когда-нибудь на себя смотрели в зеркало? — парировал Армстронг.

— Я не имела в виду вашу внешность. Только ваше поведение.

— А! — Он широко улыбнулся.— Это специально — дабы доказать, что действие и противодействие не всегда равны и противонаправлены.

— Мы можем обсудить этот вопрос позже,— сказала она.— В половине девятого в «Лонгчампе». Вам удобно?

— Договорились! — Почему-то его голос звучал выше и тоньше обычного, и Армстронг тут же попытался исправить недоразумение: — В восемь двадцать. Вдруг вы придете раньше.

Раньше она не появилась, но и не опоздала. Такси остановилось у главного входа ровно в восемь тридцать; он встретил ее, проводил внутрь, подвинул стул. Под манто на ней было платье из мерцающего зеленого материала, безупречную прическу увенчивал предмет, слишком маленький для шляпки и слишком большой для цветка.

Заметив, что его восхищенный взгляд не отрывается от этого предмета, она сообщила:

— Это просто украшение.

— Вижу! — подтвердил он с полным отсутствием такта.

Слегка нахмурившись и покусывая нижнюю губу, Клэр сменила тему:

— Я просмотрела статьи Боба.

— И что вы нашли? — спросил Армстронг, опустив взгляд.

— Он систематизировал информацию об одиннадцати кораблях, которые взорвались, почти достигнув Марса. Такую информацию, например, как их расстояние от планеты в момент взрыва и последние переданные на Землю данные телеметрии. Главный его вывод представляется бесспорным — корабли разрушились не случайно. Все катастрофы вызваны одной и той же причиной.

— Тот самый слой?

Клэр заколебалась:

— Может быть.— В ее глазах мелькнул тревожный огонек.— Один из кораблей резко вильнул в сто-

рону, видимо из-за внезапного выхлопа бокового сопла. Его траектория сильно искривилась, прежде чем гироскопы вновь вернули его на курс. В результате этот корабль подошел почти на две тысячи миль ближе к планете, чем все остальные. Затем он взорвался.

— И что?

— А то, что данное обстоятельство сильно беспокоило Боба. В его теорию слоев этот двухтысячемильный нырок не укладывался. Естественно, он попробовал заделать брешь и обнаружил, что стоит перед двумя возможностями: либо информация о корабле недостоверна, и в действительности он взорвался на том же расстоянии от поверхности, что и другие, и тогда с теорией все в порядке; либо, если информация точна,— Клэр в сомнении помедлила,— то очень похоже, что корабль уничтожили намеренно. Лазером.

— Как?! — воскликнул он.— Отсюда? За сорок восемь миллионов миль?

— Очевидно, нет. Насколько мне известно, на Земле нет оружия такой мощности. Я вообще не представляю, каким образом можно генерировать лазерный луч в сотую долю от требуемой мощности.— Она на миг задумалась.— Остается только луч с Марса, хотя считается, что Марс необитаем. Впрочем, эта мысль столь абсурдна, что ее вряд ли стоит принимать в расчет. Остается лишь теория Боба, которая, понятное дело, рассыпается, если информация о том корабле точна.

Официант принес заказ, и они прервали беседу. Только когда он удалился настолько, что не мог их услышать, Армстронг сказал:

— Все споры о причинах проистекают от нашего невежества. Или неведения. Корабли передали по радио прорву информации: температура, интенсивность космического излучения, расход топлива и прочее. Но это не то.

Она кивнула в ответ на его вопрошающий взгляд, и он продолжил:

— Как нам узнать главное? У вас есть какие-нибудь соображения? — Это может сделать караван.— Караван?

— Да, и чем длиннее, тем лучше.— Она пригубила из своего бокала.— Пилотируемый корабль-матка, впереди которого один за другим летят зонды. Первый зонд будет приманкой. Когда он взрывается, следующий за ним отклоняется от курса на заданный угол. Если и он аналогичным образом врезается в преграду, описывает дугу третий зонд. Тем временем корабль-матка, идущий в арьергарде, при первом же взрыве поворачивает к Земле, собирая всю информацию, которую успеет принять от всех зондов.— Она с задумчивым видом водила своим бокалом по белой скатерти.— Даже если эта методика не позволит получить достаточно данных, она, по крайней мере, прояснит один вопрос.

— Какой именно?

— Она установит причину гибели кораблей. Излучение, или же имеет место диверсия. Если диверсия, то никакое, даже самое поспешное отступление их не спасет. Но если хотя бы один вернется невредимым, тогда причиной можно считать слой Мэндла.

— Просто, слишком просто.— Он опечалился.— Это обойдется минимум в двести миллионов долларов.

— Да, я знаю,— искренне посочувствовала она.— Но раз уж информация находится за миллионы миль, кто-нибудь должен рискнуть ее добыть. Ведь другого способа не существует.— Лицо ее посветлело, и она наградила Армстронга ободряющей улыбкой.— Для начала могу ссудить вам десятку.

— Спасибо, не надо,— сказал он.— Если бы две сотни миллионов баксов потребовались для того, чтобы взорвать к чертям всю цивилизацию, их бы быстренько нашли. Но для такого проекта — нет! Десять миллионов на боевой самолет; десять цен-

тов на космические исследования — вот такие у нас дела.

Ее прохладная рука легонько коснулась его лапищи:

— Мрачный вы человек!

Он беспокойно заерзал, и она улыбнулась опять:

— Шкала ценностей в нашем мире не так уж плоха.

— Да?

— Безусловно. Вполне естественно, что на оружие деньги дают охотнее, чем на рискованные предприятия. В конце концов, страх — чувство самое глубокое, более... человеческое, что ли, из всех. Избавиться от страха — это гораздо актуальнее, чем удовлетворить любопытство. Если вы посадите на Марс свою ракету, то это не сделает дома людей прочнее, не спасет чью-нибудь жизнь и не будет гарантом свободы.

— Свобода,— усмехнулся он.— Какие только зверства не совершались под ее знаменем! — Он снова занервничал, тяжелые челюсти сжались.— Все зависит от того, что подразумевать под словом «свобода».— Затем он вдруг сменил тон и добавил: — Извините. Мы ведь пришли сюда не затем, чтобы спорить друг с другом? Давайте оставим эту тему.

— Согласна.— Она оглядела людей за соседними столиками.— Где этот газетный волк, который должен меня оценить?

— Его не будет. Я передумал и не позвал его.

— Как же так?

Он попробовал недовольно взглянуть на нее, но не смог придать лицу соответствующего выражения. Гримаса, появившаяся на его лице, заставила ее брови подняться в удивлении.

— Двое — это тоже компания,— сообщил он.

— А ужасная мина, которую вы на себя только что нацепили, должна, по-видимому, означать угрозу?

— Если угодно. Я чертовски скверно разыгрываю сцены.

— Вы думаете, это необходимо?

Он оживился и уверил:

— Нет, конечно! Просто я пытался убежать от своих мыслей и убежал слишком далеко. Совсем как тот человек, которому вырвали зуб, и он смеется, только чтобы показать, что ничего не почувствовал.

— Воистину, странен мужской ум, и извилисты тропы его,— философски заметила Клэр. Она перевела взгляд куда-то за его плечо, глаза ее вдруг сузились, она наклонилась вперед и тихо произнесла: — У моего брата Боба была одна причуда. Может быть, он рассказывал вам. Он не верил в совпадения.

— Да, он говорил мне. Почему вы вспомнили об этом сейчас?

— Потому что именно сейчас я кое-кого увидела.— Ее голова придвинулась ближе.— Через четыре столика позади вас — рыжий, веснушчатый человек в светло-сером костюме. Сегодня утром, когда я вышла из дома, он прошел мимо меня. Я посмотрела на него совершенно случайно, конечно, и забыла бы налрочь, если бы он снова не пересек мне дорогу в тот момент, когда я вышла на улицу вечером. Теперь он — здесь. Три раза за день — это уже многовато.— Она весело усмехнулась.— Если он так же любопытен, как и Боб, и, в свою очередь, запомнил меня, он наверняка подумает, что я против него что-то замышляю.

— Вы уверены, что не ошиблись? — спросил Армстронг, не оборачиваясь.

— Убеждена.

— И вы никогда не замечали его раньше?

— Не припоминаю.

Армстронг немного подумал, затем пожал плечами:

— Может, это какой-нибудь робкий обожатель? Стесняется подойти. Предпочитает восхищаться издалека.

— Не говорите глупостей,— укорила она.

Он снова пожал плечами и взглянул на часы.

— Вы позволите, я выйду на минутку? Скоро вернусь.— Дождавшись ее кивка, Армстронг поднялся и небрежно направился к выходу, по-прежнему не глядя по сторонам.

Снаружи имелась телефонная будка. Войдя в нее, он опустил монетку и стал набирать цифры, следя за экраном.

Автоответчик провозгласил: «Агентство Хансена! Вы можете подключиться к ночной линии связи по четвертому сигналу или записать свое сообщение по десятому сигналу. Один... два... три... четыре...»

— Подключаюсь,— моментально среагировал Армстронг. Крохотный голубой курсор замигал на цифре четыре, послышался характерный звук зуммера.

Затем раздался резкий щелчок, цифра четыре растаяла, и появилось суровое лицо Хансена. На голове у него красовалась шляпа. Он бесстрастно смотрел на Армстронга, не произнося ни слова.

— Уходите или пришли? — осведомился Армстронг.

— Ухожу. Впрочем, никакой разницы. Эта линия включается в любом случае, здесь ли я или нет.— Он холодно глядел с экрана.— В чем дело?

— Я в «Лонгчампе» с приятельницей. Кажется, за ней следят.

— Ну и что? Нет закона, запрещающего за кем-нибудь следить, особенно за дамой.

— А если это не просто так? Вдруг ей грозит опасность?

— Чепуха! — На бесстрастном лице сверкнули глаза.— Вы начитались дурацких книжек. Но если парень до сих пор не имел дела с полицией, вы ничего с ним не сделаете, пока он сам не схватит вас за горло.

— Просто замечательно! — В Армстронге взыграл боевой дух.— Значит, я позвонил вам просто так, чтобы вы спели мне колыбельную?

— Оторвитесь от него, уходите оттуда.

— Удирать — занятие, недостойное мужчины.

— Или,— продолжил Хансен, игнорируя это замечание,— можно завлечь его в какое-нибудь укромное местечко и пересчитать ему ребра.

— Я уже прикидывал. Это ничего не даст.

— Или,— добавил Хансен по-прежнему невозмутимо,— сделайте то, что обычно делаю я,— сами выследите «хвост» и выясните, кто стоит за его спиной. Всегда лучше знать чужие козыри.

— У меня была такая мысль. Но раз уж я с дамой, я не могу следить за парнем, который следит за ней, тем более что я должен ее охранять. Придется этим делом заняться вам.

— Вы можете оставаться на месте, пока я не приеду? — спросил Хансен.

— Вообще-то мы собирались на выставку на Шестой авеню, но, так уж и быть, подождем, когда вы к нам присоединитесь.

— Мне нужно пятнадцать минут.— Хансен сдвинул шляпу на затылок.— Когда появлюсь, вы меня не видите — понятно?

— Да я вас вообще знать не знаю,— согласно кивнул Армстронг. Выключив монитор, он вернулся к Клэр.

— Четвертый столик свободен,— сокрушенно сказал он, тяжело опускаясь в кресло.

— Боже мой! — воскликнула Клэр, приложив к блеснувшим глазам платочек размером чуть больше почтовой марки.— Вы о том человеке? Ну, вы не лучше Боба! — Отрезвленная его спокойным взглядом, она добавила: — Он вышел сразу за вами.

Армстронг сделал знак официанту. Лучше пока замять это дело. Пусть она успокоится, в ближайшие четверть часа ее ничто не должно огорчать. Но за кем следил рыжий сейчас, за Клэр или за ним?

С минутным опозданием прибыл Хансен в сопровождении Мириам и приземистого малого, на вид отпетого хулигана, в грозящей лопнуть по швам

кожаной куртке. Трио с достоинством продефилировало мимо Армстронга, взглянув на него, как на пустое место, и заняло столик в глубине зала, левее.

Болтая с Клэр и одновременно стараясь не пропустить все еще отсутствовавшего соглядатая, Армстронг дал Хансену с друзьями время на то, чтобы пропустить по стаканчику, затем встал и помог своей даме надеть манто.

Они направились на выставку и провели два часа среди впечатляющих голограмм-экспонатов, наблюдая демонстрацию передвижной телеустановки с десятифутовым экраном. Они сошлись во мнении, что цветовая насыщенность и объемность изображения выше всяких похвал. Телевидение почти достигло предела своих возможностей.

Оттуда они направились в ночной бар, а затем Армстронг на своей машине отвез Клэр домой. По дороге ничего не случилось, и до самого возвращения к себе он не замечал Хансена или еще кого-нибудь. Чувствуя раздражение оттого, что ничего необычного не происходило, Армстронг задумался: а не слишком ли он драматизирует всякие пустяки?

Мысленно перебирая детские воспоминания, Армстронг подумал, что всегда и во всем был воплощением нормальности. Ни живостью ума, ни причудливостью фантазий, ни вздорностью капризов он не превосходил любого здорового ребенка. Лишь позже он развил в себе свою одержимость и склонность к мрачным предчувствиям. Почему, почему, почему? Он сердито смотрел в стену, которая, казалось, молча вторила: «Почему, почему, почему?»

Начало светать, затем наступило утро, а он все ломал голову над одними и теми же вопросами, с томительной безысходностью не находя на них ответа. Усталый, он тупо слонялся по квартире, пока наконец в половине одиннадцатого не позвонил Хансен.

— Я потратил на это дело много времени,— заявил Хансен,— зато впервые оказался участником целой кавалькады.

— Что значит «кавалькады»?

— Возглавляли ее вы и ваша подруга. Затем — тип, который следил за вами. Провисев у него на «хвосте» целый час, я вдруг обнаружил, что кто-то висит на «хвосте» у меня. Поэтому мы с Питом разделились, и, таким образом, я отвязался от этого последнего шпика. Он прицепился к Питу, а я последовал за ним. Выстроилась такая цепочка: вы, затем ваш «хвост», затем Пит, затем тот, другой тип, затем я. Хорошо еще, что вам не взбрело в голову кататься всю ночь — к утру за вами таскалась бы половина Нью-Йорка.

Армстронг нахмурился. Этот рассказ озадачил его вконец.

— Что дальше?

— Первый отстал, когда вы приехали домой. Топтун отправился на подземную стоянку на Восьмой авеню, пересел в другую машину и поехал вот по этому адресу на Сайпрес Хиллз.— Хансен зачитал адрес, затем продолжил: — Конечно, остальные участники парада тоже побывали на Сайпрес Хиллз: там Пит бросил все и отправился домой. Тот, кто следил за Питом, последовал за ним, но на полпути отстал. Для этого Мириам пришлось проделать прямо-таки цирковые номера с нашим автомобилем. В результате остались двое — этот последний хвост и я. Ни за что не угадаете, куда он меня привел.

— Куда? — осведомился Армстронг.

— Четвертый этаж Манхэттенского банка. Он вызвал ночной лифт с таким видом, будто направляется к себе домой. Дальше идти я не мог.

— А что находится на четвертом этаже?

В первый раз на длинном лице Хансена появилось какое-то выражение: странная смесь разочарования и приятного предвкушения того, что он сейчас скажет своему собеседнику.

— Судя по индикатору, лифт действительно остановился на четвертом этаже. К тому же в окнах четвертого этажа горел свет...— Хансен, словно дразня собеседника, умолк.— Весь четвертый этаж, как оказалось, занимает местное отделение ФБР.

— Что? — вырвалось у Армстронга.

— То, что слышали.— Хансен опять был невозмутим.— И поэтому я считаю своим долгом поинтересоваться: что все это значит и во что вы меня впутали?

— Мне-то, черт возьми, откуда знать?! — Почти сразу Армстронг почувствовал, что произнес не те слова, которые следовало.

— Что ж, в таком случае,— с мрачным скепсисом заметил Хансен,— советую вам съездить туда и самому расспросить ФБР.— Сурово посмотрев на Армстронга, он отключился.

Армстронг сел и стиснул голову руками. Что губит ракеты: лазер с Марса или диверсия на Земле?.. Удирать — занятие для женщин... «Виталакс» даст вам жизнь-даст ли?.. Лучше съездить туда и спросить у ФБР... Сильные руки сохранят мир. Кратер в две мили глубиной и диаметром в пятьдесят...

Я — Озимандис, царь царей,— пристально вглядываюсь а деяния свои — с высоты величия своего и скорби своей...

«Гильде Бра»... «Виталакс»... Лучше пойти и спросить ФБР...

Лучше пойти и спросить ФБР!

Глава четвертая

У человека из ФБР было такое широкое и костистое лицо, какого Армстронгу видеть еще не доводилось. Больше всего он походил на портновский манекен. Сидя за черным полированным столом, он прислонил визитную карточку посетителя к небольшому календарю и принялся изучать Армстронга бесстрастными зеленоватыми глазами.

— Какие у вас проблемы, мистер Армстронг?

— За мной следят. Кто-то из вашей компании. Я желаю знать почему.

— Конечно, это ваше право! — Представитель ФБР едва заметно улыбнулся.— Собственно, мы и рассчитывали, что вы придете к нам после того, как Хансен снабдил вас информацией.

Армстронг откинулся в кресле и едко осведомился:

— Откуда вам известно, чем снабдил меня Хансен?

— Наш сотрудник доложил, что Хансен не отставал от него почти весь вечер. Агент не пытался скрыться, так как Хансен достаточно хорошо нам известен.— Человек за столом опять улыбнулся.— И, без сомнения, он доставил себе некоторое удовольствие, приведя прославленного Хансена сюда.

— Фу! — отвращением выдохнул Армстронг.

— Однако,— продолжил тот,— должен вам сообщить, что вам не о чем беспокоиться. Вас снабдили «сопровождающим» исключительно потому, что мы отечески присматриваем за мисс Мэндл.

— Тогда почему вы предполагали, что я к вам приду?

— Потому что ваш приход доказывает, что у вас нет ни малейшего представления о том, почему за вами следят. Это, в свою очередь, доказывает, что вы не знаете, почему нас интересует мисс Мэндл.— Он отсутствующим взглядом посмотрел на календарь.— Вы рассказали ей о событиях последней ночи?

— Нет.

— Она знает, что за ней следят?

— Не думаю. Она сначала обратила внимание, но затем решила, что это совпадение.— Армстронг почувствовал легкое раздражение. Его собственное маленькое расследование грозило превратиться в нечто значительно большего размаха.— Но почему все-таки вы установили надзор? В чем вы ее подозреваете?

Проигнорировав вопрос, агент пристально взглянул на Армстронга и осведомился:

— Не кажется ли вам, что мисс Мэндл слишком быстро отказалась от мысли о слежке? Не думаете ли вы, что она разыграла спектакль? Ее поведение показалось вам естественным, или она была чем-то взволнована?

Армстронг ответил:

— Любой человек в здравом уме с первого взгляда понял бы, что мисс Мэндл далека от самой мысли о преследовании. Преследовать ее нет никаких причин. Зачем это понадобилось вам?

— А вам? — спросил агент.— Это мое дело,— фыркнул Армстронг.

— Конечно! И наше — тоже! — Федеральный агент встал.— Видите ли, мистер Армстронг, нам нужно убедиться, что мисс Мэндл не осведомлена о некоем обстоятельстве, о котором, как мы надеемся, она не знает. Либо — если она все-таки в курсе дела, то не сообщила ли она о нем кому-нибудь еще. Из ваших слов следует, что мисс Мэндл этой ин-

формацией не обладает...— Почему не спросить ее прямо?

— Потому что мисс Мэндл, с ее умом ученого, сразу же осознает значимость предмета. Боюсь, что с помощью дедукции она быстро докопается до истины, чего нам бы не хотелось.

— Значит, эта информация — научного характера?

— Можете так считать.— Взяв визитную карточку, он протянул ее Армстронгу — деликатный намек, что разговор закончен.

Армстронг поднялся и сунул карточку в карман жилета.

— Это имеет отношение к полетам на Марс?

Федеральный агент и глазом не моргнул:

— Сожалею, но в настоящий момент не могу ответить на ваш вопрос.

— Допустим, я сообщу мисс Мэндл, что ФБР наступает ей на пятки?

— Нас больше устроило бы, чтобы вы этого не делали. Но мы не можем принудить вас молчать.— Федеральный агент спокойно рассматривал Армстронга.— Мисс Мэндл, скорее всего, недолго будет нас интересовать. Но если вы вмешаетесь, мы расценим это как враждебный акт и возьмемся за вас тоже. Тем не менее вы вольны поступать как считаете нужным.

— О, черт! — Армстронг был озадачен и отнюдь не обрадован.— Мне не нравится наш разговор — сплошные загадки и ничего конкретного. По крайней мере, вы могли бы объяснить, почему за нами следил еще и тот тип с Сайпрес Хиллз.

Агент нахмурился.

— Кое в чем нам предстоит разобраться. Впрочем, Хансен тоже не дремлет, и вы, вероятно, узнаете причину почти одновременно с нами.

— Отлично.— Твердо ступая, Армстронг направился к выходу.— На том и закончим.

— Сожалею, но не могу ничем помочь,— произнес хозяин кабинета, когда Армстронг уже закрывал за собой дверь.

Выйдя на улицу, Армстронг направился к ближайшему видеофону, позвонил Хансену и с подробностями пересказал весь разговор.

— Короче,— заключил он,— ФБР «пасет» бедняжку Клэр на тот самый случай, если она обнаружит, что Санта-Клаус — это всего-навсего ее собственный переодетый папочка, и устроит революцию среди разочарованных детишек.

— Вы просто паразитируете на моем уме,— мягко произнес Хансен.

— Что? — Армстронг, моргнув, уставился в бесстрастное лицо.

— Этот толстяк из Бюро надавал вам целую кучу козырей.

— В самом деле? Каких?

— Во-первых, они не могут допрашивать мисс Мэндл, ибо боятся, что она их перехитрит и узнает истину. Во-вторых, они рассчитывают, что одной лишь ее проницательности явно не хватит, чтобы добыть эти факты. В-третьих, они боятся, что она узнает эти факты каким-либо иным путем. В-четвертых, они также боятся, что кто-нибудь, владеющий данной информацией, предоставит ее ей.

— Дальше,— подбодрил Армстронг.

— Они не могут проверить того, кто мог бы сообщить ей эти данные. Почему? Ответ прост: потому что он мертв! Кто же из тех, кто сейчас мертв, был так близок к Клэр Мэндл, что...

— Боб Мэндл.

— Однако вы понятливы.— Темные глаза Хансена твердо, не мигая, смотрели с экрана.— Вне всякого сомнения, она имела отношение к чему-то, чем он непосредственно занимался, а его сестра — нет. Может быть, еще один Манхэттенский проект. Может, правительство где-нибудь на чердаке собирает квантовую бомбу. Не знаю. И будь я проклят, если хочу это знать. Предпочитаю держаться подальше от таких дел.

— Ваше дело — сторона, можете не волноваться,— уверил Армстронг.

— А вы меня не успокаивайте. Я звонил в ФБР еще до того, как вы туда собрались. Мне ответили, что против вас у них ничего нет.— Хансен посмотрел вниз на свой стол.— Только что я получил еще три рапорта. Вы за ними приедете или предпочитаете получить по почте?

— Отправьте почтой,— распорядился Армстронг. Выключив видеофон, он подошел к машине и сел, не заводя мотор. Несколько минут он с отсутствующим видом глядел в ветровое стекло, пока его мозг перетряхивал факты.

Предположим, он позвонит Клэр и решительно спросит... Что дальше? В любом случае, как задать вопрос? «Располагаете ли вы какой-либо официальной информацией, владеть которой вам не следует?» Черт возьми, это глупо! «Говорил ли вам Боб когда-либо то, что он не должен был говорить, и если да, то что именно?» Да ему укажут на дверь, не успеет он и глазом моргнуть!

Она выгонит его, даже если он пустит в ход все свое обаяние, и будет права, трижды права, тем более что, скорее всего, она ничего-таки не знает. С другой стороны, если Боб что-то и рассказал ей, как брат сестре, по-родственному, вряд ли она выложит это по первому требованию совершенно чужому человеку. К тому же подобный инцидент отнюдь не улучшит их отношений. Значит, допрос Клэр Мэндл исключен. Армстронг сразу же выбросил эту мысль из головы.

Что все-таки хочет от нее ФБР? Он чувствовал, что здесь скрывается пропущенное звено его собственной головоломки. Причем звено ключевое. Может быть, ухватившись за него, он вытянет всю цепь?..

В этом деле спешить нельзя. Самая быстрая дорога к истине — в данном случае — отнюдь не прямая. То, что не должна знать Клэр Мэндл, вероят-

но, не следует знать и ему. Если об этом умолчали в ФБР, то можно побиться об заклад, что никакой другой бюрократ с ним не разоткровеннича-ется.

Армстронг встрепенулся, решив хотя бы на время выбросить из головы осточертевшие мысли. Доехав до центра, он поставил машину на стоянку и вошел в кинотеатр на Пятидесятой улице. Там показывали кинохронику — отличное средство успокоить разыгравшееся воображение.

Щурясь в полутьме, он нашел свободное кресло, сел и поднял взгляд на экран. Там, посреди живописного ландшафта Северной Дакоты, возвышались свадебные виселицы, многократно раскритикованные как признак безвкусицы и дурного тона. В петлях, пропущенных под мышками, раскачивались бок о бок жених и невеста, глупо улыбаясь в камеру, а священник с козлиной бородкой, подвешенный таким же образом, бормотал соответствующие молитвы. Развалясь в кресле, Армстронг хмуро смотрел на эту сцену.

Кадр сменился. На сей раз беспорядки в Индии. Мусульмане, атакующие процессию буддистов, и вооруженная дубинками полиция, избивающая и тех, и других. Крупным планом — потные, фанатичные физиономии, трупы в сточных канавах. Мимолетные кадры горящего древнего храма, и на его фоне мрачная фигура Великого Бога Ганеши...

Затем спуск на воду «Железного Герцога», крупнейшего английского линкора. Разбитая о борт бутылка шампанского, поднятый флаг и какой-то тип с лошадиным лицом, дирижирующий военным оркестром. Сильные руки защитят мир.

Первый полет нового русского бомбардировщика. Аплодисменты, музыка, дробь марширующих колонн. Сильные руки защитят мир.

Крошечные точки, с огромной скоростью несущиеся по небосводу,— новейшие американские стратосферные истребители, за час покрывающие тыся-

чи миль. Победа, победа, аллилуйя! Сильные руки защитят мир.

Затем последовала круговерть новых фасонов шляпок, платьев и купальников, каких-то бесполезных технических новинок, а под занавес — панегирик новейшему музыкальному автомату — с клавиатурой, позволяющей выбирать нужную мелодию, с экраном, изображающим соответствующих исполнителей. Зрителям и слушателям предлагался рекламный ролик: накурившиеся марихуаны юнцы, терзающие слух шлягером «Крошка, танцуй веселей». Что ж, солидно, восемь ударов на такт.

Его глаза привыкли к полумраку; Армстронг посмотрел по сторонам, изучил поблекшую блондинку в соседнем кресле. Ее челюсти что-то пережевывали, глаза впились в экран, левая нога постукивала в ритм громыхавшему музыкальному автомату. Начальная стадия сонолепсии.

Армстронг глянул в противоположную сторону. Там, вяло раскрыв рот уставясь в пустоту, дергался прыщавый тинейджер, безуспешно стараясь вписаться в ритм.

Толкнув тинейджера локтем, Армстронг рявкнул:

— Брысь!

Юнец перестал трястись и повернул очкастую физиономию к Армстронгу:

— А? Что?

— Прочь! — поднявшись во весь рост, прорычал Армстронг. Юнец рефлекторно поджал ноги, но лишь только Армстронг прошел, снова уставился в экран, открыв рот, а мысль о том, что же такое ему сказали, не успев даже оформиться в его голове, бесследно растворилась.

Армстронг отправился домой. Что-то шевелилось и корчилось в глубине его сознания, словно искалеченная змея. Таинственное и неуловимое нечто, которое он никак не мог ухватить, ощущение чего-то смутно знакомого и столь же смутно опасного...

Обычно, когда на него накатывало такое состояние, он справлялся с ним одним и тем же способом: сначала пытался распознать эту мысль, а потом, потерпев неудачу, от нее избавиться.

На сей раз ему помогла крошечная булавочная головка, поблескивающая в центре двери, словно глаз насекомого. Остановившись с ключом в руке, он внимательно осмотрел мерцавшую бусинку, затем быстро глянул на верхнюю и нижнюю лестничные площадки. Не дотрагиваясь до двери, он убрал ключ в карман и тихонько удалился.

Очутившись на улице, Армстронг посмотрел на окна своей квартиры, убедился, что они не светятся, и из угловой аптеки на противоположной стороне позвонил Хансену.

— В мою дверь вмонтирована катодная трубка типа «муравьиный глаз». Она зажигается, если дверь открывают, не воспользовавшись специальным непроводящим ключом. Сейчас эта трубка горит. Кто-то забрался в квартиру.

— Вызовите полицию,-предложил Хансен.

— Сначала я так и хотел сделать, но потом мне пришла в голову идея получше. Я хочу, чтобы вы позвонили мне домой. Если кто-то снимет трубку, вы скажете, что это полицейская проверка, и попросите позвать меня. Если у них имеется сканер, отключающий экран, вы потребуете его заблокировать.— Он воинственно оскалился.— Это заставит гостей пуститься в бега. А я посмотрю, куда они направятся.

— О'кей,— согласился Хансен.— Хотел бы я знать, чем все это кончится. Начинаем.— Он отключился.

С небрежным видом Армстронг вышел из аптеки и, пройдя по улице, скользнул в темный подъезд напротив своего дома. Ждать пришлось дольше, чем он предполагал. Прошло пятнадцать томительных минут, затем двадцать. Никто не вышел из дома, никто туда не вошел. Армстронг нервничал. Черт

возьми, неужели незваные гости почуяли неладное? Но это могло случиться, только если они знают Хансена в лицо. И это тоже весьма примечательный факт.

Армстронг то и дело смотрел на часы. Шла уже двадцать вторая минута, когда на улице внезапно появились два автомобиля. Они с визгом остановились у его подъезда. Из первой машины выпрыгнули четверо полисменов, из второй появился Хансен. Взгляд его был настороженным.

Выйдя из своего укрытия, Армстронг перешел улицу.

— Что-нибудь не так?

— Я звонил три раза,— сообщил Хансен,— но так и не дождался ответа. Вы о себе знать не давали, поэтому я решил вызвать полицию.

— Хм-м!

— Я же не знал, где вы. Может, вы зашли в квартиру и нарвались на неприятности. Так что не обессудьте. Пойдемте, надо посмотреть, что там делается.

Все шестеро поднялись по лестнице и подошли к двери, на которой поблескивал крохотный огонек. Вставив ключ в замок, Армстронг отпер дверь, широко распахнул ее, и в тот же миг могучий полицейский, оттолкнув его в сторону, проскользнул в дверной проем с пистолетом на изготовку, шаря свободной рукой в поисках выключателя. Наконец вспыхнул свет. Полицейский сделал четыре шага, остановился и воскликнул:

— Труп, будь я проклят!

Оттеснив Армстронга, в квартиру вошли остальные. Внутри царил неописуемый беспорядок. Дверцы шкафов были распахнуты, ящики выдвинуты, их содержимое валялось на полу. От сквозняка в воздухе порхали бумажки. Даже ковры оказались изодраны в клочья. В центре стояло кресло — в нем покоился труп, и его спокойная поза жутко контрастировала с хаосом вокруг. Крови на теле не было,

и, если бы не упавшая на грудь голова, ничто не указывало бы на то, что жизни в нем не больше, чем в манекене.

Приподняв волосатой рукой подбородок покойника, первый полицейский вгляделся в мертвое лицо.

— Готов! — Он обежал взглядом присутствующих.— Кто-нибудь его знает?

Не сводя глаз с худощавого, посиневшего лица и жестких взъерошенных волос, Армстронг сказал:

— Я не вполне уверен, потому что никогда не встречался с ним лично, но думаю, что этого человека звали Кларк Маршал.

— Тот самый, помешанный на ракетах? — быстро вставил Хансен. Армстронг кивнул.

— Если вы вызовете Билла Нортона из «Геральд» и покажете ему картинку по монитору, он его опознает. Нортон хорошо знал Маршала.

Взявшись за телефон, полицейский несколько раз набрал номер, затем бросил это занятие.

— Черта с два! Отключен.— Он обвел комнату профессиональным взглядом.— Тот, кто здесь поработал, видать, чертовски спешил.— Полицейский пожал плечами и сказал, обращаясь к своим товарищам: — Я вернусь к машине и вызову экспертов. Попрошу их взять с собой Нортона.— Он вышел.

Другой полицейский сказал Армстронгу:

— Обычно воры не громят все подряд, а громилы не воруют. Похоже, тут побывали и те, и другие. Что им было нужно? У вас есть какие-нибудь соображения на этот счет? Если да, то посмотрите, нашли ли они то, что искали.

— Что они могли искать — не представляю,— Армстронг пожал плечами.

Стоявший рядом Хансен улыбнулся и подчеркнуто широко зевнул, на лице его был написан откровенный скепсис. Армстронг обернулся к нему:

— Это правда. Я совершенно без понятия.— Он помолчал, затем со злобным удовлетворением добавил: — Но, если повезет, я скоро узнаю, кто это сделал.

— Ваше доверие в высшей степени льстит мне,— сказал Хансен.

— От скромности вы не умрете,— ядовито усмехнулся Армстронг.— Если бы я полагался только на других, я бы никогда ничего не добился, даже если бы все вокруг так же честно отрабатывали свой гонорар. Я имел в виду не вас и не полицию. Я имел в виду конструкцию настенных часов.

— О! — Слегка смутившись, Хансен направился к внушительному механизму, висевшему на дальней стене. Теперь, подойдя ближе, он видел, что подвеска была толще обычной, а внутри поблескивало что-то, похожее на линзу. Если бы не замечание Армстронга, он сто раз прошел бы мимо, не обратив внимания на эту деталь. Хансен уязвленно облизал тонкие губы.

Пока трое полицейских с нескрываемым удивлением наблюдали за этой сценой, Армстронг легким движением потянул часы на себя и, услышав щелчок, освободил от фиксаторов и положил их на стол.

В открывшейся нише Армстронг аккуратно разъединил несколько проводов и достал небольшой блестящий прибор, в торце которого была вмонтирована трубочка с линзами на концах. Все это он положил рядом с часами.

— Внутри этой штуки,— сообщил Армстронг,— семьсот футов одномиллиметровой пленки. Ее можно проявить. Эта камера включается, как только срабатывает сигнализатор на двери. Если Бог на нашей стороне, дело в шляпе.

— Ну и ну! — прошептал кто-то из полицейских, затем добавил еще более уважительно: — Вот это парень!

Армстронг немедленно принялся за дело и не успел еще закончить, когда прибыли эксперты и Нортон.

— Это Кларк, ясное дело! — возбужденно сказал Билл.— Боже мой! Я с ним только вчера разговаривал...

— Да? — Армстронг умело заправил кассету в аппарат и начал перематывать пленку.— Он говорил, что придет сюда?

— Я сам направил его к тебе. Я позвонил ему и сказал, что некто Армстронг спятил точно так же, как и он, и хочет его видеть. Сумасшедших тянет друг к другу, верно? Сегодня утром он объявился. Я раз шесть пытался до тебя дозвониться.

— Меня не было дома. Большую часть дня я провел в ФБР.

— Он был как рыба на сковородке,— говорил Нортон.— Вел себя так, словно за ним охотился дух его дедушки. В конце концов я дал ему твой адрес, и он сказал, что поедет к тебе сегодня, только позже.— Нортон провел рукой по взъерошенным волосам.— В голове не укладывается! Он просил дать ему адрес, где его ждала смерть! Надо же!

Поглядывая на часы, Армстронг проявлял пленку.

— «Рыба на сковородке». Что это значит? Он боялся?

— Ну, этого бы я не сказал. Скорее, он был похож на человека, который ждет, что на него вот-вот вденут смирительную рубашку. Как будто он что-то прятал, а что — сам толком не знал. И это чертовски ему мешало.— Нортон всмотрелся в аппарат, над которым колдовал Армстронг: — Что за чертовщиной ты занимаешься? Масло взбиваешь?

— Примерно. Хочу смазать дорогу, чтобы кое у кого колеса забуксовали!

Оттеснив Нортона в сторону, в комнату вошел капитан полиции.— Вы Джон Дж. Армстронг?

— Да.

— Врач говорит, что этот человек умер три-четыре часа назад. Причина смерти пока неизвестна.— Капитан смерил Армстронга взглядом.— Где вы находились в это время?

— В ФБР.

— Вот как? — Капитан от неожиданности вздрогнул.— Если в этом деле участвует ФБР, то, пожалуй, я позвоню им прямо сейчас.

— Это было бы весьма кстати,— одобрил Армстронг. Вытянув из бачка конец пленки, он вставил его в электросушилку и, когда капитан вышел, подмигнул Нортону.

Хансен просунул голову в дверь:

— Долго еще? — Минут пять.

— Я включу проектор и подготовлю экран.— Спасибо.— Продолжая перематывать пленку, Армстронг услышал, как в соседней комнате зазвонил видеофон, и флегматично заметил Нортону: — Смотри-ка, они восстановили связь. Держу пари, что это звонит миссис Сондерс из Хартфорда, и она сейчас скажет, что у нее там настоящий погром. Поговори с ней и попроси ее не переживать.

Не успел Нортон сделать штаг, как в комнату вошел полицейский.

— Теперь с телефоном все в порядке. Вам звонят — сказали, что пытаются дозвониться уже несколько часов, какая-то миссис Сондерс из Хартфорда. Говорит, что ваша лаборатория разгромлена и сейчас там черт-те что творится. С ней беседуют тамошние полицейские.

Нортон уставился на полицейского, потом на Армстронга, потом опять на полицейского. С трудом проглотив комок в горле, он выговорил:

— Будь я проклят, если меня прельщают лавры пророка! — Затем он направился к видеофону.

Озадаченному полицейскому Армстронг объяснил:

— Билл ответит. Я так и думал, что лаборатория не избежит той же участи. Вряд ли эти ребята упустили бы ее из виду.— Вставив пленку в мик-

ропроектор, он посмотрел в объектив и присвистнул: — Отлично! Ловушка сработала? — И Армстронг направился в соседнюю комнату. Там находились пятеро полицейских в форме плюс четверо экспертов, Хансен и Нортон. Последний как раз закончил утешать миссис Сондерс.

— Она говорит, что все перевернуто вверх дном. Трудно сказать, уцелело ли хоть что-нибудь вообще.

Армстронг хмыкнул, выключил свет и нажал кнопку на проекторе. Яркий луч, прорезав темноту, осветил небольшой экран на противоположной стене. На экране появилось миниатюрное, размером два на три фута, изображение комнаты. Зрители увидели, как дверь медленно приоткрылась.

Какой-то человек осторожно проскользнул внутрь, закрыл за собой дверь, проверил, надежно ли она заперта, и после этого быстро обследовал квартиру. Он был среднего роста и телосложения, с рыжими волосами, одет в серый костюм.

— Парень из Сайпрес Хиллз,— шепнул Хансен, ткнув Армстронга локтем. Тот кивнул.

Подойдя к маленькому деревянному бюро, стоявшему левее двери, рыжий ловко открыл его и быстро просмотрел содержимое. Он явно спешил — ненужные бумаги и документы разрывались и как попало бросались на пол. Очевидно, он не нашел того, что искал. Опустошив бюро, он простучал его со всех сторон в поисках тайников, перевернул и обследовал дно. Затем, убедившись, что в бюро ничего больше спрятано быть не может, человек повернулся к дюралевому письменному столу и с той же лихорадочной поспешностью проделал с ним те же операции. Не повезло ему и здесь.

На секунду он остановился и посмотрел на часы. Бледно-голубые глаза взглянули прямо в камеру, но их хозяин так и не заподозрил, что каждый его шаг фиксируется на пленке. На лице было написано одно только нетерпение.

С новой энергией он принялся сбрасывать с книжных полок книги, основательно перетряхивая их одну за одной. После этого его внимание переключилось на кресла и диван, он перевернул их и тоже простучал. Затем настал черед ковров и паркета, для чего рыжему пришлось опуститься на четвереньки.

Не удовлетворившись, он направился в спальню, пропав из поля зрения камеры, но пленка продолжала воспроизводить шум его движений и звук передвигаемой время от времени мебели. Это продолжалось минуты две, а затем кто-то громко постучал в дверь.

Рыжий вновь появился на экране. Он быстро, по-кошачьи, приблизился к двери, осторожно встал сбоку и, глядя своими тусклыми глазами на замок, приложил ухо к косяку. Достав из кармана предмет, похожий на небольшой фонарь, он сжал его в правой руке.

Невидимый посетитель постучал снова. Рыжий не шевелился. Потом стук раздался в третий раз. Около трех минут рыжий стоял у двери, готовый, видимо, ко всему, а затем... Пленка кончилась. Армстронг включил свет.

— Проклятие! — взвыл полицейский капитан.— Если бы побольше метража!

— Это тот тип, которого мы вели до Сайпрес Хиллз,— заявил Хансен. Он мрачно посмотрел на тело, уже перенесенное на диван и накрытое простыней.— Жаль, что вы не сняли до конца! Хотел бы я узнать, как это случилось!

— Десять против одного, что Кларк не ушел, как надеялся этот рыжий,— предположил капитан.— Он постучал раза три, потом прогулялся за газетой или сигаретами, вернулся, сел около двери и стал ждать, когда вернется мистер Армстронг. А когда взломщик открыл дверь, Кларк застукал его с поличным. Что случилось потом, каждый может себе представить, но этот рыжий — именно тот, кто

нам нужен.— Он взглянул на Хансена: — Вы знаете, где он живет?

— Я знаю, куда он меня привел.— Хансен назвал адрес в Сайпресс Хиллз.— Еще за ним следило ФБР. Может, у них информации больше.

— Это мы тоже отработаем.— Капитан повернулся к Армстронгу: — Вам придется отдать этот фильм нам. Боже, что за улика! — Его мясистое лицо выражало восхищение.— Самая изящная ловушка, которую я видел в жизни и которая сработала. Поздравляю! Жаль, что у вас нет другой такой штуки в Хартфорде.

— Найдется и там. Если я вам больше не нужен, то я хотел бы именно туда и отправиться.

— Конечно, поезжайте! Будь я проклят, если у меня есть причины вас задерживать.

— Спасибо.— Армстронг достал ключ от входной двери и протянул его Хансену: — Закроете потом, ладно? Я позвоню вам в контору сразу, как вернусь: — Он снова посмотрел на капитана полиции.— Если появятся люди из ФБР, надеюсь, вы им все объясните.

Кивнув Нортону, который уже спешно царапал в блокноте какие-то каракули о покойном Кларке Маршале, он вышел и сел в машину.

Он ехал очень быстро, но спокойно. Серые глаза с обманчивой небрежностью следили за дорогой, изредка поглядывали в зеркало заднего вида и снова возвращались на стремительно бегущую ленту асфальта.

Через час с небольшим Армстронг достиг развязки, где сходились пять дорог. Такой случай упускать было жалко. Обогнав тяжелый грузовик и увернувшись от двух встречных «седанов», он свернул, стремительно описал круг и вновь выскочил на ту же трассу. И, не теряя времени, развернул машину поперек дороги, прямо перед носом зеленого туристского микроавтобуса, который вот уже полчаса следовал за ним как на привязи.

Как ни быстр был маневр, водитель зеленой машины успел среагировать. Увидев перед собой автомобиль Армстронга и заметив, что другая полоса занята приближающимся грузовиком, он резко затормозил и остановился буквально в ярде от преграды. Включив заднюю скорость, он попытался развернуться, но тут уже Армстронг оказался на высоте. Подбежав к зеленой машине, он резко распахнул дверцу и рванул рыжего водителя за левую руку.

Глава пятая

Подобно многим атлетически сложенным людям, Армстронг имел лишь приблизительное представление о собственной силе. Он выдернул рыжего из-за руля, как куклу, и не успел тот коснуться ногами земли, как огромный кулак ударил его прямо в челюсть. Рыжий, пролетев по воздуху пару ярдов, грохнулся наземь и затих. Словно свечка потухла.

Слегка удивленный тем, что его удар оказал подобный эффект, Армстронг подул на костяшки пальцев, огляделся и обнаружил, что собрал аудиторию. Из грузовика, остановившегося ярдах в пятидесяти, высунулся водитель и с любопытством смотрел на происходящее; какая-то легковушка притормозила у обочины, и непомерно толстая женщина с целым выводком ребятишек таращила на него глаза, как будто здесь снимают кино. Позади машины Армстронга плавно остановился черный лимузин, из которого не спеша вышли два человека.

Отыскав носовой платок, Армстронг перевернул бесчувственного рыжего лицом вниз, завел ему руки за спину и приготовился связать, когда заметил, что к нему приближается парочка из черной машины. Оба были плечистые парни, но Армстронгу не чета.

Один из них выставил ногу и слегка пнул ботинком лежавшего пленника.

— Вы нас опередили, мистер Армстронг,— заметил он, и в его руке сверкнула золотая бляха.—

Мы офицеры ФБР.— Он задумчиво посмотрел на рыжего.— Мы сразу его засекли, как только он увязался за вами. Зря вы так. Лучше бы веревочке виться дальше — глядишь, этот тип размотал бы ее столько, что хватило бы его связать.

— Вы опоздали,— отрывисто сказал Армстронг.— Им уже интересуется полиция.

— О, в таком случае вы выполнили работу на отлично,— признал агент.— Мы бы его запросто взяли, только вот полиция всегда забывает нас об этом попросить.— Он вытащил наручники: — Разрешите? Мы доставим его в лучшем виде.

— Я бы с удовольствием,— отчетливо произнес Армстронг,— но мне не нравится форма ваших ушей.

С этими словами он ударил офицера в зубы. Таким ударом можно было свалить и быка... Человек с глухим стуком растянулся плашмя.

Одновременно Армстронг сделал «нырок». Толстуха, которая, раскрыв рот, все еще выглядывала из окна своей машины, должно быть, подумала, что у него глаза на затылке, так как напарник поверженного офицера, махнув своей дубинкой по воздуху, вдруг согнулся, почти упал на широкую спину Армстронга и тут же был опрокинут на землю. Первый агент попытался встать, и Армстронг прыгнул к нему, одновременно ударив второго ботинком в живот. Это вышло случайно, но удачно, и теперь он мог не опасаться валяющегося в пыли первого.

Быстрота, столь необычная в таком крупном и массивном человеке, казалось, принесла ему легкую победу, но нельзя учесть все. Занятый двумя противниками, Армстронг не заметил, как очнулся рыжий. Тот выбросил вперед ногу — в самый нужный момент, и Армстронг грохнулся на асфальт.

Не в силах вздохнуть, он перекатился на спину и услышал женский истошный вопль. Кто-то схватил его за ноги. Бледно-голубые глаза заглянули

ему в лицо, а затем что-то взорвалось в его голове. И сразу все поглотил мрак...

Сознание возвращалось медленно. Он лежал на траве, а на голове набухала шишка. Тупая пульсирующая боль мучительно отдавалась в глазах. Когда мгла рассеялась, Армстронг увидел над собой водителя грузовика и патрульного полицейского мотоциклиста. Он сел, потирая раскалывающуюся голову, и огляделся по сторонам.

Машина с толстухой исчезла, впрочем, как и машина рыжего и черный лимузин. Его собственный автомобиль стоял на обочине, а за ним притулился полицейский мотоцикл.

— Фу! — выдохнул он, осторожно поглаживая голову.

— Эти парни здорово вас отделали,— смущенно сказал водитель.— Они так быстро смотались, что я не успел запомнить номера машин.

— За ними едет мой напарник,— вставил полицейский.— Мы опоздали только на минуту, так что, может, еще успеем догнать.— Он взглянул на Армстронга: — Вы сумеете их опознать? Вы их знаете?

— Нет. Пока не знаю,— мрачно ответил Армстронг. Стараясь сидеть прямо, он сжимал голову так, словно боялся, что она рассыплется на мелкие кусочки.— Двое хотели меня надуть. Представились агентами ФБР. Якобы они меня охраняли. На самом деле они сопровождали третьего.

— Как вы узнали, что они не из ФБР? — Никогда не слышал, чтобы люди из ФБР разъезжали в иностранных спортивных машинах или использовали наручники европейского образца.

— Значит, им будет предъявлено еще одно обвинение,— размышлял вслух полицейский.— И серьезное — имперсонация представителя закона. В любом случае, я должен представить рапорт. Пожалуйста, ваше имя и адрес.— Повернувшись к шоферу грузовика, полицейский прибавил: —

Ваши — тоже, вы свидетель.— Записав данные, он спросил Армстронга: — Далеко вы направляетесь?

— В Хартфорд.

— Не наш округ, но сейчас это не имеет значения. Я поеду за вами следом. Если они за вас взялись, то могут попробовать еще раз.

Усевшись за руль, Армстронг отправился дальше; полицейский мотоцикл стрекотал позади. Вести машину было трудно, на каждый удар пульса голова отзывалась, как чугунный шар. С усилием удерживая набрякшие веки, он всматривался вперед, чувствуя, как внутри поднимается злость. Оказалось, что это была не слишком удачная идея — вот так, с налету, покончить с рыжим. Единственное, чего он добился,— заработал шишку на голове.

Или не только? Продолжая размышлять, Армстронг пришел к выводу, что теперь у него есть вполне определенная уверенность — казалось бы, бессмысленные поиски кусочков им же самим придуманной головоломки вовсе не являются бессмысленными. Общая картина существовала, нужно только ее построить, а для этого — найти и собрать все фрагменты. Его дом и лабораторию обыскали не шутки ради. И рыжий с приятелями не просто так повис у него на хвосте. За всем этим угадывалась цель, и ее можно выяснить, если он, Армстронг, проявит чуть больше упорства и если ему немного повезет.

Эти мысли настолько успокоили Армстронга, что он прибыл в Хартфорд в куда более спокойном состоянии. Полицейский на мотоцикле отстал, дав на прощание двойной сигнал, и помчался обратно, на свой участок. Армстронга встретила миссис Сондерс; она нервно ломала руки и уверяла, что вышла всего на пару часов.

— Я успела только завернуть за угол!..

То, что он увидел, было почти полным повторением сцены из первого фильма, разве что здесь взломщиком оказался худощавый тип с впалыми щеками, который сделал свое дело без всяких помех. Прибыли двое хартфордских полицейских в штатском, и Армстронг прокрутил фильм еще раз, для них. Однако полицейские не опознали человека со впалыми щеками и вскоре удалились, забрав пленку как вещественное доказательство. Армстронг прибрал в лаборатории, проверил оборудование и наконец убедился, что ничто ценное не пострадало.

Ясно, что оба взломщика не нашли того, что искали. Может, они решат, что он носит это с собой? На всякий случай надо следить в оба!

Лишь через три дня он увиделся с Хансеном. Томная Мириам провела его в кабинет, где детектив беспокойно ерзал в скрипучем кресле.

— Я ошеломлен той скоростью, с какой мы бегаем по кругу,— устало заявил Армстронг.

Хансен нахмурился, порылся в столе, достал ключ от квартиры Армстронга и бросил его на стол.

— Обычно я чего-то добиваюсь, когда знаю, куда идти. Чего, черт побери, вы от меня хотите, если я работаю в потемках? Вы просите от меня информацию и время от времени зовете на помощь...

— Просто все очень скверно,— смягчился Армстронг.— Поверьте, я не стал бы держать вас в потемках, если бы сам видел хоть какой-то луч света.

— Вы всерьез хотите уверить меня в том, что топчетесь, как пьяный слон в посудной лавке, не понимая, что творится вокруг?

— Именно так! И, черт возьми, как хочется изменить ситуацию!

— Боже мой! — не поверил Хансен.— Вы суете свой нос в чужие дела, бросаете деньги на ветер, людей преследуют и убивают — а вы не знаете, почему!

— Послушайте! Дело не во мне. Можете думать, что я просто помешался. Но остальное идет своим чередом. Вот в чем вся штука!

— Вздор,— сказал Хансен.— Своим чередом отчалит гроб на катафалке. И в нем будете вы.— Он нахмурился еще больше.— И никто не поймет почему.— Хансен наклонился над столом и добавил: — И никто не будет знать — кто следующий?

— Вы попали в точку,— согласился Армстронг.— Это было бы неплохо — узнать, кто на очереди, после того, как меня похоронят.— Неожиданная мысль вдруг пришла ему в голову, и он с энтузиазмом добавил: — Например, вы!

— Не исключено,— мрачно заметил Хансен.

— Но,— продолжил Армстронг,— если я протяну ноги, людям следует знать, почему я их протянул. Это могло бы побудить кого-нибудь подхватить эстафетную палочку. А когда убьют и его, у меня на том свете появится друг.

— Мой бизнес ограничен этим светом,-чопорно заявил Хансен.— Астральные сферы меня заинтересуют, когда там станут платить полновесной монетой.

— Отлично.— Жестом руки Армстронг как бы отмел неприятные мысли.— Я расскажу вам то немногое, что знаю, а дальше поступайте, как сочтете нужным. Короче, мне пришла в голову мысль, что катастрофы в космосе не случайны. Возможно, это чей-то умысел. Может быть, кто-то подстраивает их.

— Кто?

Армстронг наградил Хансена презрительным взглядом.

— Как вы думаете, если я знаю ответ, то зачем я, черт возьми, прыгаю, как мартышка в клетке?!

Хансен промолчал, и тогда он продолжил:

— Эту предпосылку я принял в основном ради собственного развлечения. Или еще по какой-то причине, которую я сейчас уже не в состоянии объяснить. Если допущение неверно, то все мои заключения тоже будут неверными, как бы логичны они ни были. Я отталкивался от того, что катаст-

рофы космических кораблей организуются неизвестными лицами. Что же отсюда следует в первую очередь?

— Продолжайте.

— Эти аварии происходили в разное время, корабли создавались различными группами ученых и в различных государствах. Следовательно, никакой, даже сверхгениальный маньяк-одиночка не может быть ответственным за все катастрофы. Следовательно, за этим стоит организация, причем она должна быть действительно международной и лишенной всяких патриотических мотивов. Здесь мы подходим к первому противоречию.— Армстронг задумчиво почесал подбородок.— Предположим, русские хотели бы помешать нам достичь Марса раньше их; по той же причине французы могут притормозить англичан, и так далее, но зачем какой бы то ни было международной организации останавливать всех подряд? Чего они добиваются? Каковы их цели?

— Почем я знаю? — пожав плечами, сказал Хансен.

— Да, тут вроде никакого смысла нет,— кивнул Армстронг,— и именно это беспокоит меня больше всего. Неделю назад я представлял себе два решения: первое — что они продают свои услуги всем государствам по очереди, но тогда эту банду уже давно вытащили бы за ушко да на солнышко. Второе — я спятил, и мне мерещится всякая чертовщина.— Армстронг яростно поскреб голову.— Черт побери, но ведь шишка на черепе мне не мерещится.

— Подозреваю, что, погнавшись за призраком, вы, сами того не желая, наткнулись на нечто конкретное, но абсолютно из другой оперы,— предположил Хансен.— Как тот парень, который копал колодец, а выкопал труп.

— Может быть, но вряд ли.— Армстронг на миг задумался.— Если организация существует, то искать ее нужно повсюду, потому что она наверняка

прячется под самой невинной вывеской. Вот почему я держу вас на сборе информации. Хочу подвести подозрения под общий знаменатель.

— А! — заметил Хансен. Глаза его блеснули, и он снова воскликнул: — А!

— Беда в том, что у меня слишком мало данных. Да еще эти полицейские истории, слежки и погромы... Отвлекает. Вы получили письма из Англии и Франции?

Хансен достал из ящика четыре письма.

— Извините, мне следовало отдать их вам сразу. Они пришли вчера днем.— Хансен покрутил свой перстень.— Как я понимаю, вам нужна информация об одиннадцати людях, которые упоминаются в этих письмах?

— Обязательно? — Армстронг быстро просмотрел письма и протянул их назад.— Что ж, кое-кто ответил. Даже больше народу, чем я ожидал. Некоторых людей чертовски легко напугать. Крикнешь им: «Эй!» — и они уже молчат.— Засунув руки в карманы, он вытянул ноги и вздохнул: — Хорошо бы иметь окурок сигареты с места каждого преступления, а потом поговорить по душам с тем парнем, который этот окурок выбросил. Как в кино.— Армстронг мрачно взглянул на слушавшего его Хансена.— Разве вы не согласны, что любое преступление можно раскрыть по окурку, на котором написано имя убийцы, а?

— Так не бывает,— усмехнулся Хансен.— Во всяком случае, у меня. Мне приходится трудиться в поте лица — но в конце концов получается то же самое.

— Потеть, конечно, приходится. Всякий раз, когда мы надеемся, что к чему-то пришли, вдруг обнаруживается, что мы не пришли ни к чему. Рыжий исчез вместе со своими спасителями, и с тех пор о них ни слуху ни духу. Квартира в Сайпрес Хиллз оказалась арендованной человеком, который уже исчез, и опять никакого ключика. Ник-

то не может нащупать след того типа, который разгромил мою лабораторию. Кларк Маршал умирает от тромбоза сосудов сердца, точь-в-точь как Боб Мэндл, и ни один эскулап не находит в этом ничего необычного...

— Но хоть что-нибудь они узнали? — Что они могут? Божатся, что симптомы самые обычные, и такая смерть не может быть насильственной. И что сам человек не может ни съесть, ни выпить, ни ввести себе шприцем ничего, что привело бы его к подобному концу. Отсюда следует, что обе смерти были естественными, несмотря на то что последняя произошла при чрезвычайно подозрительных обстоятельствах. Вот так-то!

Оба надолго замолчали, размышляя, затем Хансен заметил:

— Мистер Армстронг, я пришел к выводу, что у всех людей, о которых вы собираете информацию, есть одно общее качество.

Армстронг подобрал ноги.

— Какое? — отрывисто спросил он.

— Все они живы.

Снова вытянув ноги, Армстронг расслабился.— Конечно, живы. Зачем мне информация о мертвых?

— Почему нет? Некоторые из них вполне могли делиться на этот ваш неуловимый общий знаменатель, когда были живы.

— Не исключено.

— А кое-кто вполне мог умереть естественной смертью.

— Что вы имеете в виду?

— То, что их, возможно, скрутил тромбоз сосудов сердца.

— В самом деле! — Армстронг мысленно повертел идею так и сяк.— Хорошо, предположим, мы обнаружили дюжину умерших от этой болезни — ну и что? Любой врач скажет нам, что для такого города, как Нью-Йорк, это — капля в море. Тем не

менее я все же согласен, что это что-нибудь может значить. Но что?

— У меня есть на этот счет одно соображение,— произнес Хансен.— Вы ловко подловили рыжего этой вашей камерой, но одновременно убедились, что рыжий тоже не промах. Между прочим, наверняка вы заметили то же, что и я, и подумали об этом раз пятьдесят с тех пор.— Хансен снова покрутил перстень.— А полиции это и в голову не пришло.

— Да,— медленно согласился Армстронг.— Та штука, которую рыжий держал в руке, когда стоял у двери. Она напоминала фонарь. Но кто, скажите на милость, будет стоять за дверью с фонариком на изготовку? Это нелепо. Тем не менее он держал его так, как держат оружие.— Армстронг взглянул на Хансена: — Мне кажется, у него был газовый баллончик.

Хансен кивнул:

— Согласен.— Он облизал тонкие губы.— Я могу строить предположения об этом оружии только на основе известных фактов, пусть даже они не совсем обычны. Но я никогда не поверю, что подобная штука — некое абсолютно неизвестное приспособление. Я пришел к выводу, что мы видели карманный газовый баллончик. Поэтому вчера днем я позвонил доктору Лоури и спросил, знает ли он какой-нибудь газ, способный вызвать тромбоз сосудов сердца.

— И что он ответил?

— Он ответил, что сама мысль об этом абсурдна.

— Ну вот, мы снова в тупике,— проворчал Армстронг.

— Он дает по десять долларов за каждое свое слово, и слов было немало, что такого газа не существует.— Снова облизав губы, Хансен добавил: — Но...

— Не тяните, Хансен? Вы не давали обет молчания?

— Но газовый раздражитель, достаточно мощный, чтобы вызвать дыхательные спазмы, в принципе мог стать причиной смерти человека с определенной стадией тромбоза. Пульс у жертвы учащается до неимоверной частоты и как поршнем загоняет тромб прямо в сердце.

— Ни черта это нам не даст,— заявил Армстронг, снова откидываясь в кресле.— Я своими глазами видел, как загнулся Мэндл. Он ни разу не кашлянул.

— Знаю. Я поинтересовался. Я также присутствовал на вскрытии тела Маршала. Так вот, он не вдыхал ни газ, ни что-либо другое, что оставило бы следы в его легких. Кроме того, у него не было судорог — это установлено.

— И мы опять вернулись к исходной точке. Газовый баллончик рыжего, оказывается, вовсе не газовый.— Кустистые брови Армстронга сошлись вместе.— Сдается мне, мы заплутали в трех соснах.

— С вас сто долларов,— напомнил Хансен.— Надо торопиться получить свои деньги, пока клиент не загнулся.

Армстронг встал, отсчитал деньги.

— Дайте срок, и я выберусь из этого тупика, даже если придется рискнуть своей шеей. Хотя, *надеюсь, когда я получу от вас все досье, я смогу* проложить другой путь. Но для этого мне нужна информация — и чем раньше, тем лучше.

— Это уж моя работа,— сказал Хансен.— И поверьте, я не сижу сложа руки. У меня есть кое-какие соображения.

Армстронг уже наполовину открыл дверь, но задержался.

— Не откажетесь сообщить? — спросил он.

— Дело в корреляции. Эти ребята обшарили ваш дом и лабораторию не просто так. Они что-то искали, хотя мы и не знаем, что именно. Если кто-то из вашего списка тоже подвергся обыску или был

убит, это станет для меня отличным указателем. Сейчас я отрабатываю эту версию.

— Вы тратите время впустую.— Армстронг с интересом наблюдал, как Хансен открыл рот, а затем закрыл его, не сказав ни слова.— Этой версией я уже сыт по горло. Почему? А потому, что я понял — ФБР знает, что у меня искали, но предпочитает молчать. И еще они знают, что этого у меня быть не могло...

— Значит, они просто гнусные, мерзкие врунны! — Хансен почесал лоб.— Черт побери! С каждой минутой мы погружаемся все глубже и глубже и даже не знаем — во что!

Смиренно ссутулив широкую спину, Армстронг закрыл дверь и направился домой.

Кто-то, быть может сам Хансен, прибрал его квартиру, что его очень порадовало. Отряхнув плащ, Армстронг повесил его на вешалку, достал потайную камеру, перезарядил ее, подготовил к работе и вставил обратно в тайник.

Затем он позвонил Клэр Мэндл. Она казалась такой же опрятной и приветливой, как всегда.

— О, это вы, мистер Армстронг!

— Джон! — поправил он.

— Вот еще,— парировала она.— Мы не настолько близко знакомы.

— Именно поэтому пусть пока будет Джон. Для более серьезных дел еще слишком рано.

— Отсюда я заключаю, что вы звоните мне не для профессиональной консультации, а просто поговорить о цветах, которые появляются весной! У вас опять скрытые мотивы.— Она мелодраматически вздохнула.— Ну хорошо, можете изложить дело... Джон!

— Послушайте,— произнес он,— я позвонил, чтобы выяснить, можем ли мы опять где-нибудь встретиться?

— Встретиться-то мы можем. Только надо ли? — Я хотел задать вам один очень важный вопрос.

— Неужели! Так быстро! — Она взглянула на него в притворном изумлении.

Он продолжал срывающимся голосом:

— Если у меня не окажется возможности задать его при встрече, я вынужден буду спросить прямо сейчас!

В ответ Клэр чуть опустила глаза. Красиво играет, подумал Армстронг, медленно наливаясь краской.

— Кто-нибудь побывал у вас? Кто-нибудь рылся в ваших бумагах? — проскрежетал он сквозь зубы.

Она озадаченно взглянула на него:

— Откуда вы узнали?

— Значит, кто-то был! — мрачно заметил он. Но про себя порадовался — само небо посылало ему отличную возможность сблизиться с ней.— Клэр, если вы хотите узнать подробности, это должно обсуждаться за чашкой чая, а не по телефону.

— Это ультиматум?

— Да.

— Браво! — заключила она.— Ладно, я сдаюсь. Сегодня?

Армстронг истово закивал и подумал, что ведет себя совсем по-детски; впрочем, его это не смутило. Ее улыбка была искренней.

— На том же месте в тот же час?

— Приходите пораньше!

Он проследил, как растаяло на экране ее изображение, потом вдруг пнул диванную подушку ногой, несколько раз хлопнул в ладоши, пару раз проорал во все горло:

— Здорово! Здорово! Здорово! — И, успокоившись, отправился бриться.

Клэр явилась минута в минуту — в превосходно сшитом костюме и маленькой фетровой шляпке.

— Ну,— сказала она, когда они сели за столик,— как вы собираетесь посвятить меня в эту тайну?

Он сидел сцепив руки и напряженно глядел на нее. Молчаливое созерцание продолжалось доволь-

но долго, и спустя какое-то время она усмехнулась, достала пудреницу, изучила себя в зеркальце, но обнаружить пятнышко на носу не удалось. Убрав пудреницу, Клэр наклонилась вперед и легонько ударила его по руке:

— Проснитесь! Я задала вам вопрос!

Покачав головой, Армстронг проникновенно произнес:

— Воображение! Красота! Ум! Ах, черт возьми!

— В чем дело?

— Ни в чем. Скажите мне, почему вы так совершенны?

— Наверное, потому, что вы не носите очки,— усмехнулась Клэр.— Кроме того, уж не хотите ли вы меня обольстить?

— Боже сохрани! — горячо сказал Армстронг.— Хотя...

Она снова ударила его по руке, на этот раз сильнее.

— Хватит на меня смотреть, вы не в зоопарке? Возьмите себя в руки и рассказывайте об этих мародерах.

Обидевшись, Армстронг открыл было рот, чтобы дать достойный ответ, но в последний момент передумал и произнес:

— Ладно. Слушайте. Мою берлогу прочесали граблями три или четыре дня назад. То же самое сотворили с моей лабораторией в Хартфорде. Что они искали — для меня загадка, и она не дает мне покоя.— Он внимательно посмотрел на нее. Сейчас нельзя ошибиться. Иначе можно угробить все дело.— Так как это произошло вскоре после нашей последней беседы, я задумался — нет ли здесь какой-либо связи. Иначе говоря, нас могли заподозрить в обмене какой-то информацией — тогда вы тоже должны были стать жертвой.

— Ясно.— Она была озадачена.— Чем же таким интересным мы могли обменяться?

— Наверное, тем, что искали в вашем доме,— подчеркнул Армстронг.

Клэр не обиделась, лицо ее стало еще серьезнее.

— Кто-то проник в дом вчера, перерыл все мои бумаги, перевернул вверх дном содержимое стола и библиотеки, но ничего не взял.

— Вы уверены, что не упустили какую-нибудь мелочь?

— Вполне.

— Может быть, что-то из архива вашего брата?..

— Оттуда тоже.— В ее взгляде появилась усмешка.— Что особенного могло быть в бумагах Боба?

— Я знаю, что он работал с правительственным заказом высшей степени секретности.

— Кто вам это сказал?

— ФБР.

Трудно было судить, попал ли удар в цель. Клэр прекрасно владела собой и восприняла эту информацию спокойно. Казалось, она просто задумалась над ответом.

— Боба привлекали к какому-то космическому проекту. Это я знаю точно. Но в бумагах ничего подобного нет. Единственное исключение — та статья, в которой он объяснял свою теорию слоев. Очевидно, он не вел записей на эту тему и передавал материалы прямо правительству, уничтожая черновики. Боб всегда был очень методичен и чрезмерно осторожен.

— Так и должно быть, если человек связан с секретной работой,— одобрительно сказал Армстронг.

— Насколько мне известно, сейчас готовится старт корабля под номером восемнадцать,— продолжала Клэр,— Боб наверняка занимался именно этим проектом. Я думаю, корабль будет совершенно новой, особой конструкции, основанной на последних разработках...

— Номер восемнадцать, можно сказать, уже почти при смерти,— возразил Армстронг и, вне-

запно решившись, принялся подробно описывать свой недавний визит в Нью-Мехико, спарринг-матч с Фазергилом и то, что узнал от Куина.— Не знаю, что подумаете вы,— заключил он,— но мне кажется, что такие задержки неспроста. Корабль как будто задерживают изо всех сил, заботясь только об одном — чтобы это не слишком бросалось в глаза.

Клэр задумалась, ее глаза вдруг стали серьезными. Наконец она сказала:

— Возникает любопытный парадокс. Корабль финансируется правительством, и большинство препятствий кажутся инспирированными опять же правительством.— Правительство строит этот корабль и само же тянет с окончанием работ. Возможно, в игре участвует кто-то еще, и это усложняет ситуацию, но давайте пока сконцентрируемся только на правительственном аспекте. Почему власти тянут с постройкой корабля?

— Конечно, не потому, что у них нет на это денег. Спросите что-нибудь полегче!

— Мы должны ответить на этот вопрос. Потому что под кажущимися противоречиями всегда кроется логика.

— Единственное, что приходит на ум,— строительство корабля могут тормозить, когда появляется альтернатива уже созданным разработкам. Но зачем они ломают уже построенное, если можно заранее спланировать сроки монтажа под окончание испытаний каждого конкретного устройства? Я знаю, что бюрократы — не люди, но не настолько же!

Она неодобрительно сморщила носик.

— По-моему, слишком уж просто. Вы сами-то верите в это?

— Не верю. Но попробуйте сочинить что-нибудь получше.

Клэр снова задумалась, и Армстронг, заказав напитки, воспользовался случаем, чтобы внимательно

но ее рассмотреть. Она, казалось, не замечала его пристального взгляда; в молчании прошло несколько минут, затем ее глаза вдруг вспыхнули.

— А что, если номер восемнадцать вовсе не при смерти? Что, если он вообще не рождался?

— Я вас не понимаю.

— Приманка. Подсадная утка.

— Что? — воскликнул Армстронг.

— Ш-ш! — Она посмотрела на ближайшие столики.— Не надо так кричать! — Ее голос зазвучал тише, доверительнее.— Полмира пережевывает версию о постоянных диверсиях в космической промышленности, и, конечно, правительство не могло остаться в стороне. Теперь подумайте, что бы вы сделали на их месте, если бы решили поставить суперракету на стапель, но опасались бы всех этих странных штучек, происшедших с ее предтечами? — Взгляд Клэр стал острым, пронизывающим.— Что бы вы сделали?

Он хлопнул по столу огромной ручищей:

— Черт возьми! Я строил бы ее спокойно и тайком в какой-нибудь глуши, да хоть на Северном полюсе! И я строил бы другую, о которой знала бы каждая собака, в Нью-Мехико, специально для диверсантов.

— Умный мальчик! — похвалила Клэр.

— Только есть тут одна загвоздка, которая меня тревожит,— добавил Армстронг, не обратив внимания на ее сарказм.

— Откройте мне душу.

— В один прекрасный день кое-кому придется за все это отчитаться. Или оправдаться, если угодно.

— Но вас волнует не только это, верно? — подчеркнула Клэр.

— Конечно? Я вам уже говорил, кто меня волнует!

Впервые она покраснела, и он отметил это с удовлетворением. Словно прочитав его мысли, Клэр

достала пудреницу и слегка приложила к лицу подушечку. Армстронг следил за нею молча.

Закончив, она едко заметила:

— Мало кому удавалось угнаться за двумя зайцами.

— А вдруг я стану счастливым исключением? — возразил Армстронг. Он подозвал официанта и, когда на столе появились новые бокалы, доверительно наклонился к молодой женщине: — Давайте прекратим подпускать друг другу шпильки. Дело-то нешуточное. У меня все внутри переворачивается.

— Да что вы говорите! — прошептала она, сделав маленький глоток из своего бокала.

— В последние дни мне не дает покоя странное чувство,— упрямо продолжал Армстронг.— Не знаю, может, я просто свихнулся.

— Что за чувство?

— Смесь дурных предчувствий, раздражения, подозрения и вообще взвинченность.

— И давно это с вами?

— Не знаю. Давно. Или недавно. Я читаю новости, и оно появляется сразу же. Я смотрю на небо, и оно уже тут как тут. Слушаю радио, и оно пеленает меня, словно кокон. Я могу быть на седьмом небе — и вдруг самая пустячная мелочишка подрезает мне крылья. Я становлюсь капризнее примадонны.

— Вам нужна хорошая доза «Виталакса»,— поставила диагноз Клэр.

Он хмуро, чуть ли не свирепо глянул на нее.

— Вот от таких слов оно и возникает! И каждый день я трачу на борьбу с ним все больше и больше сил!

Поставив бокал на стол, Клэр серьезно заметила:

— Можно сказать иначе, Джон. Вам необходимо как следует отдохнуть.

— Не думаю. Физически я совершенно здоров. Меня тревожит состояние моей психики. И на то есть основания.— Армстронг спокойно посмотрел на

нее.— У меня нет доказательств, но что-то упорно подсказывает мне, что это важный кусок той загадки, которую я пытаюсь разрешить.

— Вы хотите сказать, что ваша раздражительность связана с проблемой ракет?

— Клэр, да неужели она может быть связана с чем-нибудь другим? Я уверен в этом так же, как в том, что вы сидите передо мной.

— Вы пытались докопаться до первопричины?

— Да, конечно,— только не сработало. Не понимаю, что за чертовщина.— Армстронг уныло посмотрел по сторонам и искоса глянул на Клэр.— Например, считая как-то вечером ворон, я вдруг заметил темнокожего ладного парня в зеленом тюрбане. Очевидно, свами — его звали Шри Банерджи или как-то похоже. Я немедленно стал размышлять об индусском аскетизме. Я думал о тех, кто годами пристально вглядывается в солнце, пока не ослепнет совсем, а затем продолжает это занятие уже незрячим аесь остаток своей жалкой жизни. Я думал о других, которые держат руку поднятой, пока она не высохнет, и о третьих, которые сидят на корточках, пока ноги их не деформируются, и этих людей приходится потом носить на руках. Я увидел всех их словно воочию. И я почувствовал, что сердце мое сейчас выскочит из груди — так это было больно.

Странный блеск появился в глазах Клэр, когда Армстронг умолк.

— А как вы себя чувствуете со мной? Только серьезно, без острот.

— Спокойно,— сказал он.— Спокойно, безмятежно и как-то мирно.

Ее негромкий смех напоминал звон колокольчиков.

— Как если бы я была не от мира сего?

— Вы отнюдь не ангел, и слава Богу,— ответил Армстронг.— Вы женщина. Предпочитаю вас в женском качестве.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Я на него отвечу,— неожиданно сказал Армстронг,— когда буду владеть всеми фактами.

Их глаза смотрели прямо друг в друга, и слова ее стучали, как барабан, в его мозгу: не от мира сего... не от мира сего... не от мира сего... Черт подери! Люди не из этого мира! Клэр первой опустила глаза.

Глава шестая

Был час пополудни четвертого дня, с тех пор как Хансен прислал последнее досье. Армстронг отодвинул в сторону кучу бумаг, поскреб щетину и потянулся к телефону.

— Ханни на месте?

Соединяю,— медленно выговорила Мириам.

На экране появилось-суровое лицо Хансена.

— Вы получили счет? — спросил детектив.

— Да. Чек послан почтой.

— О'кей! Что-нибудь еще?

— Еще? Мой Бог, мы только начали! Я кое-что нашел в этих досье. Вы можете приехать ко мне?

— Через двадцать минут.— Хансен исчез с экрана.

Наскоро побрившись, Армстронг заметно посвежел, но круги под воспаленными глазами все же остались. Когда прибыл Хансен, Армстронг еще держал в руках полотенце.

— Рассказывайте, Шерлок,— бросил детектив, плюхаясь в кресло.

— Из ста семнадцати досье я выбрал тридцать четыре, которые объединены одним фактом. А именно — членством интересующих нас людей в «Норман-клубе».

— Хм! — На Хансена это явно не произвело впечатления.— Слышали о таком?

— Не помню.— Детектив беззаботно махнул рукой.— На свете столько же клубов, сколько рыб в

море. Большинство из них просто мыльные пузыри. Почему же «Норман-клуб» такой особенный?

— Особенностей несколько. Для начала, клуб — международный. Филиалы есть в каждой стране, практически — в каждом городе. Клубы эти закрыты для посторонних. Только сами их члены знают, зачем они туда приходят.

— Где вы раскопали этот мусор?

— В Центральном Регистре. Да будет вам известно, что все клубы и организации обязаны регистрироваться. «Норман-клуб», по документам, всего лишь литературное объединение, и никаких политических целей не преследует. Чушь собачья, за этим явно что-то кроется.

— Гм,— произнес Хансен.— Вы хотите, чтобы я проверял всю эту толпу?

— Нет, не хочу. Я собираюсь залезть прямо в их местный клоповник и сделать это сам, если сумею, конечно.— Армстронг швырнул полотенце на вешалку и сел, не сводя глаз с гостя.— Надеюсь, кое-что разузнаю. У того рыжего был эскорт, и думаю, что это — не просто так.

— Делайте, что хотите,— невозмутимо сказал Хансен.— Только дайте мне знать, если в вашем кошельке покажется дно.

— Я хочу, чтобы вы находились поблизости — на случай, если меня загонят в угол.— Наклонившись, Армстронг открыл шкаф и достал небольшой черный приборчик с крохотной параболической антенной на торце. Протянув его Хансену, он подробно объяснил, как им пользоваться, и закончил: — Будьте готовы к шести часам вечера, угол Шестой и Западной Пятьдесят Восьмой. Однажды вы согласились со мной работать — и это был ваш собственный, осознанный выбор. Так следуйте ему.

Хансен встал, задумчиво повертел приборчик и опустил его в карман.

— Ладно. Я там буду. Но если вы умрете от тромбоза, я тут же уношу ноги. «Норман-клуб» — ха! —

Он пошел к двери.— Хорошо бы он оказался просто сборищем придурков, которые коллекционируют французские романы. Очень на это надеюсь.

Усмехнувшись, Армстронг ничего не ответил и только хитро глянул Хансену вслед. Он обратил внимание на полушутливую догадку детектива: слово «Норман» вызывало ассоциации с Францией. Там, в Париже, также был филиал клуба. Но филиалы имелись и в других местах, там, где изучение французской литературы выглядело бы несколько странно.

Очевидно, что «Норман-клуб» преследует некие цели, отличные от заявленных. Название его вовсе не обязательно связано с Францией или даже с Европой. Оно связано... С чем?

Черт, опять двадцать пять... Мысли понеслись вскачь, перепрыгивая друг через друга, одна путанее другой, а в конце цепочки его ждет ответ столь неясный, что, добравшись до него, он не сумеет понять, что именно получил. Это был безумный танец безумного мима, разгадать который можно лишь интуитивно, но любая попытка применить логику обречена на провал.

Нахальный клоун-мим танцевал, то появляясь, то вдруг исчезая из освещенного круга на сцене и — главное — не переставая насмехаться над зрителем:

— Давай, дружище, лови меня! Я все вижу, а ты, такой большой, не видишь ни черта! Раз, два, три, четыре, пять — где меня искать? Ни за что и никогда не поймаете меня!

От этой мысли становилось жутко. Где-то рядом скрывалась леденящую душу истина, которая ловко ускользала от Армстронга всякий раз, когда тот пытался ее схватить. Истина эта напоминала о себе постоянно — о ней говорили по радио, кричали и трубили во весь голос на переполненных улицах, с иронией она звучала в помпезных речах политиков, ее с придыханием нашептывали губы ослеп-

ших отшельников, о ней бормотали толпы молящихся.

Армстронга прошиб пот. Громоздкий и неповоротливый, как медведь в клетке, он топтался по ковру, туда-обратно, туда-обратно, туда-обратно. Под его тяжелыми шагами скрипели половицы. Туда-обратно. Когда открывается зоопарк? Пускают ли туда посетителей? Принесли они какие-нибудь булочки? «Она полюбит "Чиклеминт"». Он яростно надавил правым кулаком на левую ладонь. Пора? Скоро шесть часов?

«Норман-клуб» ненавязчиво намекал о миллионах долларов в карманах его членов. У десятиэтажного здания был огромный арочный подъезд, а фасад облицован серым гранитом; и то и другое производило впечатление. За аркой находилась стеклянная вращающаяся дверь, а перед дверью располагался швейцар, наряженный, как увешанный звездами генерал игрушечной армии.

Поднявшись по широким мраморным ступенькам, Армстронг наткнулся на изящную «генеральскую» руку в белой перчатке.

— Прошу прощения, сэр,— услышал он хорошо поставленный голос.

— Пока не за что,— сказал Армстронг с дерзкой щедростью.

— Сэр, вход разрешен только членам клуба.

— А! — Армстронг сдвинул шляпу на лоб и почесал в затылке. «Генерал» наблюдал этот неизысканный жест с благовоспитанной снисходительностью, намекающей, что членство в клубе не для тех, кто привык почесываться. Между тем Армстронг оценивающе разглядывал швейцара.— Как стать членом? — спросил он.

— Нужно иметь рекомендации, сэр.

— От кого?

— От члена клуба, сэр.

— Ах да, конечно.— Армстронг слегка толкнул дверь, отчего она начала медленно поворачиваться.—

Боюсь, чтобы убедить моего влиятельного друга дать рекомендацию, мне придеться сперва войти.

«Генерал» воинственно нахмурился, сделал шаг вперед и вытянул руку шлагбаумом:

— Очень жаль, сэр...

Армстронг аккуратно наступил своей ножищей на лакированный ботинок швейцара и так же аккуратно толкнул его в грудь. «Генерал» моментально оказался в сидячем положении. Быстро оглядев улицу, Армстронг вошел в дверь и очутился в фойе, пол которого покрывал толстый ковер.

Некто с набриолиненными волосами взял у него шляпу и пальто и элегантным жестом указал на дверь в дальнем конце:

— Сюда, сэр.

— Благодарю вас.— Шагая по толстенному ковру, Армстронг добрался до двери, оглянулся и заметил, что снаружи, на улице, швейцар в униформе уже поднялся на ноги и принял исходное положение. Преследовать его швейцар не пытался — видно, не очень-то он был уверен в себе, а может, предоставил справляться с бесцеремонным чужаком внутренней службе. Удовлетворенно улыбнувшись, Армстронг открыл дверь и шагнул в проем.

Дверь бесшумно закрылась за ним, чуть слышно щелкнул замок, и единственный в комнате человек, сидевший за дальним столом, поднял голову. Это был смуглый, холеный мужчина с черными глазами.

Равнодушно оглядев гостя, он любезным тоном произнес:

— Рад видеть вас, мистер Армстронг.— Затем он изящной рукой указал на кресло: — Садитесь, пожалуйста.— И нажал кнопку на столе.

Осторожно усевшись, Армстронг громко произнес:

— Так вы меня знаете?

— Конечно, конечно.— Мужчина коротко и деланно рассмеялся.— Мы вас ждали. Мистер Ротман

будет здесь с минуты на минуту. Уверяю вас, он не задержится.

— Отлично.— Армстронг закинул ногу за ногу и сердито уставился на смуглого, который, совершенно не обратив на это внимания, принялся за свои бумаги.

«Мы вас ждали!» Как, во имя всех святых, они могли его ждать? Никто не знал, что он придет сюда, кроме Хансена и разве что Мириам. Армстронг встал и направился обратно к двери. Попробовал ее открыть — как и следовало ожидать, она оказалась запертой. Он вернулся в кресло. Смуглый даже не поднял глаз и с безразличным видом продолжал возиться со своими бумагами.

— Где мистер Хансен? — обратился к нему Армстронг.

Человек посмотрел на него, в черных глазах мелькнула насмешка.

— Мистер Хансен? — Он задумался на пару секунд.— Ах да, мистер Хансен! Мы позаботимся о нем, если возникнет необходимость.— Он перевел взгляд на другую дверь: — А вот и мистер Ротман.

Сунув руку в карман, Армстронг поднялся из кресла. Вошедший оказался крупным, кряжистым мужчиной, немного склонным к полноте. Его красная физиономия была увенчана копной вьющихся белых волос. Любезно кивнув смуглому, Ротман с протянутой рукой энергично направился к Армстронгу:

— Мой дорогой мистер Армстронг! Рад приветствовать вас! — Его рукопожатие было энергичным и радушным. Похлопав Армстронга по плечу, он хохотнул: — А вы знаете, я даже держал пари, что вы появитесь не позже чем через десять дней.

— В самом деле? — хмуро сказал Армстронг. Он был озадачен. Такого приема он ожидал меньше всего. Слишком много нелепых неожиданностей во всем этом нелепом деле...— Кто рассказал вам? Хансен? — спросил он.

— Господи, мистер Армстронг, вы нас недооцениваете. Наши источники информации гораздо более надежны.— Снова хихикнув, он повел Армстронга к той двери, откуда вышел сам. Смуглый продолжал работать, не обращая на них внимания.— Не сомневаюсь, мистер Армстронг, что вы найдете нашу компанию совершенно непохожей на то, что вы предполагали увидеть,— но так случается почти со всеми, кто к нам приходит. Очень спокойная компания, очень.— Подойдя к двери, он широко распахнул ее: — Прошу.

Армстронг, еще не переступив порог, успел заметить небольшую группу, человек шесть, расположившихся вокруг какого-то аппарата, похожего на гигантскую видеокамеру. Он не успел ни оценить обстановку, ни что-то предпринять, ни даже пустить в ход кулаки, к чему был внутренне готов, ни даже отпрыгнуть в сторону или броситься на пол.

Эта картинка — «видеокамера» и люди возле нее — запечатлелась у него на сетчатке за мгновение до того, как из аппарата вырвался яркий голубой луч, и... сознание покинуло Армстронга, а огромное тело рухнуло на пол.

По комнате распространялся залах озона. Позади — смуглый человек хладнокровно перекладывал бумаги на своем столе, продолжая что-то писать.

Армстронг пришел в себя в роскошно обставленной камере; в горле у него пересохло, но руки-ноги были целы. Он лежал на кровати, а вокруг стояли инкрустированный столик, небольшое бюро, пара глубоких мягких кресел, электрический радиатор, стеллаж с книгами в отличных твердых переплетах и многое другое, чего обычно в камерах не бывает. Видя все это словно в тумане, Армстронг облизал пересохшие губы, поднялся, пошатываясь, добрел до умывальника, открыл до отказа кран с холодной водой и напился.

Двери в камере не было, вместо нее имелась толстая решетка из бериллиево-стальных прутьев дюймовой толщины. Подойдя к решетке, Армстронг выглянул в коридор. Противоположная стена была глухой, но по бокам его камеры находились еще две и, возможно, еще несколько — дальше по коридору. Тряхнув решетку, он крикнул:

— Есть тут кто-нибудь?

Кто-то зашевелился в соседней клетке справа. Ее обитатель подошел к своей решетке, но видеть друг друга узники не могли. Невидимый сосед Армстронга заговорил; судя по голосу, он был намного старше.

— Значит, вы пришли в себя? Долго ж вы были без сознания. За последние два часа я окликал вас раз десять. Как они вас взяли?

— Не знаю. Помню яркую голубую вспышку, а потом я сразу вырубился, будто меня нокаутировали. Где мы?

— Об этом, я сам хотел спросить вас.— Сосед помолчал немного и сказал: — В любом случае, сейчас вы на ногах, пришли в себя и сможете ответить на другой вопрос — очень для меня важный.

— Валяйте,— разрешил Армстронг, тщетно пытаясь высмотреть сквозь прутья хоть что-нибудь.

— Что такое жизнь?

— А?

— Что такое жизнь? — повторил человек.

— Странный вопрос. Зачем это вам?

— Совершенно необходимо! От ответа зависит моя жизнь. Я могу ее лишиться. Или даже хуже, если, конечно, такое бывает. Не знаю. Но я должен ответить на один вопрос, а он звучит именно так: что такое жизнь?

Вцепившись в решетку с такой силой, что побелели костяшки пальцев, Армстронг процедил сквозь зубы:

— Кто задал вам этот вопрос? Кому нужен ответ? Кто и почему угрожает вам?

— Если я расскажу вам,— возразил невидимый собеседник,— то вы начнете думать об этом, вместо того чтобы искать ответ на мой вопрос. Вы найдете мне ответ, хороший ответ, и вот тогда я расскажу вам то немногое, что знаю.— Его сотряс приступ сильнейшего кашля, затем он продолжил: — Напрягите же свои умственные способности, пока вы их еще не растеряли. Следующим будете вы. Один вопрос! И надеюсь, ради самого себя вы отыщете ответ?

— Это что — экзамен?

— Его придумали они. Провалившихся хоронят.

— Вы сошли с ума! — решил Армстронг. Оставив решетку в покое, он упал в кресло, вперив желчный взор в стену. Неужто его засунули в сумасшедший дом? Известно ведь, что туда легко попасть, но почти невозможно выйти. Если так, кто поместил вго сюда и по чьему приказу? Что это, искусный и надежный метод, с помощью которого влиятельные персоны устраняют со своего пути непрошеных соглядатаев? Либо его недавняя навязчивая мысль о собственной ненормальности получила вдруг весомое подтверждение?

И значит, та голубая вспышка — всего лишь видение, бред сумасшедшего? Значит, он просто вдруг взял и попал в руки ни в чем не повинному добряку Ротману? Нервный шок, нервный тик, нервный... Или — опухоль мозга... Ну уж нет, его мозг мог выкинуть какой-либо фортель, но свое основное дело выполнял безотказно, и Армстронг сейчас ощущал прилив умственных сил.

Его задумчивый взор остановился на полке с книгами, но глаза не видели их, а уши слышали лишь тихое непрерывное бормотание узника из соседней камеры. Если они хотели его убрать, гораздо проще было сделать это раньше. Значит, они хотят вытянуть из него что-то, прежде чем заставить замолчать раз и навсегда. Возможно, их интересует секретная информация, за которой посыла-

ли рыжего. Вряд ли им требовался всего лишь удовлетворительный ответ на единственный отвлеченный вопрос. Заставлять жертву покупать себе жизнь одной крупицей философской премудрости — просто форменное издевательство.

«Что такое жизнь?»

Несмотря на весь свой рационализм, Армстронг никак не мог отделаться от этого вопроса, словно гвоздем засевшего у него в мозгу. Вопрос изводил его, пока он не встал с кресла, несколько раз прошелся из угла в угол и, в конце концов, обнаружил, что снова стоит у решетки.

— Эй! — обратился он к невидимому соседу.— А как вы сами считаете, что такое жизнь?

Сосед прекратил бормотать и подошел ближе.

— В детстве и юности меня учили, что жизнь — это средство, для достижения высших целей. Наверное, я должен ответить именно так. Но что, если этот ответ их не устроит? Вдруг они скажут, что я ответил неправильно?.. И тогда... и тогда...

— Ну? — нетерпеливо спросил Армстронг.

— Не знаю. Я не уверен, что ответ правильный, а он должен быть правильным! Вы сами поймете, как важно дать правильный ответ, когда они зададут вопрос вам!

Не обратив внимания на эту зловещую ремарку, Армстронг осведомился:

— Какие еще варианты вы придумали?

Сосед замялся, затем с сомнением произнес:

— Жизнь — это рост.

— Кристаллы тоже растут,— заметил Армстронг.

— Значит, неправильно. Как насчет того, что жизнь — это движение?

— Деревья не движутся по собственной воле.

— Но они растут. А рост — это форма движения.

— Планеты тоже движутся. А также спутники, астероиды и прочие штуки, которые уж точно не живые.

— Ради Бога, прекратите! Если вы так легко играете словами, то они и подавно. Я придумал дюжину ответов, и все никуда не годятся.— Его усталый голос выдавал нервное напряжение.— В каждом есть какой-то изъян.— Некоторое время сосед помолчал, затем заговорил опять: — Если бы об этом спросили вас, что бы вы ответили?

Армстронг подумал насколько минут, потом медленно произнес:

— Я бы сказал, что жизнь — это категория материи, и не стал бы ломать голову.

Без всякого восторга человек пробормотал:

— Спасибо. Это интересно.— И, отойдя в глубь своей клетки, снова принялся бормотать себе под нос.

Впрочем, на этот раз долго думать ему не дали. Минут через десять в коридоре появились два коренастых типа с суровыми лицами; они прошли мимо Армстронга, даже не удосужившись на него взглянуть, и отперли соседнюю камеру. Армстронг встал у своей решетки.

Через несколько секунд они проследовали обратно, ведя под руки сутулого, сморщенного человечка. Близоруко щурясь поверх пенсне, человечек то и дело спотыкался, но стражники были невозмутимы, как сфинксы.

Армстронг с черным юмором сказал ближайшему:

— В тебе, похоже, не меньше двухсот фунтов — значит, и веревки потребуется футов восемь.

Охранники не прореагировали, словно были глухонемыми. С невозмутимым видом они прошли мимо, а пленник между ними продолжал монотонно бубнить свое. В конце коридора захлопнулась дверь — звук их шагов и бормотание старика будто отрезало, и наступила тишина. Очевидно, в остальных камерах никого не было. Армстронг остался наедине со своими мыслями.

Следующий час он провел, обследуя свою камеру в поисках скрытых микрофонов, сканеров и про-

чих шпионских штучек. Ничего. Заглянув под мебель, вынув книги, просмотрев все, до чего мог дотянуться, он лишь убил время — и это немного его развлекло, но не принесло награды за труды. Если они и установили какое-нибудь следящее устройство, то разве что под штукатуркой. Чтобы его обнаружить, пришлось бы расковыривать стены и потолок.

Довольный, что ничего не нашел, Армстронг умылся, почистил зубы, привел себя в порядок и просмотрел корешки книг. Ни одна из них его не заинтересовала.

Вскоре появился один из охранников, просунул под решетку поднос с обедом и ушел, не проронив ни слова. На следующее утро таким же способом Армстронг получил завтрак. Еда сделала бы честь лучшему отелю. Какую бы судьбу ему ни уготовили перед тем, как что-либо сделать, его решили откормить. Наслаждаясь едой, Армстронг решил, что за меню он им, так и быть, вынесет благодарность, если, конечно, выберется отсюда.

Но когда наступило время обеда, аппетит его поубавился из-за мыслей о все еще отсутствующем соседе. Старик так и не появился. Значит, либо он дал верный ответ, либо все это — просто безумный трюк, где на карту ставилась жизнь и где любителям задавать слишком много вопросов предлагалось ответить всего на один вопрос, но какой! Так сказать, око за око.

Но «Норман-клуб» определенно был частью той таинственной головоломки, которую он пытался разгадать, главной частью, ключевым звеном. Это знание принесло ему мало радости; получается, что этой же информацией должен владеть и Хансен, а тогда суровый детектив был одним из лучших актеров и отпетых лжецов, с какими он когда-либо сталкивалтся. Хотя Армстронг подозревал кого угодно, только не Хансена. А все его собственная непроходимая глупость! Дураки обречены попадать впросак.

С мрачным видом, в двадцатый раз, он ощупал жилетный карман. Вещь, которая должна была там находиться, исчезла. Они победили в этой игре! Если бы ему удалось сохранить эту штуку, половина полицейских Нью-Йорка уже ворвалась бы в их лавочку. Поскольку ничего не случилось, значит, устройство больше не работало — они знали, как с ним обращаться.

Через несколько мгновений размышления пришлось оборвать. Под решетку просунули обед, уже успевший слегка остыть. На подносе, прислоненный к тарелке с жареным цыпленком, стоял белый конверт. Быстро вскрыв его, Армстронг прочел вслух:

«Дорогой мистер Армстронг! Ваша дальнейшая судьба зависит от того, какой вы подыщете ответ на простой вопрос, написанный ниже. Надеемся, что вы дадите обдуманный ответ, ибо ваша жизнь имеет для вас значение. Потратьте время с толком — в вашем распоряжении есть два дня для серьезных размышлений».

Подписи не было. Армстронг посмотрел на шесть слов, отпечатанных большими буквами внизу, и мысли его смешались. По спине пробежал холодок. Вот когда сбылись все суеверные страхи, вот когда оправдались плохие приметы, вот, оказывается, что означало то странное душевное беспокойство, о котором он говорил Клэр!

Это была расплата! Медленно, с почти физическим усилием его глаза прошлись по шести судьбоносным словам:

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

Глава седьмая

Шесть слов состояли из двадцати восьми букв и требовали ответа, от которого зависела его судьба. Правда, в записке не говорилось о смерти прямо; угроза даже основывалась на том, что Армстронг говорил, о чем думал. Эти фокусники могли сделать с ним все, что угодно,— если их могущества хватило на то, чтобы бросить вызов правительствам многих государств и по меньшей мере на двадцать лет задержать завоевание Марса, значит, им вовсе незачем стесняться в средствах, когда дело касается одного человека. Шесть слов — они давили так, как петля сдавливает шею повешенного.

Армстронг прочитал вопрос в третий раз. Фраза была отпечатана голубым шрифтом, она казалась наглой, самоуверенной, вызывающей, словно писавший ее упивался тем, что ставил именно неразрешимую задачу.

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

Щелчком отправив бумажку на крышку столика, Армстронг сел, отодвинул поднос с едой в сторону, упер локти в стол и обхватил голову руками. Жареные цыплята его больше не интересовали. Это послание напоминало звонок в опытах Павлова; только собака, вместо того чтобы истекать слюной, задумалась!

Не меняя позы, Армстронг дал волю мыслям. Если он нормален, они обязательно куда-нибудь его приведут. Если он сумасшедший, они будут просто

носиться по кругу. Нортон был прав — я слишком много думаю. Можно ли существовать, не думая? «Я мыслю, следовательно, я...» Я — что?

Я — Джон Дж. Армстронг. Так утверждается. Я дал жизнь умным вещицам, задуманным Джоном Дж. Армстронгом. Некоторые люди похвалили эти вещи, расценили их как плоды здравого ума и даже оказались настолько любезны, что приписали мне искру гениальности. И... и... гений сродни безумцу! Куда это я опять? Я стою на границе? Я преуспевал по одну сторону этой границы, а сейчас оказался по ее другую сторону? Тонкая красная линия...

В любом случае, что заставляет их подозревать, что я ненормален? Откуда им известно, что они сами нормальные? Что такое нормальность? Разве есть четкое определение? Если есть, то кто его придумал? И с чего этот парень взял, что он сам нормальный? Откуда вообще человек знает, что он в своем уме?

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

Ответ: конечно, я нормален. Откуда вам это известно? Я должен быть нормальным! Это почему? Потому что я так считаю. Так может считать любой псих! Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли? И сумасшедших убирают с дороги, не правда ли?

Менее спятившие изолируют более спятивших. Говорят, что разница между теми, кто сидит в тюрьме, и теми, кто там не сидит, в том, что последние никогда не попадались с поличным. Разница между теми, кто в сумасшедшем доме, и теми, кто вне его...

— Заткнись! — Крик вырвался у него непроизвольно, и Армстронга даже передернуло от ярости, с которой он прозвучал. Поднявшись из-за стола, он принялся мерить шагами камеру.

Не тревожься, сынок. Это все пустяки. Сумасшедшие часто беседуют сами с собой. Иногда кри-

чат. Иногда вопят. Иногда пронзительно визжат на таких высоких нотах, что слух не выдерживает. Иногда они шепчут, шепчут, шепчут, а их налитые кровью глаза видят то, чего нигде нет. Они вытворяют и другие фокусы. Они носят талисманы, без которых не решаются перейти улицу. У них есть счастливые числа, которые управляют их жизнью, и перед каждым делом они повторяют эти числа про себя. Когда им кажется, что никто их не видит, они трогают дверные ручки, потому что не потрогать дверную ручку — ужасная примета. Они избегают наступать на трещины между камнями мостовой, ибо наступить на такую трещину означает разделить надвое живую душу. Свихнувшемуся необходимо одиночество, потому что со временем безумие расцветает и требует все больше и больше сил, и бедняга отдает их с готовностью... Но за тобой-то не числится ничего такого, сынок. Или?..

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

Разве ты забыл, что твой долг — принимать стойку «смирно» всякий раз, когда коллекция надраенных медных труб воспроизводит акустические колебания в определенной последовательности? Говоришь, ты никогда не совершил бы подобной нелепости? Пятьдесят миллионов французов делают это всякий раз, когда оркестр играет «Марсельезу», а пятьдесят миллионов французов не могут быть все сплошь ненормальны, верно? Хватался бы ты левой рукой за правую ступню, едва заслышав «Крошка, танцуй веселей», если сто миллионов поступают именно так и ожидают, что ты последуешь их примеру? Ты не последуешь? Лжешь!

— Сумасшедшие — лгуны,— ни к кому не обращаясь, произнес Армстронг.— Они лгут самим себе, упорно и многословно, и им легко себя обманывать, потому что они живут в придуманном, призрачном мире. Я себе не лгу. Я не идиот. Я разговаривал с собой, чтобы лучше сосредоточиться, так иногда

делают и другие люди. Это просто привычка себя анализировать и не имеет никакого отношения к вопросу о здравом уме.

Эта маленькая речь успокоила его, но не убедила. Армстронг страдал грехом скептицизма, ибо слишком хорошо знал, насколько легко убедить того, кто хочет, чтобы его убедили. Он же не собирался сдаваться на милость эмоций. Ведь именно способ мышления определяет, здравый ум или нет. Если мысли приводят человека к конкретному результату — значит, этот человек разумен, нормален. Но если под влиянием эмоций человек не способен ни до чего додуматься, если эмоции возьмут верх над разумом — такой человек безумен.

Но что такое конкретный результат? И кто сказал это... и откуда он знал, что он сам нормален?

Армстронг вернулся за стол. Придвинув поднос с едой, он оглядел его без всякого энтузиазма и раздраженно пробурчал:

— Будь я проклят, если хочу есть, но я не собираюсь давать им повод думать, что они меня запугали,— это у них не получится!

Покончив с обедом, он развернул кресло к решетке и дал свободу своим мыслям, которые вертелись вокруг Клэр Мэндл, но отнюдь не имели отношения к ее научной деятельности. Армстронг вспомнил, как ее миндалевидные глаза вглядывались в его лицо. К таким глазам очень пошла бы изумрудно-зеленая шляпка эльфа с помпончиком на макушке. Когда-нибудь он обязательно купит ей такую шляпку и заставит надеть.

Армстронг сидел, не отрывая глаз от решетки. Наконец появился охранник. Он поставил под решетку чай и тарелку с пирожными и стал ждать, когда Армстронг отдаст ему пустой поднос, оставшийся от обеда.

Трюк, который задумал Армстронг, мог не сработать, но попробовать стоило. По крайней мере, они получат столько же пищи для размышлений,

сколько сами дали ему. А кроме того — долой однообразие в жизни!

— Давай на пари, что сам ты такого не пробовал? — вызывающе бросил Армстронг сквозь решетку.

Охранник не отреагировал, более того, не удосужился поднять на узника глаза.

Беззаботно пожав широкими плечами, Армстронг выпустил вторую отравленную стрелу:

— А ты смотрел последний фильм с Консуэлой Игуэрола? Потрясающий фильм! Если б ты смотрел, то, наверное, до сих пор был бы в столбняке. Впрочем, выбрось это из головы, парень,— Консуэла все равно не для тебя.

Охранник нетерпеливо дернулся. Армстронг не спеша оглядел его с головы до ног, но и это не возымело никакого эффекта. Тогда он принес пустой поднос и начал просовывать его под решетку, удерживая в дюйме над полом. Но как только поднос оказался на «той стороне» и охранник наклонился, чтобы его взять, Армстронг разжал пальцы.

Ампула, прикрепленная к днищу подноса, на дальнем от Армстронга конце, треснула с характерным звуком лопнувшего стекла, и Армстронг едва успел отскочить прочь, когда струя мутного газа ударила снизу прямо в лицо охраннику. Несколько секунд тело беспорядочно дергалось, тщетно пытаясь выпрямиться, затем рухнуло вперед, лицом в поднос.

Сдернув со стола скатерть, Армстронг начал лихорадочно размахивать ею, отгоняя от себя воздух. Потом он остановился, потянул носом, снова замахал скатертью, постепенно приближаясь к решетке и одновременно принюхиваясь, пока наконец не удостоверился, что пары рассеялись. Просунув руки сквозь прутья, он поднял охранника на ноги и прислонил к решетке.

Именно в этот момент он заметил еще двух охранников, да и то лишь потому, что они стояли рядом, опершись о противоположную стену. Они

небрежно отделились от стены, держа руки в карманах; на суровых лицах не отражалось ни страха, ни беспокойства, ни какого-либо желания вмешаться. Оба глядели на Армстронга со странным выражением вялого интереса.

Придерживая свою бесчувственную жертву одной рукой и не сводя внимательных глаз с двух зрителей, Армстронг другой рукой обыскал охранника. Обыск он проделал тщательно, обследовав все карманы, и все это время двое громил с академическим интересом следили за его действиями. Это была самая идиотская ситуация, в которую он когда-либо попадал.

В конце концов Армстронг осторожно отпустил охранника, и тот мягко сполз на пол. Армстронг поморщился. Ни ключа, ни оружия, ничего такого, что оправдало бы затраченные усилия. Парочка приблизилась к решетке и подняла своего бесчувственного товарища.

Ближайший к Армстронгу заглянул в камеру и спросил:

— Вас обыскали. Где вы взяли ампулу?

— Наконец-то слышу человеческую речь,— одобрительно заметил Армстронг.— Я думал, вы все языки проглотили. Как насчет немножко поболтать?

— Отвечайте на вопрос,— упорно гнул свое охранник.

— Вы еще слишком молоды, чтобы знать о таких вещах. Вот вы скушаете свою манную кашку, вырастете большими, тогда папа вам все расскажет.

Как с гуся вода. Этот тип не выказал ни раздражения, ни гнева, ни какого-либо другого чувства. Воистину, кто бы ни подбирал сюда охранников, он, наверное, нанимал самых флегматичных типов на свете.

Восприняв его отказ отвечать так, словно это не имело ни малейшего значения, охранник приподнял голову и плечи пострадавшего коллеги и спросил:

— Сколько он пробудет в нокауте?

— Минут двадцать,— ответил Армстронг.— Потом он очухается без всяких последствий.

Охранник понимающе кивнул, и оба удалились, унося своего товарища.

Расстроенный Армстронг слонялся по камере. Ни ключа, ни оружия — вообще ничего. Редкостное невезение. Они опередили его и тут, заранее рассчитав, что он попытается освободиться. Именно поэтому у охранника не оказалось ничего полезного. Двойная страховка — ведь они обыскали его, пока он был без сознания.

Теперь Армстронгу стало понятным поведение двух остальных тюремщиков. Хотя, Бог свидетель, ему доставило бы больше удовольствия, если бы они набросились на него, как рассерженные гориллы,— уж тогда бы он им показал, где раки зимуют. Черта с два они бы с ним справились. А если бы и справились, то одного он успел бы приложить как следует. Увы, даже в этом маленьком развлечении ему отказали.

Зачем тебе еще развлечения, ты, чудак с кашей в голове? Неужели тебе мало?

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

На полке с книгами имелся толковый словарь. Вытащив его, Армстронг перелистал страницы. «Нормальный — в значении: здоровый; не расстроенный умственно; в здравом уме; здравого рассудка». Конечно, в сотый раз всплыли неизбежные вопросы: «Что такое «нормальное»? Правильное? Здоровое? Кто автор определения? Кто проверял самого автора на соответствие его собственному определению? Что случится, если в психбольнице пациенты будут лечить друг друга? Вот когда жизнь не покажется медом, и никто и ни за что не ответит на главный вопрос: А судьи кто?

Поставив словарь обратно, Армстронг взял соседнюю книгу — «Змеиное гнездо» Мэри Джейн Уорд. На последней странице он прочел: «Я скажу

тебе, когда это кончится — когда больных станет больше, чем здоровых, и они засадят здоровых в психушку!»

Выругавшись вполголоса, он со стуком задвинул на место и эту книгу. Больные засадят здоровых в дурдом... Или они уже это сделали? Что, если обитатели сумасшедших домов на самом деле вовсе не сумасшедшие? Бред какой-то! Как сформулировать абсолютный критерий нормальности, если не существует критерия ненормальности? Почему воинствующего индивидуалиста считают безумным, если он беден, и всего лишь эксцентричным, если он богат? Зависит ли умственное равновесие от обладания парой-другой миллионов?

Психологи и психиатры искали критерий годами и, похоже, примирились с невозможностью когда-нибудь его получить. Отсюда и пошла гулять мрачная шутка, что посреди всеобщего, поголовного и всеобъемлющего невежества и безумия почему-то лишь психиатрам дозволено утверждать — вот этот опасный маньяк может разгуливать на свободе, а вон тот вольнодумец должен быть заперт в психушку.

«Если он в здравом уме, пусть он это докажет».

И все-таки надо найти ответ на вопрос. Ведь он точно есть, он существует, нужно только сохранить выдержку, спокойствие, собранность, устоять перед возмутительной неуместностью вопроса. Вдобавок ответ, который удовлетворит его самого, может не устроить его инквизиторов, и тогда его запросто закатают в бетон или придумают еще что-нибудь, не менее эффективное. А что, если дать им ответ, прямо противоположный тому, какой они от него ждут. Закатить глаза, пустить слюну на подбородок, захихикать и заявить, ломая руки: «Видите, я идиот! Я всегда им был! Я самый-самый идиотский идиот в подлунном мире!» И добавить доверительным басом: «Вы знаете, кто я? Я вам скажу — я Монтигома, Виннету или Соколиный Глаз!» А в

довершение — гомерически расхохотаться. То-то бы они призадумались. Но что дальше?

— Они сделают то же самое, что и в случае, если я отвечу неправильно,— сказал Армстронг в стену.

Интересно, справился ли сосед со своим вопросом «Что такое жизнь?». Возможно, сейчас он узнал ответ, ибо нашел его, выяснив, что такое смерть. Был этот пожилой человек первой или пятнадцатой жертвой зловещей игры? И какие вопросы задавались другим, прежде чем они вступали в неведомое? Вопросы, вопросы, вопросы... Они способны довести человека до ручки — если он уже до нее не дошел.

Армстронг устало окинул взглядом книжную полку. Если эти тома подобрали специально для него — лучше вообще их не трогать. «Змеиное гнездо» наводило на мысль именно об умышленном подборе, причем довольно коварном. Книги предназначены для того, чтобы выбить из колеи его беспокойный ум. С другой стороны, если они стояли в этой камере всегда, безотносительно к вопросу о его нормальности, от них может быть некая польза. Когда совсем будет худо, он возьмет в руки книжку, уляжется на диван и, если повезет, на время избавится от мучительных бесконечных вопросов.

Взгляд его наткнулся на «Тиранию слов» Стюарта Чейза, он вытащил ее и бегло просмотрел. Семантика. Ну что же, это пригодится. Все, что угодно, лишь бы отнять магическую силу у воображаемых дьяволов. Испытав на себе психическую тиранию шести судьбоносных слов, он ничего не потеряет, если попытается понять своих тиранов.

Устроившись в кресле, Армстронг заставил себя отвлечься от проблем и углубился в объяснения и иронические комментарии Чейза. Все было хорошо, пока он не споткнулся об абзац, от которого мысли его снова понеслись вскачь. Тряхнув головой, Армстронг перечитал отрывок, с отвращени-

ем бормоча слова: «Навык семантического анализа позволяет нам отделить мыслительный процесс от реальных событий; делает нас способными к абстрагированию; предохраняет от соблазна заселить Вселенную несуществующими образами. Этот навык включает в себя склонность к поэзии, фантазии, творчеству, интеллектуальным развлечениям. Он удерживает нас от извечной человеческой тяги к подмене действительных причин мнимыми, выдуманными, которые вовсе не стоят того, чтобы за них драться и умирать. Этот навык предохраняет человека от опасного воздействия чужой воли, понижает степень внушаемости, сдерживает развитие психических состояний, граничащих с безумием».

Он яростно швырнул книгу в угол. «Психические состояния, граничащие с безумием». Неужели этот чертов Чейз такой великий специалист, что не боится сказать, что нормально, а что ненормально? Неужто вообще все писатели разбираются в этих вопросах? Если нет, тогда кто? Глотатели золотых рыбок? Что там сказал старый фермер своей жене? Ах, да: «Весь мир сошел с ума, кроме нас с тобой, да и ты временами чуточку странная».

Вернувшись к полке, Армстронг снял следующую книгу и открыл с обреченным видом. Если и у третьей подобный привкус, значит, совершенно ясно, все эти тома подобрали специально для него. Через три точки на плоскости можно провести только одну окружность. Следовательно, налицо подготовка, а это, в свою очередь, означает, что таинственные тюремщики действительно предвидели его появление, в чем они и признались тогда в «Норман-клубе».

Книга называлась «Человеческое мышление», автор — Бертран Рассел, и он отшвырнул ее вслед за Чейзом, когда дошел до места, где говорилось: «Некоторые считают, что психоанализ окончательно показал отсутствие в нашей вере какого бы то ни было рационального зерна именно подчеркива-

нием странных, почти безумных истоков самых заботливо лелеемых людьми убеждений».

Яростно выругавшись, Армстронг стал искать выключатель, чтобы погасить свет, не нашел и, закрыв глаза, повалился на диванчик. В полночь лампы погасли сами, но прошло еще много времени, прежде чем он погрузился в тяжелую дрему.

Ему дали помучиться еще тридцать шесть часов, и на исходе их он понял, как быстро даже самый сильный разум пасует перед единственной навязчивой мыслью.

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

Забудь об этом! Выбрось из головы! Думай о чем-нибудь другом! О чем угодно!

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

Думай о Куине, который ждет своего полета на Марс. Думай о Фазергиле. Думай о том дне, когда ты поймал черного окуня (он хоть и был большой, но все же не такой, как кит). Думай о том дне, когда ты запатентовал солнечный компас (десять тысяч плюс солидный процент). Думай об обеде, который матушка Сондерс давала в последний День Благодарения.

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

Старая добрая пытка каплями воды — бесконечное «кап-кап-кап» — вопрос, который раз за разом всплывает в мозгу и крутится, крутится, крутится, не находя ответа.

Когда появились охранники, Армстронг воспринял их приход с облегчением. Их было шестеро — сильных, с бесстрастными лицами, похожих друг на друга, как братья. Они открыли камеру, провели его по коридору, потом через анфиладу из четырех комнат и большой зал. Он ступал твердо и решительно, не спотыкаясь, как его предшественник. Внимательным взглядом он оценивал обстановку, больше всего сожалея о том, что эскорт оказался таким многочисленным. Двое охранников стали бы забавой для его мощных мышц, троих

было бы не слишком много, и он рискнул бы испытать судьбу даже с четырьмя. Тот, кто назначил в наряд шестерых, видно, знал свое дело. Ввязываться в заведомо безнадежную драку было бы верхом глупости.

Перед огромной дверью в левой стене залы эскорт остановился, и один из охранников приказал:

— Снимите ботинки.

— Там что — мечеть? — спросил Армстронг.

— Снимите ботинки.

Наклонившись, Армстронг разулся и поставил ботинки у стены.

Один из охранников толкнул дверь, махнул рукой, и Армстронг с вызывающим видом прошел дальше. Его ноги в одних носках бесшумно ступали по толстому ковру. Заметив кресло, он плюхнулся в него и воинственно уставился на человека, сидящего за огромным полированным столом.

Последний ответил взглядом, выражающим вежливый интерес. Типичный аристократ, подумал Армстронг. Аккуратно подстриженные седые волосы, проницательные темно-карие глаза и тонкий, крючковатый нос хозяина кабинета делали его похожим на ястреба. Губы полные, но поджатые. Линия рта свидетельствовала о наличии чувства юмора.

Бросив Армстронгу знакомый блестящий предмет, он произнес глубоким гортанным голосом:

— Можете забрать свою зажигалку, мистер Армстронг. Остроумная штучка. Каков ее диапазон?

— Около семи миль,— коротко ответил Армстронг.

— В самом деле? Нас больше всего заинтересовал источник питания. И еще эти крохотные магнетрончики.— Он положил на стол холеные руки и улыбнулся.— Кристалл мы, конечно, извлекли. Разве можно допустить, чтобы продолжал идти сигнал, тем более, что ваш друг Хансен преданно вас караулил. Жаль, жаль было портить вещь, но мы

обязаны думать о своих интересах. Кажется, электронщики называют такое устройство скваггер?

— Бипер,— раздраженно поправил Армстронг.— Он делает «бип-бип».

— Дорогой мой! С этим «бип-бип» мы попали бы в весьма дурацкое положение, если бы заранее не подготовили вам ту дурацкую ловушку. Вы уж нас простите!

— Ничего. Трудности у вас еще впереди,— уверил его Армстронг.— Руки-ноги у меня пока целы, и дырок в штанах нет.

Непонятно почему, но это замечание доставило его собеседнику явное удовольствие. Одобрительно рассмеявшись, он дружелюбно посмотрел на Армстронга, затем, нажав кнопку на столе, заговорил в маленький видеофон:

— Ну что? В каблуке левого ботинка? И пачка пиробумаги в правом? Почему не нашли при первом обыске?! — В его любезных глазах вспыхнули красные огоньки.— Кто обыскивал? Фамилия? — Получив ответ, он отрезал: — Пришлите его сюда немедленно, я разберусь с этим делом.— Сняв палец с кнопки, он откинулся в кресле, взглянул на Армстронга, и жесткое выражение сползло с его лица.

— Собираетесь отшлепать мальчика по попке? — спросил Армстронг.

— Лучше подумайте о том, что будет с вами,— любезно ответил собеседник. Лицо его оставалось спокойным, но в глазах появился лед.— Вам был задан вопрос. Вы нашли ответ или просите дополнительное время?

— Я ничего ни у кого не прошу, а меньше всего — у вас.— Армстронг ответил собеседнику столь же твердым взглядом.— Ответ готов.

— Какой же? — Я не знаю, что я нормален.

— Это ваш полный и окончательный ответ?

— Да,— подтвердил Армстронг.— И мне наплевать, нравится он вам или нет. Можете делать с ним и со мной, что хотите.

— Ай-яй-яй? — укорил собеседник.— Давайте будем сдержаннее. Моя личная оценка вашего ответа никак не связана с последствиями, которые он повлечет за собой. Если хотите знать, я считаю ваш ответ просто блестящим.

— Премного благодарен,— вызывающе усмехнулся Армстронг.— Сомневаюсь, чтобы кто-то ответил иначе.

— Разумное допущение, учитывая противоречивые обстоятельства, в которые вы попали,— заметил его собеседник.— Но абсолютно неверное.

— Вот как?

Инквизитор вздохнул и произнес:

— Так уж вышло, что я знаю, что нормален. Этот факт был удостоверен со стопроцентной точностью и может быть доказан вновь в любой момент, когда мне вздумается.

— Чушь! — резко бросил Армстронг. Проигнорировав это замечание, собеседник продолжил все тем же спокойным, хорошо поставленным голосом:

— Кстати, каждый индивид в этом здании отличается от большинства людей именно тем, что абсолютно нормален. Члены «Норман-клуба» — нормальны совершенно и безоговорочно.— Холодными уверенными глазами он посмотрел на Армстронга.— Это качество — необходимое условие членства. Кандидат должен быть нормальным человеком — норманом!

— Что? — Армстронг встал, его пальцы задрожали.

— Его мозг не должен зависеть от, если так можно выразиться, флюидов собственного тела,— невозмутимо продолжал собеседник.— То есть кандидат не должен быть гуманом.

— Вы хотите сказать, что не относитесь к человеческому роду? — медленно произнес Армстронг.

— Сядьте, сядьте? Успокойтесь! Излишняя горячность говорит не в вашу пользу.— Он взмахнул рукой и подождал, пока Армстронг не заставил себя

опуститься в кресло.— Если исходить из принятых в этом несчастном мире понятий, я — человек, то есть анатомически и физиологически я ничем не отличаюсь от вас. Но в более глубоком смысле — в истинном смысле — я не гуман, слава Богу! Я — норман!

— Что такое «более глубокий» смысл? Для кого он глубокий? — осведомился Армстронг.

— Это вам еще предстоит узнать. Всему свое время.— Норман нажал кнопку и проговорил в видеофон: — Он готов для Комнаты Десять.

Армстронг снова встал. Он ощущал себя явно не в своей тарелке — взъерошенный, потный, да еще и в помятом костюме.

— Значит, у меня впереди полно времени, так? И вы даете мне возможность узнать, что стоит за всей этой мелодраматической галиматьей?

— Если угодно.

— Тогда к чему эта идиотская игра в вопросы, да еще с угрозами?

Человек широко улыбнулся:

— Вопрос подобран так, чтобы подвести ваш мозг к состоянию истощения, необходимому для последующего этапа, ибо усталый мозг и восприимчив, и неагрессивен. Что касается угроз... Я могу лишь предположить, что вы были введены в заблуждение пессимизмом и слабоволием индивида в соседней... гм... комнате.

— Клетке,— поправил Армстронг.

— Хорошо — назовем ее клеткой. Но с вашей стороны было немножко наивно позволить ввести себя в заблуждение, вам не кажется? Наше сообщение не содержало угрозы. Мы вообще не желаем вам зла.

— Хорошо. Ловлю вас на слове. Отдайте мне ботинки, и я отправлюсь отсюда восвояси.

— Не сейчас.— Хозяин кабинета посмотрел на открытую дверь и вошедших охранников.— Не сейчас, мистер Армстронг. Прежде всего мы хотим

предоставить вам удовольствие убедиться, что вы действительно нормальны. Я уверен, что мы не ошиблись!

— А если все-таки ошиблись?

В глазах собеседника вновь вспыхнул нехороший огонек.

— Я буду безмерно опечален.

— Вот это я вам обещаю! — пригрозил Армстронг. Вызывающе задрав подбородок, он поднялся, вышел вместе с охранниками за дверь и обулся. Проверять ботинки не имело смысла: из краткого разговора по видеофону он понял, что из полостей в каблуках все изъято.

Выпрямившись и махнув рукой в сторону кабинета, он спросил у одного из охранников:

— Кто этот прилизанный ловкач?

— Сенатор Линдл,— ответили ему. Армстронг даже рот открыл.— Линдл?! Ну и дела! Когда он в последний раз читал Конституцию, хотел бы я знать!

— Нужно было спросить у него самого,— парировал охранник. Он показал в конец зала: — Теперь вас ждут там. Комната Десять.

— А там — что?

Без всякого выражения охранник ответил:

— А там заглядывают под черепушку и решают — либо...

Он не договорил и резко отшатнулся от внезапного удара армстронговского кулака. Хоть Армстронг целился в челюсть, а попал в лоб, этого оказалось достаточно — охранник опрокинулся на пол, да так и остался лежать.

Остальные проявили себя настоящими «норманами». Изменение ситуации они восприняли без лишних эмоций, отреагировали быстро и согласованно. В полном молчании и с пугающим равнодушием они набросились на Армстронга и повалили его на ковер. Напрягшись, он отшвырнул одного из нападавших, но тот выбыл из игры ненадолго, впрочем, как и первый, получивший удар в лоб,

который пришел в себя и тоже присоединился к дерущимся.

Вся семерка боролась в каком-то странном неестественном молчании, то вставая на ноги, когда могучие руки Армстронга подымали весь клубок тел, то вновь образуя на ковре кучу.

Но шестеро против одного — все-таки слишком. В конце концов, подхватив Армстронга за руки и за ноги, тюремщики отволокли несчастного в Комнату Десять.

Там его привязали ремнями к горизонтальной металлической решетке, установленной в центре непонятного и зловещего аппарата внушительных размеров. Как индюка на вертел, подумал Армстронг.

Глава восьмая

Один широкий ремень прижимал лодыжки, другой стягивал колени, еще один удерживал бедра, четвертый обхватывал талию и пятый обвивал грудь. На шее Армстронга набухли вены, лицо налилось от напряжения кровью — и ремень на груди лопнул с громким треском. Усилие, которым он порвал двухдюймовую кожу, было впечатляющим и эффектным, но абсолютно бесполезным. Его тут же опутали еще четырьмя ремнями, и всего их стало восемь. Затем громилы перевели дух, потерли свои синяки и шишки, взглянули на пленника — без злобы, но и без восторга — и вышли.

Оставшись один, Армстронг завертел головой в разные стороны, насколько позволяли ремни, пытаясь оценить обстановку. Если это была камера пыток, то она почему-то походила на радиостудию. Среди всякой всячины, разбросанной как и где попало, он увидел несколько мощных конденсаторов, множество резисторов, лампы с водяным охлаждением и угольными анодами размером со средний аквариум, ртутные стабилизаторы, двойные проволочные сферы, вставленные одна в другую, как в старинных вариометрах. Вся проводка была не из меди, а из тонких серебряных трубочек, в местах соединений покрытых бронзой. Некоторые трубочки проходили сквозь большие стеклянные бусины, а рядом тянулись параллельные полоски алюминиевой фольги, очевидно, для подавления помех.

На этом сходство с радиостудией исчерпывалось; насколько он мог судить, странная схема не имела ничего общего с известными стандартами. Ни один радиоинженер в здравом уме не соединил бы элементы подобным образом. Странные штуковины и паутина серебряных трубочек окружали Армстронга со всех сторон, уходя куда-то за голову, где он не мог ничего. Он решил, что это и есть агрегат для прощупывания мозгов. Его догадку подтверждал шлем, висящий над головой. Армстронг мрачно сверкнул глазами.

Похоже, эти чертовы «норманы» изобрели какой-то способ сводить людей с ума, не оставляя шрамов на теле; от нежелательного человека они могли избавиться раз и навсегда, не убивая его. Ни один психиатр ничего не заподозрит, как бы тщательно он ни обследовал жертву преступления — единственного в своем роде, которое не оставляет следов. Да, все сходится. Сделав это, они позволят ему уйти. Он останется жив, но уже не сможет отличить автомобиль от велосипеда. Армстронг снова попытался разорвать ремни. Тщетно. Они скрипели, но не поддавались.

— По-моему, это устройство поинтереснее, ваш бипер, а, мистер Армстронг? — вкрадчиво произнес чей-то голос.

Скосив глаза, Армстронг увидел Линдла. Сейчас сенатор еще больше походил на ястреба, но острые, словно выточенные резцом, черты его лица при этом выражали подобие дружелюбия и свидетельствовали о хорошем чувстве юмора.

— Веселитесь, пока есть возможность,— проворчал Армстронг.— Петухи тоже кукарекают, пока в суп не попадают.

— Дорогой мистер Армстронг, у меня и в мыслях не было веселиться.— Линдл сделал протестующий жест.— Я в высшей степени восхищаюсь вами, а также вашими работами, которые, если позволите заметить, считаю просто гениальными.

Даже этот аппарат не идет с ними ни в какое сравнение, если учесть, какие препятствия вам пришлось преодолеть на пути к своим изобретениям.

— Не надейтесь, я вас благодарить не собираюсь. Когда-нибудь и я буду точно так же восхищаться вами — связанным.

Линдл улыбнулся:

— Скажите, когда вы были маленьким, вы сами шли к зубному врачу или вас тащил силком папа?

— Я тащил папу,— кисло произнес Армстронг.

— Вы воинственно настроены,— все еще улыбаясь, заметил Линдл.— Однако это не ваша вина. Я буду рад продолжить разговор позже, когда вы пройдете процедуру.— Подняв руку, он сделал знак. Старый седой человек в очках с толстыми линзами в длинном белом халате приблизился к Армстронгу и мельком взглянул на него, как будто тот был кроликом, пришпиленным к лабораторному столу для вскрытия. Линдл сказал: — Это доктор Горовиц. Оперировать будет он. Приступайте, доктор! — Бросив на жертву последний веселый взгляд, он вышел.

Горовиц включил на пульте большой рубильник. Ртутные трубки замерцали пурпурным светом, угольные аноды постепенно стали красными, затем золотистыми. Странный ровный звук, напоминающий шипение пара, раздался из аппарата, и ноги Армстронга вдруг почувствовали тепло, исходящее откуда-то из-под решетки. Комната наполнилась запахом горячего металла, горелого пластика и озона.

Тщетно стараясь разорвать путы, Армстронг пообещал Горовицу:

— Я до тебя еще доберусь! Выверну наизнанку!

Горовиц обернулся. Глаза его за мощными линзами казались огромными, как у совы. Не ответив ни слова, он взял шлем за ободок и осторожно опустил Армстронгу на голову. Армстронг успел заметить несколько непонятных колец внутри шлема, затем наступила темнота. До слуха его донеслись

чьи-то торопливые шаги, резкий щелчок переключателя, а потом он почувствовал, будто его мозг вращается внутри черепной коробки.

Он не испытывал физической боли, а только странное неприятное чувство, вроде того, что люди ощущают во сне, падая с высоты и просыпаясь в ужасе от неизбежного удара о землю. Казалось, существует земной, во плоти и крови, но какой-то вялый Армстронг, наблюдающий, как другого, одухотворенного, небесного Армстронга подвергают жестоким мукам. Оба Армстронга были половинками его самого, и сознания обеих половинок пытались воспрепятствовать этому противоестественному раздвоению.

Миллион вопросов посыпался на его разум с немыслимой быстротой, а непроизвольные ответы появлялись прежде, чем мозг успевал осознать смысл обращений. Как вы реагируете на это? Как вы реагируете на то? Значит ли это утверждение что-нибудь для вас? Верите ли вы первому, второму или третьему — и почему? Отвергаете вы четвертое, пятое или шестое — и почему? Сочувствуете ли вы седьмому? Отталкивает ли вас восьмое? Как изменится ваша точка зрения на девятое, если ваше духовное «я» снова соединится с телесной оболочкой? Миллион вопросов в минуту, тысяча в секунду, сотни в каждый миг. Некогда думать, взвешивать, рассуждать, вспоминать скрытые предрассудки, предубеждения, желания и прочие нюансы, из которых складывается личность человека. Да это и не требовалось. Нужны были автоматические реакции. Как у амебы: задрожит, сожмется или поползет?

Представьте, что вас окунают в воду. Горячая она или холодная? Светлая или темная? Истина или ложь? Оцените факт. Вообще, факт ли это? Вычислите эту сумму. Согласны ли вы, что это этично? При определенных обстоятельствах?.. А что такое этика вообще? Определяют ли обстоятельства этич-

ность поступка? Откуда вы знаете, что вы нормальны? В чем разница между правдой и ложью? Может ли нечто быть правдой для одного человека и ложью для другого? Может ли оно быть правдой сегодня, но ложью вчера — и снова ложью завтра? Может ли это быть правдой для вас, но ложью для меня? Существует ли абсолютная истина и абсолютная ложь? Универсальны ли они при всех обстоятельствах? Разумен ли довод? Разумна ли вера? Откуда вы знаете, что вы нормальны? Какой смысл вы вкладываете в следующие слова?.. Разумна ли интуиция? Зависима ли логика? Рациональна ли мысль?

Армстронг тонул в бездонном море безволия, и разум его послушно откликался на все вопросы, как бы они ни были каверзны. Сколько это продолжалось, он не имел ни малейшего понятия, ибо время и пространство перестали существовать, и во Вселенной не осталось ничего, кроме его собственного беззащитного ума, исповедовавшегося перед электронным алтарем.

Первыми признаками возврата к нормальному состоянию были жар и полное физическое истощение. Он безвольно лежал на металлической решетке, уставившись невидящим взглядом на переплетение серебряных трубочек и бусин. Эта штуковина выжала его как лимон; руки дрожали, голова раскалывалась от боли. До него медленно доходило, что ремни больше не опутывают его тело, а Горовиц стоит рядом и молча его изучает.

На скверном английском, гортанным голосом, Горовиц произнес:

— Выпейте — вам станет лучше.

Горячая жидкость обожгла горло. Сделав большой глоток, Армстронг облизал губы и закрыл глаза; мелькнула запоздалая мысль, что он выпил, скорее всего, какой-то наркотик. Снадобье подействовало сразу, и он был настолько истощен, что, махнув на все рукой, моментально провалился в сон.

На вызов ученого явились охранники. Они подняли тяжелое тело с решетки, отнесли обратно в камеру и оставили там. Они проделали это так же флегматично, как всегда, словно таскать тела было для них будничным, рутинным занятием. Но они в свое время тоже прошли через психотрон.

Армстронг проспал целые сутки, после чего умылся, побрился, позавтракал и почти пришел в себя, когда за ним явились опять. Его снова провели по коридору, через четыре комнаты в зал; снова его провели через двойные двери, и он очутился в том же кресле лицом к лицу с Линдлом. Сенатор поднял голову, на лице его читалось удовлетворение.

— Ну, мистер Армстронг, похоже, вы прошли путь до конца. Он был долог и извилист, со множеством ловушек и препятствий, но вы его все-таки прошли. Поздравляю.

— Это еще не конец! И наступит он, только когда...

Линдл протестующе поднял руку:

— Знаю, знаю! Вы хотите сообщить мне все, что вы обо мне думаете. Но давайте на время оставим личности, а? У вас наверняка много вопросов, и сейчас настало время на них ответить. У нас больше нет причин скрывать от вас информацию, а наоборот, есть весомый довод в пользу того, чтобы все вам рассказать.

— Какой довод?

— Вы нормальный!

— Ха! — воскликнул Армстронг с иронией.— Неужели? Даже не верится!

Подавшись вперед, Линдл внимательно на него посмотрел.

— Послушайте, я хочу изложить вам кое-какие факты. Готов держать пари, что вы мне не поверите, хотя от этого они не перестанут быть фактами. Однако вы можете получить информацию только при определенных условиях.

— Валяйте,— равнодушно произнес Армстронг.

— Вы должны отбросить вполне естественную враждебность по отношению ко мне, ибо она есть порождение ваших эмоций, а не разума. Я понимаю, что насильно мил не будешь, и я не прошу ни любви, ни дружбы — пока! Но я настаиваю на том, чтобы вы выслушали меня спокойно и без предубеждения. Давайте на время забудем, что произошло, и поговорим серьезно.

Армстронг задумался. По сути дела, от него требовалось изменить самому себе, пусть и на время. Превратиться в рыбу. Заморозить эмоции. Предположим, он согласится. На время. Он выслушает этого лощеного аристократа с ястребиным профилем, но пусть он не требует от него дружбы. Сидеть и слушать, флегматично, как изваяние,— это пожалуйста. Но не больше. А уж забыть — черта с два!

— Ладно. Попробую,— произнес он наконец.

— Вот и хорошо! — одобрительно заметил Линдл. Скрестив руки на столе, он заговорил: — Как известно, и, возможно, время от времени вы об этом задумывались, людей этого мира можно разделить на группы несколькими способами. Однако критерии классификации неоднозначны и иногда противоречат один другому. Вы можете, например, разделить людей по цвету кожи. Или по фонетическому признаку, в соответствии с языками, на которых они говорят. Либо согласно их политическим, экономическим или религиозным пристрастиям. Людей можно также разделить на мужчин и женщин, на старых и молодых, на богатых и бедных, на невежественных и образованных. Критериев очень, очень много!

Он многозначительно понизил голос.

— Но есть один критерий, который применяется реже других, хотя именно он — самый важный.

— Продолжайте,— подбодрил Армстронг.

— Каждый землянин либо «гуман», либо «норман»! — Линдл оценивающе посмотрел на собеседн-

ника.— То есть, иначе говоря, либо он безумный, либо нет; либо неразумный, либо здравомыслящий!

Беспокойно заерзав в кресле, Армстронг заметил:

— Я ничего не говорю. Предоставляю это вам.

— Нормальных, в здравом уме людей — мало,— продолжил Линдл. Его голос приобрел особый тембр, мрачный и тяжеловесный, словно он пытался подражать ангелу, читающему Книгу Судеб.— Ненормальных, наоборот, много — фактически их подавляющее большинство в этом несчастном мире. Не следует питать иллюзий: если некто менее безумен, чем остальные, это не означает, что он нормален. Относительные категории — всего лишь относительные категории. Отсюда следует, что никто в этом мире не может считаться нормальным до тех пор, пока это не подтверждено объективными доказательствами.

— И конечно, вы их придумали,— саркастически заметил Армстронг.— Помешанные определяют, кто помешан!

— Минуточку! — укоризненно произнес Линдл.— Мы ведь договорились не проявлять враждебности, не так ли? — Он спокойно взглянул на Армстронга, помолчал, затем продолжил: — Методику эту придумал не я. Ее вообще разработали не здесь.

— Значит, ее придумали на Марсе? — весело предположил Армстронг.

— Именно.

Армстронг издал непроизвольное: «Что?» — затем прикусил губу и погрузился в молчание.

— Я вас предупреждал. Я сказал, что вы получите больше фактов, чем заслуживаете! — Тонкое лицо Линдла стало задумчивым.— Эти методы были придуманы на Марсе нашими предками сто двадцать тысяч лет назад. Они — единственное средство, при помощи которого нормальность человека можно определить достоверно.

— Наши предки... Вы хотите сказать, что люди прибыли сюда с Марса... в доисторические времена?

— Не все. Только те, у которых белая кожа. По прямой линии белые — марсиане, все до единого. И неважно — знают они это или нет, нравится им; это или нет. Желтокожие люди — единственные коренные земляне,— они жили здесь всегда. В некотором смысле мы у них в гостях. Как, скажем, американцы в гостях у индейцев. Но люди с красной кожей — венериане. Чернокожие — с Меркурия. Каждый негр — меркурианец по происхождению.

— Звучит как постулаты новой религии,— скептически заметил Армстронг.— Откуда вы все это взяли — увидели в магическом кристалле? Вам кто-то передал священные скрижали?

— Послушайте! Это же происходило сто с лишним тысяч лет назад! Здесь некому было вести записи! Да они бы и не сохранились.— Линдл говорил доверительно и уверенно. Он нисколько не напоминал фанатика или служителя культа, эдакого безумного проповедника безумного учения, верного только потому, что оно «единственно верно». Он говорил так, словно убеждал, что розы — красные, а фиалки — голубые.— Видите ли, все это — достояние внеземной истории, анналы которой намного древней и гораздо достоверней, чем легенды Земли. Эти факты имеют неоспоримые доказательства, и их можно проверить в любой момент.

— Да? — прервал его Армстронг.— Как?

— Как угодно. Например, я могу показать вам трехмерные записи происходивших событий, включая первые марсианские экспедиции на Землю и Луну. Я могу дать вам поиграть с психотроном, пока вы не убедитесь сами, что он не похож ни на один аппарат, существующий в этом мире. Однако самое эффектное и бесспорное доказательство будет обнаружено тогда, когда земляне достигнут Марса — если нам не удастся им помешать!

— А! — Армстронг положил свои мощные руки на подлокотники кресла и принял воинственный

вид.— Стало быть, вы признаете, что диверсии с ракетами — ваших рук дело?

— Признаю? Мой дорогой, мы гордимся этим!

— По-моему,— отчеканил Армстронг,-вы сами сунули голову в петлю и сами затянули веревку. Вы собираетесь гордиться и в тюрьме, когда ФБР поймает вас за шиворот?

Линдл иронично хмыкнул:

— Слышу речь землянина. Американца. Причем стопроцентного.

— Может быть. Но мне нравится быть американцем. Я нормален. Вы сами это сказали. Я достаточно нормален, чтобы сохранить какое-то самоуважение. И я не собираюсь продаваться первому встречному просто потому, что этот первый встречный предложил мне большую цену.

— Каков упрямец! — Линдл рассмеялся и погрозил пальцем: — Никакой враждебности — помните? У этого разговора одна цель — мы раскрываем перед вами карты, а уж вы сами решаете, что для вас предпочтительнее. Но услышать вы должны все. Ведь вы — ученый, вы не привыкли принимать решения, исходя из непроверенных фактов, правда?

— Да. Не привык. Выкладывайте все. Я слушаю — но не надейтесь, что я просто так возьму и поверю!

— Я изложу вам вкратце ту историю, которая неизвестна большинству людей в этом мире. Неизвестна потому, что ее держат в тайне по причинам, которые вы скоро поймете. Отдельные эпизоды этой истории и кое-какие факты являются тщательно оберегаемыми секретами определенных тайных обществ, например масонов или мальтийских рыцарей. Информация, которую вы от меня узнаете, не подлежит разглашению, всуе, если можно так выразиться. Это — бисер, который не рассыпают перед... обыкновенными людьми. Это знание для немногих — нормальных!

— Я весь внимание.

— Вы должны не просто слушать,— сказал Линдл.— Вы должны также думать. Думать, чтобы запомнить. А запомнив и вникнув, постараться увидеть будни этого мира под новым углом, другим взором.

Линдл проницательно взглянул на Армстронга и начал рассказ:

— Более ста двадцати тысяч лет назад раса белокожих высокоразвитых людей Марса вышла в космос и направила свои корабли к внутренним планетам Солнечной системы. Они обнаружили, что все планеты заселены существами, чрезвычайно похожими на них самих, но отстающими в развитии. Разница ограничивалась чертами лица и цветом кожи. Обитатели Меркурия — чернокожие, жители Венеры — бронзовые, земляне — желтые. Объяснение здесь очень простое: пигментация находится в прямой зависимости от интенсивности солнечного облучения. Марсиане белые, потому что они должны быть белыми.

— Тут я с вами вполне согласен,— признал Армстронг.— Так и должно быть, если это вообще может быть.

Линдл не обратил на его шутку никакого внимания.

— На ходе истории сказалось различие природных условий. Все планеты были плодородны, но ни на одной жизнь не развивалась так бурно, как на Земле. Однако в этом заключалось и ее несчастье, жизнь на Земле просто-напросто пожирала сама себя. Меркурий и Венера отставали от Марса очень ненамного — настолько ненамного, что они и сами могли бы в течение ближайшей тысячи лет выйти в космос, даже если бы белые марсиане им не помогли. Но желтые люди Земли оказались невероятно примитивными, сущими дикарями, занятыми постоянной и тяжелейшей борьбой за существование среди кишащих вокруг чудовищных форм жизни. Потенциал земной расы был не меньшим, чем

у их соседей, но землянам приходилось преодолевать гораздо более трудные препятствия, и прогресс, естественно, шел медленнее. Никому из обитателей трех других планет не было нужды тратить столько сил на борьбу за выживание, и потому их развитие шло сравнительно быстро, особенно — на Марсе. Земляне же поднимались к вершине самым трудным маршрутом. Изобилие жизни на их планете, которое может быть благом, было их бичом.

— Ну и?..— без необходимости подтолкнул Армстронг.

— В дальнейшем, совместно осваивая космос, культуры трех планет — Марса, Венеры и Меркурия — сблизились и фактически объединились. Землю — мир джунглей и болот, ядовитых растений и опасных хищников — просто игнорировали. Она была слишком молодой, слишком дикой, чтобы стать равноправным членом Солнечного Братства. Хотя, повторяю, потенциальные возможности землян были хорошо известны, и их ждала столь же великая судьба. Но так уж получилось, что немногочисленные желтые люди Земли в те времена еще недалеко ушли от обезьян.

— Однако же самая древняя из известных цивилизаций на Земле, как оказалось, была китайской,— хитро вставил Армстронг.

— Совершенно верно,— согласился Линдл.— Что также является доказательством правдивости моего рассказа. Я еще вернусь к этому обстоятельству.— Прежде чем продолжить, он взглянул на Армстронга, чтобы понаблюдать, какой эффект производят его слова.

— Довольно долго Землю не брали в расчет, о ней забыли, совсем как об Америке в период между Эриком Рыжим и Колумбом. За это время люди трех других планет стали почти богами, и лишь одна черта отделяла их от совершенства — они несли в себе семена саморазрушения, склонность к агрессии, которая время от времени грозила ввергнуть

их миры в кровавые и бесполезные войны. Это был изначальный, извечный дефект менталитета, который давал всходы в каждом поколении. Распознать его не могли прежде всего потому, что, во-первых, не существовало надежной методики, а во-вторых, люди понимали, что, даже если бы методика вдруг появилась, использовать ее не имело никакого смысла, пока не решена куда более важная проблема — сепарации. Иными словами, незачем отделять агнцев от козлищ, если не знаешь, что делать с последними. Вопрос об эфтаназии даже не поднимался; уровень морали в обществе был уже достаточно высок. Для того чтобы могущественные цивилизации трех планет достигли истинного совершенства, требовался некий «мирный» способ избавления от «нечистых». И в течение многих столетий мудрейшие из мудрых не могли найти решения.

Сделав паузу, Линдл перегнулся через стол и предложил Армстронгу сигареты. Взяв одну, Джон заметил:

— Ангелам тоже свойственны вредные привычки, а? — Он усмехнулся, воткнул сигарету в рот и, машинально затянувшись, как это обычно у него получалось, полез в карман за зажигалкой. Внезапно кончик сигареты зажегся сам собой, но дым, который проник в его легкие, был не табачным, а каким-то другим, ароматным и успокаивающим.

— Даже ангелы любят утешение? — улыбнулся Линдл.— Однако продолжим. Наконец нашли решение. К любому замку можно подобрать ключик, нужно лишь время. Проблема перестала быть проблемой, когда Прахада, марсианский специалист по электронике, создал психотрон. Это было абсолютное решение. Со стопроцентной достоверностью психотрон отличал рационально мыслящих людей от мыслящих иррационально. Он не мог устранить причины, скрытые на генетическом уровне, но он со стопроцентной гарантией идентифицировал психический дефект. Это был чисто психический ана-

лиз: физические несовершенства и расовые различия аппарат игнорировал. Умственно несовершенным особям отказывалось в статусе полноправных граждан всех трех планет. Если угодно, это статус «богоподобного».

— Для многих он оказался прекрасным подарком! — вставил Армстронг.

— Вскоре после изобретения психотрона один венерианский философ разработал план, который полностью соответствовал этическому кодексу Солнечного Братства и предусматривал право несовершенных распоряжаться собственной судьбой. Одним словом, не прошедших тест на психотроне решили высылать на Землю.

Армстронг уронил сигарету, но сразу же поднял ее с ковра. Его пальцы дрожали, хотя он напряг всю свою волю, чтобы сохранить самообладание. Казалось, душа его снова распалась на две непримиримые половины. «Ну и горазд же врать этот Линдл! Да он самый натуральный псих! Только сумасшедший может придумать такой вздор!» — говорила одна половина. Другой голос с дьявольской настойчивостью твердил: «А разве не это ты подозревал все время? Ты видел, ты знал, что человеческое поведение иррационально, но у тебя не хватало духу признать этот факт. Ты не доверял своим собственным мыслям, потому что считал безумие окружающих нормой!»

Решительно выбросив из головы оба назойливых голоса, Армстронг сосредоточился на поразительной истории, которую рассказывал человек с хищным птичьим лицом.

— На самом деле предложенный план «психической чистки» ненамного отличался от гораздо более позднего плана англичан, которые, после нескольких первых экспедиций, превратили в тюрьму целый материк — и стали ссылать туда преступников и всякого рода смутьянов. Для Франции эту роль играла Гвиана. Приверженцы плана, рассмат-

ривавшие Землю, если угодно, как своего рода космическую Австралию, доказывали меркурианцам, венерианам и марсианам: «Давайте избавимся от гуманов! Мы не лишаем их права на жизнь. Мы не хотим крови! Пусть сама Природа рассудит, смогут ли выжить люди с ущербным мышлением». План был принят. На это ушла бездна сил, средств, времени — целых шестьсот лет! Но они это сделали!

— Гитлер рядом с вами просто младенец,— заключил Армстронг.

Нимало не смутившись, Линдл продолжал с задумчивым видом:

— Итак, основательно потрудившись, три планеты отфильтровали всех психически дефектных и избавились от них, невзирая на возраст, пол и степень несовершенства и не обращая внимания на их просьбы и мольбы. Меньшинство превратилось в большинство. Это лучше, чем эфтаназия, и более щадящая мера, согласитесь.— С этого момента Земля оказалась населена чернокожими изгнанниками с Меркурия, коричневыми с Венеры, белыми с Марса плюс, конечно же, местными желтыми, среди которых находились и нормальные, и психически дефектные индивиды. Вопрос об их чистке так и остался открытым. К лучшему или к худшему — время покажет. Но факт, который вы упомянули и который я просил вас запомнить — о том, что именно китайцы создали древнейшую земную цивилизацию, не случаен. Ибо среди всех обитателей планеты только они имели нормальных, которые компенсировали влияние ненормальных. Прочие, как было установлено с помощью психотрона, в той или иной степени страдали безумием — и по сей день большинство все еще остаются таковыми!

— Знаете ли, от ваших слов человек вполне может наложить на себя руки,— заметил Армстронг.— Даже сумасшедшие не любят, когда им каждый день напоминают об их обреченности.

— Интересное суждение, хотя и абсолютно беспочвенное,— возразил Линдл.— Как я вам сказал, правду знают очень немногие, остальные пребывают в счастливом неведении. Это — во-первых. Во-вторых, тысячелетия спустя выявился факт огромной значимости, факт, который дает повод для оптимизма и может считаться оправданием для чистки. Оказалось, что здравомыслие — признак доминантный.

— Что-что?

— Здравомыслие — доминанта,— настойчиво повторил Линдл.— С течением времени, по мере смены поколений, дефект мышления постепенно сглаживается и исчезает, уступая место наследственному здравомыслию. Каждое следующее поколение и качественно, и количественно отличается от предыдущего. Так называемая «дефектная» раса, как выяснилось, находится на том же пути, только значительно отстала. В один прекрасный день она наверстает упущенное! — Линдл снова взглянул на Армстронга, чтобы убедиться в действенности своих слов.— Главная проблема сейчас в другом — несовершенные люди Земли преуспевают в науке — и особенно в космонавтике — гораздо быстрее, чем прогрессируют психологически. Они угрожают вторгнуться в «святилища» богов, хотя им еще очень далеко до богоподобия. Некоторые обладают мозгом нормана, сохраняя при этом стиль мышления гумана. Иными словами, они стремятся заполучить приз, который предназначен вовсе не для них — по крайней мере, пока. И если мы не сумеем им помешать, то есть если мы каким-либо способом не сдержим космическую экспансию Земли, то Марс, Венера и Меркурий встретятся с проблемами, которые они уже решили сто тысяч лет назад.

— По-моему, это стыдно,— сказал Армстронг.

— Разве? — Голос Линдла звучал резко.— Подумайте еще. Вы считаете себя американцем и землянином, потому что... потому что вы так считаете.

Но ведь когда-то вы так же искренне верили в Санта-Клауса и пасхального кролика. Но вы — белый и нормальный и по определению — марсианин! И вот тут возникает вопрос о вашей лояльности.

— Слишком вы быстрый,— парировал Армстронг.— Что такого сделал для меня Марс, чтобы я вдруг проникся к нему благодарностью? Я уж не говорю о лояльности.

— Многое! Например, Марс дал вам право на жизнь, хотя не так уж трудно было вообще отказать вам в нем. Вы живете потому, что ваших предков выслали, вместо того чтобы их убить. Если бы Марс поступил так, как поступали многие из земных маньяков, вы бы не родились никогда!

— Но...

— И во-вторых,— с нажимом продолжал Линдл,— Марс не бросил этот мир на произвол судьбы. Он вмешивается в жизнь Земли и делает все возможное, чтобы ростки благоразумия не погибли. Это значит, что вы живете в мире, который не так катастрофически безумен, каким он мог быть.

— Вмешивается? — Взгляд Армстронга стал насмешливым.— Что вы подразумеваете под вмешательством? По-моему, вы говорили, что они сослали нас сюда и бросили — именно на произвол судьбы.

— Нет. Была проведена чистка, но марсиане не умыли руки. Никогда и никому не запрещалось наведываться в этот дурдом. Ученые, заинтересованные в развитии земного человечества, прилетали и делали, что могли. Это были выдающиеся миссионеры! Многих из них помнят до сих пор — Гаутама Буда с Северной Венеры, например. Здесь его звали Буддой! В те времена наши посланцы могли сдвигать горы. Ужасно жаль, что слова этих людей всякий раз немыслимо искажались, и они никогда не бывали поняты больше чем наполовину. Их происхождение сегодня окутано мистической тайной, а попытки показать, на что способна настоящая наука, до сих пор воспринимаются как великие чу-

деса. На столбе огня они пришли, и на огненной колеснице вознеслись на небеса!

— Вы имеете в виду?..

Линдл кивнул:

— Почти каждый из великих, кого вы в состоянии вспомнить. Исключая Конфуция — он обладал природной мудростью аборигена-землянина, причем здравомыслящего. Но остальные... почти все...— Голос его замер, и некоторое время Линдл молчал.— Чудес не бывает, и это отлично известно многим земным ученым — потому что многие из них здравомыслящие. Говорящая статуя Мемнона просто-напросто резонировала всякий раз, когда жрец ударял по соответствующему месту. Когда Мухаммед совершал свое знаменитое путешествие в Иерусалим, он телепортировал себя с такой же легкостью, с какой тропические фрукты телепортируются через красные пустыни. Но ни демонстрация достижений науки, ни проповеди так и не смогли пробудить здравомыслие у неразумных; наоборот, на основе этических учений они создали безумные культы, которые только добавили горя в их жизнь и которые мешают этому миру до сих пор. Поэтому примерно шестнадцать или семнадцать столетий назад попытки открытого вмешательства были прекращены, а вместо них налажено более эффективное, скрытое воздействие. И вот сейчас, в наше время, Солнечное Братство вдруг обнаружило, что ему куда важнее позаботиться о защите от землян, чем об оказании им социально-психологической помощи.

— Любопытно,— признал Армстронг. Он откинулся в кресле и вытянул ноги.— Красочно, жизненно. Ничем не хуже «Золушки» и «Снежной Королевы». На вашем месте я обязательно придал бы рассказу больше драматизма. Как? Например, встал бы и продекламировал: «Смотрите! Завидуйте! Я — гражданин Марса!»

— Каковым я и являюсь,— парировал Линдл.— И вы тоже! Верно — по рождению я землянин. Но

по убеждениям и по духу я — марсианин. Я не жду, что вы прямо сейчас, сразу начнете смотреть на вещи моими глазами, но я посеял семена в вашем сознании, и, рано или поздно, они дадут всходы. Нравится вам это или нет, но вы не сможете больше упрямо цепляться за земные предрассудки, если вы признаны одним из самых передовых людей в Солнечной системе. Теперь, после того как вы осознали себя здравомыслящим, ваш долг — охранять границу, тонкую красную линию, и оберегать от безумия, кого нужно спасти — других здравомыслящих.

— Мой долг? Кто это сказал? — Армстронг поднялся на ноги.

— Не я! Никто! Вы сделаете выбор сами, подсознательно, если уже не сделали. Вы не можете не быть норманом, потому что вы норман.— Линдл встал вслед за Армстронгом — одного с ним роста, он больше походил на преуспевающего адвоката, чем на известного политика.— Вы свободны, мистер Армстронг.

— Вы в себе уверены, да? «Грубое посягательство на свободу субъекта подлежит судебному преследованию». Так гласит закон. Откуда вы знаете, что я не причиню вам массу хлопот, когда отсюда выйду?

Линдл прошел по ковру и распахнул дверь.

— Точь-в-точь мои слова. То же самое говорил я, когда освобождали меня. То же самое говорили и сотни других. И все они, после недолгих раздумий, вернулись. Вы понимаете? Наша сила именно в том, что люди тянутся к нам сами, по осознанному велению души. Хотя вы, быть может, пока этого не понимаете. Можно привести пример: птицы одного вида сбиваются в одну стаю. Но это упрощение. В других мирах приняты термины «психогравитация» или «телесимпатия».

— Я называю это стадным инстинктом,— раздраженно произнес Армстронг.— Мне с вами не по пути. Я — волк-одиночка.

Линдл усмехнулся:

— Видите ли, главная черта нормальных — они не могут не думать. Им это нравится и не причиняет никакой боли. Они думают, думают, думают — все глубже, все настойчивей, и ничто не может их отвлечь. В конце концов, они оказываются членами «Норман-клуба». Подобное тянется к подобному — и мы с вами еще увидимся. Обязательно.— Он приглашающим жестом обвел комнату: — А пока что — получайте свою гарантированную свободу, мистер Армстронг. Свободу жить в безумном мире.— В его глазах вспыхнули странные огоньки.— Посмотрим, как вам теперь понравится этот дурдом!

Армстронг разглядывал Линдла, задумчиво и чуть раздраженно покусывая зубами нижнюю губу. Ему очень хотелось сказать кое-что не из школьной программы, но почему-то казалось, что Линдл этого не поймет. Наконец он проворчал:

— Ладно. В дурдом так в дурдом. Пойду набираться сил. Но предупреждаю, в следующий раз мы встретимся уже в другом месте.— Армстронг угрожающе взглянул на Линдла.— Берегитесь!

С этим он и вышел.

Глава девятая

В офис Хансена Армстронг ворвался, распахнув дверь ногой. Мириам, с мечтательной улыбкой сидевшая за столом, вздрогнула, когда он прошагал мимо, вместо приветствия едва удостоив ее угрюмым ворчанием. С видом разъяренного носорога он прошел в кабинет, плюхнулся в кресло и уставился на мрачного как туча агента недобрым взглядом.

— Отлично вы меня прикрыли! Ничего не скажешь!

Хансен слегка приподнял левую бровь, достал из ящика стола какую-то бумагу и молча швырнул ее через стол. Армстронг поднял ее и прочитал:

«Тут просто лагерь бойскаутов. Вы только без пользы потратите время. Когда понадобится помощь, я вам позвоню. Джон Дж. Армстронг».

— Подпись — ваша,— с ударением произнес Хансен.— Я сделал двойную проверку. Второй раз — у Сида в полицейском управлении. Он заявил однозначно: почерк и подпись — ваши.

— Когда и где вы ее получили?

— Через час после того, как вы вошли в здание. Я сидел в закусочной через дорогу, за четвертым столиком слева, точно там, где вы велели быть. Тот разодетый швейцар подошел прямо ко мне, протянул конверт и сказал: «Сообщение от мистера Армстронга».

— Первый раз слышу.— Армстронг с нескрываемым раздражением бросил записку обратно Хансену. Тот продолжал:

— Я прочитал и сравнил подпись с образцом, который ношу в жилетном кармане. Это ваша подпись, Сид подтвердил. Вы сами понимаете, я не настолько прост, чтобы попасться на такую удочку, но здесь все чисто. Эту записку написали вы.— Он развел руками.— Мне не оставалось ничего иного, как собрать вещички и убраться.

— Тем не менее я ее не писал.

Хансен позволил себе испустить глубокий вздох.

— Значит, чудеса в этом мире еще случаются.— Он отпихнул злополучное послание.— Предлагаю вам взять ее и пройтись по банкам. Если пятнадцать клерков подряд скажут вам, что подпись подлинная, тогда вам просто придется поверить в чудеса.

Сложив записку, Армстронг сунул ее в карман.

— Я проверю сам. Если подпись моя, значит, я писал под их гипнозом. Но как? Даже не представляю...

— О, так вы были под гипнозом?

— Они со мной не церемонились, все произошло в считанные секунды. Я свалился, как мешок с мукой. А вы сидели себе спокойно и слушали «бип-бип». Приборчик они тоже нашли. Хотя о нем знали только вы и я, и я им об этом не говорил.— Сцепив пальцы, Армстронг наклонился вперед: — Вы?

— Конечно, я! Кто же еще! Я всегда именно так и поступаю. Не отдаю долги, плюю клиентам в лицо, а свободное время трачу на поиски способов обанкротиться.— Голос стал едким.— Если уж вы умеете во сне писать письма, то, наверное, можете и отвечать на вопросы. Во сне.

— Вопросы! — У Армстронга вырвался стон.— Я ответил на миллион вопросов.— Вот видите!

— Может, я действительно слишком много говорил. Но я не знаю, что я говорил, что писал, и не знаю, как они меня заставили это сделать.— Армстронг огляделся.— Где ваш бипер?

— В сейфе. Мириам отдаст его вам, когда будете уходить. Этот будильник пищал еще четыре часа после того, как я сюда вернулся. И каждый раз он указывал в разные стороны. Последний раз сигнал пришел откуда-то из Нью-Джерси. Потом он выключился.

— Верно, они меня выпустили на той стороне Джерси-Сити.

Хансен внимательно оглядел его.

— Вас не было четыре дня. И похоже, «Норман-клуб» не пошел вам на пользу. Видок у вас тот еще.

— Да.— Армстронг некоторое время размышлял.— Как только я обрел свободу управлять своими ногами, я сразу пошел в полицию. Я нисколько не сомневался, что прижучить эту компанию будет чертовски трудно, и то, что мне сказали фараоны, не было неожиданностью. Моя тюрьма известна как клиника для невротиков, которая содержится за счет благотворительности влиятельных членов «Норман-клуба». В разное время два десятка психопатов досаждали полиции жалобами на незаконное содержание в клинике. Шестнадцать одумались сами; четверо обратились в суд и, потратив массу сил и кучу денег, проиграли дело. Умные адвокаты и честные свидетели не оставили камня на камне от их показаний. Кроме того, психи что-то лепетали насчет происков коварных марсиан, а любой судья знает, что человек, который бормочет про марсиан,— самый настоящий псих.

— Марсиане? — Брови Хансена снова поползли вверх.

— Ну да! — Армстронг разглядывал его со злобным удовлетворением.— Вы марсианин, и я марсианин, и Мириам тоже марсианка. Вы — инопланетянин, если только ваше имя не Пу Суньцзы. «Норман-клуб» может это доказать.

— Бред,— кратко ответил Хансен. Потом добавил: — Как они это докажут? С таким же успехом можно доказывать, что Солнце вращается вокруг

Земли, а Земля квадратная. Зачем делать мир безумнее, чем он есть?

— В том-то и дело. Мир именно безумный. Почти все люди на Земле безумны, кроме меня.

По неподвижному лицу Хансена промелькнула неясная тень тревоги. Наклонившись вниз, он пошарил в нижнем ящике стола, извлек бутылку бурбона и протянул Армстронгу:

— Хлебните. Поможет.

— Да. Надо быть последним кретином, чтобы отказаться.— Армстронг приник губами к горлышку, потом перевел дыхание и приложился опять. Наконец он отдал бутылку Хансену.— Так вот, узнав, что я — самый что ни на есть нормальный тип, я столкнулся с сотней проблем, отсюда вытекающих. Самая важная сейчас — определить, насколько безумны вы.

— Я? — Хансен, казалось, и удивился, и огорчился одновременно. Схватив бутылку, он сделал огромный глоток.— Обычно я схожу с ума, когда меня доводят до белого каления психованные клиенты.

Проигнорировав эту шпильку, Армстронг великодушно заметил:

— Конечно, есть шанс, что вы тоже нормальный. Было бы чудесно, если б так и оказалось. Если у нас обоих достанет здравого смысла, чтобы тащить свою ношу, нам следует держаться друг за дружку среди всех этих идиотов.— Он сделал жест рукой, как бы показывая весь остальной мир.

— Что они с вами сделали? — озабоченно осведомился Хансен.— Влили под череп бутылку пива?

— Сейчас расскажу. На этот раз без дураков. Произошло вот что...

И Армстронг поведал Хансену, что с ним случилось. Это заняло почти час. К тому времени, когда он окончил свои рассказ, лицо агента выражало весьма любопытную смесь эмоций.

— Вот так,— заключил Армстронг.— Оказывается, на старушке Земле живут сами земляне плюс

потомки изгнанников с Марса, Венеры и Меркурия. И практически никто из них ни о чем не догадывается. У большинства мышление все еще дефектно, хоть и в разной степени, и об этом они тоже ничего не знают.

— И вы поверили в эту белиберду? — взорвался Хансен.

— Я ее не принимаю. Но и не отвергаю. С одной стороны, это слишком унизительно для самолюбия, но с другой — очень уж правдоподобно.

— Вы представляете, что станется с этой планетой, если ее обитатели вдруг обнаружат, что они — толпа хронических психопатов, запертых в дурдоме? Дьявол меня побери, они тогда действительно свихнутся!

— Идиот, по определению, не может быть идиотом только наполовину,— иронично заметил Армстронг.— Кроме того, вы забываете, что здравомыслие все-таки доминирует. Дефект мышления — признак рецессивный, он обречен на вымирание, хоть и медленное. Этот мир в свое время обязательно станет «нормальным», и тогда другие планеты примут нас в свою семью как давно потерянных братьев. Но пока мы еще не готовы.

— Чепуха! — отрезал Хансен.— Ахинея! Вздор! Галиматья! Псевдоисторические байки!

— Может быть — да, а может быть — нет. Вы упустили кое-что. Меня, например, весьма тревожат два обстоятельства.

— Что такое?

— Во-первых, аварии ракет — действительно дело рук этих милых ребят, и как они их устраивают, нам неизвестно. Во-вторых, диверсии организуют члены «Норман-клуба» самых разных национальностей. И неважно, считают ли они себя русскими марсианами, английскими марсианами, французскими марсианами или еще какими-нибудь марсианами. Главное — они считают себя в первую очередь марсианами, венерианами или меркурианами, а уж

потом англичанами, русскими или португальцами.— Армстронг на мгновение задумался.— Однако если бы ракету строили в Индии, то, скорее всего, ее уничтожили бы индо-венериане. Африканский корабль погиб бы от рук афро-меркуриан. Мы столкнулись с могущественной и безжалостной организацией глобального масштаба, которая действует в интересах не нашего мира. То, что вера этих людей, возможно, основана на полном абсурде, не имеет никакого значения. Даже если бы ни Христос, ни Магомет не родились на Земле, это не избавило бы мир от фанатиков, инквизиции и исламского фундаментализма. Вера, религия, идеология — вот что имеет значение.

— Знаю, знаю,— мрачно согласился Хансен.— Таким образом, мы оказались перед абсолютно алогичной ситуацией, когда утверждается, что правда — это не то, что очевидно, а то, во что очень сильно верят. Хуже всего другое — нелогичность, исходя из неверных предпосылок, объяснить можно логично. Стоит только встать на эту позицию, как произойдет превращение — любой жизненный эпизод лишний раз будет доказывать, что мир действительно охватило повальное безумие.— Он покосился на бутылку бурбона и продолжил: — Так, нелогичность утверждает, что если пятьдесят миллионов людей твердо, фанатично верят в хрюндельмундиндель, то хрюндельмундиндель существует! Хотя до какого же абсурда нужно докатиться, чтобы использовать в качестве аргументов фразы вроде «Пятьдесят миллионов французов не могут быть не правы». Сумасшедшие законы для сумасшедших людей!

— По-моему, мы сегодня надеремся,— пробормотал Хансен.

— Я хочу сказать, что вопрос в том, правы или не правы эти фанатики из «Норман-клуба», сейчас не важен. Важно другое — какое действие оказывает на них вера, в чем кроются мотивы их поведения. И как следствие: что мы можем сделать, чтобы испортить им игру.

— А чего ради, собственно, беспокоиться? — Схватив бутылку, Хансен сделал большой глоток. С трудом переведя дух, он воскликнул: — Ух ты? — Потом провел ладонью по губам.— Если какие-то психи хотят вырваться в космос, а другие психи хотят им помешать, почему не дать им возможность подраться между собой? Если кто-нибудь когда-нибудь доберется до Марса, мне от этого не отломится ни одного цента.

— Это за вас говорит бурбон.— Армстронг строго взглянул на Хансена.— Обычно вы говорите не так. Вы забыли, что я — как раз тот самый псих, который рвется на Марс, и что я плачу вам за то, что вы помогаете мне продвигаться в этом направлении.

— Да.— Хансен кивнул. Его внимание сейчас целиком занимал язык, который вдруг перестал слушаться.— Да... я имел в виду... это самое... конечно? Все, что вы говорите!

— Тогда оставьте бутылку в покое и слушайте внимательно. Этот эпизод в «Норман-клубе», как гребень гигантской волны, перенес меня через рифы. Но я не удовлетворен. Слишком много камней остались неперевернутыми.

— Вы имеете в виду смерти Мэндла и Маршала?

— И это, и кое-что другое. Например, кто и зачем обыскивал мою квартиру и лабораторию? Кто тот рыжий? Куда он делся? Что он искал? Зачем следил за мной?

Хансен со всеми предосторожностями оперся руками о стол и встал; глаза его сузились, лицо стало строгим. Продолжая смотреть на него, Армстронг упер ноги покрепче в пол и напрягся.

— Сальто вам не поможет,— произнес за его спиной тихий, вкрадчивый голос.— Прошу воздержаться от резких движений. И вы, мистер Хансен, будьте добры, сядьте на место.

Щелкнул замок, и в поле зрения Армстронга появились трое мужчин. Он узнал их. Первым был

рыжий. Второй — худощавый задохлик, который резвился в его лаборатории. Третий был из той парочки фиктивных агентов ФБР.

Рыжий и задохлик держали в руках «фонари», как две капли воды похожие на тот, который засняла потайная камера Армстронга. Третий человек держал руки в карманах.

Рыжий легкими шагами пересек кабинет, присел на краешек хансеновского стола вполоборота к детективу и непринужденно обратился к Армстронгу:

— Надеюсь, вы не натворите глупостей. Да и зачем вам это? Ведь вы знаете, что вы — нормальный.

— Если ваши штуковины — орудия убийства, предупреждаю, вам это будет дорого стоить,— ответил Армстронг.— И советую не тратить попусту слов.

— В вашем посещении «Норман-клуба» более всех был заинтересован я,— продолжал рыжий.— Дедуктивные способности делают вам честь.

— Спасибо. Вы даже не представляете, как это лестно для меня.

— Отдельная благодарность мистеру Хансену за его посильную поддержку.

— Дьявол вам в печенку! — проскрежетал Хансен.— Что вы сделали с Мириам?

— Она в полном порядке. В хорошей компании. Ей не причинят зла, уверяю вас.— Голубые глаза рыжего загорелись холодным светом, и он продолжил, сверля Армстронга твердым немигающим взглядом: — Нам было очень приятно узнать о вашей нормальности. Но гораздо большее удовлетворение нам доставил ваш отказ от членства в «Норман-клубе» и решимость продолжать борьбу. Подобная реакция редка и в высшей степени похвальна.

— У вас что, спрятан здесь микрофон?

— Да, под календарем мистера Хансена найдется один. Жаль, конечно, что мистер Хансен ока-

зался втянутым в это дело, но это не его вина — о микрофоне он не подозревал. Конечно, аналогичные штучки есть и в вашей квартире, и в лаборатории, ведь нельзя же заранее знать, где вы пожелаете излить душу.

— Вы основательно потрудились.

— У нас привычка все делать основательно.

— У вас?

— Я не попадусь на удочку, мистер Армстронг. Считайте, что я говорю от своего лица и от лица моих товарищей, и на этом остановимся.— Его тонкие губы скривились в мягкой усмешке, но глаза остались холодными и невыразительными.— Мы здесь потому, что нам нравится ваше отношение к космическим экспериментам, особенно теперь, когда вы знаете то, что знаете. Ответьте, неужели, несмотря на мнение «Норман-клуба», несмотря на то, что вы, сами того не зная, оказались под их защитой, неужели вы по-прежнему ратуете за скорейшее завоевание космоса?

— Да.

— Почему?

— Занимайтесь лучше своими делами,— предложил Армстронг.

— Именно это мы и делаем в настоящий момент. Видите ли, мистер Армстронг, мы тоже заинтересованы в скорейшем прорыве в космос.

— Чьем? — Армстронг проницательно оглядел рыжего.— Американцев, русских, эскимосов или еще кого-нибудь?

— Землян. Любых землян. Национальность не имеет значения.

— У вас большие планы. Вы были бы мне очень симпатичны, если б хоть раз в году ходили в баню. Вы анархист?

Рыжий упорно не желал выходить из себя, по-прежнему сохраняя невозмутимость.

— Меня не интересуют земные религии и всякие политические «измы». Я — уроженец Марса.

— Хе-хе! Оч-чень приятно! — пробурчал за его спиной Хансен.

Рыжий обернулся и оглядел его своими змеиными глазами. Хансен добавил:

— Я тоже так умею. Знаете, кто я? Мудрец из страны Оз?

— Весьма остроумно,— отчеканил рыжий ледяным тоном.

— А по-моему, ваши шарики как-то не так крутятся,— сказал Армстронг.— Вы сумасшедший?

— Видите ли, мистер Армстронг, психотрон объявил вас нормальным, а вот нас — к сожалению, нет. Вот почему мы торчим на этой паршивой планете? Вот почему мы хотим вырваться! — Он наклонился вперед. Глаза рыжего засверкали сильнее.— Никакая чертова машина не имеет права решать, где кому жить. И не сможет, если вы...

— Не загибайте! Ваша история не выдерживает критики сразу по нескольким пунктам. Во-первых, большая чистка завершена уйму лет назад, и поэтому...

— Завершена,— прервал рыжий,— но отдельные люди с дефектами мышления рождались в каждом следующем поколении. Их вышвыривали вон сразу, как только обнаруживали. Они появлялись здесь, у вас, раз за разом — принцесса Карибу, Каспар Хейзер... имя им легион?

— Второе,— спокойно продолжал Армстронг,— ни один человек, даже полный идиот, не стал бы хвастать своим идиотизмом, не имея на то причин. Какая же причина у вас?

— А как вы думаете?

— Я думаю, что вы пытаетесь меня надуть, заявляя, будто завоевание космоса послужит безумным целям патентованных идиотов. Зная мое отношение к теме, вы рассчитывате таким образом заставить меня отказаться от своих планов.

Именно этого добивался «Норман-клуб»! Я полагаю также, что вы — всего-навсего шестерка и

работаете на «Норман-клуб», обрабатывая меня по принципу «от противного». Я не могу понять только одного — почему, черт бы вас всех побрал, почему вы придаете моей персоне такое значение?!

— Не мои, а ваши выводы, мистер Армстронг, не выдерживают никакой критики. Мы имеем такое же отношение к «Норман-клубу», какое вы имеете к индийским раджам. Что же касается вашей значимости — она определяется информацией, которую вам удалось откопать и которая затрагивает нас непосредственно.— Рыжий медленно покачивал ногой, ударяя каблуком по столу. Рука его твердо сжимала похожее на фонарь оружие, а раструб был направлен Армстронгу в грудь.— Я не могу заставить вас поверить в то, во что вы верить не желаете. Но если, отказываясь верить фактам, вы также отказываетесь подчиниться нашим требованиям...— Он многозначительно покачал «фонарем».— Мы добьемся этого любым путем.

— Ну-ну, полно! Вы же не герой телесериала о гангстерах,— напомнил Армстронг.-А чего вы добиваетесь?

— Информации.

— Какой информации?

— Не прикидывайтесь идиотом! — неожиданно вспылил рыжий.— Вы знаете, что нам нужна информация о ракетах девятнадцать и двадцать...

— А-а! — произнес Армстронг, изо всех сил скрывая изумление.— Ах, это! Ну, я ее закопал.

— Где?

— Под Статуей Свободы.

— Это не смешно.— Рыжий опустил ноги на пол и выпрямился во весь рост. Оба его приятеля, выйдя из полурасслабленного состояния, насторожились.— Честно говоря, я уже сыт по горло препирательством с таким упрямым мулом, как вы. Мы даем вам ровно минуту...

Слова его заглушил внезапный шум в приемной. Дверь распахнулась, послышался топот ног, прон-

зительный крик Мириам, и один за другим прогремели четыре выстрела. Стекло в двери треснуло, куски его разлетелись по сторонам, и крупнокалиберная пуля впилась в ножку стола. В тот же миг Армстронг ударом ноги вышиб из руки рыжего «фонарь», который со стуком упал на ковер.

Не теряя времени на то, чтобы выпрямиться, он выбросил вперед мускулистую ручищу и сгреб рыжего в охапку. Тот почти не сопротивлялся, это было бесполезно.

Армстронг рычал, как рассерженный медведь. Грохнул выстрел, струя пламени ударила со стороны внутренних помещений офиса, и Армстронг увидел, как темные, напряженные глаза детектива вперились в худощавого, сгибающегося в поклоне, как японский генерал. Еще два выстрела прозвучали со стороны задней двери. Армстронг не обратил на них никакого внимания и, игнорируя судорожные попытки рыжего освободиться, одной рукой надавил ему сверху на шею, другую завел под подбородок и дернул одновременно вверх и вбок. Послышался глухой треск, и тело рыжего безвольно свалилось на ковер.

Тяжело дыша, Армстронг поднялся на ноги и вытер руки о полы пиджака.

— Черт возьми! Я свернул ему шею! Как цыпленку! — Он с удивлением посмотрел по сторонам и заметил, что суровый Хансен все еще сжимает в правой руке пистолет.

Толстый помощник детектива по имени Пит заглядывал в дверь, а за его спиной маячила пара полицейских. Худощавый неподвижно лежал на полу, а третий налетчик сидел в углу с дыркой вместо левого глаза.

— Кажется, мы перестарались,— опечалился Пит.— Теперь эти ребята ничего уже не расскажут.— Войдя мелкими шажками в комнату, он ткнул ногой худощавого.— Мертвее пустой бутылки.

Спокойно положив пистолет на стол, Хансен посмотрел на полицейских и указал на телефон:

— Звоните, если хотите. Сообщите заодно и в ФБР — у них был какой-то интерес к этим парням.— С выражением усталого смирения он смотрел, как полицейский набирает номер участка.— Отличная работа, Пит,— медленно проговорил Хансен.

— Интересно, что это вы называете отличной работой? — осведомился Армстронг. Искоса поглядывая на полицейских, он незаметно толкнул «фонарь» рыжего под стол, с глаз долой.— Вы знали, что он собирается вмешаться?

— Не знал, но надеялся.

— Как же это случилось?

— У меня свои порядки и свои методы. Когда я получил ту вашу записку, я действительно ушел из кафе. Но мои обязанности взял на себя Пит. Его сменил еще один человек. Наблюдение велось вплоть до того момента, как вы появились здесь, и просто здорово, что я не упомянул об этом раньше. Агентам были даны инструкции дождаться вас, когда бы вы ни вышли, и следовать за вами, куда бы вы ни пошли. Они потеряли вас, когда замолк «комар».

— Ну и?..

— Я и сидел в забегаловке,— вмешался Пит,— когда позвонила Мириам и сообщила, что вы только что явились сюда. Я вернулся к нашей конторе и болтался поблизости, чтобы не пропустить, когда вы выйдете. Потом подъехали эти рожи, а парня с Сайпрес Хиллз я усек сразу. Для меня этого было достаточно — я вызвал полицию, и мы ворвались внутрь за ними следом. Вот и все.

— Вот и все,— как эхо повторил Армстронг.— Очень просто — несколько выстрелов, три трупа, и ответы на все вопросы у нас в кармане, так? Черта с два! Хотя нам и повезло.— Пройдясь взад-вперед по комнате, он столкнул со стола набитую бумага-

ми папку, выругался, наклонился и принялся собирать разлетевшиеся листы. И только Хансен заметил, как Армстронг сунул в карман тот самый, похожий на фонарь, предмет. Впрочем, виду Хансен не подал.

— Они едут сюда,— сказал полицейский, положив трубку. Заметив в ногах худощавого второй «фонарь», полицейский подобрал его, повертел в руках и посмотрел на Пита:

— Вы насчет этой штуковины нас предупреждали? По-моему, ничего особенного. Обычный фонарь.

— Попробуйте его на себе,— предложил Пит.— Может, вы успеете получить удовольствие, прежде чем обнаружите, что играете в раю на арфе.

— Хм! — Полицейский, недоверчиво ухмыльнувшись, положил «фонарь» на стол. Склонившись над третьим телом в углу, он обыскал его, обнаружил еще один «фонарь» и положил рядом с первым. Поняв намек, его напарник вышел в приемную и через несколько секунд вернулся с третьим «фонарем». Оглянувшись через плечо, он проговорил:

— В самый глаз. Отличный выстрел, скажу я вам. Давно у меня так не получалось. Я сейчас в хорошей форме.

Хансен глубоко вздохнул и крикнул:

— Мириам!

— Отсутствует,— сказал Пит.— Она схватила свою шляпку и исчезла в тот самый миг, когда мы вошли. Как говорится, взяла ноги в руки. Историчка!

— Истеричка,— поправил Армстронг.— Нет, историчка,— упорствовал Пит. Он кивнул в сторону Хансена.— Она такое говорила о его предках, что уши вяли. Жаль, вы не слышали!

— Ничего, оклемается,— рассудил Хансен.— Утром будет здесь. Я же плачу ей за работу, верно?

— Наверное, она думает, что ей платят не за то, чтобы она на работе умерла,— предположил Пит.

— Это без надобности,— отрезал Хансен. Глаза его снова вернулись к клиенту.— Риск повышает ставки.

— Заметано! — Армстронг опустился на корточки и о чем-то задумался над телом рыжего.— Как скажете. Пока я еще не банкрот!

Он внимательно вгляделся в лицо мертвеца. Теперь оно стало спокойным и утратило большую часть своего высокомерия. Нос покрывали веснушки, и кожа была как у всех рыжих — тонкой, почти прозрачной. Больше ничего особо примечательного его лицо не могло сказать Армстронгу. И если этот человек действительно уроженец Марса, то он не нуждался ни в каком гриме, чтобы скрыть свое инопланетное происхождение. Он был защищен самой своей ординарностью. В толпе вы отыскали бы дюжину таких, как он. Неужели поразительное заявление рыжего основано на реальных, действительных фактах? Или это еще одна порция лапши на уши, которой его потчевали с того момента, как он переступил порог «Норман-клуба»? Линдл делил мир на нормальных и ненормальных, но — земного происхождения, и он ни словом не обмолвился о марсианах, которых ссылают на Землю сейчас. Верно, он намекал на марсианское вмешательство, но как-то вскользь, словно студент-троечник, который не слишком уверен в ответе. Похоже, что шайка рыжего тут имела преимущество, поскольку они многое знали и о Линдле, и о «Норман-клубе».

Получается, что та дикая теория об агнцах и козлищах слишком уж проста; на самом деле ситуация гораздо сложнее. Беда же состоит в том, что как ни крути, а вывод все равно один. Если информация верна, тогда эта планета — не что иное, как официально признанный дурдом. Если нет, то, скажите на милость, откуда на свете берется столько сумасшедших, которые не просто верят в собственный бред, но и пытаются убедить в нем остальных? Таких сумасшедших вокруг целые толпы, и значит —

вы опять попали в дурдом, хоть и с черного хода. Еще одна трудность заключалась в определении степени помешательства. Например, обитатели сумасшедших домов так далеко зашли в своем безумии, что их состояние стало очевидным даже для других, менее сумасшедших. Естественно, вторые постарались побыстрее сплавить первых с глаз долой. Но, оказывается, существовала еще одна форма безумия, которую пока просто не умели распознавать. Линдл, который категорически утверждал, что сам он нормальный, таковым бы и казался, если бы его высокомерная поза и одержимость пресловутой «древней историей» не позволяли заподозрить обратное. Рыжий, который по-другому смотрел на ту же бредовую теорию, почти гордился тем, что он ненормальный, хотя с виду был не менее нормален, чем Линдл или кто-либо иной. Если не считать чрезмерной худобы, он тоже казался нормальным. Третий, в углу, был настолько нормален, что вполне мог сойти за того, за кого уже однажды себя выдавал, то есть за агента ФБР. Эти трое мертвецов выглядели при жизни совершенно обычными людьми, лишенными каких-либо отличительных черт, хотя они и признали себя «умственно дефектными».

Важно не это, другое. Как отличить ненормальных? Можно ли это сделать без психотрона? Да и вообще, что такое психотрон? Линдл утверждал, что человек по имени Прахада, который изобрел психотрон, сам был нормальный, но если так, откуда он это знал? Испытал свое изобретение на себе самом? И таким образом выставил точку отсчета, эталон нормальности? Не слишком ли просто? И глупо? Чтобы придумать абсолютный тест на нормальность, нужно быть нормальным. Чтобы быть нормальным, нужно доказать нормальность. Бег по кругу. Старая загадка о курице и яйце в новой интерпретации.

Допустим, что форма сумасшествия у этого Прахады была особенной, сугубо индивидуальной, пол-

ностью отличной от обычных форм безумия его сограждан. Как же он тогда определял нормальность? Его психотрон мог только одно — отсортировать психов, таких, как он сам, от психов, не таких, как он сам. При этом первые раз и навсегда объявлялись «нормальными» (а как же еще!), вторые — раз и навсегда — «дефектными». При этом быть подлинно нормальными не могли ни те, ни другие. Все — и марсиане, и венериане, и меркурианцы — были такими, какими они родились!

«ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВЫ НОРМАЛЬНЫ?»

— Ну и дерьмо! — от души выругался Армстронг.

— Полностью с вами согласен,— кивнул Хансен.— Я только что хотел сказать то же самое.— Его взгляд уперся в разбитую дверь.— А вот и наша дуболомная бригада.

Они ввалились с топотом и энергией — два человека в штатском, фотограф, врач, эксперт и полицейский капитан, тот самый, который приезжал, когда убили Кларка Маршала. Увидев Армстронга, капитан воскликнул:

— Ого-го! Смотри-ка, кто здесь! Снова все засняли на пленочку? — На сей раз не успел.

— Жаль.— Капитан оглядел кабинет.— Три трупа здесь, один там. Итого четыре. Как мы выудим из них показания? — Он беспомощно пожал плечами.— Ну ладно, займемся делом. Что произошло?

Армстронг заговорил, медленно подбирая слова:

— Я консультировался здесь с моим агентом, когда эта шайка вломилась сюда и потребовала информацию, которой я, как оказалось, не обладаю. Почему-то они мне не поверили и остались в убеждении, что я ею просто не желаю поделиться. Пит, который находился поблизости, около дома, видел, как они вошли, опознал их и вызвал этих двух полицейских. Подмога прибыла вовремя — как раз в тот момент, когда ворвавшиеся собирались применить силу. Произошел небольшой фейерверк. Все

закончилось за несколько секунд. Результат перед вами.

— За предварительную беседу сойдет, хотя, видит Бог, девяносто процентов подробностей вы опустили. Что за информацию они от вас хотели?

— Им были нужны сведения о последних космических кораблях.

— Ага! — выдохнул капитан.— Ставлю сто против одного, что эти субчики — иностранцы. Черт знает сколько времени может уйти на их опознание. Пусть развлекается ФБР. Лучше позвонить им сразу.

— Их вызвали. Они уже едут.

— Хорошо. Мы сделаем свое дело, а их долю оставим им.

Агенты ФБР появились минут через десять. Их было четверо. Трое остались с полицейскими. Четвертый кивнул Армстронгу:

— Прошу вас проследовать со мной в управление.

После недолгого пути Армстронг обнаружил себя лицом к лицу с тем же самым круглолицым господином, к которому он приставал с расспросами о Клэр Мэндл.

— Значит, ваши друзья становятся настойчивее, мистер Армстронг. Что случилось?

Армстронг пересказал события точно так же, как перед этим капитану полиции.

Круглолицый немного подумал, затем спросил:

— А что именно хотели они узнать о ракетах?

— Подробные сведения о номерах девятнадцать и двадцать.

— Насколько мне известно, девятнадцатая — затея французов, и вряд ли они приступили к ее осуществлению. Кто будет строить двадцатую — вообще не ясно. Может быть, мы сами, если восемнадцатую постигнет та же участь, что и предыдущие.

— Я преклоняюсь перед вашим умением придавать лицу искреннее выражение,— сообщил Армстронг.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что вам, кажется, есть что мне рассказать.

Круглолицый смешался:

— А что я, по-вашему, должен вам рассказать?

— Ну, хоть соврите что-нибудь,— раздраженно прорычал Армстронг.— Давайте рискните. А я попробую вас поймать на вранье.

— Вы меня озадачили. Уверяю вас, я ничего не скрываю. Если уж на то пошло, вы и сами не слишком откровенны. Вы не рассказали и четверти того, что вам известно.

— Значит, зуб за зуб.

— Да,— признал агент.— Но только на первый взгляд. Вы, кажется, забываете о разнице в нашем положении. Вы как свободный гражданин, не замешанный ни в какие преступления, вольны искать, находить и узнавать так много или так мало, как вам вздумается. С другой стороны, я могу сказать вам лишь то, что разрешено вышестоящим начальством. Естественно, такое разрешение не дадут только ради удовлетворения вашего любопытства.— Он постучал пальцем, словно подчеркивая сказанное.— Но если вы сочтете возможным поделиться с нами информацией, которую держите за пазухой, мы, со своей стороны, можем посчитать, что ваше участие в этом деле достаточно важно, а значит, вам можно довериться.

— Я бы хотел это обдумать.

Хозяин кабинета обнаружил некоторое нетерпение: — Дело может оказаться весьма срочным.

— Судя по темпам строительства корабля номер восемнадцать, я бы сказал, что в этом бестолковом мире не бывает ничего срочного.

— Ну-у, вы чересчур категоричны!

— Давно прошли те времена, когда я верил во все подряд и думал, что ФБР — именно то, что под ним подразумевается...

— Что вы себе позволяете?..— сердито начал круглолицый.

— Я ничего себе не позволяю, кроме того, что с некоторых пор я иначе смотрю на матушку Землю. И нахожу, что старая гнедая кобыла уже не та, какой казалась прежде. Но чтобы понять это, потребовалось как следует перетрясти мозги. Я должен продумать все до конца. Мне нужно время, чтобы выбрать... направление.

— Но, послушайте, это не та проблема, над которой нужно так долго ломать голову. Это — долг. Если банды иностранцев вмешиваются в наши космические исследования — значит, дело достаточно серьезно. Долг любого американского гражданина...

— Давайте оставим мой долг в покое,— язвительно перебил Армстронг.— Ситуация такова, что каждый должен сам решать, что есть его долг, а не развешивать уши перед так называемыми патриотами, чьи подлинные интересы могут находиться в шестидесяти миллионах миль отсюда.

— Шестьдесят миллионов миль! — проговорил агент.— Что за бред!

— Бред,— согласился Армстронг.— А когда индус ценит жизнь коровы больше жизни своего ребенка, когда какой-нибудь биржевой делец ценит свой кошелек дороже жизни собственной матери — это что, не бред? А...

— Вы издеваетесь надо мной? — Лицо агента стало жестким.— На что вы намекаете?

— Я, с вашего позволения, намекаю всего лишь на сенаторов Линдла и Вомерсли и еще на целый полк их могущественных и влиятельных друзей. Боже! Они салютуют флажками и распевают национальный гимн — а на самом деле устраивают так, что американские корабли разлетаются на кусочки.

— Вы выдвигаете официальное обвинение против сенаторов Линдла и Вомерсли?

— А это уж как вам угодно.— Армстронг встал.— Как говорится, копайте глубже, там, внизу, золотая жила. Правда, в один прекрасный день вы рискуете

получить приказ от начальства считать золото серой.

Сжав губы, круглолицый надавил кнопку звонка и, когда в дверях кабинета появился охранник, сказал:

— Проводите мистера Армстронга.— В его глазах читались злость и недоверие.

Улыбнувшись про себя, Армстронг вышел вслед за сопровождающим.

Глава десятая

Приехав домой, Армстронг запер за собой дверь и бегло осмотрел квартиру. Он знал, что микрофон есть, но найти его оказалось гораздо труднее, чем он ожидал. Спрятан «жучок» был довольно остроумно — в настольной лампе попросту вывернули патрон, а на его место ввернули другой. Замена открылась, только когда Армстронг снял пергаментный абажур.

Вывинтив патрон из гнезда, Армстронг внимательно его осмотрел. Контакты выглядели как обычно, но корпус был вдвое толще, а цоколь шире.

Он бросил патрон на пол и наступил каблуком. Пластмасса раскололась, обнажив множество миниатюрных деталей, расположенных столь плотно, что монтаж, должно быть, выполнялся под микроскопом — труд поистине виртуозный. Даже не глядя на схему, Армстронг мог бы поклясться, что радиус действия прибора не превышает двухсот ярдов. Это был самый обыкновенный маломощный передатчик, какие применялись и на Земле. Несколько необычным Армстронгу показался только термический модулятор в виде маленького розоватого, похожего на опал кристалла. Остальные элементы схемы ничего особенного из себя не представляли.

Положив загадочную конструкцию на стол, Армстронг вытащил из кармана «фонарь» рыжего. Штуковина имела два дюйма в диаметре, шесть —

в длину, ряд кнопок на боковой поверхности и толстую линзу прозрачного пластика на одном из торцов.

Оболочка была сделана из блестящего металла, не имела ни швов, ни отверстий, и, поскольку линза вплотную прилегала к корпусу, Армстронг подумал, что не ошибся, заподозрив, что это оружие — газовое. Направив «фонарь» в открытое окно, он нажал кнопку. Ничего не случилось. Никаких видимых эффектов. Ни звука, ни света. Он направил «фонарь» на закрытое окно. Тот же результат. Стекло осталось целым.

Взяв со стола лист бумаги, Армстронг прикрепил его к оконной раме, отошел к противоположной стене, прицелился и нажал кнопку. С тем же успехом он мог размахивать прогулочной тростью. Задумавшись, Армстронг минут пять просидел неподвижно. Затем он снова отошел к стене, прицелился в лист бумаги и, нажав кнопку, стал приближаться к мишени. Никакого результата.

Может, это просто блеф? Самый обычный фонарь с севшими батарейками? Проникнуть в секрет было очень просто — достаточно разобрать прибор на части, но Армстронг не хотел этого делать, не определив, как он действует.

Достав лупу, он внимательно обследовал лист. В точке чуть ниже центра он обнаружил на поверхности метку диаметром не больше десятой доли дюйма. Светло-коричневого цвета пятнышко напоминало след от ожога.

Убедившись, что на другом листе никаких пятен нет, Армстронг неторопливо проделал ту же процедуру, затем осмотрел мишень. Так и есть — коричневый кружок. Окраска и размер совпадали.

Потратив десять минут и несколько листов бумаги, он установил, что пятно появлялось, если цель находилась на определенном расстоянии от линзы, а именно — пять футов девять дюймов. Какой бы мощностью ни обладал «фонарь», действовал он

только на этом фокусном расстоянии; дальше или ближе никакой реакции не наблюдалось.

Прикрепив еще один лист и отойдя на «исходный рубеж», Армстронг нажал кнопку. Сначала появилось коричневое пятно, затем оно стало темнеть, наконец почернело, словно обугленное, хотя ни пламени, ни дыма не было. Выключив «фонарь», Армстронг сдул кружок, который почти превратился в пепел, и удивленно уставился на оставшуюся в бумаге небольшую дыру. Четыре минуты и двадцать две секунды потребовалось «фонарю», чтобы ее проделать, но для оружия это никуда не годилось.

Поставив на стол чашку с водой, он опустил в нее медицинский градусник и направил на воду «фонарь». Ртутный столбик лениво пополз вверх и через семь минут достиг последнего деления — ста семи градусов по Фаренгейту. Это было ненамного выше нормальной температуры человеческого тела. Армстронг перепробовал «фонарь» на всем, что пришло в голову, и много раз успел пожалеть, что у него под рукой нет оборудования из лаборатории в Хартфорде.

За четыре с половиной минуты «фонарь» обуглил кончик сигареты; ровно за семнадцать секунд расплавил частичку воска; за одиннадцать секунд загорелась спичечная головка. И только спустя полтора часа он нащупал первую зацепку: капля гуммиарабика застыла и высохла за восемь секунд.

Похоже, что эффект нагрева, на исследование которого он угробил столько времени, был побочным. В фокальной точке создавалось некое поле, но свойства его и, главное, характер воздействия были довольно специфичны.

Словно по наитию, подчиняясь смутным, не до конца осознаваемым подозрениям, Армстронг прокалил на огне бритвенное лезвие и сделал надрез на руке. Выдавив в чайную ложку несколько капель крови, он поместил ее в фокальную точку.

Темно-красная жидкость свернулась мгновенно. Он повторил опыт. Кровь сворачивалась за доли секунды. Покрывшись испариной, Армстронг прилепил поверх пореза кусок лейкопластыря, выключил «фонарь» и бросился в кресло.

Этот приборчик на столе размером два на шесть дюймов на самом деле был оружием невиданной мощи. Армстронг смотрел на него с некоторой опаской. И чем больше он думал, тем смертоноснее казалось ему это оружие. Оно не оставляло жертве ни единого шанса. Стреляя в человека из револьвера или пистолета, убийца идет на риск. Он знает, что посторонние могут услышать выстрел, свист пули и даже характерный чмокающий звук попадания; жертва при этом падает, иногда с воплями и драматическими телодвижениями; из раны хлещет кровь. Но с этим адским оружием кто угодно может пройти рядом с кем угодно, нажать незаметно кнопочку, и никто вокруг, включая жертву, не догадается, что в это мгновение произошло убийство. Если вы хорошо знаете анатомию, а особенно строение кровеносной системы, если вы опытный стрелок из подобного «фонаря», в вашей власти привести в исполнение смертный приговор человеку практически через любой выбранный вами срок. Одно нажатие кнопки — и ваша жертва умрет за несколько минут от тромбоза сосудов сердца. А можно создать тромб дальше, в артериальной системе, откуда ему потребуется день, неделя, а то и месяц, чтобы дойти до роковой точки...

Но самое главное — никто и никогда не заподозрит вас, потому что в тот день, когда жертва свалится наземь, а экспертиза установит естественную смерть, вы будете уже за тридевять земель, и алиби ваше будет неоспоримо.

Армстронг вытер лоб платком. Ты уверен, спросил он себя, что рыжий не нажал эту кнопку в агентстве Хансена? Ведь это так просто — шевельнуть большим пальцем и обречь Армстронга на смерть в

самом ближайшем будущем. И никто не знает, сколько подобных жертв ходят вокруг, не подозревая, что дни их давно сочтены.

Сейчас рыжий в морге — голый, закоченевший труп, который уже никогда не расскажет, успел ли он осуществить свою угрозу. Рентгеновское обследование тоже вряд ли ответит на этот вопрос. И ничего другого не остается, как ждать и надеяться, что в один прекрасный момент ты вдруг не рухнешь наземь, извиваясь в конвульсиях, пока смерть не избавит тебя от мучений. Как Мэндл. Как Маршал. Как Бог знает кто еще...

Усилием воли Армстронг заставил себя не думать о «фонаре» и переключился на микрофон-передатчик. И тут же выругал себя за то, что, поглощенный мыслями о другом устройстве, просмотрел факт настолько очевидный, что его заметил бы и ребенок: микрофон не контактировал с проводами питания, а получал энергию за счет индукции. Если лампа не горела и по проводам не протекал ток, контакты крошечного индукционного реле оставались разомкнуты. Микрофон оставался глух и нем, пока не горела лампа; он включался только одновременно с лампой.

Вывод был очевиден. Противник в совершенстве изучил его привычки и знал, что, уходя утром, он каждый вечер старается провести дома. И еще они знали, что всякий раз он включает эту лампу, неважно, нужна она ему или нет. Это был, так сказать, условный рефлекс.

С этого момента его мозг заработал быстро и четко. Рыжий со своей шайкой примчался к Хансену с достойной уважения оперативностью. Видимо, они дожидались его прихода неподалеку, там же, где располагалась подслушивающая аппаратура. Скорее всего, на посту возле приемника должен был остаться еще один член банды. Он и остался — и слушал до тех пор, пока звуки выстрелов не заставили его покинуть логово. И значит, скоро явится под-

крепление. Где бы они ни находились и сколько бы их ни было, друзья рыжего теперь уже знают, что попытка взять Армстронга в союзники стоила им трех человек. Можно было не сомневаться, что они отнеслись к случившемуся без восторга. Причем не имело значения, что во многом их взгляды и взгляды самого Армстронга на запуск ракет совпадали. Они считают его врагом — а с врагами не церемонятся.

Создалась любопытная, даже парадоксальная ситуация: Хансен, который не знал почти ничего, сообщил ему максимум полезной информации, а ФБР, осведомленное куда лучше, вело себя так, словно воды в рот набрало. Рыжий, с которым они должны были быть союзниками, на самом деле оказался врагом, а «Норман-клуб», фанатично противостоящий его планам, предложил ему дружбу. Хотя эта дружба больше походила на отношения волка с ягненком — от нее так же плохо пахло. Вообще, думал Армстронг, такой запутанный клубок в самом деле можно увидеть разве что в сумасшедшем доме.

Перво-наперво нужно подготовиться к самой серьезной угрозе, нужно предусмотреть, когда, где и как нанесут удар приятели рыжего. Армстронг для них слишком легкая мишень, одинокий зверь, которого можно убить дюжиной разных способов — выследить, устроить засаду, застрелить на бегу или прямо в норе...

Выходить сейчас из квартиры означало лезть на рожон. Оставаться означало уповать на случай. Хотя дверь крепкая и с надежным замком. Но если микрофон работает, только когда горит лампа... значит, они не могли слушать его до захода солнца и, значит, еще есть время обвести их вокруг пальца. Если живо смыться отсюда и оторваться от неизбежных «хвостов», он вполне сумеет отсидеться в надежном месте.

Армстронг даже поморщился от этой мысли. Бежать, как крыса! Искать нору! Поступить так

означало пойти против своей природы. Есть же у него самолюбие, в конце концов? Но, задавив эмоции, он все же решил, что одно другому не повредит: убежище найти надо, но сначала он нанесет удар. Нужно только придумать, как это сделать, чтобы вышло побольнее.

Например... Бригада слухачей явится на свой пост с наступлением сумерек. Пост этот, скорее всего, в пределах двухсот ярдов от его квартиры. Зона сравнительно небольшая, вполне реально устроить внутри нее облаву, хватая всех подозрительных личностей и обыскивая на предмет наличия «фонарей» или любых других странных предметов. Можно поручиться, после этой промывки на дне решета останется пара-другая золотых крупинок. Может, даже самородков.

Хансену это дело поручать бессмысленно. За ним следят так же пристально, как и за самим Армстронгом, и намерения насчет Хансена у них, возможно, столь же серьезные. Полиция? ФБР?

Внутренний голос подсказывал: «К черту и тех, и других! Ты не знаешь, кто за кого в этом бездарном футболе!» «Тогда как?..»

«Ты один! На лосиный крик волки бегут сами».

Армстронг поднял покореженный микрофон и снова внимательно рассмотрел. В глазах его вспыхнул озорной огонек, и он с радостью поцеловал бы себя в правую пятку, если бы отважился на акробатические подвиги детства. Этот приборчик еще поработает — вот только на другого хозяина. Корпус патрона восстанавливать было бесполезно, да и не нужно. Решение оказалось простым: Армстронг принес из спальни ночник, оголил провода и прикрепил рядом микрофон.

Вот и все, оставалось только включить лампу, и на том конце линии ребята с «фонарями» услышат сигнал.

Армстронг достал свой кольт тридцать восьмого калибра, проверил курок, убедился, что барабан

полон. По сравнению с «фонарем» кольт выглядел допотопным, как арбалет. Однако у него были свои преимущества: проигрывая в совершенстве, он не уступал в эффективности и быстродействии. Из своего револьвера Армстронг попадал в монету с двадцати ярдов, а это чего-нибудь да стоило.

Хуже всего давалось ожидание. Армстронг бродил по квартире, вынимал и снова убирал различные вещи, трогал корешки книг и ворчал. Он был нетерпелив, как носорог, который почуял врага, но еще не увидел, где он, и поступь его была столь же тяжела.

Он включил канал «Геральд». Ничего нового. Никаких сообщений о стычке у Хансена. Впрочем, еще рано. Ничего про ракеты. Резкий спад на Уолл-стрит, два самоубийства, избиение, очередной выпуск биографии юного Вентворса. Убийство в финансовом центре, убийство в высшем обществе, убийство в негритянском гетто. Горячие новости. Из тех, что нравятся публике. Что ж, чем бы дитя ни тешилось... Поговорим на любимую тему... «Виталакс». «Танцуй, крошка!»

«Гляди, как хорошо сейчас в дурдоме!» Армстронг сердито взглянул в окно. Небо застилали пурпурные облака, похожие на гигантские пальцы, торчащие из разверстого темного мешка. Два небоскреба напротив уже ярко сверкали огнями, в остальных семи тоже кое-где светились окна. Опустив жалюзи, Армстронг включил настольную лампу и принялся наблюдать, как разогревается микрофон. Это было легко, потому что кристаллик в центре схемы горел сочным розовым цветом. Марсиане, маньяки — или кто они там — получили сигнал: микрофон включен.

Опять ждать... Армстронг решил дотянуть часов до девяти, он был уверен, что они не вломятся без предварительного прослушивания. Глупо сворачивать голову курице до того, как она снесла свое самое последнее яйцо, золотое яйцо информации. Ровно в девять он нарушил тишину, подняв трубку

телефона и набрав номер. Если слухачи достаточно внимательны, по треньканью диска они, при желании, могут распознать номер телефона Хансена. С трубкой в руке он переместился в кресло напротив двери, прочистил горло и, сосчитав в уме до четырех, заговорил будто бы с Хансеном, а на самом деле с автоответчиком: «Привет, Ханни! Ну что, фараоны до тебя не добрались?» — Пауза.— «Нет, с ФБР мы разошлись во мнениях и расстались далеко не друзьями».— Пауза.— «Да, очень скверно. И я это только сейчас понял, когда все обдумал. Эти идиоты совершенно запутали все дело».

Глядя на дверь, он на миг остановился, затем продолжил, чуть громче: «Что?! Святой Михаил! Вы что, с ума сошли?! Я только-только нашел тех, кто мне хоть как-то мог помочь, а их перестреляли, как куропаток!» Он сделал паузу чуть подольше, затем сказал с раздражением: «Ну да, наврал и сейчас жалею об этом. Но я принципиально не принимаю никаких предложений, когда меня принуждают. Прежде чем согласиться, я должен знать, что не вляпаюсь ни в какую лужу...» — Пауза.— «Да, я только сейчас понял, что Пит и эти фараоны наломали дров и умыли руки. Я потерял контакт. Ваше дело придумать, как его восстановить».— Пауза.— «Да, я знаю, но за что я плачу вам деньги?»

Еще одна пауза, предназначенная для ответа несуществующего собеседника. Голос Армстронга стал тише, но был так же отчетлив: «Я прошу вас только об одном — работайте в этом направлении, от властей держитесь подальше, а результаты передавайте мне. Я должен найти эту команду, прежде чем кто-нибудь начнет действовать через нашу с вами голову».— Пауза.— «Да, вы выиграли! И предупредите своего горячего Пита, пусть держит рот на замке. А то муха влетит».— Пауза.— «Ну все, до завтра».

Армстронг протянул руку и повесил трубку. Затем откинулся в кресле и посмотрел на дверь. Лось подал голос. Очередь за волками.

Три часа спустя он все еще сидел и ждал, когда куранты вдалеке торжественно пробили полночь. Три часа — и никакой реакции.

Буду ждать, подумал Армстронг, хоть до утра. Конечно, была вероятность, что участь рыжего спугнула гиен — никто больше не хотел вести за ним наблюдение, и весь спектакль прошел впустую. Или, быть может, четыре трупа действительно представляли их главные силы — некому стало спасаться бегством или мстить. Последнюю возможность он отбросил на том основании, что фанатики объединяются в группы.

Если прослушивался и телефон, они должны были понять, что его звонок Хансену на самом деле адресован им. Хотя незаметно подключиться к линии можно было в прошлые времена, когда для связи использовали провода, но не сейчас. Скорее всего, причина задержки крылась в том, что подслушивающие не имели полномочий сменить тактику применительно к внезапно изменившейся ситуации. Жертва совершенно неожиданно согласилась сотрудничать — и это их настолько смутило, что им пришлось доложить о его повороте на сто восемьдесят и запросить инструкции. А это значит, что они могут объявиться в любое время ночи — если вообще объявятся.

Они объявились.

Резкий стук, которому не предшествовал звук шагов на лестничной площадке, раздался внезапно. Очнувшись от дум, Армстронг встал, открыл дверь и вопросительно глянул на двух человек, стоявших на пороге.

— Мистер Армстронг? — холодно осведомился первый.

— Это я.

— Простите, что мы побеспокоили вас в столь неурочный час.— Его глаза настороженно смотрели поверх плеча Армстронга.— Нам нужно с вами побеседовать. Насчет того, что случилось сегодня днем. Весьма срочно.

— Прошу.— Посторонившись, Армстронг впустил их в квартиру. Двое прошли вперед, легко, уверенно, один за другим, держа руки в карманах. Прежде чем сесть, они еще раз обежали комнату взглядом.

Закрыв дверь, Армстронг спросил:

— Полагаю, вы из полиции?

— Отнюдь.— Первый из незваных гостей недобро оскалился.— Мы представляем пострадавших, так сказать.

— То есть?

— То есть,— ответил другой,— мы наилучшим образом выражаем их интересы в данный момент.

— Вы слишком туманно выражаетесь. Кончайте загадывать ребусы.

— Эти самые слова я мог бы адресовать вам. Вы довольно долго болтали сами с собой несколько часов назад. Но при этом вы умудрились не сказать ничего.— Он, не мигая, смотрел на Армстронга, и тот заметил, что глаза у этого типа такие же голубые, как у рыжего. Правда, волосы у него были мышиного цвета.— Если вам действительно есть что сказать, говорите. Без ребусов.

— Вы, ребята, как-то небрежно обделываете свои делишки,— устало сказал Армстронг.— Доверие клиента надо завоевывать, а вы стараетесь изо всех сил, чтобы он воротил нос от вашего товара еще до того, как предложите.— Широко улыбнувшись, он надавил ладонями на поверхность стола.— Вы вторглись в мой дом в недобрый час, требуете, чтобы я все рассказал, но ничем даже не намекаете — а кто, собственно, слушает? Я не собираюсь изливать душу первому, кто скажет: «Давай!» Именно поэтому у меня не получился разговор с той троицей, которую я имел счастье видеть в полдень. Так что первым делом я желаю знать — кто вы, откуда и как вышли на меня? И мне нужны доказательства.

— Вынюхиваем, да? — ухмыльнулся в ответ один из гостей.— Изображаем исповедника, торгу-

ющего тайной исповеди? — Лицо его застыло.— Экая наглость! Да еще без свидетелей!

— Вот это-то меня и беспокоит,— чопорню согласился Армстронг.— А мы даже не женаты.

— Забавно,— отнюдь не радостным тоном произнес другой пришелец, продемонстрировав зубы.— Даже весьма.— Он посмотрел на своего приятеля, молча и напряженно сидевшего на самом кончике кресла. Обратившись опять к Армстронгу, он продолжил: — Хватит валять дурака. Вы ведь хотели поторговаться с нами. И мы догадываемся о ваших мотивах, хотя и испытываем определенные подозрения. Не в ваших интересах усугублять ситуацию. Валяйте. Чтобы съесть торт, надо откусить первый кусок. Если вы действительно хотите с нами сотрудничать, докажите это. Ставьте на стол свой торт.

— Хватит! — прорычал Армстронг.— Для загадок уже слишком поздно.

— Выкладывайте все, что знаете о ракетах девятнадцать и двадцать.— Взгляд посетителя стал вызывающим.— Если вы представите нам эту информацию, она послужит убедительным доказательством. Но если вы ее не представите...

— Говорите,— подстегнул Армстронг.— Не возражаю против крепких словечек.

— Вам не придется возражать долго,— отрезал гость. Его рука недвусмысленно скользнула в карман.

Армстронг метнулся вперед и нанес два молниеносных удара — один за другим. Он успел заметить, как противник опрокинулся навзничь, словно сбитая кегля, но на большее времени не было. Его умение двигаться столь стремительно обычно нарушало все расчеты людей, привыкших, что крупные люди медлительны, и, стараясь избежать смерти, скрывавшейся в невидимом и беззвучном луче, он доверился не разуму, но инстинкту. Он сразу понял, что оба «гостя» расположились так, чтобы дер-

жать его, Армстронга, в фокусе своих «фонарей». Быстрый прыжок назад или в сторону мог бы спасти его, даже если кнопку уже нажали.

Поэтому он передвигался туда-сюда вокруг стола, даже когда второй тип не двигался. Рука бандита сжимала «фонарь», смертоносный раструб смотрел Армстронгу в лоб, и единственный его шанс заключался в том, чтобы не попасть в фокальную плоскость. Изловчившись, Армстронг ударил противника по руке, промахнулся, ударил снова, теперь уже удачней. Тот пошатнулся, выругался, выронил «фонарь» и взмахнул другой рукой, в которой мелькнуло что-то голубое.

Нужны ли эти двое ему живыми, раздумывать было некогда, и Армстронг почти с сожалением коротко двинул противника на дюйм выше переносицы. Тот впечатался головой в стену и сполз вниз. Армстронг разжал ему пальцы, и голубой предмет, упав на пол, тут же разбился на кусочки, выплюнув целый сноп горящих искр.

Несколько мгновений Армстронг стоял, созерцая этот маленький вулкан на полу, но вдруг тот зашипел, как локомотив, и в потолок ударил столб пламени. Комната сразу наполнилась жаром, и Армстронгу пришлось отступить.

Спрятав оружие, он поспешил на лестницу, краем глаза заметив, как за его спиной занялся огнем край стола. В квартире на верхнем этаже никого не оказалось, и, выбежав на улицу, он вызвал пожарных из ближайшего автомата.

Через несколько минут улицу запрудили пожарные и полицейские машины и просто зеваки. Полуночная толпа, сбившаяся в кучу и гудевшая, как пчелиный улей, была идеальным прикрытием и для банальных карманных воришек, и для более крупной рыбы, плавающей с «фонарями», но, чтобы устроить в такой аудитории поголовный обыск, понадобилась бы не одна бригада полицейских. Торчать тут Армстронг не собирался —

это было бы неблагоразумно; умнее уйти, пока путь свободен.

Завернув за угол, на старый маршрут, он остановил первое попавшееся такси. В течение двадцати минут Армстронг заставлял изумленного водителя просто кружить по городу, периодически возвращаясь, и все это время он внимательно вглядывался в зеркало заднего вида. Ближе к центру он пересел в другое такси, проделал те же маневры, затем спустился в метро, несколько раз перескочил из поезда в поезд, меняя направления, пока наконец не почувствовал, что этого достаточно.

Рядом, как нельзя кстати, находился дом Билла Нортона. Армстронг направился к нему, а полная луна загадочно ухмылялась в вышине.

Нортон долго не отзывался на стук, но наконец открыл дверь. Почесывая голову, он стоял в одной пижаме и тупо моргал, глядя на гостя.

— Ты?! В чем дело, черт побери?..— Он устало повел рукой.— Впрочем, проходи. Ты когда-нибудь спишь?

— Только когда уверен, что не поджарюсь во сне.— Армстронг ввалился внутрь, огляделся и фыркнул.

— А? — Нортон бессмысленно уставился на него и широко зевнул.

— Я говорю, что ложусь в кровать спать, а не кремироваться.

— Ага...— Отыскав оборванный халат, Нортон завернулся в него,— Я тоже не люблю жару.— Он лениво покрутил в руках поясок халата, затем зевнул, прикрыв рот ладонью.— Прости. Но будь я проклят, если пойду шляться в такое время, только чтоб проветриться.

Армстронг нахмурился.

— Они подожгли мою квартиру.

— Наверное, веселая была вечеринка! — Нортон протер тусклые глаза, моргнул.— Кто, ты сказал, поджег?

— Я не сказал кто.

— Я так и думал.— Он сонно взглянул на Армстронга.

— Девочки, да?

— А пошел ты...— коротко ответил Армстронг.— Дай мне где-нибудь приткнуться. Утром услышишь про большой пожар в новостях...

— Что? — встрепенулся Нортон.— Пожар? Когда? Где?

— Псих! — отрезал Армстронг.— Ты не на работе, так что чего беспокоиться? Лучше покажи, где тут у тебя ковер помягче, или диван, или еще что-нибудь...

— Там есть свободная кровать.— Нортон показал на дверь в смежную комнату.

— Но что там за пожар?

— Спокойной ночи! — невежливо пожелал ему Армстронг.— Утром можешь угостить меня еще одним бифштексом.— Он вошел в комнату, осмотрел небольшую походную кровать, сунул свой кольт под подушку и начал раздеваться.

Наблюдая за ним в дверной проем, Нортон сказал:

— И впрямь, хватит с меня на сегодня.— Он широко зевнул и удалился, шаркая стертыми шлепанцами.

Глава одиннадцатая

Нортон потряс его за плечо в полвосьмого; с хмурым видом Билл сидел рядом с кроватью.

— Ну ты и жлоб! Там было восемь пожарных бригад. Сгорело пол-улицы.

— Кто-нибудь пострадал?

— Нет. Это был самый большой пожар за последние четыре года, но никто, насколько мне известно, не пострадал.

— И слава Богу! — Армстронг перевернулся на другой бок.

Выдернув из-под него подушку, Нортон заорал:

— Почему ты мне ничего не сказал?!

— Ты что! — Армстронг снова обхватил подушку.— Не отнимай ее, ведь своей у меня теперь нет. Я тебе говорил. Но ты спал на ходу и слышал только собственный храп. А как ты узнал о пожаре?

— Позвонил в «Геральд» и спросил.

— Это лучший, истинно репортерский способ узнавать новости,— одобрил Армстронг.— Позвонить в газету и спросить.

Нортон с чувством произнес:

— Я бы с удовольствием задушил кое-кого!

— Я тоже. У меня целый список кандидатов.— Закрыв глаза, Армстронг шумно вздохнул.— А что на завтрак?

Склонившись почти вплотную к его лицу, Нортон прорычал:

— Хрен тебе с маслом, а не завтрак! Нет у меня времени на завтраки. Я проспал и уже опоздал на работу, понятно? Я всегда просыпаю, когда с меня среди ночи стаскивают одеяло! — Заметив, что столь гневная тирада не произвела никакого эффекта, он добавил: — И даже будь у меня прорва времени, я все равно бы ничего тебе не дал. Во всяком случае, не раньше, чем всыпал бы тебе как следует. И я надеюсь, что, прежде чем ты получишь завтрак, тебе придется отмахать миль пять, и чтоб вдобавок ты им подавился!

— Какой радушный хозяин,— сонно проворчал Армстронг.— Прикрой дверь, когда будешь выходить. Я все приберу, когда уйду.

Наградив его уничтожающим взглядом, Нортон сердито протопал в соседнюю комнату, оглянулся, все еще хмурясь, затем нахлобучил шляпу на уши и вышел, так и не позавтракав.

Армстронг снова погрузился в сон.

Было уже позднее утро, когда он, проснувшись окончательно, принял душ, побрился, сделал обещанную уборку и, наконец, воспользовался телефоном, чтобы позвонить Нортону в «Геральд».

— Как настроение? Более ангельское?

— Мне лучше,— признал Нортон.— Я перекусил тут поблизости и могу часок подремать у себя в офисе.

— Вот и хорошо! Я как раз вознамерился выметаться и хотел поблагодарить тебя за кров. Очень было любезно с твоей стороны.

— Я любезный,— сказал Нортон.— Только меня обычно тошнит, когда я слышу, как мои поклонники упоминают об этом. Но я бываю гораздо любезнее, когда парни вроде тебя выбирают более подходящее время, чтобы воспользоваться моей любезностью.— Нортон усмехнулся.— Нет, правда, ты сам виноват, что лишил себя порции доброго виски. Чуть бы пораньше — и я бы тебя угостил.

— Я уже угостился,— сообщил Армстронг.— Бутылка стояла в твоей ванной комнате.

Лицо Нортона сразу побагровело, но Армстронг опередил его:

— Пустое дело оплакивать выпитый бурбон! Есть что-нибудь свеженькое о том пожаре?

— Ничего. Они локализовали очаг и потушили огонь. Материальный ущерб велик, но пострадавших нет.

— Никого? — Именно это я и сказал.

— Ни одного завалящего трупика?

— А сколько ты ждал? — подчеркнуто спросил Нортон.— Может, ты и бросил спичку?

— Я всего ожидаю в последнее время. Меня не удивил бы целый батальон покойников.— На миг он задумался.— Спасибо, Билл, скоро я позвоню тебе.

— Когда?

— Скоро,— неопределенно ответил Армстронг. Повесив трубку, он вышел, удостоверившись, что дверь в квартиру заперта надежно.

Он быстро двинулся по улице, мрачно размышляя о том, что представляет собой классический пример загнанной дичи. Стая ссыльных марсиан — или кто они там есть на самом деле — сейчас преследует его как Врага Номер Один, с которым надо управиться возможно быстрее и эффективнее. Они до мелочей изучили его привычки и хорошо знают, где караулить: ресторан Папазоглуса, контора Хансена, лаборатория в Хартфорде или даже у Клэр Мэндл. Десять против одного, что они ждут, когда он пойдет в полицию заявлять о случившемся, и наверняка расставили посты у всех участков и у главного полицейского управления. Возможно, они приглядывают и за управлением ФБР.

Похоже, что нет способа известить полицию, чтобы при этом от него не потребовали явиться туда на допрос. Телефонный звонок, письмо, просто обращение к первому попавшемуся полицейскому неизбежно повлечет за собой безапелляционный приказ явиться в управление лично, а это все

равно что нарисовать на собственном животе мишень. Любой отказ полиция воспримет, понятное дело, с подозрением, тем более что имеются два неопознанных трупа. Выбор невелик — либо плюнуть на заявление в полицию, хотя это означает риск попасть под суд с обвинением в убийстве, либо исполнить гражданский долг, рискуя попасть в засаду.

По словам Нортона, ни о каких трупах не сообщалось. Если это правда, тогда решение лежит на поверхности. Но правда ли это? Либо тела еще не обнаружили, либо, что менее вероятно, огонь полностью их уничтожил... Есть, правда, еще две возможности — бандитов спасли, но до сих пор не опознали, либо полиция, обнаружив два трупа, решила держать это в секрете до поры до времени.

Скрыться после того, как в твоей квартире нашли два обгоревших трупа,— этого хватит любому суду присяжных. «Самозащита?! Ну-ну! Тогда зачем вы удрали? Зачем подожгли квартиру и пустились в бега? Расскажите-ка нам!» Что и говорить, ситуация щекотливая.

Есть и альтернатива — попасть в самый фокус «фонаря» и узнать об этом в самый последний и ужасный миг... Кстати, вспомнил Армстронг, пожар стоил ему образчика «фонаря». Очень неприятная потеря, нужно будет обязательно постараться добыть другой.

Он обдумывал то, что предстоит сделать в первую очередь. Первое — автомобиль останется в гараже; машина слишком намозолила глаза кому не надо. Второе — отныне он будет обходить стороной банк, где раньше регулярно снимал деньги со счета. Придется извлекать денежки окружным путем, через другие филиалы. Этим нужно заняться не откладывая, так как все его богатство — та одежда, что на нем, плюс содержимое карманов.

С банком вышло легче, чем он ожидал. Клерк молча сунул чек под телесканер, прибор мигнул

зеленым глазом — все, мол, в порядке, подпись не подделана, и деньги ему выдали без проволочек.

Плотно набитый бумажник сразу поднял ему настроение. Армстронг отметил это событие небольшим пиршеством в кафе недалеко от Боулинг-стрит. Он быстро проглотил еду и попытался связаться с Хансеном. Никто не отвечал. Минут через двадцать он позвонил еще раз — и опять безрезультатно. Третья попытка, предпринятая еще через полчаса, также ничего не дала.

Армстронг вспомнил, что на первом этаже того же самого здания, где помещалась контора Хансена, была табличка какой-то другой фирмы. Вот только какой? Он долго ходил вокруг телефонной будки, пока наконец не вспомнил название: «Королевская мантия». В телефонной книге фирма значилась. Он набрал номер.

Круглолицый, чересчур смуглый человек возник на экране и произнес:

— КМ слушает. Что вам угодно?

— Мне нужна контора мистера Хансена, но я никак не могу туда дозвониться. Вы не подскажете, может, у них что-то стряслось?

— Мне узнать? Сходить и выяснить?

— Если вы будете настолько любезны...

— Да уж буду,— сказал толстяк.— Ждите. Не уходите далеко. Я пошлю посмотреть.— Его лунообразное лицо повернулось в сторону, и он крикнул: — Эчер! Эчер! Сбегай наверх и сообщи Хансену, что люди не могут до него дозвониться. Скажи ему, что один джентльмен ждет его здесь, внизу.— Он снова посмотрел прямо в экран: — Подождите. Эчер вернется через минуту.

— Очень вам благодарен.

Армстронг бесстрастно смотрел на лунолицего, который, в свою очередь, глазел на него, пока оба наконец не ощутили некоторое замешательство. Пауза затянулась.

— Отличная нынче погода,— произнес Армстронг, чтобы сказать хоть что-нибудь.

— Отвратная! — возразил лунолицый.— Мой бизнес летит к чертям. Кстати, а вам нравится хороший мех? У нас его завались. Приходите и выбирайте.

— Сожалею...

— Когда не сезон, мы продаем дешевле,— настаивал человек.— Вот когда термометр поползет вниз, цены начнут взбираться вверх. Сбросим для вас процентов десять, но только сегодня.— Он умолк, повернулся в сторону, затем снова взглянул на Армстронга.— Заперто. У Хансена никого нет.

— Ладно. Разыщу его в другом месте. С вашей стороны было чрезвычайно любезно пойти ради меня на такие хлопоты — поверьте, я крайне благодарен...

— Никаких хлопот,— уверил лунолицый.— Так что не забудьте: скидка десять процентов.

Улыбнувшись, Армстронг отключился. Улыбка сползла с его лица, сменившись угрюмой маской. Никого в конторе, даже Мириам... Очень похоже, что хитрый детектив пришел к тем же выводам, что и он сам, и по тем же причинам решил залечь на дно. Если оба они проделают это по всем правилам конспирации, им потребуется чертова уйма времени, чтобы разыскать друг друга. Между тем оба они, и довольно скоро, понадобятся полиции ii делу рыжего и его дружков. А полицейские не склонны церемониться со свидетелями, которые пускаются в круизы.

Еще одной болевой точкой оставался «Норман-клуб». Линдл и его подручные отпустили его без каких бы то ни было условий только потому, что были уверены — обдумав все хорошенько, он вернется к ним добровольно. Постепенно до них дойдет, что он не собирается влиться в их ряды и останется их противником, несмотря на установленную психотроном нормальность. И, поняв это, миндальничать они не станут. Если они сумеют его поймать,

то найдут способ расправиться с ним так, чтобы не вызвать подозрений у окружающих. Инстинктивно, не зная точно почему, Армстронг приписывал «Норман-клубу» большее коварство, чем банде рыжего. Он подозревал, что, если жертвы последней умирали от внешне вполне естественных причин, жертвы первого не умирали вообще — они становились настоящими зомби... Испытав однажды действие психотрона, нетрудно было представить, что можно сотворить с человеком благодаря ему!

Он должен сразу опередить их на несколько ходов, потому что Линдл скоро очнется от спячки, и тогда шкура Армстронга и гроша не будет стоить. Гвардейцы рыжего тоже домогаются его — сильнее, чем Антоний домогался Клеопатры. Завтра, в крайнем случае послезавтра, в дело вступит полиция, а может быть, и ФБР. Целая стая гончих — но он заставит их побегать!

Войдя еще в одну телекабину, в полумиле от первой, он позвонил в Айдлвилд и зафрахтовал реактивный двухместный самолет до Нью-Мехико. Ему предоставили опытного пилота и зарегистрировали под фамилией Томпсон. Затем он позвонил Клэр Мэндл.

— Это я,— без всякой на то необходимости сообщил он.

— Вижу.— На лице Клэр появилось лукавое выражение.— И вы снова рассудительны и спокойны.

— Я? — Он изобразил изумление.— Любовь прошла...

Она на миг смутилась, но потом с обычной уверенностью язвительно заметила:

— Вы и во сне не расстаетесь со своей иронией? Сегодня вы для меня слишком остроумны, мистер Армстронг.

— Джон!

Она не обратила на это внимания.

— Джон! — настаивал Армстронг.

— Можете дразнить меня — но только с безопасного расстояния.

— Если вы отказываетесь называть меня Джоном, я тоже буду звать вас не Клэр, а...— он подумал и с триумфом закончил: — Птичка!

Она вздрогнула, что доставило Армстронгу удовольствие, и ответила:

— Ну хорошо — пусть Джон! — Клэр сменила тон и заговорила по-деловому: — Мне кажется, вы звоните мне не ради очередной маленькой перебранки. О чем вы хотите проконсультироваться со мной на этот раз?

Внимательно наблюдая за ней, Армстронг выпалил:

— «Норман-клуб».

— А-а,— безразличным голосом протянула Клэр.

Слегка изумленный, он фыркнул:

— Так вы о нем знаете?

— Не фыркайте на меня, как боевой конь! Конечно! А кто о нем не знает?

— Девяносто девять процентов людей,— отрезал Армстронг.— И что же вам известно?

— Только то, что он существует,— рассеянно ответила Клэр,— и что в нем состоят некоторые весьма влиятельные люди. Как-то они приходили к Бобу. Хотели, чтобы он к ним присоединился.

— И он присоединился?

— Точно не знаю, но сомневаюсь.

— Кто за него поручался?

— Сенатор Вомерсли.— В Клэр вдруг пробудилось любопытство.— С чего вдруг у вас такой интерес к этому клубу? Таких на свете множество, разве нет?

— Нет,— криво усмехаясь, сказал Армстронг.— Этот клуб из тех, где выбивают людям мозги из башки.

Она засмеялась:

— Вы их недолюбливаете!

— Да! И у меня есть на то причины. Меня тоже пытались убедить вступить туда, но мне не понра-

вилось, как это было сделано. Можно сказать, я еле унес ноги. К тому же все до единой катастрофы космических кораблей произошли по их вине.

На миловидном лице Клэр отразилось недоверие. Если оно неискренне, значит, она первоклассная актриса, решил Армстронг.

— Это же глупо,— возразила она.— Неудачи с запусками происходят уже давно и по всему миру...

— Это изумительное совпадение, но дело-то в том, что «Норман-клуб» тоже существует весьма давно, и его филиалы тоже разбросаны по всему миру.

— Но тогда их нужно арестовать! Посадить в тюрьму!

— Нужно,— согласился Армстронг.— Если только их одноклубники, окопавшиеся в высоких кабинетах, дадут на это соизволение!

— Какая муха вас сегодня укусила? — спросила Клэр.

— Еще не укусила,— ответил он.— Но только потому, что я сопротивляюсь. Стоит мне сдаться...

— Ах, бедненький! — вздохнула она.— А я-то удивляюсь, почему это весь мир стал в последнее время каким-то странным...

— Вот-вот,— одобрительно произнес он.

— Неужели за вами гоняются врачи со стетоскопами? Наверно, их хотят приставить к вашей широкой груди?

— К моему котелку уже приставляли одну штучку.— Он почмокал губами, скривил рот и сильно закатил глаза.— Я уж начал думать, что таким и останусь.— Он снова придал лицу обычное выражение.— Вы знаете, что все на свете относительно? Так: вот, я самый нормальный среди спятивших идиотов. Во всяком случае, так мне было сказано.

— Беру обратно те слова, которые я сказала вначале,— заявила Клэр.— О рассудительности.

— Вынесете приговор лично,— предложил он.— Можем мы встретиться, когда я вернусь?

— Так вы уезжаете?

— Да.— Он пристально посмотрел на нее, ожидая, что она спросит, куда он едет. Это было важно! Он должен знать, насколько ее интересует его маршрут, и он прочтет это по ее глазам...

— Надолго?

— Не дольше, чем потребуется,— уклончиво ответил он.

Клэр улыбнулась:

— Ну, тогда звоните, когда вернетесь. Может, застанете меня в разговорчивом настроении.

— Ладно,— кивнул Армстронг.— До свиданья, Клэр!

Отключившись и глядя на погасший экран, он задумался. Она не спросила. Впрочем, он все равно не знал, радоваться этому или настораживаться. Все зависит от того, кого может интересовать его путешествие — лично ее, Клэр, или тех, с кем она, возможно, в сговоре. Во втором случае совершенно понятно, почему она не проявляет любопытства. И еще это значит, что она опережает его минимум на два шага, раз сумела распознать ловушку раньше, чем он ее расставил.

Такси привезло его на летное поле, где на рулежной дорожке уже поджидал реактивный самолетик. Пилот, худой, долговязый, кудрявый парень, ухмыльнулся ему из кабины и включил двигатели. Из-под крыльев ударили струи пара, и в воздухе разлился сильный запах парафина.

Швырнув в кабину объемистый пакет с завтраком, Армстронг втиснулся внутрь и с трудом разместился на сиденье рядом с пилотом.

— Мистер Томпсон? — осведомился тот. Армстронг кивнул.— Я капитан Оливер Мур,— сказал пилот.— Ребята зовут меня Олли.— Он оценивающе покосился на пакет с провизией, потом на приборную доску.— Чертовски любезно с вашей стороны, мистер Томпсон. Все на борту?

— Поехали! — скомандовал Армстронг.

Самолетик покатился к началу взлетной полосы, остановился на мгновение, взвыл турбинами, и — после короткого разбега — кто-то будто выдернул землю из-под его колес.

— Отлично! — восторженно крикнул Олли.— Обожаю летать! — Он заложил вираж, одновременно набирая высоту, чтобы перескочить здоровенную тучу.

— Тесноватый экипаж,— заметил Армстронг.— Но мне нравится.

Олли озадаченно глянул на него.

— Я удрал от жены,— серьезно пояснил Армстронг.

Самолет нырнул в воздушную яму, потом постепенно снова набрал высоту, покачиваясь, словно его тянули на веревочке. На лице пилота читалось неодобрение.

Вытянув ноги, Армстронг откинулся на сиденье, закрыл глаза и задремал. Проснулся он только раз, чтобы прикончить содержимое своего пакета, разделив его с Олли. Вскоре самолет скользнул вниз по приводному лучу глиссадного маяка, замелькали постройки, колеса мягко коснулись земли, и через минуту машина замерла у границы летного поля.

Армстронг выпрыгнул из кабины и потянулся, чтобы размять затекшие мышцы.

— Классный полет, Олли,— сказал он и вдруг напустил на себя озабоченность.— Послушай, если кто-нибудь спросит тебя о Луи Томпсоне, ты скажешь, что летал с ним в Такому или еще куда-нибудь к черту на рога. Придумай сам. Договорились?

— Я летчик, а не обманщик.— Лицо Олли в пилотской кабине неодобрительно нахмурилось.— Ладно, мистер,— бросил он наконец. После этого лицо исчезло, и самолет покатил сквозь тьму на стоянку. Навигационные огни на кончиках крыльев сверкали красным и зеленым светом.

Усмехнувшись, Армстронг подумал, что миссис Олли, наверное, блондинка и носит джинсы в обтяжку.

Несколько часов поспав в обшарпанном отеле, Армстронг на рассвете уже стоял у ракетной базы. Он прибыл так рано, что ему пришлось еще полчаса прождать, прежде чем начал появляться персонал. Ночные охранники, решив под занавес дежурства проявить рвение, усомнились в его документах и отказались открыть ворота. Под их неусыпным оком Армстронг стаптывал башмаки перед главной проходной, пока за него не поручился Куин.

— Ну, самый могучий лилипут на свете опять у нас! — радостно приговаривал он, проводя Армстронга через ворота.— Чему мы обязаны этим удовольствием, чудище?

— Хочу посмотреть, как идут дела, и получить свежую информацию.

— Все вынюхиваешь? — Куин побарабанил пальцем по могучему бицепсу Армстронга.— Как насчет тех фамилий, которые я для тебя раскопал? Ты вывел их на чистую воду? Они уже хлебают баланду в камере?

— Нет еще.

— Нет? — повторил Куин.— Ты все еще обнюхиваешь следы? Ждешь, когда гора придет к Магомету? — Он изумленно хмыкнул.— Сколькими трупами ты уже устлал свою дорогу?

Армстронг достал большую трубку и, не позаботившись набить ее табаком, воткнул в рот.

— Пока восемью.

Куин споткнулся на ровном месте.

— Профессор Боб Мэндл, Кларк Маршал и полдюжины членов одной сумасшедшей шайки,— бесстрастно пересчитал Армстронг. Он с шумом затянулся пустой трубкой.— Предполагалось, что девятым буду я сам. Еще один парень по имени Хансен стоял в списке десятым. Правда, сперва им придется нас поймать!

— Кому это им? — поинтересовался Куин, вытаращив глаза.

— Я бы и сам не прочь узнать.

Размахивая руками, Куин проговорил:

— Послушай, смерть не забава. Я не привык смеяться над такими вещами. Если эта чепуха — только способ поддержания разговора...

Вынув трубку изо рта, Армстронг отчеканил: — Говорю тебе, погибли восемь человек. Это я знаю точно. Может быть, есть десятки других, о которых я не знаю. Многие могут погибнуть в самое ближайшее время, включая меня самого. Да и тебя тоже! И меня не заботит, веришь ты этому или нет.— Он сунул трубку обратно в рот, сжав мундштук сильными челюстями.— Моя задача — не попасть под нож мясника как можно дольше.

— Слава Богу, я отчаливаю к Марсу, как только будет готов корабль,— произнес Куин.— В следующий раз, когда какой-нибудь остолоп спросит меня, зачем я рискую головой, улетая с Земли, я спрошу его: а ты, дружище, не рискуешь, оставаясь здесь?

Они остановились у высоченной металлической башни недостроенного корабля. Гладкий черный цилиндр корпуса отсвечивал в лучах восходящего солнца. С тех пор как Армстронг видел ее в последний раз, ракета прибавила в росте футов на десять.

— Кое-что сделали,— без особого энтузиазма заметил Куин.— Установили последнее уплотнительное кольцо в средней части корпуса. Правда, осталось еще четыре носовых. Вчера доставили набор новых карборундовых стабилизаторов, их смонтируют на этой неделе. Зато внутри половина приборов уже на месте.

— При таких темпах перед Рождеством можно будет проводить испытания, а?

— Вряд ли. Никак не пойму, что происходит в Вашингтоне. То они нас подстегивают, то придер-

живают. Сперва гнали как сумасшедшие, потом запутали все дело, потом снова устроили запарку, потом их опять заклинило. По-моему, они никак не могут решить, нужен им Марс или нет.— Куин посмотрел на собеседника, очевидно ожидая комментариев, но, не дождавшись, добавил: — Иногда в голову лезут диковинные мысли.

— Например? — подбодрил Армстронг.

— Такое впечатление, что вся толпа политиканов в Вашингтоне поделена на две соперничающие банды — одна за космические корабли, другая — против. Обе команды сильны и влиятельны, грызутся друг с другом изо всех сил, а мы здесь, в Нью-Мехико, либо спим, либо обливаемся потом — смотря кто в данный момент перетягивает канат.

— Запуски ракет стоят денег,— сказал Армстронг обезоруживающе.— Они — чемпионы по прожорливости. Естественно, там, где тратится прорва денег, всегда есть о чем поспорить политикам.— Он еще раз окинул взглядом корабль.— Пошли.

Фазергил оказался в своем офисе. Его глянцевые волосы выглядели так, словно их склеили и не трогали по меньшей мере месяц. Как всегда, угол стола занимала ваза с цветами.

С усилием придав лицу любезное и радушное выражение, Фазергил промурлыкал: — Снова к нам?

— Сегодня здесь, завтра там. Не против?

— О Господи! Какое мне дело до ваших дел?!

— Я рад, что вам они безразличны,— криво усмехаясь, сообщил Армстронг.— Слишком многие люди в последнее время проявляли к ним интерес. Не могу сказать, что это доставляло мне особую радость.

Фазергил хотел было что-то ответить и уже открыл рот, но передумал и обратил свой хмурый взор на цветы.

— Мне нужно задать вам два-три вопроса,— сказал Армстронг.

— Только ради всего святого — не с том, о чем мы говорили в прошлый раз. Темпы строительства определяются теми же самыми причинами, о которых я говорил тогда. Мне нечего добавить, и, по правде говоря, я сыт этой темой по горло.

— Ладно, сменим пластинку.— Армстронг просверлил Фазергила взглядом.— Что вы можете сообщить о ракетах под номерами девятнадцать и двадцать?

Лицо Фазергила забавно сморщилось.

— А кто их строит? — спросил он быстро.

— Вот об этом я и хочу у вас узнать.

— У меня? — Фазергил не скрывал изумления. Он смущенно пригладил волосы.— Насколько мне известно, наш номер восемнадцать — последний. О других я ничего не знаю. Почему вы решили, что есть и другие? Кто вам о них сказал?

— Минни Финеган.— Кто это?

— Вы ее, конечно, не знаете. Она живет не здесь. Но я вас обязательно познакомлю при случае. Она выращивает цветы.

Куин хихикнул, но сразу заткнулся, поймав взгляд Армстронга.

— При случае? Когда? — Фазергил обнаружил внезапный интерес.— А что за цветы?

— Очень дорогие. Я не помню названия. Неважно, это не имеет отношения к делу.— Внимательно разглядывая свои огромные ботинки, он немного помолчал, затем спросил Фазергила: — Хили еще работает здесь?

— Да.

— А Мюллер, Сентрилло и Джаскус?

— Да. А в чем, собственно, дело?

— Если корабль вдруг взорвется, скорее всего, ему помогут именно эти ребята.

— Откуда вы знаете?

Игнорируя вопрос, Армстронг внезапно спросил:

— Вы слышали когда-нибудь о «Норман-клубе»?

— Никогда! А почему я должен был о нем слышать?

— Нипочему. Если вы и слышали, то, полагаю, не признаетесь. Мне нужно было видеть вашу реакцию, а не услышать ответ. И я ее увидел.

Залившись краской, Фазергил сказал:

— Всякий раз, когда вы сюда приезжаете, вы изводите меня мелочными издевками. И вообще — с чего это я должен отвечать на ваши вопросы? Вы мне не начальство!

Вмешавшись в разговор, Куин тронул Армстронга за локоть:

— Давай не будем лупить друг друга, Джон. И без того несладко.

— Я вовсе не собирался на вас давить, Фазергил,— успокаивающе сказал Армстронг.— Боюсь, что вы чересчур эмоциональны. Когда человек возбужден, по его лицу можно прочесть то, чего он не хотел бы говорить вслух. И я получил от вас кое-какую информацию...

— Однако вы не имеете права ни на какую информацию от меня. Повторяю, вы мне не начальство!

— Никоим образом,— согласился Армстронг.— И я не обращался к вам — пока мог обойтись без этого.— Он улыбнулся, заметив на лице Фазергила оттенок какой-то неуверенности. Поднявшись, направился к двери, Куин последовал за ним.

— Благодарю вас,— сказал Армстронг язвительно.— Вы потратили на меня уйму вашего драгоценного времени.

Отойдя подальше от административного корпуса, Куин требовательно произнес: — Выкладывай! Кто такая Минни Финеган?

— Тебе-то что за дело?

— Дела агрессоров как позабыть...

— Что?

— Дела агрессоров как позабыть, дредноуты их как нам не разглядеть? Не может гнева своего он

скрыть, того, что плавит его сердца медь...[1] — провозгласил Армстронг, обведя рукой вокруг.

Куин громко, с нажимом, заявил:

— Ты спятил!

— К тому идет, Джордж.— Голос Армстронга посерьезнел.— Кое-кто весьма интересуется кораблями девятнадцать и двадцать. Причем эти люди убеждены, что я знаю больше, чем они сами. И как я ни отрицаю, переубедить их не удается. Но я и в самом деле не знаю, что такие корабли существуют, и тем более понятия не имею, кто их строит.

— Если их и строят, то в Европе,— высказался Куин.

— Зачем тогда пристают ко мне?

— Я к тебе не пристаю.

— Проклятье! — прорычал Армстронг.

— Я давно говорил, что все вокруг какие-то сумасшедшие.— Куин пожал плечами.

— Нет, Джордж, они преследуют меня — и, возможно, других людей, которых я не знаю,— потому что подозревают, и не без оснований, что восемнадцать и девятнадцать — американские корабли!

— Ерунда! — Куин разгрыз леденец и покачал головой.— Чушь! Как можно строить еще две ракеты, чтобы здесь никто и ничего о них не знал?! По-моему, это дурацкие слухи. Кроме того, зачем нужно строить три корабля — один здесь, а два — где-то еще? Объясни!

— Кое-кто здесь, мой ягненочек, о них знает. Фазергил!

— Он это отрицал.

— Верно. Только я наблюдал за ним, когда мы разговаривали. Он знает о них, поверь мне, но предпочитает держать язык за зубами. И он знает, что о них не должен знать я. Сейчас он сидит и гадает,

---

[1] Фрагмент стихотворения Вэчела Линдсея (1879—1931) «Авраам Линкольн бродит в полночь» (пер. И. Кашкина).

много ли мне известно, и, конечно, приписывает мне больше, чем я имею. И он должен будет что-то предпринять. Например, он позвонит своим непосредственным шефам или в ближайшую берлогу ФБР. Потому что ему нужно отвести от себя подозрения в том, что он сказал слишком много. Вслух он действительно ничего не сказал, но вот глазами... Я готов заложить собственную шкуру, что еще две ракеты строятся где-то в глуши и что они американские!

Оглянувшись на недостроенный корпус космического корабля, Куин молитвенно сложил руки и попросил:

— Радость моя! Забрось меня туда раньше моих конкурентов!

— Почему ты хочешь быть первым? Пусть лучше там взорвется какой-нибудь другой недоумок...

— Как сказала одна собака,— ответил Куин,— если я первая побежала по следу, мне наплевать на тех, кто бежит за мной.

Стоя у ворот, он смотрел, как удалялся гость, и после того, как Армстронг скрылся из виду, еще долго о чем-то думал. Наконец он направился обратно, к гигантской колонне корабля, и заговорил с ней, как дикари разговаривают со статуями богов:

— Из-за тебя убили много людей и могут убить еще больше. Это бы ладно, если б ты не сидел так долго на своей толстой заднице и не пялился в небо, как будто ты собираешься взлетать туда еще через сто лет. Я не проживу столько, даже если мне суждено умереть своей смертью,— а в этом бардаке слишком много людей умирают не своей смертью.— Куин сплюнул.— Чем раньше ты взлетишь, тем будет лучше и для меня, и для тебя, и для многих других.

Глава двенадцатая

На обратном пути в Нью-Йорк Армстронг позвонил в «Геральд» и связался с Нортоном.

Журналист приветствовал его с притворной хмурой миной:

— Итак, ты пропадаешь куда-то на двое суток, а теперь у тебя совесть проснулась...

— О чем это ты?

— Тебя ищут,— с удовольствием сообщил Нортон.— Оказывается, я давал напрокат свою кровать беглому преступнику, что делает меня соучастником. Очень мило с твоей стороны. Я этого не забуду. Ты же мой приятель!

Армстронг с удовольствием произнес:

— Если бы я мог дотянуться до тебя, я бы намылил твою немытую шею. Давай выкладывай свои новости! Да без тумана!

— Боже! Ты перепугал меня до смерти! — Нортон в ужасе вытаращил глаза и нажал кнопку на своем телефоне: — Девушка, вы слышали? Вы будете свидетелем!

— Будь здоров! — рявкнул Армстронг, протягивая руку, чтобы отключиться.

— Эй-эй! Погоди минуточку! Зачем такая спешка? — воскликнул Нортон.

— Мне не до шуток. Если тебе есть что сказать, говори.

— Что ж, ладно.— Нортон устало почесал лоб.— Полиция разыскивает тебя и Хансена, формально —

по делу о четырех трупах. Они в тупике и без ваших официальных показаний не могут выбраться оттуда. ФБР тоже желает знать, почему вы оба предпочли скрыться в такой ситуации. Они никак не могут решить, удрали вы или нет. Скоро они начнут искать вас в Ист-Ривер. Кстати, вчера меня вызвонил некий Карсон и прямо-таки изнасиловал — где Армстронг, куда девался...

— Карсон? — Армстронг порылся в памяти.— Не знаю такого.

— Сказал, что он секретарь Рэндольфа К. Линдла, что бы это ни значило. Он вел себя так, словно этот Линдл заведует кунсткамерой, а твое чучело обошлось музею в миллион долларов. Конечно, я мог сообщить ему только то, что ты чуть не оказался в крематории.— Нортон перестал чесаться и начал разглаживать пальцами волосы.— Немного позже позвонил Эд Дрейк и тоже спросил, не знаю ли я, где ты. Якобы какой-то похожий на вивисектора тип домогался у него информации. Эд встревожился, он подумал, что, быть может, ты последовал дорожкой Кларка Маршала.

— Может быть, следую,— спокойно сказал Армстронг.— В следующий раз буду говорить с тобой уже из лодки старика Харона.

— Короче,— продолжал Нортон, совершенно не обратив внимания на это замечание,— я решил «искать женщину». Поэтому позвонил твоей пассии.

— Клэр?

— Ага. Бедняжка подумала, что ты понадобился всему Нью-Йорку. Я, оказывается, был седьмым по счету в этот день. До меня ей звонили еще шестеро, и все по одному и тому же вопросу. Угадай с трех раз — по какому?

— Что еще она тебе сказала?

Нортон медленно и настороженно посмотрел по сторонам, потом прошептал:

— Только строго между нами... Ты-тот самый убийца из Олбани, и она прячет тебя в погребе.—

Лицо его стало кислым.— Женщина, что еще можно сказать! Ничего не знает и выдумывает небылицы.— Сунув руку в карман жилета, Нортон достал листок бумаги.— Есть еще кое-что. Четвертой по счету ей звонила шикарная блондинка, которая сказала, что ты должен позвонить по этому телефону.— Он медленно продиктовал номер, чтобы Армстронг записал его в блокнот, затем ехидно добавил: — Очаровательная Клэр наверняка задумалась, почему такие красотки оставляют тебе свои телефоны.

— Сожги этот листок. Очень скоро я тебе опять позвоню.— Армстронг отключился, не дав Нортону времени на возражения.

Доехав до центра, Армстронг воспользовался кабиной на Пенн-Стейшн и набрал записанный номер. На экране появилась блондинка. Это была Мириам. Она явно не знала, что делать — то ли радоваться, что он еще жив, то ли огорчаться, потому что опять появился тот, кто был причиной всех напастей ее босса.

— Какое прелестное утро, детка! — приветствовал ее Армстронг. Она надменно фыркнула:

— Ровно в два часа или ровно в четыре тридцать позвоните в Лексингтон, 501-17. В другое время звонить бесполезно. Это все.

И без долгих церемоний Мириам вырубила связь. Вот так, быстро и сердито. Очевидно, ей не нравились крупные, сильные мужчины. А может, ее просто не волновали события, которые последуют вслед за его появлением на сцене.

Пообедав, он точно в два часа набрал нужный номер. На звонок ответила чистенькая девушка-оператор с улыбкой как на рекламе зубной пасты, а потом на экране возник Хансен.

— Я пытался связаться с вами в течение двух последних дней. Вам известно, что половина улицы, где вы жили, выгорела?

— Я был там, когда все началось.

— Без подробностей,— оборвал Хансен.— Нас могут слушать. Помните, где мы встречались после того, как вы просили меня спеть колыбельную?

— Помню.

— Там же через час. Успеете?

— Вполне. Буду ждать.

Экран погас. Очевидно, Хансен дошел до того, что перестал доверять даже собственной матери. Он выбрал блошиную тактику — непрерывных прыжков.

Для наплыва посетителей было еще слишком рано. Появившись точно в назначенный срок, Хансен нашел Армстронга за столиком в полупустом помещении. Вместе с детективом прибыл щегольски одетый тип с бледным лицом и оловянными глазами, здакий портновский манекен.

Усевшись, Хансен представил своего спутника:

— Джейк, один из моих парней. Фамилия не имеет значения. Просто Джейк.— Армстронг дружески кивнул, и Джейк ответил бесстрастным взглядом пойманной золотой рыбки. Хапсен продолжал: — Мне пришлось чуть ли не катапультироваться из конторы. Три последние ночи я спал где придется. Но, конечно, хорошо, что не под могильной плитой. Однако такие пируэты весьма вредно действуют на деловые связи. Каким образом найдут меня клиенты, если они не знают, где я нахожусь?

— Я вам советую позаботиться о том, чтобы вас не нашли другие, которые еще не заплатили аванса,— сказал Армстронг.— Полицейским мы тоже понадобились, и чем дольше мы отсутствуем, тем сильнее они жаждут нас заполучить.

— Только не меня.

— Почему это?

— Им нужны официальные показания. Я дал их под присягой и послал им по почте.

— Этого достаточно? — Армстронг удивленно поднял брови.

— Для этого случая, может быть. Ведь есть еще и свидетели-полицейские, верно? Мое письмо — всего лишь формальность. Но оно должно защитить меня от возможных обвинений в неуважении к суду.

— Тут вы меня обскакали. Я о таком фокусе не подумал. Наверное, мне тоже стоит это сделать.

— Когда мы будем пить? — грубовато вмешался в разговор Джейк.

— Сейчас все принесут,— успокоил его Армстронг.— Я заказал еще до вашего прихода.— Он посмотрел в глаза Джейка и добавил: — Двойные порции.

— О'кей,— сказал Джейк.

— Не отвлекайтесь на этого пьянчугу,— нетерпеливо вставил Хансен.— Я нанял его, потому что...— Его длинное лицо, когда он взглянул на Армстронга, сделалось серьезным.— Помните Пита?

— Конечно.

— Прошлой ночью он сыграл в ящик.

— В ящик? Вы хотите сказать?..— Армстронг сунул обратно кисет с табаком, который вытащил было из кармана, и посмотрел на свои руки. Они не дрожали.— Как? — спросил он ровным голосом.

— Он был дома, ужинал, разговаривал с женой. И вдруг замолчал, посмотрел на жену так, словно впервые ее увидел, и сполз под стол. Когда прибыл врач, он был уже... того.

— Когда точно это случилось? — Около полуночи. Я узнал об этом сегодня утром.

— Он болел чем-нибудь?

— Нет, насколько мне известно. По-моему, он был здоров, как племенной бык.— Официант принес напитки, но Хансен посмотрел на виски так, будто навсегда потерял интерес к спиртному.— Может, это совпадение, а может, и нет. Подождем, пока не станет известно, что его скосило.

— Я знаю, о чем вы думаете.

— Вопрос в том, кто следующий?

Армстронг мрачно кивнул:

— Вы или я. Люди, стоящие у изголовья покойника.

Хансен сделал глоток из своего бокала.

— Мы попали в это затруднительное положение по вашей милости. И вы должны придумать, как из него выбраться.— Он бесстрастно посмотрел на Армстронга.— Мне вовсе не улыбается остаток жизни играть в прятки с маньяками-убийцами. Что-то необходимо предпринять. Раз вы посадили их нам на хвост — сообразите, как нам от них избавиться.

Положив на стол монетку, Армстронг сказал:

— Одно решение имеется.

— Какое?

— Покуда мы будем бегать, ни они нас не поймают, ни мы их. Я угробил двоих, усевшись на корточки, как приманка, прямо в центре мишени. Но повторять сей подвиг мне не по душе.— Он подтолкнул монетку поближе к Хансену.— Предлагаю кооперироваться. Один сидит на лужайке и ждет охотников, другой сидит на дереве и тоже ждет охотников. Естественно, на деревьях сидят еще несколько крепких ребят. Бросьте монетку. Решка — лужайка, орел — дерево.

— Это все, что вы смогли придумать? — разочарованно протянул Хансен.

— Нет, это в порядке бреда. Просто чтобы не сидеть сложа руки.

— Этим пойлом только свиней мыть. Вода водой. Не забирает совсем,— сказал вдруг Джейк, отставив пустой бокал.— В порту и то лучше дают.— Повысив голос, он крикнул через весь зал официанту: — Эй, ты! Еще три! — Рыбьими глазами он уставился на Хансена, словно ожидая одобрения.

Детектив не обратил на него внимания и хмуро сказал Армстронгу:

— Я не против притвориться блеющим ягненком, но только в самом крайнем, отчаянном положении. Не сейчас. Что еще вы можете предложить?

— Кое-какую рутинную работенку. Повидайте Клэр Мэндл и возьмите у нее список людей, интересовавшихся мной, выясните о них все, что сумеете. После этого свяжитесь с человеком по имени Карсон из «Норман-клуба», узнайте, если удастся, зачем я ему нужен. Скажите, что я улетел в Никарагуа, но вы обязательно со мной встретитесь, как только я вернусь. Наверное, он будет нем как рыба. Хотя, если вдруг он окажется разговорчивым, постарайтесь вытянуть из него все, что можно, о той другой шайке, которая за нами охотится. Правда, я на это не надеюсь.

— Почему Никарагуа? — осведомился Хансен.

— А! Скажите ему, что именно там строят ракету номер девятнадцать.

У Хансена отвисла челюсть.

— Как вы это узнали?

— Я не узнал. Я придумал это только что. Но Карсону, если он поинтересуется, хватит Никарагуа.

Пожав плечами, Хансен сказал:

— Как скажете. Хоть будет чем заняться. Если не секрет, поведайте, что вы собираетесь делать и каким образом мы снова свяжемся?

— Я вам сообщу.— Армстронг понизил голос.— Линдл и Вомерсли расшевелили в сенате тех, кто выступает против дальнейшего финансирования космических исследований. Десять против одного, что большинство из них — марионетки «Норман-клуба». Но, несмотря на это, дополнительные деньги выделены. Почему? — Расскажите.

— Потому что те, кому нужен Марс, сейчас сильнее. И мне с ними по пути! По крайней мере, до тех пор, пока они сильнее...

— И пока они не присоединились к той банде, которая охотится за нашими скальпами,— досказал Хансен.— В этом случае ваша попытка сговориться с ними будет столь же плодотворной, как попытка договориться с ножом гильотины.

— Я должен попробовать.

— Вы уже выбрали венок?

— Никаких венков и процессий. Обычные, простенькие похороны без всякой суеты,— ухмыльнулся Армстронг.— Ведь если я попрошу пару-другую букетов цветов, вы тут же поставите их мне в счет!

— Уж не такой я скупердяй,— недовольно заметил Хансен.

— А я такой и напоминаю об этом.— Джейк придвинул пустой бокал к детективу.— Теперь ваш черед, не так ли? Давайте раскошеливайтесь.

Со страдальческим видом Хансен сделал знак официанту.

— Я буду ловить рыбку поблизости,— продолжил Армстронг.— Я собираюсь в Вашингтон и позвоню Мириам в субботу, в пять часов. Оставьте ей записку.

— Бесполезно. Мириам скачет с места на место, как перепуганный кенгуру.

— Черт! — Армстронг задумался.— Тогда будем держать связь через Нортона из «Геральд».

— Вот это годится.— Хансен поднялся и бросил Джейку: — Пошли, алкаш. Пора работать.

— О'кей. А то я уж зад отсидел.— Допив одним махом бокал, он глянул на Армстронга стеклянным взором: — Приятно было встретиться.

Они удалились — Хансен впереди, Джейк почти вплотную за ним.

Армстронг дал им минут пять, чтобы уйти подальше, потом вышел сам.

Полная стенограмма дебатов по финансированию строительства космических кораблей содержалась в файле Вашингтонской библиотеки. Споры были гораздо продолжительнее и ожесточеннее, чем это освещалось средствами массовой информации. Неизвестно почему, но накал страстей репортеры приуменьшили. Линдлу, Вомерсли и их последователям почти удалось срезать финансирование и тем самым на долгие годы поставить крест на освоении

космоса. Но те, кто ратовал за продолжение работ, буквально вырвали победу зубами.

Армстронг внимательно изучил файл, не упуская ни малейших подробностей. Чтобы раскусить, что кроется за речами тех, чья позиция близка его собственной, ему понадобится безошибочная психологическая игра. Но награда стоит труда — он получит возможность сблизиться с ними — людьми, которые выступают за освоение космоса, на самом деле преследуя свои, вовсе не «космические» цели. Но как отделить потаенные мысли выступавших от словесной трескотни?

Три раза он перечитал стенограмму, чтобы ничего не упустить. Этот вулкан страстей был поразительным свидетельством того, насколько запутанней стала и без того всегда сложная ситуация в мире. Любые двое из политических актеров могли подыгрывать друг другу по совершенно различным мотивам. Линдл, Вомерсли и их приспешники как в правительстве, так и вне его, изо всех сил пытались предотвратить или хотя бы задержать завоевание космоса. Вероятно, многие из них воображали себя небольшой группой избранных, элитой мира, нормальными людьми — «норманами» Земли, которые так же фанатично преданы Марсу, как всякий синтоист предан Микадо. Среди противников космической программы были и другие, немногие, которые ничего не знали ни о тайной и циничной теории Линдла, ни о существовании «Норман-клуба», но которые были искренне убеждены, что запуски ракет — бездарное разбазаривание так трудно зарабатываемых денег.

Их аргументы были столь же стары, сколь и безумны: космические полеты противны воле Божией; космические полеты — безнравственная трата денег, которые лучине потратить на витамины для бедствующих китайцев; космические полеты приведут к новой войне за колонии... И так далее и тому подобное. И были наверняка среди этих лю-

дей такие, которые, надрывая на каждом углу глотку в приступе патриотизма, на самом деле втайне желали, чтобы первой до Марса добралась какая-нибудь другая страна...

Настоящий компот. Впрочем, противоположный лагерь выглядел почти так же. Здесь пересекались интересы сырьевых, химических и сталелитейных корпораций, которые не хотели упускать такой жирный кусок и сейчас, и в перспективе. Явственно слышались голоса военных, уверявших, что когда-нибудь Марс все равно будет освоен, а раз так, то почему бы Америке не быть первой. Кто из них связан с бандой рыжего? Кто является прямым ставленником ссыльных марсиан? Кто — и таких, наверное, большинство — действует в интересах Земли, своей родной планеты? Как это определить? Ошибиться нельзя, второй попытки уже не будет.

Просматривая отчеты сенатского комитета в надежде откопать хоть какой-нибудь ключик к загадке, Армстронг вдруг широко раскрыл глаза от удивления, наткнувшись на информацию двухдневной давности — умер Харви Дж. Андерсон, локомотив «космического лобби», человек, не раз нарушавший планы синдиката Линдла-Вомерсли. Как было написано в «Рекорде», Харви Андерсон «ушел от нас неожиданно, но тихо и достойно в возрасте шестидесяти семи лет»... Армстронг немедленно позвонил в офис издательства.

— Я только что узнал о кончине сенатора Андерсона. Не могли бы вы сообщить мне причину смерти?

Девушка на другом конце вдруг исчезла с экрана, и вместо нее появился молодой человек с пытливым взглядом.

— Вы его друг? — спросил он.

— У мертвых не бывает друзей.

— Тоже верно.— Молодой человек на секунду задумался, словно оценивая мудрость этого афоризма.— Андерсон умер от разрыва сердца.

— Нельзя ли поточнее?

Молодой человек изобразил нетерпение.

— У него была болезнь сосудов сердца. Он страдал ею уже давно и мог умереть в любой момент...

— Кто это сказал?

— Послушайте, мистер, я сообщил вам все, что нам известно. Если вы желаете спорить, ступайте к доктору Пойнтеру.

— Именно это я и хотел выяснить. Фамилию врача.— Армстронг улыбнулся.— Спасибо.

— Всегда рады услужить,— явно недовольный, солгал молодой человек.

Заглянув в медицинский справочник Вашингтона, Армстронг не нашел там никакого доктора Пойнтера. Это заставило его снова взяться за телефон. В Ассоциации врачей Восточного побережья он запросил справку о Пойнтере и готов был поставить сто против одного, что такой фамилии там не числится и этот звонок — просто выброшенные деньги. Но через пять минут он получил поразительный ответ: доктор Пойнтер — нью-йоркский врач, в настоящее время гостит у сенатора Вомерсли... Армстронг почувствовал, как по спине пробежал холодок.

В конце концов он решил, что из всего «космического лобби» самой многообещающей фигурой является генерал Лютер Грегори. Сей почтенный вояка просто бредил стратегической ценностью Марса.

«Кто контролирует Марс,— бессчетное число раз повторял он в сенате,— тот контролирует Солнечную систему». И действительно, именно интересы военных были главным двигателем космических исследований в мире. Идея военного господства удовлетворяла и рядовых налогоплательщиков, которые, естественно, хотели бы уцелеть во время грядущих войн. Позиция генерала отличалась редкой последовательностью и простотой, и она была бы совсем здравой, если бы в основе ее не лежала убежденность в роковой неизбежности войны.

Генерал Грегори не считался звездой первой величины на политическом небосклоне, но он был яркой личностью, и его выступления и, главное, независимость делали его, возможно, единственным, кем двигали соображения, созвучные собственным мыслям Армстронга. Разумеется, с точки зрения марсиан всех мастей генерал был ненормальным. Очень удачно, подумал Армстронг, что Грегори живет в Вашингтоне. До его дома чуть больше мили, пять минут на такси.

Старый боевой конь безостановочно расхаживал по кабинету, крутя в пальцах визитную карточку Армстронга. На жестком, с седыми усами лице застыло суровое выражение.

Размашистым шагом переступив порог, Армстронг произнес:

— Вы очень любезны, генерал. Надеюсь, вы не вышвырнете меня вон, прежде чем выслушаете до конца?

Грегори метнул острый взгляд на мощную фигуру гостя.

— Это никакая не любезность,— сказал он.— Уже сорок лет я принимаю каждого, кто хочет поговорить со мной. Если позволяет время, разумеется.

— Все равно, я вам очень признателен.

— Не стоит. Если вам есть что сказать, стреляйте побыстрее.

— Хорошо, генерал. Я пришел рассказать вам одну историю, наверное самую безумную из всех, которые вы когда-либо слышали. Я сокращу ее, чтобы сэкономить ваше время. Но попрошу вас об одном...

— Да?

— Вы выслушаете меня до конца и не отмахнетесь от этой истории, как от параноидального бреда, который не заслуживает вашего внимания. Вы используете все ваше влияние, чтобы проверить факты, и только потом примете решение. Обещайте мне это.

— А почему вы явились со своей историей ко мне?

— Потому что у вас есть власть, а у меня ее нет.

— В этом городе власть есть не только у меня,— сказал генерал.— Кое у кого ее даже побольше!

— А еще,— продолжил Армстронг,— мне показалось, что вы используете свою власть, а не злоупотребляете ею.

— Ах вот как.— Генерал не был польщен. Он изучал гостя, словно собираясь приказать ему застегнуться на все пуговицы и постричься покороче.— Вы обращались к кому-либо еще, прежде чем прийти ко мне?

— Нет, сэр.

Генерал Грегори снова заходил по ковру. Взглянув на электронные часы, он произнес:

— В свое время мне довелось слышать уйму странных историй, и вряд ли вы сумеете меня удивить. Однако дерзайте. Только покороче.— Он остановился, усы его ощетинились.— Но даже ангелы небесные не спасут вас, если вы закончите свою повесть попыткой что-нибудь мне продать.

Армстронг улыбнулся и, пристально глядя в лицо генерала, спросил:

— Мистер Грегори, вы когда-нибудь слышали о «Норман-клубе»?

Реакции не последовало. Грегори немного подумал и равнодушно ответил:

— Название вроде знакомо, но я не могу сейчас вспомнить... Ну и что там с этим клубом?

Рассказ занял час. Генерал слушал, не перебивая и не меняясь в лице. Армстронг закончил подробностями своего приезда в Вашингтон.

— Вот так,— заключил он.— Весь мир поделен. Невидимая империя, презрев границы и океаны, просто смеется над флагами и честью всех государств мира. Это своего рода вероучение, и оно ничем не хуже ислама, во имя которого тысячи его

сторонников с радостью отдали жизни. Оно ничем не лучше и индуизма, во имя которого уже погибли и еще погибнут миллионы. Не важно, в какую глубь веков уходят его корни, истинно оно или ложно, подлинно или мнимо,— это фанатизм. Мы больше не атеисты и верующие, мы больше не правоверные и еретики. Отныне хитроумное устройство психотрон будет решать, нормальны мы или нет!

Грубое, словно высеченное из камня, лицо генерала осталось бесстрастным.

— Фантастика,— заявил он наконец.— Не хочу сказать, что ваша история — неправда, но, согласитесь, она слишком невероятна, чтобы принять ее без доказательств. Без существенных доказательств. Вы хоть отдаете себе отчет, что означает ваше сообщение?

— Я рассмотрел все аспекты,— кивнул Армстронг.

— Вы предъявляете обвинение представителям высшей законодательной власти этой страны...

— И любой другой!

— Остановимся на этой. Фактически вы выносите приговор нашей разведке, ФБР, полиции, Национальной гвардии, почти всем корпорациям и средствам массовой информации, множеству самых разных людей. Из ваших слов вытекает, что мы не одна страна, а две!

— Именно! Нормальные и ненормальные! — Армстронг твердо встретил взгляд генерала.— Кстати, не думаю, что этот приговор касается разведки.

— Почему?

— Простая логическая цепочка. Правительство строит ракету номер восемнадцать в Нью-Мехико, делает это очень медленно и подробнейшим образом сообщает на весь белый свет о состоянии дел. Между тем в других местах тайно и гораздо быстрее строятся еще две ракеты. Почему правительство так поступает? Ответ очевиден. Оно знает, что строительство ракет действительно саботируется,

хотя и не может найти и наказать виновных. Но у правительства есть доказательства саботажа, и ими его снабдила разведка. Номер восемнадцать всего лишь подсадная утка, задача которой отвлечь на себя внимание саботажников.

— Дальше.

— Идея была хороша.— Армстронг поднял палец.— Она могла сработать. Но — не сработала. Кто-то обнаружил, что их одурачили. Это значит, что произошла утечка, причем на самом верху. Рыжий и его когорта так называемых марсианских ссыльных знают о ракетах и сдерут с меня живого шкуру, если это поможет им выведать подробности. Десять против одного, что «Норман-клуб» тоже в курсе. И если мы не придумаем, как обскакать всю эту братию, еще две ракеты отправятся ко всем чертям, как уже отправились туда все предыдущие!

— Вы всучили мне горящую головню! — Грегори опять начал мерить шагами свой кабинет.— Естественно, я скептически отношусь к вашей истории. Но если вы правы хотя бы наполовину, дело плохо! — Он озабоченно покрутил усы.— И надо же как не вовремя!

— Не вовремя?

Генерал, расставив ноги, молча посмотрел на него.

— Эти новости выйдут сегодня днем, в четырехчасовом выпуске,— сказал он после паузы.— Россия опубликовала результаты расследования той атомной катастрофы на Урале. Виновниками названы этнические немцы, которых обвиняют в возрождении ордена иллюминатов [1], почему-то при поддержке Франции. Советский посол уже предъявил ноту. Международное положение быстро ухудшается.

По спине Армстронга пробежал холодок. Он взглянул на часы:

---

[1] Религиозно-политическая организация в Баварии во второй половине XVIII века.

— Уже четыре.

Грегори включил телевизор. Вспыхнул большой экран, и на нем появился диктор.

— ...сознавшийся в получении взрывного устройства в отеле «Польша» в Варшаве от некоего Аристида Дюкусне, гражданина Франции. Французское правительство, в свою очередь, отрицает какую-либо связь с этим человеком. В интервью, данном сегодня утром, монсеньор Жюль Лефевр, министр обороны, заявил, что у Франции нет причин мешать научному прогрессу страны, с которой у нее заключен договор о дружбе и сотрудничестве, и что любые инсинуации на эту тему следует со всей решительностью опровергать. Жюль Лефевр отрицал также, что Франция поощряла возрождение иллюминатов.

В первый раз генерал Грегори сел. Откинувшись в кресле, он покручивал ус, в то время как диктор продолжал тараторить:

— Французское правительство предложило правительству СССР представить Совету Безопасности ООН имеющиеся у него доказательства причастности Франции к диверсии и сейчас ожидает ответа. Между тем в Москве продолжаются очные ставки Михаила Кирова и других заговорщиков.— Диктор перевел дыхание и продолжил: — В официальном коммюнике, опубликованном сегодня Министерством обороны Великобритании, говорится, что ежегодные крупномасштабные маневры английских сухопутных войск впервые будут проводиться на французской территории, что предусматривается соглашением между двумя сторонами, принятым в прошлом году.

Выключив телевизор, Грегори холодно произнес:

— Есть и другие факты, которые пока не стали достоянием гласности. Они серьезные, даже угрожающие. Можете мне поверить — нам повезло, что до сих пор на планете мир, но весьма проблематично, сумеем ли мы сохранить его впредь.

— Если начнется война, строительство всех космических кораблей прекратится и здесь, и повсюду?

— Естественно. Будет не до жиру.— Генерал задумчиво помассировал подбородок.— Как все это выглядит в свете намерений «Норман-клуба»?

— Неприятно это выглядит. Скорее всего, русские члены «Норман-клуба» договорились с французскими. Цель — спровоцировать третью мировую войну и отбросить мир назад лет на двадцать, если не навсегда. Если вспыхнет конфликт, их единомышленники во всех странах постараются раздуть пожар и не дать ему угаснуть как можно дольше. Они дважды проделывали такое прежде и вполне могут попытаться опять. Но раньше они не заходили так далеко...

— Что вы имеете в виду?

— Они вовсе не хотели окончательно погубить планету. И поэтому отзывали собак, когда дело заходило чересчур далеко. Но, несмотря на то, что войны тормозили социальное развитие планеты, они же давали мощный толчок науке и технике. Ракетостроение, например, стало развиваться именно во время и после Второй мировой.— Он угрюмо посмотрел на погасший экран.— Они извлекли из этого урок! В следующий раз все будет иначе! Подготовка конфликта почти закончена — зерна ненависти проросли. И они будут ухаживать за ними, взращивать — до самого печального конца, пока все наши достижения, все наши мечты не обратятся в ничто, в пыль. Но единственные уцелевшие ружья останутся в руках только членов «Норман-клуба»; остальные, разобщенные и одичавшие, будут воевать лишь копьями и топорами. Эти люди — маньяки, воображающие себя нормальными!

— Что ж, признаю, что ваша искренность подействовала на меня столь же сильно, как ваш рассказ,— заявил генерал прямо.— Но прежде чем определиться в дальнейших шагах, я намерен сам

навести кое-какие справки. Вы можете встретиться со мной завтра в это же время?

— Да.— Армстронг поднялся.— Полагаю, вы записали нашу беседу?

Грегори указал на кнопку в стене и сказал извиняющимся тоном:

— Она включает диктофон в соседней комнате. Все, что зы рассказали, зафиксировано. Вы понимаете...

— Я все отлично понимаю,— перебил Армстронг.— И на вашем месте поступил бы точно так же.

Провожая гостя к двери, генерал любезно улыбался.

Быстро шагая по улице, Армстронг перебирал в уме разговор. Что он получил? Пусть даже он убедил генерала, что может тот сделать, чего добиться?

Черные грозовые тучи ползли над Потомаком, словно символ грядущих проблем. Лица немногочисленных прохожих тоже не светились радостью, люди были серьезны и озабочены.

Об асфальт расплющились первые крупные капли дождя. Над потемневшим горизонтом вспыхнула голубая изломанная черта, и сразу послышался треск разрываемых на части туч.

Заскочив под какую-то арку, Армстронг ждал, когда кончится ливень. Рядом находилось окно информационного агентства; от нечего делать он заглянул внутрь — там, почти вплотную к окну, стоял монитор, а его экран заполняла первая страница «Вашингтон пост».

«Со всех сторон — враги» — таков был лейтмотив сообщений. Франция требовала применить санкции к России, Россия припрятывала от инспекторов ООН свое бактериологическое оружие, Германия поддерживала Францию, и если Америка не вмешается, дело может кончиться плохо... «Вашингтон пост» не посчитала нужным упомянуть, кому принадлежали эти слова и кто скрывался за таин-

ственными «официальными кругами», на которые она ссылалась. Независимо от того, насколько правдива была эта информация, она выполняла одну задачу — готовила умы к грядущему шторму.

С таким же хмурым видом, как небо над его головой, Армстронг посмотрел на соседний монитор, на который выводились менее важные новости.

«Пилот космического корабля подозревается в убийстве. Гэллап, Нью-Мехико. Местная полиция разыскивает Джорджа Куина, пилота Р18, строящегося сейчас в пятидесяти милях к северу. Как утверждается, Куин после ожесточенного спора убил Амброза Фазергила, главного инженера ракетного комплекса».

Огромные руки Армстронга сжались в кулаки так, что пальцы впились в ладони. Но не успел он переварить эту новость, как его взгляд наткнулся на следующую:

«Пропала женщина-профессор. Территаун, Нью-Йорк. Клэр Мэндл, физик, сестра покойного профессора Роберта Мэндла, исчезла из своего дома сегодня утром при загадочных обстоятельствах. Герберт Уолтхол из ФБР не отрицает, что его ведомство разыскивает мисс Мэндл, но заявляет, что пока никакой информации представить не может».

Не обращая внимания на дождь, гром и почти непрерывные вспышки молний, Армстронг выскочил из укрытия и побежал.

Глава тринадцатая

По адресу, указанному в телефонной книге находился особняк в колониальном стиле, окруженный высоченной стеной. По гребню стены тянулась колючая проволока, к которой был подведен электрический ток. Позади ворот со сторожевой будкой лениво прохаживались несколько широкоплечих парней. Похоже, сенатор Вомерсли в самом деле являлся важной персоной.

О том, чтобы проникнуть в эту крепость без спроса, не могло быть и речи. Не стоило и пытаться, если он не хотел нарваться на свинцовую пилюлю. Тут нужна хитрость...

— Спокойнее, спокойнее, держись наглее! — твердил себе Армстронг, приближаясь к воротам.

Заметив его, охрана насторожилась. Он придал лицу глуповатое и в то же время заискивающее выражение. В ответ на его взгляд один из громил презрительно плюнул — точнехонько в муху, сидящую на стене.

Просунув визитную карточку сквозь толстые прутья, Армстронг заговорил как можно более вежливо:

— Не будете ли вы любезны узнать, примет ли меня сенатор Вомерсли?

Выдернув карточку из его пальцев, охранник взглянул на нее и требовательно спросил:

— Вам назначено?

— Нет.

— По какому поводу вы хотите видеть сенатора?

— По делу, которое поручил мне сенатор Линдл.

— О'кей.— Он повернулся к Армстронгу спиной.— Ждите здесь.

Ждать пришлось полчаса, и все это время Армстронг нетерпеливо топтался у ворот, удивляясь, почему так долго решается простейший вопрос. Наконец охранник вернулся и угрюмо отпер ворота.

— Сенатор примет вас сейчас.

Войдя, Армстронг в сопровождении охранника направился к дому. За спиной лязгнул запор ворот; звук был угрожающий, недобрый, словно возвещавший начало двадцатилетнего срока в Синг-Синге [1]. Еще один охранник пересек им дорогу; его тащила за собой на цепи, напоминающей якорную, собака величиной с жеребенка.

Войдя в дом, они еще минут пять ждали в мрачном холле, облицованном дубовыми панелями, с одной стены которого на них смотрела поеденная молью лосиная голова. В холле находились еще четверо охранников, все они выглядели так, словно на них подействовало долгое общение с лосиной головой.

Наконец Армстронга провели в лоджию, где у французского окна принял картинную позу Вомерсли. Сенатор повернулся, чтобы рассмотреть неожиданного визитера; сам он казался довольно напыщенным типом с румяными щеками и длинными белыми волосами.

— Итак, мистер Армстронг? — провозгласил он елейным тоном архиерея. Выбрав кресло с высокой спинкой, он осторожно и со значением уселся, словно собираясь объявить, что заседание можно считать открытым.— Чем могу быть полезен? — Слегка постукивая по зубам серебряной авторучкой, он с легким оттенком покровительства смотрел на визитера.

---

[1] Тюрьма в Нью-Йорке.

— Не так давно наш общий друг Рэндольф Линдл познакомил меня с психотроном.— Армстронг бросил на Вомерсли острый взгляд.— Вам это, конечно, известно?

Вомерсли чуть улыбнулся и продолжал постукивать. Затем произнес:

— Продолжайте, прошу вас.

— Не хотите отвечать? — Армстронг пожал плечами.— Ладно. Собственно, это не имеет значения. Потому что вы должны знать...

— Меня интересуют только факты,— заметил Вомерсли.— Ваши предположения меня отнюдь не развлекают.

— Меня также интересуют факты — особенно тот факт, что вы и Линдл, по-видимому, являетесь руководством «Норман-клуба» в этой стране.

Продолжая поигрывать авторучкой, Вомерсли снова улыбнулся и ничего не ответил.

— «Норман-клуб» нашел меня «нормальным»,— продолжал Армстронг.— Прогнав через психотрон, они уверили меня, что я вернусь к ним добровольно, по зову разума. В конце концов, я просто обречен мыслить так, как мыслят они, потому что все незаурядные умы мыслят похоже.— Он в задумчивости остановился.— Тогда я не согласился с ними, я был уверен, что никогда не смогу смотреть на мир их глазами, живи я еще хоть миллион лет. Но я оказался не прав.

— А! — Вомерсли вколотил авторучку в карман, как гвоздь, и на лице его появилось выражение, которое означало: «Так я и думал!»

— Они оказались правы, а я — нет.— Армстронг открыто взглянул на сенатора.— Не то чтобы я так уж много размышлял; скорее, меня подстегнули события. В частности, банда рыжего.

— Рыжего? — озадаченно переспросил Вомерсли.

— Да. Какие-то безумцы, заявляющие, что их недавно депортировали с Марса, устроили за мной настоящую охоту...

— Гуманы,— изрек Вомерсли, прищелкнув языком.— Свою немногочисленность они компенсируют наглостью и жестокостью. Мое жилище так усиленно охраняется потому, что не только до вас они хотят добраться.

— Короче говоря, они убедили меня в том, в чем не сумел Линдл. И я вернулся.

Вомерсли несколько секунд молча смотрел на него, затем повернулся в кресле и переключил маленький рычажок в стене.

Только сейчас Армстронг заметил решетку маленьких отверстий, а выше его — несколько крохотных линз.

— Ну? — сказал Вомерсли в стену.

— С ним все в порядке,— подтвердил тонкий голосок из перфорированной стены.

— Спасибо.— Вернув рычажок в прежнее положение, сенатор повернулся лицом к гостю.

— Идентификация? — спросил Армстронг.

— Конечно.— Созерцая потолок, Вомерсли продолжил: — Психотрон устанавливает нормальность. Но не более. Он не классифицирует убеждения. Даже нормальные могут придерживаться разных убеждений — хотя и не тех, какие свойственны ненормальным. Вы это, конечно, понимаете?

— Да.

— Тогда вам должно быть ясно, что вы не можете вдруг взять и прыгнуть в лодку в тот самый миг, когда вы решили, что у вас есть на это право. Тут недостаточно простых деклараций. Далеко не достаточно.

— Я это предвидел,— сказал Армстронг.— Вам нужны доказательства, что мое мышление соответствует образцу... Какое поручение вы собираетесь мне предложить? Убить президента США?

— Вы не лишены проницательности,— заметил Вомерсли.— Впрочем, это естественно для того, кто по натуре норман. Но вы правы, мы должны выяснить, норман ли вы по наклонностям. Подходящую задачу мы подберем.

— Не трудитесь,— быстро вставил Армстронг.— У меня есть на примете одно дельце. Доказательство — лучше не надо.

Глаза Вомерсли вспыхнули, а голос потерял всякую обходительность.

— Позвольте уж нам решать, что является доказательством, а что нет!

— Ваше право, конечно. Но вам придется принять мое предложение, хотите вы этого или нет. Потому что вы не позволите себе пустить такое дело на самотек. Это было бы неестественно для нормана.

Поднявшись из кресла с оскорбленным видом, Вомерсли бросил:

— Поосторожней в формулировках!

— Корабль номер восемнадцать строится в Нью-Мехико. Это — сыр в мышеловке для тех, кто ищет корабли девятнадцатый и двадцатый...

— Ваши секреты не первой свежести, мистер Армстронг.

— ...но я утверждаю, что все три ракеты вполне можно выбросить на свалку металлолома.

— Все? — процедил сенатор ледяным тоном. Армстронг таинственно улыбнулся:

— Вы торопитесь с предположениями! Я хочу сказать вам, что дело не в способности «Норман-клуба» уничтожить эти ракеты в тот момент, когда он сочтет нужным. Они — металлолом, потому что безнадежно устарели.

— То есть? — Вомерсли тяжело задышал.— Что вы имеете в виду?

— Некоторым образом... не знаю, как... один из тех марсианских психов при депортации сумел прихватить с собой кое-какие чертежи.— Армстронг с удовольствием наблюдал, как наливалось кровью лицо сенатора.— Вы понимаете, почему он это сделал; ведь все они жаждут вернуться домой. Эта штучка рассчитана на экипаж в семь человек, и она на много веков опережает все, что есть у нас. Этот марсианин заявил, что ее можно построить за

десять недель, нужно только оборудование. И тогда земляне окажутся на Марсе раньше, чем вы успеете что-то предпринять...

Лицо Вомерсли стало багровым, дыхание хриплым. Армстронг, наоборот, почти откровенно забавлялся.

С усилием взяв себя в руки, сенатор проскрежетал:

— Где вы все это откопали?

— Мне рассказали об этом по двум причинам: во-первых, известно, что у меня безумная страсть к перемене мест; во-вторых, этот человек считает, что я могу привести в действие достаточно много скрытых пружин, чтобы заполучить необходимое для постройки корабля оборудование. Если бы я не мог или не захотел, беженцы предприняли бы эту попытку в Англии, Франции или России, в любом месте, где они могли бы рассчитывать на сотрудничество.

— Дальше,— мрачно потребовал Вомерсли.

— Этот человек предал свою организацию — шайку рыжего. Причины мне неизвестны, но сути это не меняет. Он заботится прежде всего о себе. Ему нужна помощь в постройке корабля. У него есть чертежи — и он назначил за них цену.

— Какую?

— Он должен иметь твердую гарантию, что его возьмут на Марс, немедленно отпустят по прибытии туда и не сообщат о нем марсианским властям.— Армстронг развел руками: — Парень-то гуман.

— Где сейчас эти чертежи?

— Он не расстается с ними.

Пристально глядя Армстронгу прямо в глаза, Вомерсли процедил:

— Может быть, вы и не врете. Тем более что я кое-что знаю. Но мне по-прежнему непонятно, почему после столь долгого и упорного сопротивления вы явились к нам чуть ли не бегом.

— Видите ли, я отгонял саму мысль о «Норман-клубе», потому что не верил в весь этот вздор о

марсианском происхождении. Это противоречило всему, что я изучал, всему, что я знал.— Армстронг встал, засунув руки в карманы.— Но теперь я знаю гораздо больше. В меня стреляли из засады, за мной охотятся и сейчас, и для меня это уже не вопрос истины и лжи, а скорее — жизни и смерти.

— Да, но...

— Я должен убедить этого человека с чертежами, что в моих силах осуществить постройку его корабля даже вдвое быстрее. Если мне не удастся его убедить, чертежи исчезнут Бог знает куда и уж, конечно, кто-нибудь ими воспользуется. Вот во что вы ввязались.

— Я?

— Да. Он знает вас как весьма влиятельную фигуру в Вашингтоне. О «Норман-клубе» он не знает, тем более о вашей с ним связи. Поставив на меня, он одновременно поставит на стоящего за мной достаточно крупного политического деятеля. Вы должны пообещать ему, что раздобудете сто миллионов долларов для строительства ракеты. Вы должны убедить его передать эти чертежи.

Противоречивые эмоции отражались на круглом лице сенатора. Несколько раз он прошагал по комнате взад и вперед, потом наконец заговорил:

— Где вы собираетесь встретиться с этим человеком?

— Он должен позвонить мне в Нью-Йорк на квартиру завтра, в двенадцать часов.

— Ваша квартира сгорела дотла.

«О, так тебе это известно?» — подумал Армстронг и сказал вслух:

— У меня есть еще одна. Не думаете же вы, что я ночую под открытым небом?

— Что, если он позвонит, а вас не будет?

— Значит, перезвонит позже. Но к тому времени лучше быть уже там. Конечно, можно обратиться к сенатору Линдлу — мне все равно, вы или он. Но вы — самая верная приманка...

— Армстронг! — внезапно решившись, сказал Вомерсли.— Я достаточно заметная фигура, чтобы меня могли безнаказанно обманывать. Кое-кто пытался — и раскаяние мучает их ежечасно.— Он выпятил грудь, словно охотник, убивший огромного тигра.— Посему имейте в виду — любое не совсем чистое дело бумерангом ударит по вам! Я поеду на эту встречу, но не потому, что полностью поверил вам, а исключительно потому, что если ваш рассказ — правда, она слишком важна, чтобы ее проигнорировать.

— Именно на это я и рассчитывал.

— А я знаю, что вы именно на это и рассчитывали! — парировал Вомерсли.— Поэтому я иду своей дорогой, не вашей! Если окажется, что вы состряпали эту историю, чтобы зачем-то меня обмануть,— он остановился, и лицо его посуровело,— это будет ваша последняя афера в этом мире, да и в любом ином тоже.

— А если это не афера, если все окажется правдой, «Норман-клуб» примет меня в свое лоно?

— Да.— Позвонив, Вомерсли сказал появившемуся охраннику: — Пусть Мерсер подает автомобиль. Джексои, Хардакр и Уилс едут со мной в Нью-Йорк прямо сейчас.— Он подождал, пока охранник выйдет, и сказал Армстронгу: — Мои ребята начинают стрелять, даже если кто-то просто заскрипит зубами. Не забудьте об этом!

— Не забуду,— пообещал Армстронг. Он снова сел, наблюдая, как Вомерсли готовится к отъезду, и на его широком тяжелом лице застыло голодное выражение. Он достиг своей цели и ощущал себя крокодилом, которому удалось притвориться корягой.

Сенатор, как выяснилось, ездил в большом серебристо-сером «кадиллаке». Мерсер сел за руль, с ним рядом устроился Джексон. Армстронг оккупировал среднее сиденье сзади, оказавшись между Вомерсли и Уилсом, а складное сиденье, расположенное прямо

перед ними, занял Хардакр, квадратный тип, который, видимо, считал свою позицию стратегической и смотрел на Армстронга вызывающим взглядом. Но ответа он не дождался — пару раз глянув на громилу, Армстронг фыркнул, а затем чихнул.

Выехав из напоминающей крепость виллы, мощная машина понеслась на север. И тут Армстронга одолел насморк; он почти непрерывно чихал, вытирая ладонью слезящиеся глаза. Сидящий рядом Вомерсли брезгливо отодвинулся, но ничего не сказал. Хардакр по-прежнему не отрывал взгляда от Армстронга, как будто усматривая в непроизвольном разносе инфекции преднамеренный акт.

— Наверное, простыл в грозу,— ни к кому не обращаясь, посетовал Армстронг.— Эдак я помру от пневмонии раньше, чем мы доедем... Апчхи! — Он судорожно дернулся, склонился к Уилсу и начал искать в правом кармане носовой платок. Хардакр подался вперед. Наверное, он очень хотел, чтобы простуженный пассажир дал повод себя укокошить, вытащив из кармана что угодно, только не платок. Раздраженно заворчав, Вомерсли отодвинулся, и довольный Армстронг, уткнувшись в платок, яростно затрубил носом. В тот же миг крохотный металлический цилиндр оказался у него в правой ноздре.

Миль через десять он повторил операцию и в промежутках между очередными «апчхи» втянул цилиндрик в левую ноздрю.

Выждав еще несколько минут, он снова закашлялся и наклонился к Вомерсли, стараясь достать что-то теперь уже из левого кармана. Хардакр бросил Уилсу:

— Мне не нравятся эти песни и эти танцы. Глянь-ка, что ему нужно теперь.

Поднявшись в покачивающемся на рессорах автомобиле, Уилс запустил волосатую руку в карман Армстронга и вытащил еще один платок и связку ключей. На лице Хардакра появилось разочарование.

— Спасибо! — хрипло пробурчал Армстронг; он вытер нос вторым платком, звякнул ключами и широко улыбнулся Хардакру. Тот нахмурился, наконец отвел глаза и уставился в окно.

Армстронг, вздыхая, начал почесывать колени. Он делал это с отсутствующим видом, периодически сопя и чихая, в то время как остальные продолжали подчеркнуто его игнорировать. Пальцы скребли, постукивали, нервно дергались, пока наконец он не высвободил стеклянный пузырек из подколенного ремня и не почувствовал, как тот скользнул по ноге вниз. Маленькая ампула тихо упала на мягкий ковролиновый пол, и никто не услышал ни звука, когда каблук Армстронга раздробил ее на кусочки.

«Кадиллак» мчался вперед и за девять минут покрыл еще восемь миль, когда в салоне начали происходить странные события. Вомерсли внезапно громко булькнул сквозь сжатые губы, дернулся и затих. Уилс обмяк и беспомощно мотал головой в такт покачиванию автомобиля.

Резко вильнув, машина на большой скорости начала выписывать синусоиду. Силясь стряхнуть дремоту, Хардакр пытался прийти в себя и сделать хоть что-нибудь, но Армстронг впечатал огромный ботинок ему в живот, и охранник повалился на пол, хватая ртом воздух. Газ, выделявшийся из кристаллов, заполнил его легкие.

Армстронг схватил руль и выровнял машину. У «кадиллака» была автоматическая коробка передач, и, если не давить на педаль газа, рычаг переключения скоростей автоматически переходил на «нейтраль». Машина замедлила ход. Армстронг почувствовал, как Джексон в полубессознательном состоянии дергает его за руку, и, не отпуская руля, локтем правой ударил головореза в ухо.

Наконец «кадиллак» остановился. Поставив машину на ручной тормоз, Армстронг вышел, захлопнул дверцу, сел на скамейку у дороги, вынул филь-

тры из носа и с наслаждением затянулся сигаретой, предоставив остальным пятерым пассажирам дышать газом. Пять минут спустя все они лежали как трупы.

Открыв все дверцы, чтобы проветрить машину, Армстронг вымел несколько нерастаявших кристалликов, быстро перенес всех, кроме Вомерсли, на скамейку, стараясь, чтобы их не увидели с дороги. У него даже мелькнула мысль вложить в руку Хардакру цветок. Вернувшись к автомобилю, Армстронг положил Вомерсли на пол, запер задние дверцы, сел за руль и на предельной скорости устремился вперед.

Эта сумасшедшая езда наверняка заинтересовала бы полицию, если бы он дважды предусмотрительно не сбрасывал скорость. Армстронг гнал «кадиллак» так, словно каждая секунда промедления обходилась ему в тысячу долларов. Три раза он останавливался: один раз для заправки, второй — чтобы послать сообщение об отсрочке назначенной генералом встречи, и третий — чтобы успокоить понемногу приходящего в себя пассажира. Армстронгу пришлось цыкнуть на развязного заправщика. Любопытному телеграфисту он наплел байку о большой попойке. Что касается последней остановки, то слабые признаки жизни, которые стал проявлять Вомерсли, означали, что одураченные охранники точно так же начинают приходить в себя, и как только они оклемаются, то моментально устремятся в погоню.

После повторной дозы наркотика Вомерсли успокоился. Этого должно было хватить на большую часть ночи. Остаток пути прошел без приключений, и Армстронг, промчавшись через весь штат Нью-Джерси, наконец подъехал к дому Дрейка со спокойной уверенностью.

Эд Дрейк открыл дверь, взглянул и воскликнул:

— Боже мой! Я думал, ты сгорел!

— У меня проблемы, Эд. Нужна твоя помощь.

— Что за беда? — Взгляд Дрейка наткнулся на Вомерсли, вновь водруженного на заднее сиденье автомобиля. Лицо сенатора было мертвенно-бледным.— Эй, ты что, перевозишь покойников?

— Не волнуйся, он оживет. Я бы хотел сдать его тебе на хранение. Ненадолго.— Отперев заднюю дверцу, Армстронг выволок сенатора из автомобиля. И всучил тело удивленному Дрейку, словно предлагая подарок.— Брось его на кровать и не тормоши, пока я не вернусь. Я обернусь в два счета — тогда все и объясню.

Придерживая безвольное тело сенатора, Дрейк сказал без особой радости:

— Надеюсь, тут все чисто? — Успокойся, тебе ничего не грозит. Ты меня знаешь.

— Да-а, я тебя знаю — именно это-то меня и тревожит.— Дрейк направился в дом, таща за собой сенатора.

Взвизгнув покрышками, «кадиллак» рванулся с места. Эд Дрейк кисло посмотрел вслед уносящемуся автомобилю, потом пожал плечами, запер дверь и поволок своего бесчувственного гостя наверх.

Армстронг появился через четыре часа и двадцать минут. Усталый, тяжело ступая, он ввалился в дом и поставил на пол большой черный ящик. На часах было четыре утра.

— Он еще не ожил?

Дрейк покачал головой:

— Спит, как после пьянки.

— Вот именно, что после пьянки.

— А? — Дрейк оттопырил губу.— Кто его напоил?

— Я.— Армстронг улыбнулся, увидев реакцию приятеля.— Пришлось пойти на это, чтобы его заполучить.— Он вздохнул и снова посмотрел на часы.— Я бы вернулся на час раньше, но нужно было забросить ту машину в Нью-Йорк, пусть ее найдут там. На обратном пути пришлось попрыгать из такси в такси.

— Ты бросил его автомобиль? — Голос Дрейка поднялся до самой верхней ноты.— Он что, меченый? Ты похитил этого человека? Что за чертовщина тут творится?

— Все очень просто, Эд. Этот джентльмен — сенатор Вомерсли, и он нанес нам визит против своей воли.

Дрейк подскочил:

— Вомерсли? То-то я думал, откуда мне знакома эта толстая рожа! — Он всплеснул руками.— Клянусь адом, Джон, за это тебе дадут прикурить! Какой черт надоумил тебя похищать такого человека? И зачем ты впутал сюда меня?

— Увидишь.— Армстронг пнул ногой тяжелый ящик, который привез с собой.— Это — один из десяти существующих на белом свете усовершенствованных детекторов лжи. Я позаимствовал его у старого профессора Шоубери из Колумбийского университета. В моей лаборатории в Хартфорде тоже есть опытный экземпляр, но я не могу сейчас там появляться.

— Почему?

— Потому что всюду, где я могу показаться, меня ждет засада. Это одна из причин, почему мне пришлось явиться к тебе. За последние семь лет мы встречались раза четыре, а в твоем доме я вообще был два раза.— Он пристально посмотрел на озадаченного Дрейка: — Хочешь узнать другую причину? Видишь ли, я немного подумал и решил, что тебе можно довериться... Насколько вообще можно довериться кому-либо в наше безумное время.

— Замечательно! Просто великолепно! Как приятно после двадцати лет знакомства вдруг узнать, что ты мне доверяешь!

Армстронг резко ответил:

— Эд, если я не докопаюсь до сути дела, то ни ты, ни я, ни миллионы других двадцать лет не протянут.— Он сделал нетерпеливый жест.— Где этот мерзавец?

— Наверху, на кровати.

Дрейк с мрачным видом помог перенести сенатора вниз и, не скрывая неудовольствия, стал наблюдать, как Армстронг привязывает жертву к креслу.

Без суеты и спешки Армстронг открыл ящик и достал небольшой прибор, напоминавший портативный энцефалоскоп.

Водрузив контакты на голову Вомерсли, он тщательно настроил прибор по нескольким шкалам, выключил из сети и, плюхнувшись в кресло, посмотрел на бесчувственного сенатора.

— Теперь будем ждать, пока этот толстый интриган проснется. Ничего другого нам не остается.

Дрейк пододвинул себе другое кресло.— По-моему, ты слишком часто говоришь «мы». Это твоя игра, не моя.— Он созерцал аппарат, покусывая нижнюю губу.— Что это за пыточный агрегат?

— Больно ему не будет. Я просто следую принципу «око за око». Его компания запихала меня в устройство, называемое психотрон. Но и у меня нашлось чем ответить, как видишь. Посмотрим, кто кого.

— Все-таки что это за штука? — не отставал Дрейк.

— Детектор лжи, но особенный. Он генерирует шумовые сигналы в полосе излучения человеческого мозга. Ты знаешь, что у мыслей электромагнитная природа, а?

Дрейк кивнул.

— Этот приборчик — генератор помех. И прелесть его в том, что он нарушает только рациональное мышление, не трогая рефлексы, память и прочее.

— Ты хочешь замучить толстяка судорогами и конвульсиями? Зачем?

— Я же тебе говорю — судорог не будет. И похмелья тоже. Это устройство просто в десять раз улучшенный детектор лжи. Когда человеку, к которому подключен наш прибор, задают вопрос, он совершенно не способен врать или молчать. Если

он знает, о чем идет речь, то обязательно скажет правду. Это своего рода «сыворотка правды», только без химии и безо всяких последствий.— Армстронг успокаивающе махнул рукой.— Худшее, что может случиться с этим политическим крокодилом,— он выболтает нам некоторые щекотливые факты. Но мы это переживем, верно?

— Он с тебя семь шкур спустит. И постарается, чтобы тебя прикончили при первом же удобном случае.— Глядя на сенатора, Дрейк опять начал кусать губу. Глаза его вдруг округлились.— Смотри, он просыпается!

Подойдя к креслу, Армстронг довольно невежливо похлопал Вомерсли по щекам. Сенатор запыхтел, забормотал что-то, приоткрыл глаза, закрыл их и снова открыл. Армстронг энергично потер ему ладони. Вомерсли судорожно глотнул, зевнул и попытался пошевелиться. Увидев, что связан, он застыл, потом дернулся и проворчал: — Где... я? Что такое?..

Включив аппарат, Армстронг внимательно посмотрел на сенатора. Лицо Дрейка приняло озабоченное выражение.

Вомерсли высунул язык, снова спрятал его, широко раскрыл рот, повел вокруг изумленными глазами, попытался поднять руки, и через несколько секунд его взгляд стал похож на взгляд деревенского дурачка.

Громким, ясным голосом Армстронг задал первый вопрос, словно стеганул кнутом:

— Кто убил Амброза Фазергила? После секундной заминки Вомерсли прокаркал:

— Мюллер.

— По чьему приказу?

Мычание. Казалось, Вомерсли яростно борется с самим собой, хотя на самом деле интеллект политика медленно отступал под действием генератора помех...

— Моему,— произнес он наконец.— Моему... моему!

— О небо! — выдохнул Дрейк.

Армстронг суровым голосом продолжал:

— Тогда почему Джордж Куин пустился в бега? Его обвинили? Он понял, что его обвинили?

Вомерсли не отвечал.

Решив зайти с другой стороны, Армстронг спросил:

— Вы отдавали какие-нибудь приказания насчет Куина?

— Да.

— Какие?

— Чтобы его убрали...

— Кто? Мюллер?

— Мюллер, Хили и Джескус.

— Все это ужасно нудно,— заметил Армстронг, обращаясь к Дрейку.— Он в состоянии отвечать только на прямые вопросы и не может добавить ничего от себя. Придется вытаскивать из него информацию по кусочкам.— Он снова повернулся к Вомерсли: — Почему вы приказали убрать Куина?

— Чтобы сделать два дела сразу.

— Какие?

— Все подумали бы, что Куин спешно унес ноги, потому что виновен... Мы довольны, и полиция тоже — она знает имя убийцы.

— Зачем вам понадобилось избавиться от Куина?

— Он был официально назначен пилотом.

— В какое место его увезли?

Твердый взгляд Армстронга не отрывался от лица сенатора. Никакого отклика.

— Вы не знаете?

— Нет.

Глубоко вздохнув, Армстронг спросил иначе:

— К кому его доставили?

— К Синглтону.

— Кто такой Синглтон?

— Президент «Норман-клуба» в Канзас-Сити,— проговорил Вомерсли. Голова его качнулась вперед и медленно вернулась в прежнее положение.

— Вы знаете, где Синглтон прячет Куина?

— Нет.

— Вы знаете, жив Куин или мертв?

— Нет.

— Почему вы приговорили Фазергила?

— Он был один из нас — норман. Но у него не хватило мужества. Он подвел нас.

— И?..

Вомерсли не ответил. Казалось, его одолевает дремота. Армстронг стиснул зубы.

— Ладно. Пойдем дальше. Где Клэр Мэндл? — спросил он громко.

— Не знаю.

— «Норман-клуб» причастен к ее исчезновению?

— Не знаю.

Скрыв удивление, Армстронг продолжал:

— Вас поставили бы в известность, если бы ее захватила нью-йоркская команда?

— Необязательно.

Нахмурившись, Армстронг сказал Дрейку:

— Кое-что мы узнали даже из отрицательных ответов. Он не знает, что Синглтон сделал с Куином и что замышляет банда Линдла в Нью-Йорке. Он довольно крупная лягушка в здешнем норманновском болоте, но обо всем подряд его не информируют. Хоть он и велик, но он не Большой Босс. Кто-то сидит еще выше?

— Спроси его,— предложил Дрейк.— Кто председатель «Норман-клуба» в Соединенных Штатах?

Вомерсли обмяк в кресле, не реагируя, как глухонемой.

— Подкрути прибор,— предложил Дрейк.— Дай ему прикурить, тогда он расколется.

— Прибор не заставит его сказать то, чего он не знает,— возразил Армстронг и спросил иначе: — Есть руководитель «Норман-клуба» в этой стране?

— Нет.

Армстронг наградил Дрейка взглядом: «А что я говорил?»

— Кто босс «Норман-клуба» в Вашингтоне?
— Я.
— А в Нью-Йорке?
— Линдл.
— А Синглтон — босс в Канзас-Сити?
— Да.
— Кто босс в Чикаго?
— Не знаю.

— Он не знает,— повторил Армстронг.— Ты понимаешь, что это значит? Это метод ячеек? Босс каждой ячейки поддерживает связь с двумя-тремя другими. Остальные ему неизвестны. Он может выдать только своих людей — и тех, кого он знает, после чего оставшиеся ему отомстят. Все старо как мир — дисциплина поддерживается страхом наказания.— Армстронг прошелся по комнате.— Это означает, что где-то «Норман-клуб» не действует открыто, а маскируется под разными личинами, какими-нибудь религиозными культами... Я имею дело с армией, Эд, с самой настоящей армией!

— По-моему, ты пытаешься откусить больше, чем в состоянии прожевать.

— Да, но я уже зашел слишком далеко, чтобы отступать. Как питон, который сомкнул челюсти на антилопе в десять раз крупнее, чем он может заглотить,— я должен продолжать, даже если лопну! — Он озабоченно ходил взад-вперед.— Допустим, каким-то чудом я выключу из игры этого циничного старикашку и всех его бандитов и единомышленников в Вашингтоне — что тогда? Линдл с братией подхватят эстафету. И сотни, если не больше, подобных ячеек, разбросанных по стране. И тысячи, если не больше, по всему миру.— Он ударил кулаком по ладони.— Это все равно что пытаться искоренить буддизм за неделю. Это невозможно, но это должно быть сделано!

— Чего-то я тебя не понимаю.— Дрейк хмуро посмотрел сначала на безвольного сенатора, потом на прибор, потом на часы. Подавив зевок, он ска-

зал: — Если тебе некуда девать энергию, может, лучше жениться?

— Это не смешно, Эд. Это так же не смешно, как самонаводящаяся ракета или атомная бомба. Как бактериологическое оружие, голод, эпидемии и крах цивилизации.— Он умолк, выразительно глядя на Дрейка, который немного сконфузился.— Если ты не веришь мне, вот тебе доказательство! — Повернувшись к сенатору, Армстронг резким голосом произнес: — Вомерсли, старается ли «Норман-клуб» подтолкнуть мир к глобальной войне?

— Да.— Голос был механический, бесцветный, по лицу сенатора разлилась бледность.

— Зачем?

— Мы у последней черты...

— Объясните.

— Они доберутся... они доберутся до своего Марса...— забормотал Вомерсли.— Маньяки... вырвавшиеся в космос... врожденные маньяки... стремящиеся к звездам... Мы должны перебить их... всех до единого...— Он судорожно хватанул ртом воздух, голова его упала набок.

Армстронг бросился вперед и выключил генератор.

— Переутомление мозга,— объяснил он встревоженному Дрейку.— Ничего страшного, он скоро придет в себя.— Сняв контакты с головы пленника, Армстронг подложил ему под голову подушку.— Пусть немного поспит.

— Что это за болтовня о «Норман-клубе»? — осведомился Дрейк.

Армстронг вкратце пересказал ему свои похождения и закончил словами:

— Пока у них нет абсолютной власти в этой стране. Но при удачном стечении обстоятельств они заполучат ее в любой момент. Сейчас они — всего лишь коварное и опасное меньшинство, но у них достаточно сил, чтобы влиять на нашу судьбу. Их ставленники сидят на ключевых федеральных по-

стах и в отдельных штатах... Пойми, Эд, эти норманы-фанатики могут быть демократами, республиканцами, хоть тибетскими ламами; они могут действовать под самыми диковинными вывесками, но всегда, во все времена, они — норманы, высшие по отношению к гуманам!

— Дерьмо! — презрительно заявил Дрейк.— Этого недостаточно, чтобы развязывать мировые войны.

— Не обманывай сам себя! Мы не одиноки в этом свихнувшемся мире. Есть другие народы, другие люди, которых воодушевляют совсем другие идеи. В одних странах норманы могут иметь меньше власти, в других — больше. Достаточно, чтобы войну начала только одна. Этого хватит, уверяю тебя. В свое время это сделал Гитлер — и наверняка у истоков там стоял кто-нибудь вроде этого толстого чурбана. Германия отправилась в преисподнюю, потащив с собой полмира,— и все во имя их навязчивой идеи.

— Но...

— Послушай, Эд, представь, что германский нацизм просуществовал бы не тринадцать лет, а больше, гораздо больше, что фашисты захватили бы власть не только в Европе, но и во всем мире... Как ты думаешь, в этом случае они выиграли бы свою войну?

— Никогда,— без колебаний заявил Дрейк.

— Может, и так, но это продолжалось бы черт знает насколько дольше, и мир заплатил бы гораздо большую цену. Впрочем, не в этом дело.— Армстронг легонько похлопал по руке Дрейка, чтобы подчеркнуть свои слова.— Дело в том, что эти норманы-психи не могут проиграть войну.

— Они не могут...— яростно начал Дрейк, но Армстронг перебил:

— Азиаты проиграли последнюю войну?

— Глупый вопрос. Это была война с фашизмом!

— Да, китайцы сражались на нашей стороне, японцы — против нас. Азиаты были с обеих сто-

рон, и, если рассматривать их как целое, они не проиграли войну! — Армстронг понизил голос.— Пойми наконец, Эд, эти норманы-проповедники лишены национального чувства совершенно. Их цель — развязать войну покруче, чтобы поставить заслон тому, что они расценивают как нежелательную форму прогресса. Какая сторона победит в войне, а какая потерпит поражение — им наплевать, ибо всеобщая разруха способствует их целям. Чего ради им заботиться о том, кто будет разбит в пух и прах, а кто победит, если они — по обе стороны фронта!

— Мне кажется, ты их переоцениваешь. И недооцениваешь людей. Не думаю, что они начнут миллионами бросаться под танки только потому, что какая-то банда психопатов этого захочет.

— Не думаешь? — Улыбка Армстронга была кривой и мрачной.— Ты просто наивен, Эд. Людей можно заставить. Это элементарно — нужно всего лишь придумать дьявола, а потом запустить на всю катушку пропаганду, дабы убедить их, что означенный дьявол существует, что он ужасен и что их ожидает судьба хуже самой смерти, если они не начнут бороться с ним всеми подручными средствами.— Он прищелкнул языком.— Увидишь — они будут драться, как дикие кошки!

Дрейк возмутился:

— Ты считаешь, что в последней войне наши парни сражались и умирали ни за что?

— Боже сохрани! Как раз наоборот! Но за что дралась противная сторона?

Дрейк молчал, задумавшись.

— Вот я и говорю,— продолжал гнуть свое Армстронг,— нам хватит, даже если начнет одна страна. Другие будут вынуждены драться, чтобы остановить агрессора. Так начинались все войны. Немцев отчаянно одолевал демон «жажды жизненного пространства». Русские больше полувека готовились воевать с извергом по имени капитализм. Было вре-

мя, когда христиане вели кровавые войны с исламом. И если сегодня во всем мире газеты, радио и телевидение вдруг объявят, что на Землю высадились агрессоры с альфы Центавра, тысячи легковерных схватятся за оружие. Помнишь Свифта? Его лилипуты готовы были перебить друг друга из-за вопроса, с какого конца разбивать яйцо!

— Заткнись! — разозлился Дрейк.— Ты действуешь мне на психику. Ты рассуждаешь как норман — говоришь, что мы все спятили?

— А вдруг так и есть? Может быть, норманы правы, и наш мир — вселенский сумасшедший дом, пристанище для идиотов со всей Солнечной системы? Но кто сказал, что обитатели этого дома должны сидеть в уголке и дуться на весь белый свет? Пусть земляне на девяносто процентов кретины — по норманским меркам, но кто сказал, что мы не имеем права хотя бы попытаться вырваться из клетки?! — Он подумал несколько секунд и добавил: — Как бы то ни было, меня не устраивает определение нормальности, которое дает какая-то машина, пусть она хоть трижды называется психотроном. И я сомневаюсь, что марсиане, венериане и меркуриане — если они действительно существуют — такие уж образчики добродетели по сравнению с нами.

— Ты меня уговорил. Что дальше?

— А дальше, Эд, ты должен помочь мне.

— Каким, интересно, образом?

— Я должен выжать из этого седовласого чудовища все, что он знает. Все до последней капли, пусть он хоть окочурится десять раз за сеанс. Мне нужно связаться с друзьями, которые залегли на дно в Нью-Йорке, мне нужно выяснить, что случилось с Клэр Мэндл, и придумать, как избавить от неприятностей Джорджа Куина. И это не все, по сути, это лишь начало; я должен еще найти способ стряхнуть со своего хвоста полицию и ФБР, и наконец, если это вообще возможно, я должен унич-

тожить международный «Норман-клуб», пока он не уничтожил весь мир.

— Ты не сделаешь и четвертой части,— уверенно заявил Дрейк.— Советую тебе расслабиться, и пусть события идут своим чередом.

— Нет. Пока я еще держусь! — Армстронг внимательно посмотрел на Вомерсли, который вдруг начал храпеть.— Ничего, оклемается. Я хочу, чтобы ты подержал его у себя, Эд. Удержи его любой ценой хотя бы двадцать четыре часа. Не дай ему уйти, даже если тебе придется вышибить из него мозги!

— Снова исчезаешь?

— Нужно съездить за подкреплением. Дашь мне машину?

— «Линкольн». Там, за домом.— Дрейк мрачно посмотрел на спящего пленника.— О, судьба! Нужно проверять его карманы? Вдруг ему захочется выкинуть какой-нибудь фортель?..

— Я его обыскал еще по дороге. Ничего у него нет. Если он проснется и начнет орать про свою неприкосновенность, стукни его по башке!

Завернув за угол, Армстронг обнаружил «линкольн», сел за руль, и машина рванулась к Гудзону. «Ты сделаешь не больше четверти»,— сказал Дрейк. Бедняга Дрейк! Неудача с девятым кораблем, видно, здорово его подкосила! Ибо человечество издревле знало истину, которую он умудрился забыть: ничего нет невозможного. И в том числе — вырваться из вселенской резервации!

Глава четырнадцатая

Выбирать приходилось между двумя возможными контактами: Нортон или Мириам. Если Хансен еще не связался с Нортоном и если хитрая Мириам уже перекочевала в другое место, ни один из этих каналов не годился. Но разыскивать Хансена, не испробовав сначала условленные каналы, было бы напрасной тратой драгоценного времени.

Армстронг решил начать с Мириам. Припарковав «линкольн» недалеко от телефонной будки, он набрал номер, по которому звонил в прошлый раз. Дожидаясь соединения, Армстронг не отрывал глаз от пустой улицы. Наконец экран ожил, и на нем появилась Мириам. Вид у нее был растрепанный, словно после приступа мигрени.

— Приветствую, о прекраснейшая! — проговорил Армстронг.

— Что вам надо? — спросила она угрюмо и настороженно.— И почему в такую рань?

— Ну, ну! Будьте же полюбезней! Я просто хотел посмотреть, как вы выглядите, если вас поднять с кровати.

Мириам машинально поправила волосы, одарила Армстронга сердитым взглядом и сказала:

— Говорите, что вам нужно, только покороче.

— Я позвонил, чтобы проверить — здесь вы или нет.— Он быстро огляделся по сторонам.— Я

должен поговорить еще с одним человеком... Перезвоню вам через полчаса. Надеюсь, вы не против?

— Как будто от этого что-то изменится!

— Я снова позвоню из этой же кабины и буду краток, насколько смогу. Обещаю вам. Торжественно.— Армстронг нажал кнопку сброса, и лицо Мириам растаяло.

Он быстро вернулся к машине, объехал квартал и припарковался за углом, выставив капот «линкольна» ровно настолько, чтобы наблюдать за будкой из укрытия. Не выключая двигатель, готовый при необходимости рвануть с места, Армстронг просидел почти полчаса.

Но увидел он только нескольких ранних прохожих, торопившихся к ближайшей станции подземки. Проехав ближе к центру, Армстронг перезвонил Мириам из другой кабины.

— Я проверял линию. Нас могли прослушивать, и тогда меня без долгих слов попытались бы укокошить. Очевидно, вас еще не выследили...

— Была бы я здесь, если б выследили? — насмешливо осведомилась она.

— Вполне возможно, дорогая! Они не стали бы вынимать сыр из мышеловки.

— Не смейте называть меня сыром!

— Ладно, ладно.— Он устало покачал головой.— Я совсем забыл, что вы только что досматривали девятый сон. Только скажите мне, где найти нашего общего друга, и можете возвращаться в кроватку.

Мириам пробормотала адрес во Флаппинге, поспешно прибавив:

— Только до завтрашнего полудня. Потом он будет где-то в другом месте.

— Спасибо.

Стараясь не превышать скорость, дабы не волновать полицейские патрули, Армстронг повел «линкольн» через Трайборо. Он без помех переехал по

мосту на Лонг-Айленд и скоро нашел полуразрушенный кирпичный дом — временное убежище Хансена.

Детектив был бос, его подтяжки болтались на груди.

— Адрес вам дала Мириам? — Он быстро запер за Армстронгом дверь.

— Да. Не могу сказать, что она была сама любезность, но, как видите, я здесь.

— Вам повезло. Еще денек, и нас обоих след бы простыл. Она переезжает завтра. Я тоже.— Он пристегнул подтяжки.— У вас такие мешки под глазами, как будто они мукой набиты.

— Знаю. Я всю ночь на ногах.

— Вредная привычка. К добру не приведет.— Хансен провел Армстронга в дальнюю комнату.— Присядьте пока куда-нибудь. Я сейчас.— Его голые пятки прошлепали вверх по лестнице, и скоро Хансен спустился с оставшейся одеждой под мышкой. Одеваясь, он спросил: — Каков будет наш следующий шаг к виселице?

— Сейчас обрисую вкратце.— Голос Армстронга стал жестким.— Где Клэр Мэндл?

— Будь я проклят, если знаю. Она исчезла без следа, обрубив все хвосты.

— Хвосты?

— ФБР ходило за ней по пятам, как ревнивый отец. Но получили они только воздушный поцелуй на прощание.

— Как вы об этом узнали?

Хансен втиснул ногу в ботинок и аккуратно его зашнуровал.

— Потому что я ей помогал.

Сдвинув брови, Армстронг прорычал:

— Вы что, говорить разучились?

Хансен невозмутимо продолжил:

— Я поехал к ней и, как вы сказали, забрал перечень. Она, правда, пожаловалась, что была бы вам гораздо полезнее, если бы только могла перейти дорогу без сопровождения вереницы топтунов.

Она считала, что за ней ходят люди из ФБР, но я засомневался и на всякий случай приставил к ней двух моих ребят.— Дальше.

— Она просто молодец: стравила их с преследователями и, пока они выясняли отношения, растворилась. Ловко было проделано, такое нечасто увидишь.— Хансен даже прищелкнул языком.

— В газетах сообщают, что она исчезла, но намекают, что с ней что-то случилось...

— Газеты! — Хансен насмешливо взмахнул рукой.— Когда это газетчики, комментаторы и прочая шушера заботились о достоверности фактов? — Он поднялся и натянул джемпер.— Они не пишут, что двух моих людей задержали для допроса?

— Нет.

— Вот видите!

Армстронг помолчал, размышляя, потом спросил:

— Вы не заходили к этой марионетке Линдла?

— К Карсону? Нет. Я собирался туда сегодня.

— Не нужно. Сейчас нам не до него. Положение обостряется — и становится очень жарко.

— Становится жарко? — как эхо повторил Хансен.— Та-ак. Выкладывайте. Что вы еще натворили?

— Меня разыскивают за похищение сенатора. Хансен замер, как статуя, с галстуком в руках.— Что?!

— Меня разыскивают за похищение сенатора,— с готовностью повторил Армстронг.— Гнусного ублюдка Вомерсли.

— Значит, на нашем счету были убийства, поджог, шпионаж и массовый саботаж,— проговорил Хансен, подняв очи горе.— Теперь еще похищение.— Он завязал галстук.— Где вы его спрятали?

— У Эдди Дрейка, в Нью-Джерси. Я хочу, чтобы вы прибыли туда как можно скорее со всеми своими людьми, с которыми удастся связаться. Сколько их у вас?

— Пит мертв, двоих задержало ФБР... Остаются четверо постоянных и пятеро от случая к случаю. Постоянные — надежны.

— Четверо плюс вы, я и Эд — итого семь. Если удастся вызволить Куина, восемь.

— Почему нужно вызволять Куина? Он что, заделался робинзоном на каком-нибудь айсберге?

— Его увезли в Канзас-Сити. Норманы пытаются пришить ему убийство Амброза Фазергила. Но я надеюсь, что они хорошенько подумают, прежде чем зайти так далеко; сейчас мы квиты: Куин у них, но Вомерсли у меня!

— Ну и ну! — Хансен взялся за шляпу.— Хорошо бы я оказался где-нибудь подальше, когда вы решили стать моим клиентом. Черт знает во что я ввязался! Наверно, мне придется заплатить за это лучшими годами моей жизни.— Он надвинул шляпу на лоб.— Единственное, на что я не могу пожаловаться,— это скука.

— Деньги — корень всех зол,— заметил Армстронг.— Если вам и придется платить, то только за свою жадность. Пусть это будет для вас уроком.

К тому времени, когда вернулся Армстронг, Дрейк уже весь извелся. Он с готовностью распахнул дверь и, вовсю жестикулируя, заговорил:

— Черт знает какая кутерьма! Этот гад очухался часа через три после того, как ты уехал. Слышал бы ты, как он меня крыл! А как грозил! Пришлось на всякий случай привязать его к кровати. Между прочим, ты уже слышал новости?

— Некогда было. Ты догадался записать?

Дрейк кивнул, пересек комнату и включил видивокс. На экране возник текст. «Европейцы готовятся открыть карты»,— предупреждает Линдл, требуя дополнительно сто миллиардов долларов на оборону».

Армстронг не затруднял себя внимательным чтением. Сейчас важна была суть, а не детали.

«Кризис приближается... мы вынуждены тратить средства, нанося себе невосполнимый ущерб... Нельзя забывать ужасные уроки прошлого... Грозовые тучи войны вновь собираются на горизонте... Все необязательные расходы должны быть беспощадно урезаны... так требует тяжкое бремя ответственности... Чудовищное, безумное расточительство человеческих сил, материалов и средств... космическая программа должна быть свернута... это веление времени». Следующая страница:

«После беседы с Президентом генерал Л. С. Грегори заверил прессу, что вооруженные силы готовы ко всему».

— Готов заложить мою толстую шкуру, что Грегори — вовсе не такой паникер,— сказал Армстронг Дрейку.— Но успокаивающие речи нынче не в цене, и бравые норманы-агитаторы оставили от его выступления рожки да ножки — маленький кусочек, который, с их точки зрения, должен подстегнуть всеобщие страхи. Черт возьми! Это тот самый случай, когда часть правды хуже отъявленной лжи! — Он задумчиво покусывал губу, и вдруг на следующей странице его взгляд наткнулся на заголовок: «Враг общества номер один Вашингтон. Объявлен общегосударственный розыск. Разыскивается Джон Дж. Армстронг, тридцати четырех лет, нью-йоркский изобретатель-одиночка. Рост — шесть футов три дюйма; вес — двести тридцать фунтов. Вооружен. Армстронг подозревается в шпионаже в пользу иностранных государств, а также в ряде убийств и похищении. Как полагают, он скрывается в нью-йоркском метро». О Вомерсли ни слова.

Пожав плечами, Армстронг выключил телевизор.

— Похоже, они нашли «кадиллак».— Глаза у него покраснели, веки опухли, на щеках и подбородке появилась щетина.— Ложись, поспи часок-другой, Эд. Тебе нужно выспаться.

Дрейк повалился в кресло и уставился на него широко раскрытыми глазами: — Можно подумать, я сумею заснуть!

— Ты просто перенервничал. Как насчет пачки «Виталакса»?

— А, черт! — с яростью прошипел Дрейк.— Вот и я говорю, лучше уж сразу цианистый калий.

— Армстронг бросился в соседнее кресло, потер глаза и зевнул. Затем прислушался:

— Кто-то идет!

Услышав, что возле дома остановился автомобиль, Дрейк, словно сомнамбула, поднялся с кресла, но так и остался стоять, безвольно опустив руки и ожидая, кто же появится на пороге.

Посмотрев на него, Армстронг ухмыльнулся, отпер дверь и впустил Хансена. Детектива сопровождали трое крепких парней, позади шествовала Мириам. Армстронг представил их Дрейку.

— Нас уже поубавилось,— заявил Хансен.— Вчера вечером взяли Джека. Напился до чертиков.— Хансен презрительно фыркнул.— Значит, я в нем ошибался. Ладно, обойдемся. Но если бы у них хватило ума последить за его берлогой, они бы и меня прихватили. Вместо Джека — Мириам.

— Мириам — это просто замечательно! Мы на нее молиться будем, если она соорудит нам сэндвичи и кофе.— Армстронг показал девушке, где кухня, и сказал, обращаясь к Дрейку: — Наверное, надо накормить и нашего друга сенатора. А то еще загнется от истощения, бедняжка.

— Он уже кормленный. И весьма неплохо. Жрал, как свинья, в три горла. Видно, ночные переживания аппетит ему не перебили.

— Ага, значит, он созрел для очередной порции детектора.— Армстронг протопал наверх и вскоре вернулся, неся на руках связанного Вомерсли. Без особых церемоний он бросил сенатора в ближайшее кресло.

— Вы, подонки! — яростно и как-то торжественно провозгласил Вомерсли.— Не надейтесь, что это

сойдет вам с рук! — Он обвел взглядом каждого по очереди.— Я запомню вас! Я еще усажу вас на электрический стул! Хотя бы мне пришлось потратить на это всю жизнь!

— И как вы считаете, сколько вам еще осталось? — холодно осведомился Хансен.

— Помолчите. Не перекайтесь с ним.— Армстронг начал прилаживать контакты, но Вомерсли энергично затряс головой, изрыгая проклятия. Получив удар в челюсть, сенатор качнулся назад, и этой секунды Армстронгу хватило, чтобы закрепить контакты и включить аппарат. На лице Хансена мелькнуло удовлетворение.

— В последний раз!..— взвизгнул Вомерсли, но тут же злость на его лице растаяла, сменившись идиотским выражением.

— Домашний адрес Синглтона?

Покрутив головой, Вомерсли ответил, и Хансен записал адрес в свой блокнот.

— Но вы не знаете, где прячут Куина?

— Нет.

— А Синглтон знает?

— Да.

Почесав колючий подбородок, Армстронг осведомился:

— Вомерсли, известно ли вам, что кто-то строит еще два космических корабля?

— Да.

— Кто их строит?

— Мы.

— Вот черт! — воскликнул Дрейк.— Где?

— Йеллоунайф.

— Оба?

— Да.

— Йеллоунайф... Это в Канаде, в лесах...— Армстронг задумался.— Надо полагать, с канадским правительством согласовано?

— Да.

— В какой стадии строительство?

Вомерсли тупо моргал; казалось, ему ужасно трудно ворочать языком. Наконец послышалось:

— Девятнадцатый готов к испытательному полету, двадцатый закончат через несколько дней.

— И после испытаний они полетят на Марс?

— Да.

— М-да,— проговорил Армстронг.

— Они продвинулись дальше, чем я ожидал. Но ни тот, ни другой корабль Марса не достигнут, верно? — спросил он Вомерсли.

— Нет.

Подойдя к сенатору ближе, Армстронг строго спросил:

— Почему?

— Потому что топливная проволока, которая сматывается с катушек и подается в двигатели, неоднородна по составу.

— Кто поставил такое топливо?

— «Радиометалз Корпорейшн».

— Дочерняя фирма «Норман-клуба»?

— Нет.

Армстронг озадаченно потер лоб и заходил кругами по комнате. Аудитория молча следила за ним.

— Есть ли среди служащих «Радиометалз» члены «Норман-клуба»?

— Да.

— Инженеры?

— Да.

— Фамилии?

— Не знаю.

— Значит, они вносят изменения в структуру топливной проволоки, зная, что при определенных условиях это вызовет взрыв? И руководство корпорации об этом не знает?

— Да.

— Как рассчитано время взрывов? Они произойдут в начале, в середине или в конце пути?

— В конце,— промычал Вомерсли.

— То есть когда оба корабля окажутся в непосредственной близости от Марса?

— Да.

— Кое-кому следует свернуть за это жирную шею! — гневно воскликнул Дрейк.

— Успокойся.— Армстронг жестом призвал Эда к молчанию и спросил Вомерсли: — Значит, пилоты, не кандидаты «Норман-клуба»?

— Нет.

— Вам известно, что они погибнут вместе с кораблями?

— Да.

Молниеносно развернувшись, Армстронг успел перехватить Дрейка и оттолкнуть его от сенатора. Потом он снова спросил Вомерсли:

— Зачем вы толкаете мир к войне, если вы спокойно можете взрывать космические корабли?

— Психокарты показывают, что, если не будет войны, эту планету ожидает космический бум.

— И что?

— Мы можем справиться одновременно с двумя кораблями, быть может, с четырьмя, но не с десятью. Только глобальная война способна изменить современную психокартину.

С отвращением фыркнув, Армстронг сменил тему:

— Я рассказывал вам историю о чертежах космического корабля, предложенных марсианским ссыльным. Вы в нее поверили. Знаете ли вы, где находятся такие люди?

— Нет.

— Почему?

— После прибытия они сразу же скрываются. Мы не успеваем их выследить. Они хоть и безумны, но они — марсиане и очень осторожны.

— Вы их боитесь?

— Они считают нас своими врагами.

— Их много?

— Нет. Очень мало.

— Что вы знаете об оружии, похожем по форме на фонарь?

— Это вибрационный коагулятор.

— У «Норман-клуба» есть такие?

— Нет. Мы не знаем, как их изготовить. Кроме того, нам запретили ими пользоваться.

— Запрещены? — Армстронг поднял брови.— Кем?

— Норманами с Марса, которые находятся с нами в контакте.

— На этой планете?

— Да.

— Приехали! — Армстронг растерянно огляделся по сторонам.— Еще одна банда, теперь уже марсианских норманов.— Он снова повернулся к Вомерсли: — Их много?

— Очень мало.

— Сколько?

— Не знаю.

— Они ваши союзники?

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Они только советники. В акциях они не участвуют.

— Назовите одного их них,— с вызовом произнес Армстронг.

— Горовиц.

— Вы утверждаете, что он — уроженец Марса?

— Да.

— Откуда вам это известно?

— Это выяснилось, когда мы впервые предложили ему присоединиться к нам. Именно он сделал психотрон и обучил нескольких членов клуба работать на нем.

— Тоже мне доказательство! — усмехнулся Армстронг остальным.— Наверное, заманили старика какой-нибудь мишурой, а тот, недолго думая, съел их с потрохами. Он известный физик, и ума у него побольше, чем у всех норманов, вместе взятых. Кто

же отказывается от такого шанса?! Если нужно называться марсианином — пожалуйста. Только платите. Он сделал их, как последних простаков.

— По-моему, это невероятно,— вставил Дрейк.

— Не больше, чем все остальное в этом сумасшедшем деле. Из больших клопов сосут кровь другие, поменьше. Так было всегда. Кроме того, Горовиц-отличная реклама всему движению. Особенно для новообращенных. Религии необходим святой, лучше два, чтобы поддерживать веру. Конечно, Линдл слишком циничен, чтобы принимать энтузиазм Горовица за чистую монету, но и ему это, в конце концов, выгодно.— Армстронг нахмурился.— Мне кажется, что Горовиц меньше всего причастен к этой каше. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Надежда умирает последней,— процитировал Дрейк похоронным голосом.— Нам дышат в спину и свистят в уши. Если ты выберешься из этого лабиринта, парень, считай, тебе крупно повезло!

Хансен посмотрел на него строгим взглядом:

— Боитесь?

— Ради Бога, хватит пререкаться! — Армстронг сердито взглянул на обоих.— Мы свободны, никто нас пока еще не свел с ума, никто не арестовал, не надел наручников... Надеюсь, никто и не наденет!

— Ты замечательно самоуверен,— сказал Дрейк,— и я очень хотел бы разделить это чувство с тобой. Но я не привык ощущать себя дичью, за которой гонится целая свора охотников. И как вы собираетесь с ними управиться, я постичь не могу.— Он наградил Вомерсли злобным взглядом и добавил: — Но я хочу, чтобы вы поняли — я на вашей стороне не потому, что мне некуда деваться, а потому, что хочу увидеть, как подохнет эта крыса.

— Похвальное стремление,— одобрил Хансен.

Все еще хмурясь, Армстронг спросил Вомерсли:

— Если нормальные марсиане потребуют прекратить деятельность «Норман-клуба» или же вообще распустить его, будет ли это сделано?

— Да.

— Почему?

— Мы верны им. Они выше нас.

— Но они не отдадут такой приказ?

— Нет.

— Они же миссионеры! — строго заметил Армстронг.— Если верить Линдлу, они суют свой нос в дела этого мира постоянно. Почему же они отказываются вмешиваться сейчас?

— Потому что сейчас... другое... Перекресток всех судеб... и они чувствуют... они чувствуют...— Вомерсли закашлялся, что-то невнятно пробормотал и с трудом добавил: — ...что сейчас тот момент, когда земляне — и нормальные, и ненормальные — должны... сами позаботиться о своем спасении...— Он снова закашлялся и обмяк в кресле.

— Хватит с него.— Армстронг выключил аппарат и сорвал контакты со склонившейся головы сенатора.— Оттащите его наверх и бросьте на кровать. Он теперь проспит часа три, не меньше.

Пока Дрейк и двое людей Хансена тащили безвольное тело сенатора, Армстронг неутомимо мерил шагами комнату, словно медведь в клетке. Дождавшись их возвращения, он заговорил:

— Давайте посмотрим на ситуацию иначе. Нас ищут. Нас разыскивают всех — причем тех, кого не включили в список сегодня, обязательно включат завтра — либо как сообщников, либо как соучастников. Формальные обвинения не имеют значения — нам постараются пришить все, что только сумеют найти. Полиция, ФБР, «Норман-клуб», марсиане-гуманы, ЦРУ и, наверное, даже контрразведка ВМС дорого заплатили бы за наши скальпы.— Он внимательно оглядел каждого по очереди.— Я хочу сказать, что каких бы еще шалостей мы ни натворили, крепче, чем сейчас, мы уже не увязнем.

— За похищение людей полагается смертная казнь,— заметил Дрейк.— Честно говоря, я не представляю ничего более крепкого, чем девять футов веревки.

Не обратив внимания на его слова, Армстронг продолжал:

— Нам понадобятся все силы, на которые мы можем рассчитывать,— а у нас их чертовски мало! Кроме присутствующих я могу доверять только четверым, а именно: генералу Грегори, Биллу Нортону, Клэр Мэндл и Джорджу Куину. Попытка связаться с генералом не принесет особой пользы, так как я сообщу ему немногое сверх того, что ему уже известно. Тем более что при такой попытке риск попасться чрезвычайно велик. Что касается Клэр Мэндл, то она вне досягаемости. Я о ней не беспокоюсь, поскольку она исчезла по собственной воле. От Билла Нортона проку мало. Сам того не желая, он может причинить нам вред; он человек эмоциональный, а мы сейчас не можем позволить себе отвлекаться на мелочи. Остается Куин.

— И мы знаем, где он,— блестя глазами, вставил Хансен.

— И мы знаем, где он,— кивнул Армстронг.— Вот почему я считаю, что следующим нашим шагом должно быть освобождение Куина.— Он помолчал и спросил: — Есть другие предложения?

Прежде чем ответить, Дрейк задумчиво поскреб подбородок.

— Нет, я не против! Мне просто интересно — что есть у Куина такое, чего нет ни у кого из нас? Нас тут семеро, считая Мириам. Семь крыс в лабиринте! Что изменится, если нас станет восемь?

— Мы станем на одного человека сильнее.

— Верно. Но что нам это даст? Ты начал с того, что поднял шум всего лишь вокруг взрывов космических кораблей! Теперь ты вынужден сражаться с

целым дьявольским войском, чтобы предотвратить мировую войну. Но вспомни свои собственные слова: пусть наша страна миролюбива, пусть она руководствуется чувством справедливости и прочими высокими идеалами, беда в том, что бойню может начать любая нация. И если каким-то чудесным образом мы сокрушим «Норман-клуб» в своей стране, они запросто устроят мировой пожар, поднеся спичку где-нибудь еще-там, где мы не сумеем их достать,— в Португалии или, например, в Перу. Заколыхаются флаги, забьют барабаны; разумных людей, которые хотят жить, предадут анафеме как трусов и предателей, а безумцев, жаждущих умереть, объявят героями из героев. С этим не справиться не то что семи человекам — семи миллионам! И я не знаю, черт возьми, лучше ли станет, если нас окажется восемь!

Хансен наклонился вперед и мягко спросил:

— Значит, вы хотите, чтобы Куина поджарили в собственном соку?

— Что за чепуха! — вспыхнул Дрейк.— Я руками и ногами за то, чтобы вытащить Куина. Он — пилот космического корабля, и хотел бы я посмотреть, как он разделается с этими дерьмовыми небожителями. У меня тоже есть на это свои причины, но я уступаю очередь Джорджу, потому что он космонавт! — Его обеспокоенный взгляд перешел с Хансена на Армстронга.— Я хочу только сказать, что не вижу никакого выхода из грязи, в которую мы вляпались. Это как зыбучий песок. Мы будем бороться и одновременно погружаться, погружаться и погружаться, пока не пустим последний пузырь. И чем отчаяннее мы боремся, тем быстрее погружаемся. Именно так я представляю наше положение. Может, вам оно кажется иным? Может быть, вы видите то, чего не вижу я? Если так, я хотел бы об этом знать. Тогда я понимал бы, куда мы идем, и мне стало бы гораздо легче на душе.

— Считай, что так оно и есть,— сказал Армстронг.— Наш дражайший друг Вомерсли был так любезен, что показал нам выход.

— А? — У Дрейка отвисла челюсть.

— Так ведь он же сказал: «Мы у последней черты»! Они у «последней черты»; не мы, а они. И мы поможем им перешагнуть эту черту. Пусть только нам повезет!

— М-да.— Дрейк выглядел озадаченным.— М-да.— Он неопределенно повел рукой перед лицом.— Наверное, это от недосыпа. Либо я слишком туп.— Он посмотрел на Хансена: — Вы что-нибудь поняли?

— Нет,— безразлично ответил детектив.— Хотя мне, собственно, все равно. Мне важно, чтобы брякало в кармане.

— Джордж Куин знает то, чего не знаем мы,— объяснил Армстронг.— Он знает, когда, где и как нанести удар.— Он повернулся к Дрейку, и тот в ответ на его взгляд закатил глаза.

— Не обращай на меня внимания. Я сейчас даже не в состоянии понимать английский язык.

— Ладно. Значит, решено — мы выручаем Куина. Остаются еще две проблемы. Первая — берем ли мы с собой Мириам?

— Попробуйте только не взять! — крикнула Мириам из кухни. Она указала кофейником на Хансена: — Он — мое единственное алиби! Я от него не отстану.

— Ответ ясен.— Армстронг ухмыльнулся.— Берем мы Вомерсли или оставляем здесь под охраной?

— Он для нас — все равно что золотой запас,— сказал Хансен.— Я не люблю расставаться с золотом. Кроме того, предоставив Вомерсли охрану, мы уменьшим нашу численность.

— Я бы вообще не спускал с него глаз,— посоветовал Дрейк.— У меня на душе неспокойно, когда я его не вижу. Я не доверяю ему, даже когда он там, наверху, без сознания.

— Ясно. Берем с собой.— Армстронг посмотрел на часы.— Мы уже потеряли массу времени... Сейчас у нас две машины, Хансена и Дрейка. Дорога впереди длинная, долго собираться некогда.— Он указал на аппарат на полу: — Эту штуковину тоже надо прихватить. Она пригодится, если какая-нибудь канарейка откажется щебетать,

— Канзас-Сити, скоро увидимся! — Хансен встал, и вместе с ним поднялись трое его людей.— Конечно, если нас не укокошат по дороге.

Глава пятнадцатая

Дом Синглтона оказался ничем и никем не защищенным — будто у хозяина не имелось врагов! Забавный контраст с цитаделью Вомерсли! Очевидно, руководителю здешнего «Норман-клуба» не было нужды хитрить так, как его коллегам на далеком Восточном побережье страны,— он возглавлял менее активный и не так глубоко погрязший в грязных делах филиал.

Они увидели старый, колоритный особняк, от которого веяло солидностью и респектабельностью, столь любимой банкирами и консервативными бизнесменами. Армстронг почувствовал облегчение.

Сидя в первом автомобиле, позади Хансена, который лениво развалился на водительском месте, он сказал:

— Этот болван Вомерсли говорил, что Синглтон знает его в лицо. Сейчас Синглтон дома. Если уж мы поймали фортуну за хвост, надо ее не отпускать. Я предлагаю использовать Вомерсли как фасад и идти напролом. Что скажете?

— Одобряю.— Хансен обвел дом пристальным взглядом.— Я всегда выигрывал, когда действовал быстро. Если ты медлишь, то даешь думать противнику.

— О'кей. Скажу нашим.— Открыв дверцу, Армстронг выбрался из машины и внимательно оглядел улицу. Он почти не боялся, что его узнает какой-нибудь случайный прохожий, хотя все вчераш

ние газеты поместили его фотографию. Заголовок гласил: «Двести тысяч долларов за поимку преступника...»

Снимок был нечеткий; впрочем, даже если бы он оказался хорошим, Армстронг не особенно волновался бы, потому что большинство людей не помнят, что они читали за завтраком, не говоря уж о вчерашних газетах.

Гораздо большую опасность представляли профессионалы с острым взглядом и цепкой памятью; именно поэтому он так тщательно изучал обстановку.

Все было тихо. Быстро подойдя ко второй машине, Армстронг сказал водителю:

— Прямо к подъезду! Держитесь вплотную к нам.

Водитель — человек Хансена — кивнул, не переставая жевать резинку. Армстронг взглянул на Вомерсли, втиснутого на заднем сиденье между Дрейком и еще одним агентом Хансена. Вомерсли в ответ посмотрел на него, но ничего не сказал.

Он сел в машину, и Хансен лихо подрулил к парадному входу особняка. В зеркало заднего вида Армстронг видел второй автомобиль, не отстававший ни на дюйм. Возле дома стояли еще две машины, припаркованные ближе к воротам; людей в них не было.

Бок о бок с Хансеном Армстронг отчеканил десять широких шагов до входной двери и позвонил. Остальные следовали за ними. Дверь отворила бойкая горничная.

Улыбнувшись, Армстронг приподнял шляпу и любезным тоном произнес:

— Сенатор Вомерсли с друзьями. Мы хотели бы немедленно встретиться с мистером Синглтоном. Передайте ему, пожалуйста, что причина нашего визита очень важная.

Девушка улыбнулась в ответ, оглядела всю компанию и, видимо ничего не заподозрив, проворковала:

— Пожалуйста, подождите.— Затем она повернулась, взметнув плиссированной юбкой, отчего брови Хансена приподнялись на целый дюйм. Вскоре она возвратилась.— Мистер Синглтон примет вас.

Шагнув в сторону, Армстронг отдал ей шляпу. Другая его рука оставалась в кармане плаща, пальцы сжимали рукоятку тридцать восьмого кольта. Так же в дом вошел Хансен — шляпа в одной руке, оружие — в другой. Его три сотрудника последовали за шефом, замыкали группу злой и красный как рак Вомерсли, которого держала под руку Мириам, и Дрейк.

Приняв головные уборы, горничная провела гостей через просторный холл и открыла дверь в конце.

В комнате находились четверо, и Армстронг узнал троих, но на его лице не появилось ни проблеска удивления. Ближе всех сидел маленький сморщенный человечек, видимо сам Синглтон. Он как раз пытался подняться из глубокого кресла. Рядом с ним стоял Линдл. Перед пустым камином, держа руки за спиной и глядя сквозь толстые линзы очков, словно сова, расставил длинные ноги Горовиц. Четвертой была Клэр Мзндл, Одной рукой она опиралась о полированный стол,

Другую прижимала ко рту. Ее глаза эльфа казались огромными.

— О, Юстас! — пронзительно воскликнул Синглтон.— Вот так сюрприз! — Выбравшись наконец из кресла и излучая радушие, он двинулся к Вомерсли.— А я думал...

— Вы думали верно,— резко оборвал его Линдл. Он отступил на два шага и насупил брови.— Только не додумали до конца. И теперь пришла расплата.

— Как? — Синглтон замер на одной ноге и медленно опустил вторую на пол. Казалось, он движется будто в замедленном кино. Повернувшись, он взглянул на Линдла: — Что вы имеете з виду? Разве вы не видите, что Юстас...

— Заткнитесь и сядьте! — прорычал Линдл.— Не изображайте психопата Даниила в львином логове! — Его темные глаза не отрывались от Армстронга.— Ну хорошо, вы здесь. Что вам нужно?

Не обращая внимания ни на него, ни на Горовица с Клэр Мэндл, Армстронг подошел к Синглтону и громовым голосом рявкнул: — Джордж Куин!

Синглтон испуганно вздрогнул, и Армстронг, глядя в упор, добавил:

— И да помогут вам небеса, если он мертв!

Синглтон побледнел и отпрянул.

— Никому не шевелиться! — Армстронг прошел в середину комнаты. Краешком глаза он заметил, как Линдл снова уселся в кресло, скрестив ноги с демонстративным безразличием. Клэр все еще стояла у стола, глядя на Армстронга широко раскрытыми глазами. Горовиц не двинулся с места.

— Где Джордж Куин? — снова спросил Армстронг Синглтона.

Тот, казалось, оглох от испуга. Взгляд его блуждал по комнате; он поднял руки и снова уронил их.

Подойдя к ближайшему бра, Армстронг выкрутил лампу, посмотрел на нее и ввернул назад. Лицо его недовольно скривилось.

— В чем дело? — осведомился Хансен.

— Пятьдесят вольт. В этой норе, должно быть, автономный генератор. Наш перетряхиватель мозгов здесь бесполезен — ему требуется сто десять.

— Мы можем взять этого типа с собой. Это не единственный дом...— Хансен умолк, когда Дрейк тронул его за плечо.

— Постереги-ка этого фрукта.— Он кивнул в сторону Вомерсли и медленно двинулся к Синглтону. Дрейк был удивительно бледным, на лбу выступили капли пота.— А я пока разберусь с другим...— Он скрипнул зубами. Остальные, как зачарованные, смотрели на него. Подойдя прямо к Синглтону, Дрейк спокойно и четко сказал: — У меня свои счеты с этой падалью!

Снова взмахнув руками, Синглтон рухнул обратно в кресло. Дрейк навис над ним и с тем же ледяным спокойствием выговорил:

— Помнишь тот, последний, который взорвался на стапеле, еще до старта? Погибло шестьдесят человек, помнишь? Одного из них звали Тони Дрейк — это был мой брат! Он умер у меня на руках! — Дрейк повысил голос.— Это сделали по приказу — по твоему приказу, ты, вошь! — Он вынул руку из кармана, блеснул вороненый металл.— Вот тебе мой приказ! Даю тебе десять секунд! Говори, что ты сделал с Джорджем Куином! Выкладывай поживее, не то мозги твои разлетятся по комнате, и тогда ты поймешь, что я шутить не намерен!

Пистолет вдруг рявкнул, у всех заложило уши. Синглтон закричал. Поджав левую ногу, он силился дотянуться руками до ступии; лицо его казалось белее мела.

Армстронг с суровым видом шагнул вперед, и Дрейк наставил дуло прямо в искаженное лицо Синглтона:

— ...Пять, шесть, семь, восемь...

— Он в Кифере! Он там, в Кифере, клянусь! — взвизгнул Синглтон.

Дверь в комнату открылась, и в проеме показалось озабоченное лицо горничной. Никто не слышал, как она постучала. Один из парней Хансена, схватив за руку, втащил ее в комнату и прислонился к двери широкой спиной.

— Живой? — не отставал Дрейк. Его взгляд, сверлящий Синглтона, горел ненавистью.

— О, моя нога! — стонал Синглтои. Он обхватил ее руками. Из ботинка капала кровь, оставляя брызги на ковре.— О, моя нога!..

— Живой? — Дрейк покачал револьвером. Лицо его перекосилось.— Я тебя спрашиваю — живой?! — заорал он.— Я не такой, как ты, ясно? Я ненормальный! — Дрейк неестественно рассмеялся.— Я сумасшедший! И я могу сделать что угодно... что

угодно... особенно с тобой! — Наклонившись вперед, он рявкнул прямо в лицо Синглтону: — Жив Куин?

Синглтон всхлипнул, затем неистово завопил:

— Да, жив! Он в Кифере, клянусь! Живой! — Где это?

Холодным саркастическим тоном в разговор вмешался Линдл:

— Место, которое назвал этот хлюпик,— в получасе езды. Там есть телефон. Вы избавите себя от хлопот, не говоря уж о мелодраматических эффектах, если Синглтон позвонит туда и прикажет своим людям доставить Куина прямо сюда.

По какой-то необъяснимой причине это предложение взбесило Дрейка. Он перевел дикий взгляд на Линдла и наставил на него пистолет.

— Кто тебе разрешил открывать пасть? Я разговариваю с этим трусливым ублюдком, а ты...

— Полегче, Эд! — Армстронг быстрым движением завладел пистолетом Дрейка.— Остынь, ладно? Остынь!

— Но!..— крикнул Дрейк.

— Спокойнее! — Армстронг крепко сжал его руку и посмотрел в глаза.— Прежде всего Куин. Нам нужен Куин, разве не так? Сначала дело, потом удовольствия.

Медленно-медленно Дрейк сбавил обороты. Наконец он произнес:

— Конечно! Пусть эта гнида звонит в Кифер. Для тамошних горилл это будет сигналом сбросить Куина в реку, прежде чем отправиться сюда, за нами.

— Мы рискнем.— Армстронг внимательно рассматривал стонущего Синглтона.— И мне кажется, что рисковать мы будем немногим — этот тип не станет сам подписывать свой смертный приговор.— Обратившись к Синглтону, он сказал: — Вот телефон. Скажите им, что Куин нужен вам немедленно.

— Моя нога...— хныкал Синглтон. Он снял ботинок, открыв пропитанный кровью носок.— Сначала перевяжите меня. Я умру от потери крови...

— От потери крови! — Заметив испуганное выражение на лице Синглтона, Армстронг мрачно усмехнулся.— Миллионы людей умрут от потери крови, если дать волю вам и вашей банде. Вас это, конечно, меньше всего заботит, но уж не обессудьте, мы заплатим той же монетой! — Он сунул телефон Синглтону в руки: — Вперед. Говорите все, что хотите. Если вам не терпится на тот свет, можете даже позвать на помощь.

— Джон? — Клэр Мэндл сделала шаг вперед. Казалось, она вот-вот разрыдается.

Армстронг не обратил на нее внимания.

— Ну! — подстегнул он Синглтона. Клэр отступила и села в кресло. Нижняя губа ее подрагивала.

Синглтон, взяв трубку, сумел унять дрожь в голосе и произнес с вполне приемлемой властностью:

— Доставьте сюда Куина. Да, немедленно! — Положив трубку, он начал снимать носок.

Армстронг отправил за бинтами горничную в сопровождении одного из людей Хансена. Когда они вернулись, он присел на подлокотник кресла и стал смотреть, как девушка перевязывает Синглтона.

— Вы неизлечимо сентиментальны.— Линдл посмотрел на Армстронга.— Насколько мне известно, вы первый аттестованный норман, который, как оказалось, слишком ленив духовно, чтобы совладать со своими эмоциями. И посмотрите, к чему это привело.— Он язвительно усмехнулся.— Две сотни тысяч за живого или мертвого — награда хоть куда! — Линдл с притворной скорбью покачал головой.— Помните, что я вам сказал однажды? Если хотите, можете ответить мне сейчас. Как вам нравится этот сумасшедший дом?

Армстронг глядел на него как сфинкс. Линдл продолжал:

— Очень скоро мир этот станет еще хуже, вот увидите... Между прочим, весьма странно, что вы, совершенно нормальный индивид, встали на сторону психопатов. Никак я не могу найти этому объяснение. Мне кажется, что либо психотрон поставил вам неверный диагноз — хотя наш друг Горовиц, эксперт по психотрону, самым решительным образом это отвергает,— либо нам так и не удалось убедить вас, несмотря на очевиднейшие факты. Лично я склоняюсь ко второму. Вы — норман, но неисправимый скептик. К несчастью, с тех пор как мы с вами расстались, вы так и не сумели правильно оценить, против какой силы выступаете. Вы не верите даже своим собственным глазам! — Линдл выпрямился в кресле.— Поверьте же им хоть один раз! И позвольте напомнить вам, что раскаяться никогда не поздно.

Лицо Армстронга оставалось непроницаемым.— Сила наша такова,— похвалялся Линдл, решив, видимо, с пользой провести время ожидания,— что стоит нам захотеть, и все обвинения против вас и ваших друзей будут сняты сегодня же. Завтра мы сделали бы вас национальными героями, а послезавтра — богатыми людьми.

— Что вы называете богатством? — неожиданно поинтересовался Хансен.

Саркастический взгляд Линдла переместился на него.— Мы не из жадных. Миллион каждому.

— Мало.— Хансен махнул в сторону бесстрастного Армстронга.— Этот тип обещал мне полтора. И врать он горазд куда больше вас!

Мириам хихикнула. Линдл принял сердитый вид. Армстронг промолчал.

Угрюмый и молчаливый Вомерсли неожиданно очнулся и прорычал Линдлу:

— Напрасно стараетесь! Они все совершенно ненормальные, что бы там ни утверждал ваш психотрон.— Он пыхтел, как большая рассерженная лягушка.— Отстаньте от них. Пусть будет что будет.

Клэр Мэндл снова встала и нерешительно заговорила:

— Джон, я пыталась помочь. Поверьте, я...

— Молчите, Клэр! — властно и сурово оборвал ее Горовиц.— Я уже говорил вам, что помощь и вмешательство в чужие дела — абсолютно разные вещи. Первое разрешено, второе — нет. Категорически нет! — Он подождал ответной реакции, но Клэр молчала. Армстронг сидел, как огромный неуклюжий медведь, и твердым холодным взглядом смотрел на Линдла. Горовиц, в свою очередь, наблюдал за Армстронгом, словно тот был редкой бабочкой, пришпиленной к доске.

— Этот человек,— сказал Горовиц, тщательно выговаривая слова,— хорошо знает, что он хочет сделать, и он намерен посмотреть, можно ли это сделать вообще. Если он потерпит неудачу, это — судьба. Если ему повезет — это тоже судьба.— Горовиц пожал покатыми плечами.— И добавить тут нечего!

— Вы что, тоже спятили? — осведомился Линдл, в его глазах загорелись красные огоньки.

— Как вы смеете говорить такое мне? — Горовиц задал вопрос холодно и равнодушно, но эффект получился потрясающий.

Огоньки в глазах Линдла потухли, и он заметно съежился в кресле. Облизав губы, он произнес:

— Прошу прощения. Не нам ставить под сомнение ваши идеи.

В холле громко зазвонил колокольчик. Горничная бросила испуганный взгляд на Синглтона, который моментально переадресовал его Армстронгу. Последний кивнул Хансену:

— Прихватите своих парней.

Хансен в сопровождении двух человек направился к выходу. Линдл, напустив на себя смиренный вид, откинулся на спинку кресла. Глаза его были устремлены в потолок, казалось, он чрезвычайно озабочен чем-то, весьма далеким от происходяще-

го. Он качнулся, оторвав от пола передние ножки кресла, а затем стал отклонять кресло все дальше и дальше.

Прежде чем кресло сенатора коснулось вделанной в стену кнопки, Армстронг хладнокровно ударил Линдла по затылку. Тело дернулось два раза и сползло на пол. Мириам как-то странно взвизгнула, Клэр спрятала лицо в ладони.

В следующую секунду, показавшуюся вечностью, Армстронг успел перехватить быстрый взгляд Горовица, с угрожающим видом снявшего очки. Но сделать он ничего не успел. Синглтон, только что скуливший от безумного страха, вдруг поднялся во весь свой невеликий рост, в руке у него был револьвер, прежде спрятанный под подушкой кресла. Дрейк бросился на него безоружный.

В холле послышался шум, прогремели два выстрела, громко вскрикнула Мириам, заглушив быстрый топот ног. Армстронг прицелился было в Синглтона, но Дрейк заслонял цель. Опустив револьвер, Армстронг вскочил с подлокотника кресла, резко развернулся на одной ноге, выдернул Вомерсли из объятий одного из агентов Хансена и с размаху стукнул его рукояткой по голове. Вомерсли вскрикнул и мешком свалился на пол.

В холле снова раздался выстрел, за ним еще два. Мириам, открыв рот, начала выделывать какие-то безумные па. Еще один выстрел прогремел уже в комнате, и Дрейк рухнул рядом с креслом Синглтона. Тот отпихнул тело, вскочил на здоровую ногу и, истерично визжа, трясущейся рукой направил револьвер на Армстронга. На секунду Синглтон отвлекся, скосив глаза в сторону одного из агентов Хансена, и это промедление оказалось для него роковым.

Раненый Дрейк толкнул его под колено, опрокинул на пол и вырвал оружие. Прогремел еще один выстрел, и Синглтон вскрикнул, как попавший в капкан зверь. Он судорожно сложился пополам,

вытянулся, сложился и снова вытянулся, корчась и извиваясь, прижимая руки к животу.

Лежа на ковре, Дрейк выплюнул сгусток крови и слабым, угасающим голосом выговорил:

— Этот закон... слишком хорош для всяких... проклятых марсиан... око за око...— Он с усилием поднял револьвер и послал пулю позади правого уха Синглтона.— Стоящее дело,— прохрипел он,— стоит делать как следует.— Что-то булькнуло у него в горле. Пальцы, сжимавшие револьвер, разжались, голова откинулась на согнутую левую руку, и он перестал дышать.

Армстронг огляделся. Горовиц по-прежнему стоял у камина, не переменив позы, и выражение его лица было все таким же бесстрастным. Клэр сжалась в кресле, уткнувшись лицом в ладони. Мириам, как в столбняке, застыла у двери, а Хансеновский агент с мрачным видом созерцал трупы — Дрейка, Синглтона и Линдла.

В дверях появился Хансен. Он подталкивал перед собой горничную, а за ним вошли Джордж Куин и один из агентов.

— Мы потеряли одного из ребят,— сказал Хансен.— Зато ухлопали двоих.— Его темные ястребиные глаза изучали перепуганную служанку.— Едва они вошли, она каким-то образом подала им сигнал. Конечно, те сразу схватились за пушки. И пока мы выясняли отношения, это милое создание попыталось удрать. Если бы ей это удалось, сюда слетелся бы весь город. Куин еле успел ее поймать.

— Отлично сработано, Джордж,— одобрил Армстронг.

— Не говори «гоп»,— заметил Куин.— Через двадцать минут они будут звонить, дабы удостовериться, что все в порядке.— Он повернул озабоченное лицо к Армстронгу: — Я знаю, ребята, что вы затеяли все это ради меня, но...

— Некогда болтать.— Армстронг нетерпеливо взмахнул рукой и обнаружил, что все еще сжимает

револьвер. Он сунул оружие обратно в карман.— Нужно сматываться. Быстро. Мертвых оставим, а остальных заберем.

— Всех? — Хансен пересчитал оставшихся: Горовиц, горничная, Клэр Мэндл, едва живой Вомерсли, шевелившийся на ковре.— Четверо лишних!

— Мы не можем оставить здесь никого — погоня начнется сразу же. Мертвые не болтают — пусть живые поломают голову о том, что тут произошло. Это хоть немного их задержит, у нас сейчас каждая минута на счету. Решено — забираем все машины и всех живых.— Он взглянул на Горовица: — Вы первый — марш! Клэр отняла руки от лица и проговорила: — Джон, я понимаю, что вам нужен Куин, но зачем вам нужен этот человек? Я не...

— Потом,— мягко сказал Армстронг,— потом. Не сейчас.— Он подтолкнул Горовица.. Ученый покорно двинулся к выходу. Как ни странно, Армстронг больше не испытывал к нему ненависти. Как будто умирающий Дрейк последним выстрелом отомстил за них обоих... И сейчас Армстронг ощущал только холод — холод смерти многих и многих миллионов мертвецов, которые скоро покроют Землю ковром — если он не сумеет предотвратить всемирную бойню. И наверное, именно этот холод заставил Горовица повиноваться без уверток и колебаний, когда Армстронг коротко скомандовал ему:

— Марш!

Заперев дом, они погрузились в четыре машины и двинулись в путь. Автомобиль самого Горовица, длинный, плоский лимузин, шел первым; за рулем сидел Хансен. В машине был УКВ-приемник, но полицейские рации молчали даже час спустя, когда неторопливая с виду кавалькада свернула к аэропорту.

Очевидно, людям из Кифера пока не удалось выяснить, что произошло,— они работали очень осторожно, опасаясь, скорее всего, не Армстронга, а коварных марсианских гуманов с их страшными

коагуляторами. Впрочем, любая задержка противника играла на руку беглецам.

Зафрахтовать двенадцатиместный самолет оказалось до смешного просто. Столкнувшись с неожиданным желанием взять напрокат такую большую машину, да еще без пилота, начальник смены аэропорта заколебался. Дрогнул он при виде пачки банкнот и четырех автомобилей, оставляемых в залог. Довершил дело пилотский сертификат Куина — чиновник с благоговением прочел вслух заключительные слова: «...включая жидкотопливные и твердотопливные ракеты экспериментальных моделей».

— Впервые вижу сертификат, в котором указаны ракеты,— сказал он, поднимая глаза.— Протянув бумагу Куину, словно то был оригинал Великой хартии вольностей, он без дальнейших вопросов выписал документы. Тогда стало ясно, что ни о каком розыске опасных преступников он и не помышляет.

Один за другим они забрались в самолет — его моторы уже работали на малых оборотах. Зеваки, которые есть на любом аэродроме, следили за ними с интересом, но без малейших подозрений.

Джордж показал класс, моментально набрав высоту пять тысяч футов и взяв курс строго на юг. В журнале фрахта они указали место назначения — Даллас, штат Техас. Медленно, но неуклонно Куин увеличивал скорость. Остальные хранили молчание.

Втиснувшись в кресло второго пилота, Армстронг спросил:

— Когда мы сможем развернуться, Джордж? Нам надо совсем в другую сторону. И хорошо бы нас при этом не засекли.

Сузив глаза и бросив взгляд на приборы, Куин на миг задумался.

— У них есть радар на башне. Может, он используется только при плохой видимости или ночью, а может, и постоянно. Не знаю. Если играть наверняка, то нужно спуститься ниже диаграммы

антенны и там уже крутануться. Хотя, если нас ищут, с земли нас засекут где угодно.

— Нас еще не ищут.— Армстронг поиграл ручкой настройки приемника.— Не знаю почему. Наверное, Синглтонова шайка, не столь сильна, как те, что на Востоке.— Он задумчиво поскреб подбородок. На нем снова отросла щетина.— Что стряслось с Фазергилом?

— Я не знаю всего, но думаю, ты оказался прав — он кое-что знал. То ли он об этом сболтнул, то ли еще только собирался, но однажды я услышал спор в его кабинете, а потом выстрел. Я сдуру вломился туда и застал Мюллера с пистолетом в руке. Фазергил был уже мертв. На меня этот Мюллер посмотрел как на шкаф, даже не потрудился поднять пистолет. Прежде чем я успел сообразить, что к чему, и открыть рот, сзади послышались шаги и кто-то огрел меня по черепу.

— Чертовски повезло!

— Очнулся я в машине, которая в конце концов приехала в Кифер, и с тех пор под охраной сидел там. Они разрешили мне слушать новости, так что вскоре я узнал, что убийство навесили на меня и полиция сбилась с ног. Тебя при этом разыскивали чуть ли не за массовую резню.— Куин скосил на Армстронга глаза.— Когда позвонил Синглтон, я решил, что вот оно, пришло мое время. И меня просто потрясло, когда твои ребята, про которых я подумал, что это его люди, поснимали мою охрану.

— Наверное, твои охранники были потрясены еще больше,— предположил Армстронг. Он широко улыбнулся.— Я тут кое-что понял — то, что более искушенные люди знали давно: нападающий всегда имеет преимущество. Старый партизанский метод — ударить и спрятаться. Именно он выручал нас до сих пор.— Армстронг проследил, как качнулась земля, когда самолет нырнул з воздушную яму.— Поворачивай на север, Джордж, когда сочтешь, что это безопасно. Мы летим в Иеллоунайф.

— Иеллоунайф? — Куин был заинтригован.— Какого черта мы там забыли?

— Мат в один ход,— сказал Армстронг.— Если наше дьявольское счастье от нас не отвернется!

Поднявшись со своего места, Армстронг подсел к Клэр Мэндл.

— Мы высадим вас где-нибудь по пути.

— Почему?!

— Мы скрываемся от правосудия,— подчеркнул он.— У вас будут неприятности, если выяснится, что вы присоединились к нам добровольно.

— Но, Джон, это же не может продолжаться вечно! Не собираетесь же вы провести оставшуюся часть жизни в бегах, словно последний вор? Почему бы вам...

— Почему бы мне не сдаться властям и не позволить волкам себя съесть? — закончил он за нее.

— Невиновных не наказывают,— возразила она.

Армстронг спокойно посмотрел на нее, зная, что она сама не верит в свои слова. Затем он произнес:

— Мы высадим вас поближе к какому-нибудь городу. Если вы захотите нам помочь, вы это сделаете, но никому ничего о нас не скажете, по крайней мере несколько дней. Договорились?

Клэр слегка покраснела, и Армстронг видел, что ей ужасно хочется возразить. Но она только прошептала после небольшой паузы:

— Мы можем больше никогда не увидеться!

— Как корабли, разминувшиеся в ночи,— согласился Армстронг. Он внимательно посмотрел на нее. Глаза Клэр были влажны. Мягко сжав ее руку, Армстронг добавил: — Но мы можем встретиться снова, когда взойдет солнце,— конечно, если сумеем разбудить это старое светило. Но мы очень постараемся, это уж точно. Мы заставим его взойти!

— Это очень трудно сделать, Джон.— Голос ее был низкий, приглушенный.— Вы пытаетесь одолеть силу, неизмеримо превосходящую ваши воз-

можности. Я это знаю — я пыталась помочь вам и убедилась, что все впустую...

— Расскажите,— попросил он. Некоторое время Клэр сидела, поигрывая маленьким платочком. Наконец она сказала:

— Я сопоставила все то, что вы мне рассказывали, и у меня получилась некая картинка. Когда я прочла об исчезновении Джорджа Куина, я пришла к выводу, что это для вас будет самым сильным ударом. Я уже догадалась, что он вам нужен, просто необходим...

— Знаете зачем?

— Кажется, да.

— Рассказывайте дальше.

— Я поняла, что все нити ведут в «Норман-клуб». Помните, я говорила вам, что в свое время они официально предлагали работу Бобу? И я подумала, что если их интересовал Боб, то в какой-то степени их может заинтересовать его сестра. Ведь когда люди устанавливают приятельские отношения, они становятся разговорчивее...— Армстронг понимающе кивнул, и она продолжила: — Мне казалось, что я сумею втереться к ним в доверие и выяснить, причастны ли они к исчезновению Куина и если да, то что они с ним сделали.

Когда-то меня расспрашивал о вас некий Карсон, он представился референтом сенатора Линдла. К нему, к Линдлу, я и пошла.

— Продолжайте,— подбодрил Армстронг.

— Линдла не было. Карсон послал меня к Горовицу. Тот сказал, что Линдл уехал в Канзас-Сити, и устроил мне допрос с пристрастием — в основном о работах Боба и о ваших делах, но я притворилась, что почти ничего не знаю. По-моему, он мне не поверил.

— Он не поверил бы, даже если бы вы открыли ему чистую правду,— сказал Армстронг.— А все потому, что он сам завзятый враль.

Клэр улыбнулась:

— Он уверял меня, что он марсианин и весь наш мир у него в кармане.

— Вот в это, боюсь, он верит и сам — слишком часто он рассказывал эту историю...

— У него ко мне было какое-то странное отношение, я даже не знаю, как это назвать. Какая-то отстраненная теплота... Он понимал, что я могу быть очень полезной для него — то ли как союзник, то ли как заложник, либо как и то и другое вместе. Он не хотел выпускать меня из рук, но в то же время не хотел удерживать насильно. Наверное, он подозревал, что я могу оказаться приманкой ФБР. Он нашел выход, предложив сопровождать его в Канзас-Сити, к Линдлу. Я согласилась.

— Отличный пример, как ангелы бросаются очертя голову туда, куда люди боятся ступить,— заметил Армстронг.— Придется вам на время оставить эти методы...

— Что это вы раскомандовались? — парировала она и, прежде чем продолжить, бросила на Армстронга косой взгляд миндалевидных глаз.— Так вот, я использовала все уловки, которые знала, чтобы Горовиц не закрывал рта всю дорогу. Но теперь я могу сказать, что никогда не встречала человека, который бы умел так хвастаться, фактически ничего не выбалтывая. Об истинном смысле его слов мне оставалось только строить догадки.

— И эти ваши догадки ничего хорошего мне не сулят, верно?

Она снова улыбнулась:

— Горовиц — очень умный человек, который не упустит свой шанс, когда представится возможность. Если хотите, он — еще один Гитлер, только более искусный в плетении паутины.

— Моя оценка такая же,— согласился Армстронг.— Но и у него есть враги — из тех, кто знает слишком много. Так оно всегда и бывает.

— Вы правы,— кивнула Клэр.— Только это не просто «пауки в банке». Все куда сложнее. «Нор-

ман-клуб» воюет против гуманов, против вас, против всего человечества... Все бьют соседа по руке, как на ирландской свадьбе.— Она задумалась.— В конце концов мы прибыли в Канзас-Сити, и тут же выяснилось, что я под арестом. И поделом. Но две вещи я узнала.

— Какие?

— Кларка Маршала тоже пропустили через психотрон, но признали ненормальным. Он много знал, и «Норман-клуб» охотился за ним, но так уж вышло, что всю работу выполнили их враги. Чистая случайность.— Она закрыла глаза, голос ее стал ниже.— А вот насчет Боба я не уверена. Мне кажется, Боб сотрудничал с ними и собирал информацию, чтобы потом передать все правительству. И они это обнаружили...

Армстронг тихонько сжал ее руку.

— Теперь наш черед! Осталось недолго ждать. Он встал и направился к Куину.— Как дела, Джордж?

— Северо-восток. Скоро пойдем прямо на север. В эфире пока тишина.— Куин щелкнул переключателем каналов.— Посмотрим, что делается на средних волнах. В кабине загремел голос диктора: — ...расценил обвинения в протаскивании военной диктатуры как пропагандистский трюк, который никого не сможет обмануть. Далее генерал Грегори заявил, что, как только что назначенный главнокомандующим объединенных сил обороны, он принимает на себя всю ответственность за приказы, исходящие из его штаба, и что вооруженные силы будут стоять на страже гражданского мира в стране, который необходимо сохранить любой ценой. Сейчас, заявил генерал, он видит свою задачу в том, чтобы гарантировать мировому сообществу, что если война и начнется, то первый выстрел сделают не Соединенные Штаты Америки. Вопрос о том, появятся ли в списке, который его просил подготовить Президент, имена сенато-

ров Линдла, Эмблтона и Вомерсли, генерал оставил без ответа...

Оторвав взгляд от приборов, Куин заметил, что глаза Армстронга горят счастливым огнем. Диктор закашлялся, извинился и продолжил:

— В полной мрачных намеков речи, произнесенной сегодня в Клермон-Ферране, французский министр обороны напомнил согражданам, что Франция уже дважды оказывалась не подготовленной к ведению боевых действий, однако третья мировая война при существующей ситуации в мире практически неизбежна... Он заявил, что на этот раз Франция намерена защитить себя любой ценой, и он готов со всей ответственностью предупредить вероятного противника, что в ее арсенале имеется оружие, более мощное, чем даже водородная бомба... Эксперты полагают, что таким оружием, вероятно, является бактериологическое, вызывающее эпидемию бубонной чумы...

Куин снова поднял голову. Армстронг хмурился.

— Все это чертовски неприятно, Джордж,— громко сказал он.— Слишком быстро подступают пески...— Он снова забрался на сиденье второго пилота и устало потер лоб.— Эта невидимая империя опутала весь земной шар. Она цинична, безжалостна, она самонадеянно считает, что будет существовать до тех пор, покуда в мире существует принцип «разделяй и властвуй», то есть фактически вечно... Но ведь должна же быть и у нее ахиллесова пята! — Армстронг яростно поскреб щетину на подбородке.— Должно быть слабое место! Любая империя рухнет, как карточный домик, стоит только правильно ударить в нужное место! Но если мы не сделаем этого с первого раза, тогда — спаси нас Господь. Потому что тогда единственным памятником человечеству станут чумные бациллы, да и то радиоактивные.

Самолет несколько раз тряхнуло, и Куин заработал рычагами.

— Четыре всадника,— продолжал Армстронг, обращаясь к самому себе,— они проедут сквозь страны, и будет там слышен плач, и прольются там слезы... И поднимутся тучи стрел, и затмят они белый свет, и день превратят они в ночь...— Его голос резал Куину уши.— И не найдем мы спасения в охоте за ведьмами, потому что ведьм этих слишком много по всему миру, они повсюду и прячутся...— Он наклонился к Куину:

— Но что, если все их колдовство внезапно отстанет во времени на десять тысяч лет?

— Что?! — вздрогнул пилот.

Глава шестнадцатая

Куин повернул штурвал, и самолет, накренившись, устремил нос точно на север. На высоте 12000 футов они перелетели Миссури и обе Дакоты. Судя по тишине в эфире, об убийстве Линдла и Синглтона еще не узнали или не поставили в известность полицию и прессу. Скорее всего, последнее, подумал Армстронг. Зная одержимость и дотошность своих врагов, он представил, как в этот самый момент они безуспешно пытаются идентифицировать Дрейка по своим спискам «ссыльных марсиан». Флаг им в руки! Чем дольше они будут лаять не под тем деревом, тем больше будет времени у беглецов — и они уж сумеют использовать каждый час и каждую минуту.

Самолет нырнул в яму, мир внизу накренился — расколотый, раздерганный на куски автократами, бюрократами, теократами, технократами и прочими политическими крысами. Мир, в котором нет места самому естественному праву человека — праву идти своим путем, не мешая другим.

В какой-то книге, которую он читал давным-давно, история цивилизации представлялась как последовательность болезненных состояний некоего организма. Путь общества к прогрессу есть самая настоящая борьба за выживание — с самим собой... Что это была за книга? Армстронгу пришлось напрячь память, прежде чем он вспомнил: «Прелюдия к здравомыслию» Грейнера. Что ж, если его

лекарство окажется действенным, человечество расцветет, как роза на солнце. Надолго ли?

Впрочем, сейчас надо было думать о другом. Потому что в уральских пусковых шахтах на ракеты уже установлены боеголовки, потому что пятьдесят тысяч кованых сапог уже промаршировали гусиным шагом по туринской Виа Милане, вскинув ладони в давно забытом passo romano, потому что в Лионе биостанция уже нацедила целое озеро чумного бульона, потому что пробный дождь из фосфорных пленок уже сжег пшеничное поле в Болгарии, потому что в Англии газеты уже старательно обливали грязью тех, кто посмел сказать, что путь к войне — это не путь к миру...

По радио, по телевидению, в газетах нарастал поток лжи, недомолвок и клеветы. Хор подозрений и ненависти медленно, но уверенно подбирался к кульминации, которой жаждал опытный дирижер. Метод был не нов — заставить толпу кричать в пользу Вараввы, а затем дать ей распять самое себя.

Мир катился в тартарары, но одинокий самолет над ним продолжал рассекать воздух.

В Лондоне два смуглокожих туриста осторожно распаковали чемоданы и спрятали в двадцати милях от города два небольших цилиндра с плутонием — по шестьдесят процентов от критической массы в каждом. В должное время их соединят вместе, но не сейчас, день еще не настал... В Балтиморе отряд агентов спецслужбы захватил контейнер с оксидом тория, застрелив его владельца и арестовав еще четырнадцать человек. В Германии, в Эссене, взорвалась емкость для хранения радиоактивных отходов, и восемьдесят рабочих сразу стали теми, по ком звонят колокола. Сотня других получила третью стадию лучевой болезни, которую торговцы смертью считали отличным допингом в гонке человечества к финалу. Но самолет продолжал лететь. Куин мастерски посадил машину на полосу рядом с городом Бисмарком, стараясь держаться вне

поля зрения диспетчерской вышки местного аэропорта. Один из хансеновских парней спустился по трапу, за ним вышла Клэр, потом Горовиц, который застыл на бетоне, озираясь по сторонам и часто моргая.

— Может, вы и марсианин, а может, и нет,— сказал ему Армстронг.— Может, я и сам — розовый жираф. Жизнь битком набита всякими «может быть».— Он мрачно усмехнулся, показав крупные белые зубы.— И одно из них ждет нас там, куда мы летим.

Горовиц ничего не ответил, только холодно посмотрел иа Армстронга через огромные очки.

— Не спускайте с него глаз минимум трое суток,— проинструктировал Армстронг агента.— Потом подбросьте его ФБР. Доставьте им такую радость. Но ни при каких обстоятельствах не упустите его. Если он сделает хотя бы шаг в сторону, сверните ему шею.

— Все это время он будет изо всех сил стараться выжить,— сурово пообещал агент.

— О, Джон! — Клэр тревожным взглядом посмотрела на Армстронга.— Джон, я...

— Мы обязательно увидимся снова,— с чувством произнес Армстронг, подавая ей конверт. Клэр положила письмо в карман.— Держитесь поближе к нашему парню и следите за его марсианским величеством. А как только он попадет куда следует, сразу удирайте под крыло к Грегори. И не волнуйтесь, с вами все будет в порядке. И с нами тоже.— Он смотрел на нее, словно фотографировал в памяти.— Счастливо, эльф!

Армстронг захлопнул люк, и Куин, подняв самолет в воздух, быстро набрал высоту. Сидя рядом с ним, Армстронг смотрел в иллюминатор, пока три фигуры внизу не превратились в крошечные точки.

— Этот очкастый фюрер такой же марсианин, как моя левая нога,— внезапно сказал он.— Как говорят ирландцы — если два человека считают себя нормальными, то один из них точно псих.

— Но он-то может доказать, что он нормальный...

— Ага, пока его не поймали за руку на вранье! — В этом что-то есть,— проговорил Куин.— Помнишь? «Чем неправдоподобнее ложь, тем легче в нее поверить...» Самые отъявленные лжецы умудрялись войти в историю, но делали они это, ступая по целым озерам крови. Этот очкарик опасен, Джон. Я это чую.

— Я тоже.— Армстронг тронул Куина за плечо и, осторожно ступая, пробрался к Хансену.— Пересекаем границу,— кивнул он в иллюминатор.— Еще одно преступление — нелегальное проникновение в другое государство. Хансен пренебрежительно фыркнул: — Да уж, по сравнению с предыдущими грехами этот страшней некуда! — Он внимательно посмотрел на Армстронга.— Почему вы избавились от вашей пассии?

— Я не хотел ею рисковать. У нас слишком азартная игра, и сейчас приближается самый ответственный момент — пан или пропал. Я дал ей письмо к Грегори, там описано все, что с нами произошло до сих пор и что мы собираемся делать дальше. Грегори примет меры со своей стороны.— Армстронг замолчал и о чем-то задумался.— Но самое главное, хотя она об этом не догадывается,— я вывел ее из игры прежде, чем наступит конец...

— Конец чего?

— Этой охоты.

— А! — произнес Хансен. Вид у него был озадаченный.

Куин подкрутил ручку настройки приемника, и по кабине разнесся трубный глас: «Крошка, танцуй веселей!» Поморщившись, пилот переключил диапазон.

«...Народы этих стран хотят войны не больше, чем хотим ее мы. Как и у нас, у них хватает своих проблем, и они хотят решать их сами, в мире и согласии со своими соседями по планете. И это естественно! Это естественное желание среднего человека, кото-

рый стремится, чтобы его оставили в покое. Но что происходит, когда людям не дают удовлетворять их естественные желания? Что происходит, когда людей вынуждают черпать информацию из мутной и отравленной реки? Когда их обманывают, рассказывая о чувствах и намерениях их ближайших соседей? Когда их заставляют жить в ложном и иллюзорном мире, который представляется им враждебным и смертельно опасным? В конце концов, доведенный до безумия человек берет в руки меч! Он готов убивать, защищая свой образ жизни, которому на самом деле никто не угрожал. И с тяжелым сердцем, но недрогнувшей рукой мы тоже вынуждены будем обнажить клинок, чтобы защитить то, что дорого нам. Альтернативы нет! Мы должны быть готовы сражаться — и умереть за свою свободу!»

Выключив радио, Куин обернулся и состроил Армстронгу гримасу. В свою очередь, Армстронг посмотрел на всклокоченного Вомерсли, сидящего через два ряда кресел.

— Вообще-то, диктор прав,— сказал он Хансену.— В этой стране люди более здраво мыслят, чем кое-где в Европе. Только это их не спасет, когда мир начнет сходить с ума...

— Честно говоря, лучше бы он уже сошел,— ответил Хансен.— Тогда все оказались бы слишком заняты, чтобы тратить время на мелочь вроде нас. У фараонов и ФБР нашлось бы занятие поважнее.

— Вы хотели сказать не это. Я знаю, о чем вы подумали. Пусть мир стоит на своем месте, только бы он забыл о маленьком Хансене...

— Верно,— кивнул Хансен.— Ничего нет хуже положения загнанной дичи.— Он немного помолчал.— Мы ведь и в самом деле не нация подстрекателей. Мы не из тех, кто проливает кровь зря и злорадствует. В самом деле, если что-нибудь где-нибудь и начнется, то это сделаем не мы. Может быть, именно поэтому мы чуть-чуть не такие помешанные, как другие...

— Да,— сказал Армстронг.— Я знаю, что у вас есть какой-то план,— продолжал Хансен.— Наверняка он настолько отчаянный, что даже идиотам станет ясно, что вы сумасшедший. Но я думаю о другом — как вы сумеете повлиять на людей? В Америке вы можете привлечь их на свою сторону, призвав к здравому смыслу, что не так-то просто в других местах, но какая от этого будет польза, если вы не сумеете выбить почву из-под ног у миллионов безумцев? Если мир впадет в панику, он не станет слушать разумные доводы!

— Однажды в детстве,— задумчиво произнес Армстронг,— я видел стадо взбесившихся коров. Там было голов четыреста. Черные, рыжие, белые, пятнистые, с длинными рогами, с короткими... в общем, всякие. Они неслись как одержимые, сами не зная куда. Они завернули за поворот дороги, и оказалось, что прямо у них на пути дерутся два ковбоя. И чем ближе стадо к ним подбегало, тем спокойнее становилось. Под конец все коровы столпились вокруг драчунов и, забыв о том, что их испугало, стали смотреть, кто победит.— Армстронг по-приятельски ткнул Хансена локтем в ребро.— Этакое отвлечение внимания, усекаете?

— А? — произнес Хансен.

— А потом ребята повернулись и погнали свое стадо обратно на пастбище, и снова вокруг была тишь, гладь и благодать. Вот так-то. Где мы, Джордж? — окликнул он Куина.

— Над Тихой рекой. Уже скоро.

— Тихая река,— повторил Армстронг.— Вы верите в приметы? — спросил он Хансена.

Солнце превратилось в пылающий оранжевый шар над западным горизонтом, когда Куин наконец позвал Армстронга к себе. Джон посмотрел в иллюминатор, и сердце его сильно забилось.

Иеллоунайф лежал в дымке чуть в стороне по правому борту. Внизу отливало медью Большое Невольничье озеро, над которым возвышались от-

роги горного хребта. Самолет стрелой промчался над самой водой между Иеллоунайфом и Провиденсом, потом набрал высоту, описал крутую дугу сперва на восток, затем на юг, и только тогда Армстронг заметил железнодорожную ветку, ведущую из Иеллоунайфа в Рельянс. Она проходила через Стартовый комплекс марсианских кораблей, находившийся в двадцати милях к востоку от Иеллоунайфа.

— Оно и есть,— бросил Армстронг, и Куин моментально положил самолет в вираж, уводя его от комплекса. Снизившись до двухсот ярдов, они потратили почти четверть часа, чтобы найти подходящую площадку, пока наконец Куин не посадил машину на плато длиной в полмили. Фермы комплекса отсюда не были видны, но сам городок Иеллоунайф отлично просматривался на западе.

С облегчением отпустив штурвал, Куин встал, потянулся и проговорил:

— Самое время убедиться, что мы не получили щелчок по носу.— Открыв люк самолета и жадно вдыхая свежий воздух, он озабоченно оглядел темнеющее небо.— Радаров тут должно быть как грязи. Если нас засекли, очень скоро сюда кто-нибудь явится посмотреть.

— Знаю.— Армстронг протиснулся мимо и спрыгнул на твердую холодную землю.— Но я надеюсь, что мы еще держим удачу за хвост. И я хочу доиграть до конца. Черт побери! Нам повезло, что мы оказались здесь в это время года. Зимой тут, наверное, все спрятано под десятью футами снега.

— С десятью фунтами бифштекса я справился бы сейчас запросто,— проворчал кто-то из хансеновских агентов.

— Очень здравая мысль,— одобрил детектив.

Вомерсли угрюмо облизал губы.

— В хвосте есть большой ящик с едой,— сообщил Армстронг. Он улыбнулся, когда проголодав-

шиеся сорвались со своих мест и ринулись в багажное отделение самолета.

Куин выпрыгнул из люка, продолжая внимательно следить за небом. Последний краешек солнца уже спрятался за горами, и с востока наползала завеса темноты. Вся местность к югу казалась безжизненной, и только за горизонтом угадывалось слабое желтоватое мерцание — именно там находился пусковой комплекс. Небеса оставались пустынны, никто не прилетел проверять плато на ночь глядя. Значит, посадка прошла незамеченной, или операторы радаров ничего не заподозрили — ведь на их экранах отметка цели явственно отклонилась в сторону.

С пакетом сэндвичей из самолета выпрыгнул Хансен.

— Однако здесь не Майами! — проговорил он с набитым ртом и вопросительно посмотрел на Армстронга: — Ну и что дальше?

— А дальше — нам осталось захватить оба космических корабля, либо погибнуть при этой попытке,— произнес Армстронг задумчиво.

Хансен выронил из рук сэндвич, поднял его, сунул в рот, прожевал и, прикусив язык, длинно и витиевато выругался.

— Ты серьезно? — осведомился Куин.

— Джордж, я никогда в жизни не был настолько серьезным. Ты же сам отлично понимаешь — «Норман-клуб» не стал бы тратить силы и средства, с маниакальным упорством гробя корабли, если бы за этим не стояла определенная и очень важная для них цель. А цель их состоит в том, чтобы не дать человечеству выйти в космос, приковать его к Земле навсегда, потому что человеком в оковах управлять гораздо легче, чем человеком, свободным от оков. Ты понимаешь?

— Продолжай.

— Но если хотя бы одна ракета достигнет Марса, если хотя бы один человек ступит на поверх-

ность другой планеты, это вызовет психический взрыв такой силы, что мир обязательно должен будет перемениться. И заговор рухнет! Он рухнет по той простой причине, что из-под него будет выбита самая главная опора. Заговорщики рассеются, беспомощные и растерянные, как проповедники конца света, который должен был наступить в прошлый понедельник! — В сгущавшихся сумерках фигура Армстронга казалась медвежьей.— Эти ублюдки хотели придушить младенца в колыбели. Черта с два! В подушке оказалась дырка! Потому что ракета на Марсе — это мат в один ход!

— Я готов лететь, но откуда ты знаешь, что корабли готовы? — запротестовал Куин.— И почему ты решил, что какая-то из этих двух ракет долетит, а ее не собьют на полпути?

— А вот это нам рассказал наш дражайший друг сенатор Вомерсли. И можешь мне поверить, соврать в тот момент он был не в состоянии. Обе ракеты практически готовы, со дня на день они должны уйти в пробные рейсы. Об этом тоже известно. После испытаний им потребуется незначительная доработка — это месяц, не больше. Если же война начнется раньше, эти корабли никогда не уйдут к Марсу; их переделают, поставят на них боеголовки и отправят — сам знаешь куда. Дальше: на кораблях стоят катушечные двигатели, и я почти уверен, что дефектный участок проволоки намотан в самом конце. То есть взрыв должен произойти на конечном отрезке пути, при подлете к Марсу. Теперь снова вспомним о пробном полете. На него ведь тоже требуется топливо, десять процентов от расчетной длины катушки... Ты понимаешь?

— Да, черт возьми! Если они стартуют неопробованными, у них будет десятипроцентный резерв топлива. И если дефектный участок катушки находится внутри этих десяти процентов, то корабль успеет сесть на Марс! — Куин в возбуждении замахал руками.— Но каков риск! Какая авантюра!

Только самый последний придурок в нее ввязался бы! Почему ты уверен, что топлива хватит и корабль не взорвется, уже коснувшись поверхности? Или топлива-то хватит, но система жизнеобеспечения полетит к чертям на первом миллионе километров — корабли-то не опробованы... А кстати, ведь их два! Это увеличивает вероятность. Кто второй пилот?

— Я.

— Вот теперь я точно знаю, что этот мир — сумасшедший дом,— сказал Хансен, проглотив, не жуя, огромный кусок сэндвича.

Куин, казалось, потерял дар речи.

— Ты! — выдохнул он наконец.— Когда ж это ты в последний раз водил космический корабль?

— Теоретически я знаю, как это делается. Вопрос только в практике. И сейчас самое время ею заняться. Ты будешь моим учителем.

— Господи! Матерь Божья! Вы послушайте, что он такое говорит!

— Два корабля строились одновременно не просто так,— терпеливо объяснял Армстронг.— Они предназначены именно для совместного полета, и это значит, что они могут поддерживать связь друг с другом. Ты будешь рассказывать мне, какие ручки повернуть, какие кнопки нажать...

— Ага, только позволь тебе сказать сразу, что управлять ракетой на старте труднее, чем оседлать пьяного мустанга. Неужели ты думаешь, что я способен совладать с сотнями тонн, которые с космической скоростью рвутся вверх на огненном столбе, и при этом еще методично объяснять тебе, как делать то же самое?..

— Нет, конечно. Поэтому я стартую первым — по твоим указаниям. Вот когда я выйду на орбиту или рухну обратно, тогда полетишь ты.

— Это самоубийство,— безапелляционно заявил Куин.— Если ты хочешь покончить с собой, я могу посоветовать пару способов попроще.

— Когда ты геройски собирался лететь на обреченной Р18, я то же самое думал о тебе. Почему ты считаешь, что только у тебя одного есть право свернуть себе шею?

— Вы оба сумасшедшие,— сказал Хансен мрачно.— Чокнутые. Слава Богу, тут только два корабля, а не три или четыре. Вы заставили бы лететь меня и Мириам.

— Именно так,— кивнул Армстронг.— Нет уж, извините. Я знаю, что я нормальный, без всяких психотронов.

— А если я откажусь участвовать в этой безумной затее? — сказал Куин.

— Ты наш самый главный козырь, Джордж. Без тебя мы пропали. Но я все равно полечу. Я не затем зашел так далеко, чтобы у самой цели повернуть назад.

— Значит, залезаешь в корабль, дергаешь ручку — и вся слава достается одному тебе? — Куин покачал головой.— А еще друг называется! — Он ухмыльнулся и посмотрел в небо.— Нет, пока с меня еще не содрали скальп, клянусь, ты этого не сделаешь! Я не дам тебе расшибить твою дурную башку.

— Решайся, Джордж. Два шанса лучше, чем один.

— Послушай,— Куин поддал ногой камешек,— где-то тут, на космодроме, сидят два отличных пилота. Наверняка я знаю их, а они знают меня. Куда разумнее договориться с одним из них...

— Верно, неплохая идея. А теперь скажи, как мы будем искать пилота, как будем его уговаривать, стараясь, чтобы нас не застукали, и все это — до рассвета?

— До рассвета? — Куин вытаращил глаза.— Ты хочешь стартовать ночью?

— Если мы сумеем забраться в корабли.

Куин с мрачным видом извлек из кармана автоматический пистолет, которым завладел во время стычки в доме Синглтона. Проверив обойму, он су-

нул оружие обратно в карман и сказал: — Дай еще сэндвич, и я готов.

Хансен протянул ему сэндвич и спросил Армстронга:

— А какую роль в этой пьесе вы отвели мне?

— Я хочу, чтобы Мириам постерегла Вомерсли и горничную. А вы и ваш агент поможете нам прорваться к кораблям.

— А потом?

— Вернетесь сюда, если сможете. Я думаю, что сможете. Если два корабля внезапно взлетят, поднимется такая кутерьма, что только слепой отсюда не выберется. Потом вы отправитесь в городок, позвоните Грегори, расскажете, что знаете, и вручите ему заботу о своей драгоценной жизни. Если хотя бы один из кораблей достигнет Марса, генерал так отмоет вас, что родная мать не узнает. Будете оглядываться и смотреть — не выросли ли крылышки.

— Если одно, если другое, если третье...— скептически проговорил Хансен.— А что, если вы вообще не взлетите?

— Тогда мы все сядем в лужу, и лужа эта будет чертовски горячей.— Армстронг хрипло рассмеялся.— Кстати, мы и так уже по уши в ней сидим. В чем же дело? Это наш единственный выход.

— Ладно, убедили.— Хансен направился к самолету, дал инструкции Мириам и вернулся обратно со своим агентом.

Не тратя лишних слов, четыре человека двинулись в сторону огней на юге. Холодный ветер швырял в лицо песок, в небе уже не осталось ни отблеска окончательно погребенного за горизонтом солнца, но бриллиантовый свет звезд и нездоровое желтоватое сияние луны услужливо освещали им дорогу. Четверо шли молча, погруженные в собственные мысли, которые становились все мрачнее по мере приближения к космодрому.

Стартовые колонны и прилегающую довольно обширную территорию окружал десятифутовый за-

бор из колючей проволоки. Снаружи стояли вооруженные часовые. Вдоль одной из сторон гигантского прямоугольника располагались административные и производственные корпуса, увенчанные флагштоками, но в слепящем свете дуговых ламп нельзя было разглядеть, что там за флаги. Примерно в полумиле от них высились громадные цилиндры, окруженные со всех сторон фермами обслуживания,— космические корабли, обреченные на гибель при подлете к Марсу. К закрытым люкам ракет, расположенным на огромной высоте, можно было добраться только с помощью лифта.

В проволочном заграждении, которое могло оказаться под напряжением, имелись несколько калиток — для железнодорожной ветки, для машин и специальные проходы для персонала. Каждые двадцать минут один из часовых проходил через такую калитку, нажимал кнопку в караулке и снова возобновлял обход.

Лежа во мраке на голой земле, четверо человек больше часа изучали обстановку. Двое часовых начинали обход каждый со своего угла, быстро сходились к середине стороны, обменивались паролем, разворачивались и, пройдя обратно, нажимали кнопки и начинали все снова. Каждый охранник через равные промежутки времени встречался с двумя другими, на углу и в середине, и это означало, что исчезновение одного из них почти сразу обнаружат остальные.

— Их всего восемь, если не считать тех, кто на железнодорожных воротах,— прошептал Армстронг.— Со всеми нам не управиться. Но можно вырубить двоих на углу, как только они нажмут свои кнопки. Остальные всполошатся только минут через шесть-семь, когда увидят, что на середине их никто не встречает, и еще минуты три-четыре им потребуется, чтобы добежать до угловой калитки и поднять тревогу. Таким образом, у нас будет примерно десять минут, чтобы добраться до кораблей

и забраться в пилотское кресло. С ближайшим кораблем проблем нет, он почти рядом. Но до дальнего полмили, которые надо пробежать со спринтерской скоростью. Я думаю, что сумею это провернуть, если, конечно, меня не остановят на полном ходу.

— А кто сказал, что именно ты берешь дальний корабль? — прошептал Куин.

— Это сказали мои ноги, малыш. Они вдвое длиннее твоих.

Куин недовольно умолк.

— Давайте подползем ближе, пока часовые у середины,— проговорил Армстронг. Он схватил Хансена за руку.— Смотрите, чтобы эти ребята не пикнули после того, как мы их уложим. Вот когда остальные начнут горланить, тогда берите ноги в руки. И не задерживайтесь, шпарьте так, словно приз — миллион долларов!

Как призраки они прокрались к углу, проскользнули ярдов двадцать вдоль забора и залегли среди валунов. Часовые появились точно по графику. Армстронг следил, как они отпирают двумя ключами калитку, входят внутрь и нажимают кнопки. Несмотря на пронизывающий ветер, Армстронг чувствовал, что ему чертовски жарко.

Эти двадцать ярдов показались ему пятьюдесятью, а звук шагов по твердой скале — раскатами грома. Кто-то громко сопел у него за спиной, еще двое пыхтели слева. Часовые, как ни странно, словно оглохли. Он оказался на расстоянии прыжка от ближайшего, прежде чем человек успел насторожиться, обернуться и вглядеться в темноту.

Армстронг ударил часового, послав его в глубокий нокаут. На второго одновременно набросились Хансен и Куин. Не теряя времени, Армстронг схватил оба ключа от калитки, отпер замки, сгреб Куина в охапку и втащил внутрь.

— Быстрее, Джордж! Бери ближний! Прижав к бокам похожие на поршни руки, Армстронг устре-

мился вдоль освещенной фонарями дороги. Когда он миновал первый корабль, Куин отставал от него на пять футов. Вскочив в лифт, Куин рванул рычаг вверх — кабина дернулась и поползла. Поднимаясь, пилот успел несколько раз произнести горячую молитву:

— Только бы люк оказался не заперт! Господи, сделай так, чтобы он был открыт! Ну что тебе стоит...

С семидесятифутовой высоты он огляделся вокруг. Тревогу еще не подняли, и Армстронг, стараясь держаться в тени, мчался вперед. Из большого здания в стороне доносились музыка и смех — эдакая загородная вечеринка...

Когда Армстронг подбежал к кораблю, мимо проходили два техника. Разинув рты и хлопая глазами, они уставились на него, и один из них оказался настолько глуп, что попытался преградить незнакомцу дорогу.

— Эй, вы! Что за спешка? Что вы...

От сильнейшего удара человека подбросило в воздух, и он упал на землю, уже потеряв сознание. Второго Армстронг уложил рядом.

Он успел одолеть половину пути до люка, когда грянула тревога. Хор гневных криков и несколько выстрелов разорвали тишину за забором. Шипя, взлетели несколько сигнальных ракет, завыла сирена, на сторожевых вышках вспыхнули прожектора. Один луч, мотнувшись по территории, на мгновение мазанул по поднимавшейся кабине лифта. Все обошлось, Армстронга никто не заметил, хотя очнувшиеся техники, отчаянно махая руками, уже звали на помощь. В поднявшемся гвалте голоса их были почти не слышны.

Наконец лифт остановился, и Армстронг свирепо толкнул закрытый люк. Тот распахнулся.

Армстронг прополз через узкий цилиндр шлюза, ощупью нашел пилотское кресло, пристегнулся, и сразу в кабине вспыхнуло освещение. Он приладил наушники и нашел, где включается связь.

— Ты здесь, Джордж? — спросил он в ларингофон.— Здесь.— Нас могут слышать?

— Вряд ли. Тут есть кнопка с надписью «Земля». Это их канал. А мы говорим по нашему.— Куин немного помолчал, а затем добавил: — Ты сам черт! Я уж думал, ничего не выйдет!

— Все в порядке, Джордж. Я готов. Начинай учебу.

— Самое главное теперь — спокойствие. Мы можем сидеть тут хоть месяц и поджаривать им пятки, если они подойдут слишком близко...

— Джордж, я не имею ничего против этих людей и никому не хочу поджаривать пятки. Давай начинай свою лекцию и выпускай меня на старт.

— О'кей.— Голос Кугна в наушниках казался чужим.— Справа от тебя рычаг КПТ — контроль подачи топлива. Сдвинь его на одно деление. Одновременно нажми красную кнопку прямо перед собой. Двигатели начнут работать с минимальной тягой, на прогрев им нужно не меньше двух минут. Следи за указателем температуры дюз...

Армстронг флегматично исполнил указания и почувствовал, как задрожало кресло. Он представил, что сейчас творится на полигоне, как повсюду носятся истошно вопящие люди, как направо и налево сыплются бестолковые команды,— но видеть и слышать это он не мог.

В наушниках продолжал звучать голос Куина. Повинуясь, Армстронг увеличил тягу, и его внезапно прошиб пот, когда Куин воскликнул:

— А теперь — пошел! Только, Бога ради, держи на нуле индикатор крена...

Армстронг передвинул рычаг через деление «пуск». Корабль издал рев, словно чудовищный зверь, и будто нехотя оторвался от земли. Завеса от огненного выхлопа стала непроницаемой, скрыв в иллюминаторе землю. Рев нарастал, одновременно становясь все тоньше. Корабль, казалось, продирался сквозь густую, вязкую массу. Куин сыпал скоро-

говоркой: — Плюнь на иллюминатор? Плюнь на небо и на землю тоже! Гляди только на приборы! Корректируй боковой снос, не позволяй ему отклоняться от перпендикуляра... Следи за креном, черт побери!

Корабль внезапно перестал дрожать и рванулся вверх, уходя в небо как реактивный лифт. Голос Куина в наушниках становился все слабее на фоне помех.

— ...полную тягу... держи... следи... индикатором крена... Ты меня слышишь, Джон?

— Еле-еле.

— Нормально. Теперь моя очередь.

Голос Куина исчез. Армстронг, вдавленный перегрузкой в кресло, чувствовал, как шумит двигатель и сотрясается корабль. Внимание его было приковано к приборам.

Внезапно ракета отклонилась от курса. Ненамного, всего на два градуса. Армстронг быстро включил рулевые дюзы и убрал крен. Но через некоторое время корабль снова отклонился — уже на три с половиной градуса. Армстронг выправил курс, но ненадолго. Ракета уходила вбок все чаще, и угол крена увеличивался. Час спустя в эфире появился Куин.

— Эй, Джон, где ты тут? Ты меня дождался или улетел сам? Джон, ты меня слышишь? Отвечай, Джон!

Молчание. Секунды ползли, складываясь в минуты.

— Джон, ты меня слышишь? Ты летишь, Джон? Я не слышу тебя!! В чем дело? Давай на этот раз без твоих дурацких шуток! Если ты слышишь, ответь! Джон!!

И опять никакого ответа. Единственными звуками, которые мог слышать Куин, были его собственный голос и грохот двигателей его собственного корабля.

— О небо! — воскликнул он наконец и выключил связь.

Глава семнадцатая

Посложив телефонную трубку, генерал Грегори принялся расхаживать взад-вперед по ковру. Клэр Мэндл, напряженно сидевшая в глубоком кресле, не отрывала от него широко раскрытых раскосых глаз.

— Это звонил Хансен. Сумею ли я отвести обвинения от него и от всех остальных, замешанных в этом деле, всецело зависит от того, что произойдет дальше. Гвоздь проблемы — сенатор Вомерсли, вернее, он и те, кого он представляет в этой стране и за ее границами. Если сенатор решит еще больше накалить обстановку, он может весьма преуспеть в этом. Он и его люди способны создать проблем больше, чем я могу разрешить, несмотря на поддержку Президента и независимых членов кабинета. Норман-банда практически вездесуща, а наша юрисдикция ограничена пределами страны. Это чертовски усложняет дело! — Генерал яростно покрутил усы.— Но если безумная авантюра Армстронга выгорит, то тогда мы накроем всю шайку. Вряд ли они успеют попрятаться. Армстронг, Хансен, Куин и остальные будут тотчас же реабилитированы, этого потребует мировое общественное мнение.— Он взглянул на Клэр и успокаивающе улыбнулся.— Неважно, что гласят законы. Народных героев не судят. А если судят, то не приговаривают!

— Что сказал Хансен? — спросила она.

— Он со своей секретаршей и с одним из агентов в Иеллоунайфе. Под арестом. Вомерсли бьет во

все колокола, изрыгает пламя и цитаты из уголовного кодекса, причем обвиняет всех подряд. Ему чертовски не понравится, если он узнает, что я вызволил Хансена из-под ареста и доставил на самолете в Вашингтон.

— Что он сказал о космических кораблях? — настаивала Клэр.

— Они улетели.

— И все?!

— Разве этого мало, леди?

Клэр медленно кивнула.

— Но можно ли выяснить, что с ними случилось? Летят ли они сейчас? Или... Ведь вы понимаете, что я хочу сказать? Они стартовали с Земли три недели назад...

— Я сообщу вам сразу, как только узнаю что-нибудь конкретно,— пообещал генерал.

— Но вы же, наверное, что-то знаете и сейчас... Они должны были пролететь уже больше трети пути... Если только...— Она умолкла.

— Если только им повезет,— закончил Грегори за нее.— В передачах новостей ничего не будет об этом; уверяю вас. Строительство кораблей велось в тайне, и, если... им не повезет, гибель их тоже останется в тайне. Но если им повезет, и хотя бы один из кораблей сядет на Марс, обещаю, вы узнаете об этом сразу после меня.

— Обсерватории следят за их полетом?

— Следят, но всю информацию они будут держать в тайне. Я уже говорил вам почему.

— Может, лучше все-таки сообщить общественности о кораблях? — Клэр явно была недовольна.— Может, так честнее?

— Боюсь, в данных обстоятельствах это даст колоссальный и очень нежелательный эффект. Представьте, что нашим друзьям не повезет... и корабли не долетят до Марса. Некоторые из наших скорых на руку ура-патриотов сразу же обвинят в этой неудаче иностранцев. Те в долгу не останутся и за-

явят, что, раз мы строили ракеты тайно, значит, у нас был некий вероломный план. Это, в свою очередь, может спровоцировать массовый протест против продолжения строительства корабля номер восемнадцать в Нью-Мехико. Наши недруги постараются извлечь максимум пропагандистской выгоды из наших неудач. Особенно сейчас, когда боги войны точат мечи и в мире нарастает военный психоз, потому что невидимые силы искусно манипулируют массовым сознанием.— Грегори снова заходил по ковру.— Мир сейчас — это пороховая бочка, вокруг которой прыгают сумасшедшие с факелами. Понадобятся неимоверные усилия, чтобы не дать бочке взорваться. Необходимо переключить массовое сознание с навязчивой идеи самоуничтожения на что-нибудь более конструктивное. Это может сделать рев ракетных двигателей у поверхности Марса. Тут Армстронг был прав, хотя мне иногда кажется, что он так же безумен, как и все.— Генерал остановился и посмотрел ей в глаза.— Не знаю, безумие ли это, одержимость или вдохновение, но оно не лишено логики. Он пытается столкнуть безумие с безумием. Как огонь с огнем.

— Это один из аргументов Горовица. Кто должен определять — что есть безумие? — заметила Клэр.— Цель должна оправдывать средства или средства — цель?

— Горовиц! — Грегори презрительно усмехнулся.— Мы уже знаем, что он родился в Линце. А Линц — не Марс.— Его усы встопорщились.— Он весьма искусно подделывался под Гитлера, претендуя на роль очередного германского мессии.

Клэр взглянула на часы:

— Время дневных новостей. Можно послушать?

Генерал пожал плечами, нажал кнопку, и экран ожил. Они немного опоздали, потому что ведущий, захлебываясь, уже зачитывал какое-то сообщение:

— ...из Консепсиона о появлении в небе гигантской ракеты, которая приводнилась в точке с коор-

динатами 37 градусов 50 минут южной широты и 80 градусов восточной долготы, примерно в трехстах милях южнее острова Хуан Фернандес, более известного как остров Робинзона Крузо. С борта танкера «Саузерн Трэйдер» сообщают, что летающий объект, чуть было не ударившись о поверхность воды, затем снова набрал высоту и с неимоверной скоростью скрылся с глаз в юго-восточном направлении.— Диктор переложил листы с текстом и продолжил: — Отголоски утренней встречи лидеров новой панъевропейской Лиги проявились, когда Пьер Дьедонн, французский...

Клар Мэндл вскочила с кресла. С каменным лицом Грегори выключил телевизор и взялся за правительственный телефон. Он был занят довольно долго, беседуя с пятью людьми одновременно. Наконец он повернулся к Клэр:

— Сообщение с «Саузерн Трэйдер» пришло двадцать минут назад. Его не следовало давать в эфир. Кто-то из наших людей недоработал. Как бы то ни было, мы знаем, что чилийское правительство расследует этот инцидент. Один из наших авианосцев, «Джефферсон», сейчас находится в Вальпараисо. Ему отдан приказ обследовать зону.

— Так вы думаете... Генерал кивнул с серьезным лицом:

— Скорее всего, это один из них.

— Кто? — спросила она.

— О, если бы знать — кто!

Она смотрела на генерала умоляющим взглядом.

— И если бы узнать о другом...

— Всему свое время.— Он отечески обнял ее за плечи.— Надо немного потерпеть, и солнце обязательно взойдет!

— Мы можем что-нибудь сделать?

— Не больше того, что уже делаем.— Генерал повел ее к двери.— Идите, мисс Мэндл, пройдитесь по магазинам, купите себе что-нибудь для души.

На двадцать четыре часа забудьте обо всем. Не стоит беспокоиться понапрасну. Как только будут новости, я вам позвоню.

Покинув дом Грегори, Клэр некоторое время бесцельно блуждала неподалеку. Глаза ее смотрели на витрины магазинов, но не видели ничего.

Неужели он погиб? Который корабль сел? Девятнадцатый или двадцатый? Кто его пилотировал? Где второй корабль и кто в нем?

Неизвестность была мучительной. Клэр вернулась в отель и всю середину дня провела в тщетном ожидании новостей. И вечер. И половину ночи. В утреннем выпуске новостей никакой информации не было. Бунт в Афганистане, резня в Индии, столкновения на турецко-сирийской границе, таинственный взрыв в морском порту Ферол в Испании. И ничего о ракетах.

Отсутствие новостей — это хорошая новость или плохая? И что такое новость вообще?

Звонок Грегори прервал ее завтрак. На часах было ровно девять.

— В аэропорту ждет самолет,— сообщил генерал.— Он доставит вас в Нью-Орлеан. На борту вы встретите кое-кого из старых друзей. Хватайте такси и мчитесь туда как можно быстрей.

— Но, генерал... Зачем?

Грегори, не ответив, отключился, и экран погас. Клэр несколько озадаченно посмотрела на телефон, потом лихорадочно начала собираться. Схватив лишь шляпку и сумочку, она выскочила из отеля и поехала в аэропорт.

В самолете сидели трое — Хансен, Мириам и Билл Нортон. Последний помог ей подняться по трапу, и реактивная машина тут же тронулась с места.

— Вполне почетный комитет для торжественной встречи,— ухмыльнулся Хансен.

— Я ничегошеньки не знаю,— сказала Клэр.— Что случилось?

— Нас доставили сюда из Иеллоунайфа под конвоем поздно вечером. Потом с нами долго беседовали Грегори и ФБР, а после сразу запихали в этот аэроплан. Грегори посчитал, что самолет, который находится в воздухе,— самое для нас сейчас безопасное место. Поэтому мы и летим.

— Куда?

— Встречать Армстронга,— произнес Нортон с жизнерадостным видом.— Разве Грегори вам не сказал?

— Значит, он в безопасности? Он не ранен?

— Ну, его немножко поцарапало, но больше пострадало его самолюбие,— сказал Нортон бесцеремонно.— Красивые женщины найдут его еще более отталкивающим, чем обычно. Короче, с ним все в порядке.

— Слава Богу! — выдохнула Клэр.

— Да нет, не такой уж Джон скверный питекантроп.— Приподняв бровь, Нортон оценивающе посмотрел на Клэр.— Хотя большой, сильный и глупый.— Он выпятил грудь.— Грегори разрешил ему встретиться только с одним репортером, и Армстронг назвал меня. Вот что значит дружба. Он не забывает старых друзей.

— Надеюсь,— прошептала Клэр.— Я тоже.— Нортон снова посмотрел на нее оценивающим взглядом.— Вы умеете готовить?

— Готовить? Что готовить?

— Мясо, фаршированное грибами, ну и все такое...— Он облизнулся.

— Конечно.

— Это просто замечательно! В самом деле замечательно.— Нортон погладил себя по животу.— Как говорится, не вижу повода не выразить свое одобрение...

Хансен и Мириам обменялись многозначительными взглядами.

— Это очень благородно с вашей стороны, мистер репортер, но вы, кажется, должны интервьюи-

ровать Армстронга, а не мисс Мэндл? — ехидно спросила Мириам.

— А я не интервьюирую,— обиженно проворчал Нортон.

— Но что случилось с Джоном? — вмешалась Клэр.— Почему мы летим в Нью-Орлеан?

— Потому что и его доставят туда,— объяснил Нортон.— Я понял так, что он пролетел через половину Тихого океана и врезался прямиком в Чили, расквасив нос себе и ракете. Его обнаружили с одного из авианосцев. Мы должны успеть в Нью-Орлеан за час до него и встретить друга со всеми почестями.

— Ясно.— Клэр смотрела в иллюминатор, но мысли ее были далеко от земли.

— Это можно считать провалом,— сказал Хансен.— Хотя неизвестно, что случилось с Куином. Он мог упасть где-нибудь в стороне от морских путей...

— А что сделал Куин? — осведомился Нортон. Взгляд его был острый и любопытный.— Мне казалось, что его разыскивают фараоны, и поэтому он скрывается изо всех сил. Где же он сейчас?

— А вы не знаете?

— Если б знал, то не спрашивал.

— Тогда я вам расскажу,— непринужденно сказал Хансен.

Откинув кресло, Нортон сердито уставился на него и потребовал:

— Выкладывайте! Что там такое с Куином?

— А стоит ли? — по-прежнему язвительно заметила Мириам.

Нортон яростно замахал на нее руками, заспорил, но в этот момент самолет коснулся земли.

Самолет из Чили прибыл через полтора часа, и первым по трапу, прихрамывая, спустился Армстронг. Левая рука его была на перевязи, лицо покрывали полоски пластыря, на голове белел бинт, из-под которого пучками торчали волосы. Увидев

встречающих, он мрачно и криво усмехнулся, отчего пластыри на лице перекосились.

— Все, что от меня осталось,— проговорил он хрипло и взял изящную руку Клэр в свою огромную лапищу.— Не ожидал вас здесь увидеть, птичка. Кто это организовал? Грегори?

Молча глядя на него, Клэр кивнула. Армстронг шумно втянул носом воздух.

— Однако, скажу я вам, неплохо снова очутиться в этом дурдоме. Давайте пойдем куда-нибудь, где можно поесть и поговорить.

Очутившись за столиком в уютном ресторанчике, он начал рассказывать под взглядами Мириам и Клэр и чирканье нортоновской ручки в блокноте:

— Меня отпустили под честное слово, пока не станет известна судьба Куина. Я чертовски благодарен Грегори, потому что именно он подарил мне эти несколько часов свободы, но мы все должны молиться за Джорджа. От его успеха зависит не только моя судьба, но и всех нас.

— Вы сделали все, что в ваших силах,— сказала Клэр.

— И то верно. Главное, что я сделал, это помешал Джорджу выбрать не тот корабль. Мне достался маятник. Наверное, у него были плохо отцентрованы дюзы. Они продержались полчаса, а потом автоматика отстрелила стартовую ступень вместе с маршевым двигателем. При этом меня зашвырнуло в чертову даль, но по хитрой кривой вывело обратно к Земле. Это невероятное везение. Один шанс из миллиарда. Ведь я мог работать только маневровыми движками. Зато посадка была та еще! Я думал — все, конец, особенно когда чуть не утоп посредине Тихого океана...

— Тебя все равно когда-нибудь повесят,— уверил Нортон.— Продолжай.

— А все! — Армстронг отхлебнул кофе из чашки.— Конец одиссеи! И раз я умудрился вернуться,

значит, я — самый везучий псих в этом сумасшедшем доме.

— Верно, дуракам всегда везет,— уверил Нортон.— А теперь выкладывай, что там с Куином? Где он?

— Да, Джордж,— прошептал Армстронг.— Теперь, когда я так бесславно шмякнулся в море, он — наша единственная надежда. Если он потерпит фиаско, нашему миру крышка. Но если ему повезет, мы сумеем доказать, что весь этот марсианский капкан — просто очередной бред очередных нацистов.

— То есть? — переспросил Нортон.— Я не понял. Что это докажет?

— Видишь ли, сынок, эти норманы утверждают, что банды марсиан регулярно наведываются на Землю и регулярно же наводят здесь порядок. Это значит, что они непременно зашьют рот проволокой любому, кто совершит посадку на их исконную территорию. Но если кто-то, оказавшись на Марсе, пришлет оттуда весточку — значит, там нет никаких марсиан! Более убедительное доказательство трудно себе представить! — Взгляд его упал на большие настенные часы.— Сейчас половина пятого. По моим расчетам, мы должны услышать его совсем скоро — если он сел. Если же он взорвался или его взяли в оборот, тогда, конечно, мы его не услышим... Но хотел бы я знать...— Пальцы Армстронга забарабанили по столу.

— Может быть, он еще в пути,— сказала Клэр.

— Может быть, но если ему суждено достигнуть цели, то это должно произойти сейчас. Иначе он не достигнет ее никогда.

— Не достигнет — чего?! — возопил Нортон, совершенно выйдя из себя.— Ты хочешь сказать, что этот недомерок Куин там, наверху? Где он раздобыл свою телегу?! Сколько еще кораблей там болтается? Если ты летал на восемнадцатом и превратил его в металлолом, то как, черт побери, Куин...

Его прервал большой настенный телеэкран. На нем возник оркестр, флаги...

«Что это? — подумал Армстронг.— Парад перед началом войны? Или...»

В руке комментатора, необычно растрепанного и взволнованного, появился листок бумаги. Рука заметно дрожала, и Армстронг приготовился к худшему.

— Сообщение чрезвычайной важности!! — провозгласил комментатор.— Двадцать семь минут назад впервые в истории человечества Земля получила послание с другой планеты Солнечной системы! Впервые в истории человек ступил на поверхность Марса! Этот человек — американский гражданин Джордж Винсент Куин, пилот космического корабля, стартовавшего месяц назад с секретного космодрома...

Клэр почувствовала, как ее ладонь сжали могучие пальцы Армстронга.

— Корабль Куина не имеет запаса топлива на обратный путь, но эксперты утверждают, что задача возвращения космонавта вполне разрешима. Для этого будет послан автоматический грузовой корабль, который совершит мягкую посадку на Марс, управляемый по радио самим Куином, и с которого пилот сможет взять необходимый запас горючего. По распоряжению Президента корабль, строящийся в Нью-Мехико, переоборудуется специально для этой цели. Работа будет вестись в авральном режиме, и ожидается, что Р18 достигнет Марса через семь недель. Между тем собственных запасов пищи, воды и воздуха Куину должно хватить еще на два с половиной месяца.— Бросив взгляд в свои листки, комментатор с воодушевлением продолжил: — Любительские радиостанции, первыми получившие сигналы Куина, распространили эту эпохальную новость по всему миру. В адрес Президента США уже начали поступать поздравления от глав и правительств других госу-

дарств, от множества частных лиц. От Советского Союза, Европейского Сообщества и Китая поступили также предложения использовать находящиеся в разной степени готовности космические корабли для посылки их на Марс и спасения Джорджа Куина. Комментируя эти предложения, журналист Генри Колтхард в своем обзоре говорит: «Вчера ракетами собирались воевать, сегодня их предлагают в дар, по велению сердца и души. Эти несколько мгновений необратимо изменили мир! Научное значение полета Куина меркнет по сравнению с его политической и психологической значимостью для судеб всех людей на Земле...

— Молодец! Какой молодец! — почти благоговейно прошептал Армстронг.— Он все-таки сумел! И правильно, что это сделал он, а не я, ведь я всего лишь жалкий дилетант!

— Дальнейшая информация будет передаваться по мере поступления.— Комментатор выдержал драматическую паузу.— Но прежде чем перейти к следующему сообщению, мы передаем голос Джорджа Куина. Слушайте! Говорит Марс!

Экран померк, мигнул, и на нем появилось небритое лицо Джорджа.

— Вот я и здесь...— проговорил он сквозь треск космических помех. Долгая пауза, шумы, рябь на экране, затем Джордж заговорил снова: — Рад, что он в безопасности... Передайте ему, что чем выше забираешься, тем больнее падать...

Голос потонул в треске, и на экране снова возник комментатор.

— Последние слова Куина были адресованы Джону Дж. Армстронгу, пилоту космического корабля номер двадцать, запущенного одновременно с девятнадцатым и совершившего вынужденную посадку у берегов Южной Америки. Армстронг, совсем недавно объявленный опасным преступником, как выяснилось, был привлечен генералом Грегори к выполнению конфиденциального задания.

Представитель ФБР заявил, что сейчас все обвинения против него сняты.— Он отложил в сторону очередной листок.— Полиция и части Национальной гвардии арестовали членов международной террористической организации, известной под названием «Норман-клуб», которая препятствовала прогрессу в освоении космического пространства. Факты, представленные...

— Конец! — сказал Армстронг, не слушая дальше.— Их переловят, не всех, конечно, но уцелевшие никогда уже не обретут прежней силы. Надеюсь, и остатки банды рыжего тоже. Не знаю уж, почему эта компания отделилась от основной шайки,— может быть, им просто не понравился Горовиц, а может, он перестарался со своим психотроном, убедив их, что они и в самом деле безумные марсиане... Наш очкастый ученый враг повторил путь, которым до него прошли многие. Гитлер в том числе. Недаром говорят, что история повторяется: поначалу трагедия, потом фарс...

— Вот именно,— сказал Хансен и ткнул пальцем в экран, с которого продолжал вещать комментатор:

— Вы только попробуйте «Виталакс»! «Виталакс»! «Виталакс»!..

— Моего терпения на это не хватит,— сказал Хансен.

— И моего тоже,— поддакнула Мириам, мечтательно глядя на своего шефа.— С тех пор как я стала у вас работать, характер у меня стал просто как у ведьмы.

Усмехнувшись не заклеенной пластырем половиной лица, Армстронг спросил Клэр:

— Вы танцуете?

— Но ваша нога?..

— Как сказал человек с Марса, тем больнее будет падать... Если, конечно, есть куда забираться? — Он смерил ее откровенным взглядом. Клэр слегка порозовела.

— Моя сенсация! — простонал Нортон, глядя на них.— Коту под хвост! И все из-за тебя!

Перегнувшись через стол, Армстронг прошептал ему прямо в ухо:

— Квадратные, говоришь, корни?

— Ну и ладно, можешь ее забирать.— Нортон отвернулся с притворным равнодушием.— Я себе другую найду. Она будет еще лучше готовить и вообще...— Взгляд его остановился на Мириам.— Вы танцуете, прекрасная незнакомка?

Обняв одной рукой Хансена, Мириам поджала губы и посмотрела на него с неодобрением.

— Знаете,— сказала она наконец,— я иногда читаю газеты и удивляюсь...

— Удивляетесь? Чему? — спросил Нортон.— Откуда вы знаете, что вы нормальны?

РОМАН

Космический марафон

TYPE
17
17
MEMORI

ПРОЛОГ

Разумеется, все, что ни делается, делается с самыми лучшими намерениями. Хотя непосвященным некоторые из маленьких трюков астронавтов и значительная часть правил обычно кажутся довольно своеобразными. Но тут уж ничего не поделаешь: бороздить космические просторы — это вам не плавание на старом тазу в деревенском пруду!

Так, например, если вдуматься, то использование совместных экипажей — совсем не плохая идея. В дальних рейсах — на Марс, в Пояс Астероидов или еще куда подальше — бледнолицые земляне обычно возятся с двигателями, коль скоро это именно они довели их когда-то до ума и никто лучше не разбирается, что там к чему. Все врачи — обязательно негры: хоть покуда никто и не догадался, почему они почти не страдают от перегрузок и отлично чувствуют себя в невесомости. А что касается ремонтных работ в открытом космосе — здесь просто ну никак не обойтись без марсиан, которые довольствуются малым количеством воздуха, способны выполнять любые самые тонкие работы по металлу и к тому же практически невосприимчивы к космической радиации.

На внутренних рейсах, скажем на Венеру, экипажи формируются почти на таких же основаниях; вот только аварийные пилоты там всегда здоровенные мужики вроде нашего Эла Стора. И тому

есть довольно веские причины. Именно благодаря ему мы и спаслись. Я этого парня на всю жизнь запомнил! Так и стоит этот верзила у меня перед глазами. Ну и тип!

В первый раз я его увидел, когда волею судеб оказался на верхней ступеньке трапа нашего корабля «Калабаска-Сити», новенькой, с иголочки, грузовой посудины с весьма ограниченным количеством мест для пассажиров, приписанной как раз к тому венерианскому космопорту, в честь которого и получила свое имя. Нет нужды говорить о том, что астронавты — народ веселый и сразу окрестили ее «Колбаской».

Мы тогда как раз лежали на стартовой площадке Колорадского космодрома к северу от Денвера. Нас битком набили всяческими станками для производства часов, сельхозтехникой, авиационным оборудованием и приборами, которые требовалось доставить в Калабаску, а заодно впихнули целый контейнер радиевых игл для Венерианского научно-исследовательского института рака. А еще у нас на борту находилось восемь пассажиров — все эмигранты-фермеры, которым просто приспичило заготовлять сено обязательно на тридцать миллионов миль ближе к Солнцу. Мы уже лежали на старте и через сорок минут должна была прозвучать прощальная сирена, как вдруг откуда ни возьмись появляется этот самый Эл Стор.

Росту в нем было шесть футов девять дюймов, а весу — по меньшей мере три сотни фунтов, и тем не менее всю свою массу он нес прямо-таки с грацией танцовщика. Да, на такого бугая, который двигался легко, как балерун, стоило посмотреть! Он поднялся по дюралевому тралу с беспечностью туриста, садящегося в автобус загородного рейса. В правой руке, размерами с приличный окорок, покачивался баул из сыромятной кожи, в котором свободно могли бы уместиться и кровать, и парочка шкафов в придачу.

Поднявшись по трапу, он остановился напротив меня и несколько мгновений стоял, уставившись на скрещенные мечи у меня на кокарде. Затем произнес:

— Доброе утро, сержант. Я — новый второй пилот и должен представиться капитану Макналти.

Я знал, что нам должны прислать другого пилота вместо Джеффа Деркина — его переманили на паршивый марсианский флакон для духов, «Прометей». Итак, передо мной его преемник — безусловно, землянин,— ни белый, ни негр. По его маловыразительному, хотя и энергичному лицу трудно было сказать, какого цвета у него кожа: создавалось впечатление, что она такая же сыромятная, как кожа, из которой сделан его баул. Особенно привлекали внимание его глаза, которые как будто слегка фосфоресцировали... Что-то в нем чувствовалось такое особенное, с чем я столкнулся впервые в жизни.

— Добро пожаловать, Малыш.— Глядя на него, я чуть не свернул себе шею. Руки ему подавать не стал, она еще могла пригодиться.— Открывай саквояж и оставь его в стерилизационной камере. А что до капитана, так он сейчас где-то на носу.

— Спасибо.— На лице его не мелькнуло даже тени улыбки. Он ступил в шлюз, волоча за собой сыромятный амбар.

— Мы стартуем через сорок минут! — крикнул я вдогонку.

* * *

В следующий раз я увидел Эла Стора, когда мы уже преодолели двести тысяч миль и Земля зеленоватым кружочком болталась где-то в конце нашего инверсионного следа. Я вдруг услышал, что он интересуется у кого-то в коридоре, как найти корабельного оружейника. Ему указали на дверь моей каюты.

— Сержант,— сказал он, протягивая мне требование на официальном бланке.— Я пришел полу-

чить то, что полагается.— И облокотился на барьер. Вся конструкция заскрипела, а верхний поручень прогнулся.

— Эй! Полегче! — возопил я.

— Прошу прощения! — Он выпрямился. Поручень, едва с него убралась эта туша, явно почувствовал себя лучше.

Поставив печать на заявку, я отправился в оружейную комнату, взял игольный излучатель и коробку зарядов к нему. Самые большие венерианские болотные лыжи, которые у меня нашлись, оказалась на одиннадцать размеров меньше и на ярд короче, чем нужно. Но других у меня не было. А еще пришлось выдать ему канистру лучшего универсального масла, банку графитной смазки, блок питания для его коротковолнового радиофона и, наконец, пачку ореховых ароматизированных пастилок с надписью: «С наилучшими пожеланиями от Компании Ароматических Трав — "Планета Невест"».

Но эту пачку он сразу вернул, заявив, что от таких запахов у него голова идет кругом. Всю же остальную дребедень засунул в сумку и даже бровью не повел. С такой физиономией ему бы в покер играть! И все-таки на ней появилось несколько задумчивое выражение, когда он стал рассматривать развешанные по стенам тридцать скафандров для землян, напоминающие содранные шкуры. Там же висели шесть дыхательных аппаратов для марсиан, предпочитающих давление три фунта на квадратный фут. Но ему ни те ни другие не годились. Хоть убей, но предложить ему было просто нечего. С таким же успехом я бы попытался засунуть слона в консервную банку.

Короче, уходил он от меня своей танцующей походкой — ну, вы понимаете, что я имею в виду. То, как он легко и непринужденно перемещался, сразу наводило на мысль, что под горячую руку ему лучше не попадаться. И не то чтобы он казался очень

вспыльчивым — нет, вид у него был вполне добродушный, хотя, пожалуй, и чересчур невозмутимый. Больше всего поражала исходящая от него спокойная уверенность в себе и то, как он двигался,— поразительно быстро и бесшумно, возможно, благодаря своим огромным башмакам на подошве толщиной в дюйм, из губчатой резины.

Я с интересом наблюдал за Элом Стором, пока наша «Колбаска» пыхтя преодолевала бескрайние космические просторы. Да, пожалуй, больше всего он заинтересовал меня тем, что до тех пор мне не приходилось встречать парней такого типа, а уж поверьте, я-то на своем веку навидался всяких. Он по-прежнему не проявлял особого стремления к общению, но всегда был дружелюбен и даже сердечен. Со своими обязанностями Эл справлялся более чем успешно. Макналти он сразу пришелся по душе, хотя капитан был не из тех, кто при первой же встрече кидается обнимать и целовать новичка.

* * *

На третий день полета Эл произвел фурор среди марсиан. Любому известно, что эти ребята со щупальцами вот уже двести лет как удерживают пальму первенства в чемпионате Солнечной системы по шахматам и в этом деле равных им за пределами Марса пока не нашлось. Они просто сами не свои до шахмат, и я не раз наблюдал, как целая шайка марсиан вдруг начинает от волнения покрываться разноцветными пятнами, стоит одному из них после битого получаса глубочайших раздумий двинуть пешку.

В один из своих выходных Эл пробыл в марсианском отсеке по правому борту при давлении в три фунта аж восемь часов. Динамики нам передавали, как замогильную тишину в отсеке то и дело взрывает дикое пронзительное щебетание — ни дать, ни взять прямой репортаж из дурдома. К концу восьмого часа мы узнали, что наши десятирукие косми-

ческие ремонтники совершенно выдохлись. Как оказалось, Эл согласился сыграть с Кли Янгом и свел партию к ничьей. А ведь Кли на последнем межпланетном чемпионате занял шестое место — он проиграл только десять раз, и, разумеется, своим же братцам-марсианам.

После вышеназванного события эта банда с Красной Планеты буквально вцепилась в Эла руками и ногами, то есть щупальцами. Марсиане подкарауливали его после каждой вахты и тащили в свой отсек. На одиннадцатый день полета Эл играл уже с шестью из них одновременно: две партии проиграл, три свел к ничьей, а одну выиграл. Марсиане решили, что он — уникум по сравнению с другими землянами. Зная их способности к шахматам, я не мог с ними не согласиться. То же самое можно было сказать и о Макналти, причем тот пошел еще дальше — занес результаты чемпионата корабля в бортовой журнал.

* * *

Вы, может быть, помните, как в 2270 году пресса подняла адский шум по поводу так называемого «чудесного рывка Макналти»? В сущности, кэп стал живой космической легендой. После нашего благополучного возвращения домой Макналти прямо-таки рвал на груди рубашку, доказывая, что он тут практически ни при чем, и повсюду рассказывал, как было дело. Но журналисты, как обычно, выкрутились, заявив, что, как бы то ни было, капитан именно он, верно ведь?

К тому же его фамилия так здорово смотрится в заголовках! Вообще порой кажется, что все журналисты являются членами какой-то секты, считающей, что спасение души зависит лишь от звучной фамилии.

А причиной всего этого сумасшествия и моей преждевременной седины явился всего-навсего паршивый кусок космического мусора. Вышеозначен-

ный обломок железо-никелевого метеорита болтался на орбите между планетами и пересек наш курс, поскольку мы двигались по направлению к Солнцу.

Ну и дал же он нам прикурить! Никогда бы не поверил, что такая кроха может наделать столько шума. У меня в ушах до сих пор стоит жуткий свист, с которым воздух вырывался наружу через проделанную им дыру.

Бледный, доложу я вам, у нас был вид; но тут автоматические переборки изолировали поврежденный отсек. Давление в корабле к тому времени упало до девяти фунтов. Но компенсаторы не дали ему опуститься ниже, а потом стали медленно повышать его до нормы. Одни марсиане, которые и девять-то фунтов считали невыносимыми, и в ус не дули.

В поврежденном отсеке остался один из инженеров. Другой в последний момент успел протиснуться сквозь закрывающиеся герметические двери и отделался лишь ободранным левым ухом. Да, подумали мы про того, что остался, не повезло бедняге, ему явно светят космические похороны, как и многим из тех космонавтов, которые нашли свою смерть в безднах пространства...

Его коллега, чудом спасшийся от неминуемой гибели, бледный как смерть, стоял, бессильно привалившись к переборке. В этот момент, как обычно, бесшумно появился Эл Стор. Он что-то говорил, глаза горели, но голос был холоден и спокоен. Наконец до нас дошло:

— Уходите. И загерметизируйте этот отсек. Я попытаюсь вытащить его. Как только постучу, быстро впускайте меня обратно.

С этими словами он вытолкал нас из отсека, и мы тут же тщательно загерметизировали его. Мы, конечно, не могли видеть, что там делает наш амбал, но приборы показывали, что он открыл, а затем снова закрыл дверь, ведущую в поврежденный отсек. Через пару секунд сигнальная лампочка потухла. Это означало, что дверь снова закрыта. За-

тем раздался настойчивый, резкий стук. Мы открыли. Эл стремительно вынырнул нам навстречу, держа на своих огромных руках безжизненное тело инженера. Он нес его так, будто тот был не больше и не тяжелее котенка, а скорость, с которой Эл промчался с ним мимо нас по коридору, заставляла опасаться, что он может протаранить корабль насквозь.

К тому времени мы уже поняли, что вляпались по самые уши. Двигатели больше не работали. С дюзами все было в порядке, и камеры сгорания функционировали нормально. Инжекторы тоже не пострадали и вполне могли бы работать и дальше — при условии, что мы качали бы топливо вручную. Мы не потеряли ни капли драгоценного топлива, и корпус корабля остался практически целым, не считая этой дырки с зазубренными краями. Двигатель встал потому, что оказались выведены из строя системы подачи топлива и зажигания. Они находились точнехонько там, где теперь зияла дыра от большой космической пули, и теперь представляли собой просто груду металлолома.

Общее мнение было таково: нам настал полный конец, хотя никто и не решался сказать об этом открыто. Я совершенно уверен, что и Макналти считал точно так же, хотя в официальном рапорте данный факт определил как «затруднительное положение». Но это вполне в его стиле. Просто удивительно, как он не записал, что команда была несколько расстроена!

Несмотря на все это, в космос тут же высыпала вся марсианская ремонтная бригада — в первый раз за последние шесть рейсов от них потребовалась настоящая работа. Давление к этому времени уже поднялось до четырнадцати фунтов, и им, беднягам, пришлось вытерпеть это, чтобы добраться до своих дыхательных аппаратов. Кли Янг, агрессивно сопя, с омерзением махнул своим щупальцем и прощебетал:

— Прямо хоть плавай!

Он не успокоился до тех пор, пока мы не напялили на него шлем и не отрегулировали давление на уровне привычных для него трех фунтов.

Это типичный пример своеобразного марсианского сарказма: как только давление становится чуть выше, чем они любят, марсиане тут же начинают размахивать во все стороны щупальцами и повторять: «Ну прямо хоть плавай!»

Но надо отдать им должное — толк от них есть. Марсианин может удержаться хоть на полированном льду и работать без перерыва двенадцать часов на таком количестве кислорода, которого человеку хватило бы часа на полтора.

Я наблюдал, как они с трудом продвигались по тамбуру, выпучив глаза за вогнутыми стеклами шлемов; в своих щупальцах они сжимали кто кабели питания, кто металлические листы для заплат, кто аппараты квазидуговой сварки.

Вскоре в иллюминаторах стали видны голубые сполохи сварочных огней — это марсиане начали резать листы металла и заделывать дыру в корпусе.

Все это время мы продолжали стремглав нестись к Солнцу. Если бы не эта дурацкая случайность, через четыре часа нам следовало бы начать торможение и выходить на орбиту Венеры. Вскоре ее гравитационное поле захватило бы нас, и можно было бы, постепенно снижая скорость, совершить мягкую посадку.

Но все дело в том, что этот зачуханный планетоид поцеловался с нами, когда мы продолжали на всех парах нестись прямо по направлению к ближайшей и ярчайшей во всей Системе огромной пылающей топке. И неслись мы к ней все быстрее и быстрее благодаря притяжению раскаленного светила. В принципе я не против кремации — но всему свое время!

* * *

На носу в навигационной рубке непрерывно совещались Эл Стор, капитан Макналти и два опера-

тора астро-компьютеров. Марсиане тем временем продолжали ползать по корпусу, то и дело полыхая голубоватыми призрачными огнями сварочных аппаратов. Инженеры, разумеется, тоже не ждали, пока они закончат, а, надев скафандры, отправились в поврежденный отсек — превращать царящий там хаос в подобие порядка.

Я, как и многие другие, завидовал ребятам, нашедшим себе дело. Даже в безвыходном положении возможность заняться чем-то полезным отвлекала от грустных мыслей.

Невыносимо сидеть слома руки, когда остальные трудятся.

Два марсианина вернулись через шлюз, ухватили еще несколько пластин и снова уползли обратно. Одному из них даже пришла в голову блестящая идея: взять с собой наружу карманные шахматы. Но я не разрешил: всему есть место и время, а сидя на поврежденной обшивке корабля, нечего размышлять о том, куда ходить слоном. После этого я отправился навестить Сэма Хигнета, нашего чернокожего врача.

Сэму удалось буквально вытащить инженера с того света — с помощью кислорода, адреналина, прямого массажа сердца и, разумеется, благодаря длинным и ловким пальцам хирурга. Он совершил настоящее чудо — одно из тех, что, конечно, случаются, но крайне редко.

Казалось, Сэма нисколько не беспокоит, что происходит на корабле. Сейчас его интересовал лишь пациент. Он ловко соединил края вскрытой грудной клетки серебряными скобками, наложил сверху йодистый пластик и тут же заморозил его эфиром.

— Сэм,— сказал я ему,— ты просто волшебник.

— Скажи спасибо Элу. Это он доставил беднягу вовремя.

— Всегда он во всем виноват,—невесело пошутил я.

— Сержант,— очень серьезно заметил он,— я корабельный врач и делаю, что могу. Я не сумел бы спасти этого человека, если бы Эл не доставил его ко мне вовремя.

— Ладно, ладно,— поспешно закивал я.— Тебе виднее.

Хороший парень этот Сэм. Правда, у него чересчур обостренное чувство долга, ну так это у всех врачей. И я ушел, оставив его наедине с едва дышащим пациентом.

* * *

Когда я вернулся, то встретил Макналти. Он проверил топливные баки и теперь возвращался по коридору. То, что он лично занимался этим, кое-что да значило. А уж то, что у него был крайне озабоченный вид, говорило о многом. Скорее всего, о том, что мне незачем писать завещание: мою последнюю волю все равно никто не узнает.

Затем его плотная фигура скрылась за дверью навигационной рубки, и я услышал, как он сказал: «Эл, я полагаю, ты...» Захлопнувшаяся за ним дверь оборвала фразу на полуслове. Он явно очень доверял Элу Стору.

Что ж, этот парень и впрямь выглядел толковым. Капитан и второй пилот продолжали относиться друг к другу как близкие друзья, несмотря на неотвратимо надвигающуюся кремацию.

Не успел я дойти до своей оружейной, как меня перехватил один из наших перелетных фермеров, выглянувший из каюты в коридор. Уставившись на меня широко открытыми глазами, он воскликнул:

— Сержант, в мой иллюминатор виден полумесяц!

Он продолжал говорить еще что-то, но я его уже не слушал. Появившийся в поле нашего зрения яркий серп Венеры означал, что мы пересекаем ее орбиту. Парень начал кое о чем подозревать — я чувствовал это по его голосу.

— Ну так как,—фермер продолжал с плохо скрываемой нервозностью,— сколько времени еще ждать?

— Понятия не имею.— Я почесал в затылке, стараясь выглядеть и глупым, и самонадеянным.— Капитан делает все, что от него зависит. Поверьте: наш папа знает, что делает.

— А вы не считаете, что... нам... эээ... угрожает опасность?

— С чего вы взяли!

— По-моему, вы лжете,— заметил он.

— С прискорбием вынужден с вами не согласиться,— настаивал я.

Это окончательно выбило его из седла. Он снова удалился к себе в каюту, явно неудовлетворенный и встревоженный. Очень скоро он увидит Венеру в три четверти и расскажет об этом остальным. Вот тут-то и начнется!

Начнется наше неотвратимое падение на Солнце.

* * *

Последние проблески надежды угасли, когда послышался ужасный рев и всю «Колбаску» пробрала сильная дрожь, и это дало нам понять, что наши некоторое время считавшиеся почившими в бозе двигатели все же удалось воскресить. Шум продолжался всего несколько секунд. Двигатели почти сразу заглушили; короткое включение просто означало, что ремонтные работы успешно завершены.

На шум тут же, роняя пену, примчался мой давешний собеседник — будущий венерианский фермер. Теперь он, как и все остальные, уже осознал, что случилось. Тем более что с тек пор, как он увидел венерианский серп, прошло уже три дня. Сейчас же Венера была уже далеко позади нас. А мы как раз пересекали орбиту Меркурия. Но пассажиров все еще не оставляла призрачная надежда, что кто-то в последний момент спасет их, сотворив доселе неслыханное чудо.

Ворвавшись ко мне в оружейную, он прямо-таки взвизгнул:

— Двигатели снова заработали. Значит?..

— Ничего это не значит,— поспешил огорчить его я, не желая, чтобы бедняга тешил себя ложными надеждами.

— Но разве теперь нельзя развернуть корабль и вернуться к Венере? — Он то и дело вытирал пот, стекающий по щекам.

Возможно, отчасти он потел и от страха, но, скорее всего, потому, что к этому времени климат внутри корабля все больше и больше напоминал тропический.

— Сэр,— начал я, чувствуя, как рубашка липнет к спине,— сейчас нас несет к Солнцу со скоростью, которую не доводилось развивать еще ни одному астронавту. И при такой скорости не остается практически ничего иного, как начинать плести себе похоронный венок.

— Моя плантация! —горестно завыл он.—А ведь мне выделили целых пять тысяч акров венерианских земель для выращивания табака, не говоря уже о роскошных пастбищах.

— Очень жаль, но вам вряд ли когда-нибудь доведется увидеть все это.

Двигатели взревели снова. Толчок был такой сильный, что меня отбросило назад, а мой собеседник согнулся пополам, словно у него внезапно схватило живот. Похоже, то ли Макналти, то ли Эл Стор или еще кто-то включали их просто так. Для забавы. Потому что иной разумной причины я не видел.

— Что это? — жалобно простонал этот зануда, с трудом возвращаясь в вертикальное положение.

— Что с детишек возьмешь! — объяснил я.

Презрительно фыркнув, он удалился восвояси. Типичный землянин-эмигрант — огромный, пышущий здоровьем верзила, он только сейчас по-настоящему сломался и пока просто неспособен был осознать до конца, что его ждет впереди.

Через полчаса по всему кораблю разнесся оглушительный сигнал общего сбора. Этот сигнал еще никогда не звучал в космосе. Он означал, что всем членам экипажа и пассажирам корабля надлежит собраться в кают-компании. Нет, вы только представьте себе, что все бросают свои посты и сломя голову несутся на собрание!

Вполне возможно, что за этим уникальным в истории освоения космического пространства сигналом скрывается нечто из ряда вон выходящее — скорее всего, напутственная прощальная речь Макналти.

* * *

Ожидая, что прощальной церемонией будет руководить Макналти, я ничуть не удивился, когда он, дождавшись, пока все соберутся, поднялся на небольшое возвышение. На его пухлом лице лежала тень тревоги, но когда в кают-компанию начали вползать марсиане и один из них по привычке начал загребать щупальцами, делая вид, что медленно плывет в океане нашего густого воздуха, тревожное выражение лица капитана сменилось подобием улыбки.

Рядом с Макналти стоял Эл Стор, внешне совершенно бесстрастный, и смотрел невидящим взглядом на кривляющегося марсианина. Через некоторое время он отвел от него глаза — зрелище, похоже, ему изрядно наскучило. Шутка и в самом деле была избитой.

— Люди и ведрас,—начал Макналти, причем последнее обращение по-марсиански означало — «взрослые» — и тоже носило саркастический оттенок,— думаю, нет необходимости лишний раз напоминать о том затруднительном положении, в котором мы оказались.— Этот человек умел подобрать подходящее слово! — В настоящее время мы находимся от Солнца так близко, как не удавалось приблизиться еще никому за всю историю космической навигации.

— Комической навигации,— тихо, но бестактно пошутил Кли Янг.

— Будьте добры, оставьте свои шутки на потом,— заметил Эл Стор таким ровным голосом, что Кли Янг тут же заткнулся.

— Мы движемся прямо к солнечной короне,— продолжал Макналти со вновь появившимся на лице выражением скорби,— причем быстрее, чем кто-либо до нас. Откровенно говоря, у нас не более одного шанса из десяти тысяч выбраться из этой переделки живыми.— При этих словах он бросил недовольный взгляд на Кли Янга, но этот десятищупальцевый возмутитель спокойствия на сей раз молчал в тряпочку.— Однако один шанс у нас все же есть — и упускать его нам не пристало.

Мы изумленно уставились на него, не понимая, куда он клонит. Все отлично знали, что наша сумасшедшая скорость не позволяет сделать разворот, чтобы полететь в обратную сторону, не коснувшись Солнца. Да и в любом случае нам бы ни за что не удалось преодолеть солнечное притяжение. Поэтому ничего не оставалось, как продолжать мчаться вперед и вперед до тех пор, пока огненный взрыв не превратит корабль в молекулы раскаленного газа.

— Наша идея заключается в том, чтобы попытаться пролететь мимо Солнца по кометной траектории,— продолжал Макналти.— Эл, я и компьютерщики пришли к выводу, что хоть это и маловероятно, но теоретически все же возможно.

Идея в принципе была достаточно простой, и хотя еще ни разу не осуществлялась на практике, частенько обсуждалась математиками и астронавигаторами. Суть ее заключалась в том, чтобы развить максимально возможную скорость и в то же время перейти на вытянутую эллиптическую орбиту, похожую на траекторию движения комет. Теоретически корабль мог с огромной скоростью проскользнуть в непосредственной близи от Солнца и

вырваться из оков солнечного притяжения. Заманчиво, но удастся ли нам исполнить такой трюк?

— Расчеты показывают, что в нынешнем положении у нас все же есть хоть и незначительный, но шанс на успех,— сказал Макналти.— У нас достаточно топлива, чтобы развить необходимую скорость, учитывая притяжение самого Солнца, и двигаться под нужным углом в течение необходимого времени. Единственное, по поводу чего у нас возникли серьезные сомнения,— это сумеем ли мы выжить, находясь в непосредственной близости от светила.— Он вытер пот, как бы подчеркивая последнюю свою фразу.— Поверьте, я слов на ветер не бросаю. Уверяю вас, что нам придется пройти через сущий ад.

— Прорвемся, капитан! — выкрикнул кто-то. Этот бодрый возглас был тут же поддержан прокатившимся по каюте одобрительным ропотом.

* * *

Кли Янг поднялся, взмахами одновременно четырех щупалец требуя внимания, и защебетал:

— Это идея. Она превосходна. Я, Кли Янг, одобряю ее, в том числе и от лица моих товарищей. Мы готовы забиться вместе с вами в морозильник и обещаем терпеть запах землян сколько потребуется.

Проигнорировав шутку по поводу запаха землян, Макналти кивнул и произнес:

— Боюсь, нам всем придется забиться в холодильную камеру и постараться не обращать внимания на неудобства.

— Совершенно согласен,— сказал Кли.— Целиком и полностью,— зачем-то добавил он. Затем, наставив кончик щупальца на Макналти, он продолжал: — Но ведь мы не сможем управлять кораблем, если набьемся в холодильник, подобно трем с половиной дюжинам порций клубничного мороженого. В рубке на носу должен оставаться пилот. Один человек вполне сможет удерживать корабль на нужной траектории. Следовательно, кому-то из

нас предстоит превратиться в жаркое.— Он замахал щупальцами, в простоте душевной считая, что этим маханием просто-таки завораживает слушателей.— А поскольку никто не станет отрицать, что мы, марсиане, менее всего чувствительны к высоким температурам, предлагаю...

Тут на него довольно бесцеремонно цыкнул Макналти. Но его напускная грубость никого не обманула. Слов нет, марсиане, конечно, зануды, но товарищи они отличные.

— Ах вот как! — Щебет Кли превратился в пронзительный возмущенный визг.— Тогда, может быть, кто-нибудь желает поджариться заживо?

— Я,— вдруг послышался голос Эла Стора. Он произнес это довольно странным тоном, как бы не оставляющим сомнений в том, что он — единственный достойный кандидат и не видеть этого может только слепой.

В принципе, он был совершенно прав! Никто бы не справился с этим лучше Эла. Если кто-нибудь и мог перенести испытание, ждавшее человека, сидящего перед носовыми иллюминаторами, так это Эл Стор. Ведь он был таким большим и сильным, как будто специально родился для этого дела. Физически он намного превосходил всех нас и, кроме того, являлся вторым — аварийным — пилотом. А то, что грозило нам, было куда хуже любой аварии.

И тут же предательское воображение нарисовало перед моим мысленным взором такую картину: Эл в полном одиночестве сидит в рубке за пультом управления, кругом ни души, а безжалостное гигантское светило тянет к нему свои огненные когти...

— Что? — взвился Кли Янг, прервав полет моего воображения. Его выпученные от ярости глаза сверлили огромного невозмутимого человека на возвышении.— Вот, значит, как! А по-моему, вы сообразили, что не миновать вам от меня мата в четыре хода,— вот вы и норовите спрятаться в рубке!

— В шесть ходов,— легко парировал Эл.— Никак не меньше чем за шесть.

— В четыре,— буквально взвыл Кли Янг.— Причем я готов прямо...

Тут Макналти решил, что это уж слишком. Он так побагровел, что казалось, его вот-вот хватит удар. Он повернулся к яростно размахивающему щупальцами Кли.

— Да забудешь ты когда-нибудь про свои проклятые шахматы или нет!— взревел он.— Довольно! Все по местам! Слышали, что я сказал! Приготовиться к максимальной перегрузке. Как только возникнет необходимость отправляться в холодильную камеру, я снова дам сигнал общего сбора.— Он обвел взглядом присутствующих. Его лицо, по мере того как спадало давление, постепенно приобретало нормальный цвет.— Все, разумеется, кроме Эла.

* * *

Теперь, как и в старые добрые времена, двигатели работали на всю катушку — ровно и без перебоев. Внутри корабля становилось все жарче и жарче, и мы начали прямо-таки истекать потом, а гладкие стены корабельных помещений покрылись каплями конденсата. Каково было в навигационной рубке, я просто даже представить себе не мог, да и не особенно хотел думать об этом.

За временем я, в принципе, не следил, но, помнится, до того как вновь прозвучал сигнал общего сбора, я успел отстоять две вахты, между которыми ухитрился поспать. К тому моменту дела наши обстояли совсем плохо. Теперь я не просто потел, а медленно таял, стекая в собственные ботинки.

Сэм, будучи негром, разумеется, переносил все это гораздо легче, чем остальные земляне, и продержался достаточно долго, чтобы успеть вытащить своего пациента из кризисного состояния. Инженер оказался просто везунчиком, если, конечно, можно считать везением то, что его спасли для того,

чтобы вскоре предать сожжению. Как только он более или менее оправился, мы посадили его и Сэма в холодильную камеру.

Остальные же последовали за ними только после того, как прозвучал сигнал. Наше убежище было не просто холодильной камерой, а самым защищенным и холодным отсеком корабля, в котором имелись стойки для приборов, два медицинских бокса и нечто вроде комнаты отдыха для пассажиров, страдающих космической болезнью. Так что места там хватало с избытком, и разместились мы все, можно сказать, даже с удобствами.

Все, за исключением марсиан. Места им, конечно, хватило, но вот что касается удобств... Разве может им быть удобно при давлении в четырнадцать фунтов, когда воздух кажется им густым, как патока, да еще и воняющим старым козлом?

Прямо на наших глазах Кли Янг достал бутылку с ароматической жидкостью хулу и передал ее своему полуродителю Кли Моргу. Тот взял ее, с отвращением взглянул на нас и вызывающе начал нюхать. Это было едва ли не оскорблением, но никто ничего не сказал.

В отсеке сейчас находились все, за исключением Макналти и Эла Стора. Капитан появился часа два спустя. Судя по его ужасному виду, дела в носу были не ахти. Его изможденное лицо блестело от пота, а обычно пухлые щеки впали и покрылись волдырями. Форма сейчас висела на нем как на вешалке. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что в рубке он торчал до тех пор, пока жара не стала совсем уж невыносимой.

Пошатываясь, он пересек комнату, зашел в бокс и медленно, болезненно морщась, разделся. Сэм намазал его противоожоговой мазью. До нас то и дело доносились хриплые стоны капитана — очевидно, доктор очень старался.

Жара постепенно проникала и в наше убежище. Стены, пол, да и сам воздух, казалось, обжи-

гали каждую клетку тела. Кое-кто из инженеров уже начал скидывать куртки и ботинки. Вскоре их примеру последовали пассажиры, снявшие с себя верхнюю одежду. Мой незадачливый фермер сидел неподалеку от меня в одном шелковом нижнем белье и, похоже, размышлял о своей неминуемой кончине.

Вышедший наконец из бокса капитан рухнул на койку и заявил:

— Если продержимся еще часа четыре, то худшее будет позади.

В этот момент двигатели сдохли. Мы тотчас догадались, что произошло: топливо в одном из баков кончилось, а реле отказало и не переключило двигатели на другой бак. Если бы в рубке находился инженер, то он тут же вручную переключил бы баки. От невыносимой жары и тревоги кому-то стало плохо.

Едва мы успели осознать, что произошло, как Кли Янг опрометью бросился в дверь. Он находился к ней ближе всех и успел выскочить, пока мы пытались собраться со своими перегретыми мыслями.

Не прошло и двадцати секунд, как снова послышался мерный рокот двигателей.

Прямо над моим ухом раздался звонок интеркома. Включив микрофон, я прохрипел: «Да?» — и услышал голос Эла:

— Кто это сделал?

— Кли Янг,— ответил я.— Он все еще не вернулся.

— Скорее всего, отправился за шлемами,— предположил Эл.— Передай ему мою благодарность.

— Ну как там у тебя? — поинтересовался я.

— Хорошего мало. Хуже всего... глазам.— Он на мгновение замолчал, затем продолжил: — Надеюсь, я все же продержусь до конца... как-нибудь. Когда я в следующий раз дам сигнал, пристегнитесь или ухватитесь за что-нибудь покрепче.

— Зачем? — не то прокричал, не то прохрипел я.

— Хочу закрутить корабль вокруг продольной оси. Попытаюсь... равномерно распределить... нагрев.

Слабый щелчок, раздавшийся в микрофоне, означал, что Эл отключился. Я велел всем пристегнуться. Марсианам же беспокоиться было не о чем — с тем количеством присосок, размером с хорошее блюдце каждая, они могли на любой поверхности держаться как приваренные.

Кли вернулся, и оказалось, что предположение Эла было верным. Он притащил с собой дыхательные аппараты на всю свою шайку. Видно было, что он тащит сей тяжкий груз из последних сил, поскольку температура уже поднялась настолько, что начало пронимать даже его.

Эти марсианские лодыри тут же радостно напялили на себя свои любимые шлемы и загерметизировали их, чтобы установить внутри свои вожделенные три фунта. Как мало нужно для полного счастья! Учитывая, что мы, земляне, пользуемся скафандрами, чтобы удержать воздух внутри них, довольно странно наблюдать, как эти ребята напяливают дыхательные аппараты, чтобы изолировать себя от окружающей атмосферы.

Едва они покончили с обустройством и даже вытащили шахматную доску, чтобы устроить небольшой блицтурнир, как раздался сигнал. Мы ухватились кто за что смог. Марсиане тут же повисли на своих присосках.

Корабль медленно, но безостановочно начал вращаться вокруг своей продольной оси. Шахматная доска с расставленными на ней фигурами не удержалась — и поползла сначала по полу, затем по стене, а через некоторое время по потолку. Благодаря солнечному притяжению она всегда оставалась на стороне, обращенной к Солнцу.

Я увидел, как напряженно и мрачно наблюдает за движением черного слона изнуренный жарой Кли Морг. Наверняка сейчас в его похожей на аквари-

ум башке проносятся самые отборные марсианские ругательства.

— Три с половиной часа,— задыхаясь, пел Макналти.

* * *

Объявленные им ранее четыре часа наверняка подразумевали двухчасовое приближение к Солнцу, а затем соответственно два часа постепенного удаления от него. То есть, когда останется два часа, мы окажемся максимально близко к солнечному пеклу, и это будет самым опасным моментом.

Самого критического момента я не помню, поскольку потерял сознание за двадцать минут до его наступления. Думаю, ни к чему описывать ужас, который мы в те минуты переживали. Кажется, я тогда даже был немного не в себе. Я чувствовал себя кабаном, которого заживо медленно поджаривают на вертеле в пламени очага. Именно тогда я в первый и последний раз в жизни возненавидел Солнце и больше всего на свет возжелал его гибели. А вскоре после этого я отключился и больше уже ничего хотеть не мог.

Наконец я снова очнулся и с трудом пошевелился — ремни по-прежнему удерживали меня. Это произошло через девяносто минут после прохождения критической точки. Мой затуманенный разум с трудом осознал тот факт, что до теоретического спасения осталось всего полчаса.

Оставалось только гадать, что творилось в отсеке в то время, пока я валялся без сознания, но тогда мне совершенно не хотелось думать. Солнце полыхало во много миллионов раз более свирепо, чем глаз самого свирепого тигра, и в сотни тысяч раз сильнее любого тигра жаждало нашей плоти и крови. Пылающие языки пламени пытались лизнуть крошечный кораблик, внутри которого в ужасе скорчилась кучка полумертвых существ, приготовившихся к самому худшему.

А в самом носу этой стальной капельки, один как перст, за пультом перед кварцевыми иллюминаторами восседал Эл Стор, наблюдая, как все ближе и ближе к нам становится пылающий ад.

С трудом поднявшись на ноги, я пошатнулся и снова рухнул на место, как тряпичная кукла. Корабль, похоже, перестал вращаться и теперь пулей летел вперед.

Первыми пришли в себя марсиане. Я заранее знал, что так и будет. Один из них помог мне принять вертикальное положение и придерживал меня, пока я снова не обрел контроль над своим измученным телом. Тут я заметил, что еще один марсианин растянулся поверх потерявших сознание Макналти и еще трех пассажиров. Таким образом он частично прикрыл их от невероятного жара. Судя по всему, они особо не пострадали и вскоре могли прийти в чувство.

С трудом доковыляв до интеркома, я включил его и попытался связаться с рубкой, но безуспешно. После первой попытки мне пришлось минуты три набираться сил, а потом я попробовал снова. С тем же успехом. Эл либо не хотел, либо был не в состоянии отвечать.

Но меня это не смутило, и я предпринял еще несколько попыток добиться от него ответа. Никакого результата. Эти усилия закончились еще одним обмороком, и я снова повалился на пол. Жара была ужасающей. Мне казалось, что я высох, как мумия, пролежавшая в песке не меньше миллиона лет.

Кли Янг приоткрыл дверь и, с трудом перевалившись через порог, выполз в коридор. На нем по-прежнему красовался дыхательный аппарат. Через пять минут он вернулся и сквозь диафрагму шлема произнес:

— До рубки невозможно добраться. Все двери закрыты, и за ними, похоже, жарко, как в печи.— Он обвел отсек взглядом, взглянул на меня и, про-

читав в моих глазах немой вопрос, добавил: — Воздуха на носу совсем нет.

* * *

Отсутствие воздуха означало только одно: иллюминаторы в навигационной рубке приказали долго жить. Иначе воздух оттуда никуда бы не делся. Что ж, все необходимое для ремонта у нас имелось, и когда станет ясно, что мы выбрались из переделки, можно будет не спеша все привести в порядок. А пока корабль сломя голову несся непонятно куда, неизвестно, правильным курсом или нет, с оставшимся без воздуха носовым отсеком и пугающе молчащим интеркомом.

Поэтому мы продолжали просто сидеть и восстанавливать силы. Последним пришел в себя инженер — пациент Сэма,— опять-таки с его же помощью. Макналти вытер со лба пот.

— Четыре часа позади, ребята,— произнес он с каким-то мрачным удовлетворением.— У нас все же получилось!

И, клянусь Юпитером, от этих слов капитана раскаленный воздух в отсеке сразу показался градусов на десять прохладнее. Мы из последних сил выразили свой восторг по этому поводу. Удивительно, как спад напряжения сразу дает о себе знать: мы буквально за одну минуту оправились от слабости и уже были готовы к чему угодно. Но потребовалось еще четыре часа, прежде чем четверо инженеров в скафандрах сумели проникнуть в ад, который царил в навигационной рубке, и вернулись, неся с собой Эла Стора.

С величайшей осторожностью они положили его на койку в медотсеке. Я бестолково топтался возле безмолвного могучего тела, всматриваясь в сожженное до черноты лицо и без конца повторяя:

— Эл, Эл! Ну как ты?

Видимо, он все же меня услышал, потому что вдруг слабо шевельнул пальцами правой руки, а из

его груди вырвался какой-то скрипящий звук. Два инженера отправились в его каюту и принесли оттуда столь поразивший меня при первой встрече огромный кожаный баул. Они тут же закрыли дверь, оставшись с Элом, а меня и марсиан выставили за дверь. Кли Янг слонялся взад-вперед по коридору с таким видом, будто не знал, куда девать свои щупальца.

Сэм вышел к нам примерно через час, и мы тут же бросились к нему:

— Как Эл?

— Он полностью ослеп.— Сэм сокрушенно покачал кудрявой головой.— И вряд ли сможет говорить — уж больно ему досталось.

— А, так вот почему он не отвечал по интеркому! — Я посмотрел Сэму в глаза: — Ты сможешь... сможешь ему чем-нибудь помочь?

— Тут одного желания мало.— По сероватому лицу Сэма было видно, что он и сам страшно переживает.— Ты же знаешь, я и сам рад бы поставить его на ноги. Но не могу.— Он бессильно развел руками.— Это далеко за пределами моих скромных возможностей. Ему может помочь разве что сам Иохансен. Вот когда мы вернемся на Землю...— Он не закончил фразу и снова скрылся в медотсеке.

Кли Янг печально вздохнул:

— Как жаль!

* * *

Эту сцену я не забуду до конца своих дней. В тот вечер мы присутствовали в качестве почетных гостей на заседании Астроклуба в Нью-Йорке. И тогда, и теперь членами этого клуба могли стать только самые замечательные люди на свете. Для этого нужно было в отчаянной аварийной ситуации совершить подвиг, граничащий с чудом. Тогда в клубе состояло всего девять человек, а сейчас — двенадцать.

Председательствовал Мейс Уолдрон — замечательный пилот, который в две тысячи двести тре-

тьем спас марсианский лайнер. С иголочки одетый Мейс стоял во главе стола, а рядом с ним восседал Эл Стор. На противоположном конце стола сидел, как всегда самодовольно улыбающийся, розовый и пухлый Макналти. Возле нашего капитана занял место седовласый старик, великий ученый, гениальный Иохансен, создатель Л-серии. Остальные места за столом, с трудом скрывая смущение, занимали члены экипажа нашей «Колбаски», включая марсиан и трех пассажиров, которые в честь такого знаменательного события решили отложить переселение на Венеру.

Разумеется, не обошлось и без парочки журналистов, вооруженных камерами и микрофонами.

— Джентльмены и ведрас! — произнес Мейс Уолдрон.— Вы присутствуете при беспрецедентном в истории человечества, а также в истории нашего клуба событии. И именно поэтому я считаю вдвойне почетной для себя обязанностью и честью предложить принять Эла Стора, аварийного пилота, в полноправные и почетные члены нашего Астроклуба.

— Согласны! — тут же в один голос прокричали сразу три члена клуба.

— Благодарю вас, джентльмены.— И он выжидательно приподнял бровь.

Восемь рук разом взметнулись вверх.

— Принято,— сказал он.— Единогласно.

Бросив взгляд на сидевшего рядом с ним неподвижного и хранившего молчание Эла Стора, председатель начал петь ему дифирамбы. Он просто соловьем заливался, перечисляя его заслуги, а Эл сидел с совершенно безразличным видом.

Я обратил внимание, что улыбка Макналти, сидящего за дальним концом стола, становилась все шире и шире, а старик Иохансен бросал на Стора взгляды, полные отцовской любви, со стороны выглядевшие довольно забавно. Остальные также не сводили глаз с сохранявшего совершенно невозмутимый вид адресата столь пышной речи. Разумеет-

ся, камеры тоже были направлены исключительно на него.

Я тоже последовал примеру остальных и обратил наконец внимание на виновника торжества, отметив про себя, что восстановленные глаза Эла прямо-таки сияют, хотя лицо по-прежнему остается совершенно невозмутимым, несмотря на все почести, славу и отеческую гордость Иохансена.

Но минут через десять я все же увидел, как Л-100Р заерзал на месте, явно смущенный происходящим.

Так вот, если кто-нибудь начнет убеждать вас, что у роботов нет чувств,— не верьте!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Путешествие на Механистрию

Мы стояли на балконе Седьмого Административного Здания Терраструпорта. Никто из нас даже представить себе не мог, какого черта нас вызвали так неожиданно и почему отменен наш обычный утренний рейс на Венеру.

Вот мы и слонялись без дела, а во взгляде каждого из нас можно было прочесть один и тот же немой вопрос, на который никто из нас не мог дать ответа. Однажды мне довелось увидеть группу из тридцати венерианских гуппи, в совершенном отупении наблюдающих, как шотландский терьер Фергус размахивает хвостом, и отчаянно напрягающих свои гороховые мозги в тщетных попытках понять, почему у странного существа подергивается одна из конечностей. Мне казалось, что сейчас мы очень напоминаем этих тупиц.

Капитан Макналти, как всегда обходительный и представительный, подошел к нам, когда уже вот-вот должно было начаться соревнование: кто быстрее сгрызет ногти до локтей. Его сопровождали шестеро техников с нашей «Колбаски» и какой-то тощий коротышка, которого мы никогда раньше не видели. Замыкал шествие Эл Стор, шагавший, как всегда, необыкновенно легко, несмотря на триста с лишним фунтов веса. Я никогда не переставал удивляться небрежному изяществу, с каким он нес свою массивную тушу. Увидев нас, он просто-таки заси-

ял от радости. Дав нам знак следовать за собой, Макналти привел нас в какую-то комнату, взобрался на небольшое возвышение и начал говорить тоном школьного учителя, намеревающегося наставить на путь истинный доставшийся ему волею судеб третий класс.

— Джентльмены и ведрас! Сегодня перед нами выступит известный ученый профессор Флетнер.— Он кивнул головой в сторону коротышки, который нахмурился и, как нашкодивший ребенок, нелепо изогнул ноги носками внутрь.— Профессор набирает экипаж для межзвездного корабля «Марафон». Эл Стор и еще шестеро наших техников уже дали свое согласие на участие в полете. Комиссия утвердила их кандидатуры, и за то время, что вы находились в отпуске, мы успели пройти курс дополнительного обучения.

— Все прошло просто замечательно,— вставил Флетнер, видимо очень обеспокоенный нашим возможным недовольством по поводу того, что он без спросу отнял у нас любимого капитана.

— Земное правительство,— продолжал польщенный Макналти,— одобрило идею укомплектовать экипаж «Марафона» членами моей старой команды, обслуживавшей венерианский грузовоз «Калабаска-Сити». Теперь, ребята, дело за вами. Те, кто пожелает остаться на «Калабаска-Сити», может уйти прямо сейчас, вернуться на корабль и приступить к исполнению своих обязанностей. А теперь прошу тех, кто все же решил присоединиться ко мне, подтвердить это поднятием руки.— Тут его взгляд скользнул по марсианам, и он быстро добавил: — Или щупальца.

Сэм Хигнет быстро вытянул загорелую руку вверх:

— Я хотел бы остаться с вами, капитан. Он опередил остальных всего на какую-то долю секунды. Самое смешное то, что на самом деле ни один из нас не горел желанием снять пробу с флетнеровского летающего гроба. Скорее всего, нам было про-

сто страшно отказаться. А может, просто захотелось заслужить одобрительный взгляд Макналти.

— Спасибо, ребята,— сказал Макналти похоронно-торжественным голосом.

Он вздохнул, громко высморкался и обвел нас теплым, почти любящим взглядом, который вдруг остановился на фигуре одного из марсиан, нелепо скукожившэгося в углу и разбросавшего вокруг себя многочисленные щупальца.

— Саг Фарн, а ты...— начал он. Кли Янг, глава нашей шайки уроженцев Красной Планеты, тут же вмешался:

— Я поднял два щупальца, капитан. Одно за себя, а другое за него. Он спит. Он поручил мне выступать от его имени, говорить «да», «нет», а если потребуется, даже спеть за него песенку.

Все засмеялись. Саг Фарн с его абсолютной и всепоглощающей ленью был настоящей достопримечательностью нашей «Колбаски». Один лишь капитан не знал, что только самая срочная работа в открытом космосе или партия в шахматы могли пробудить Саг Фарна от вечной спячки. Не успел стихнуть наш смех, как в наступившей тишине этот засоня испустил характерный свист — марсианский вариант нашего храпа.

— Прекрасно,— сказал Макналти, изо всех сил пытавшийся удержаться от улыбки.— В таком случае вы все должны явиться на борт на рассвете. Мы вылетаем ровно в десять по Гринвичу. Эл Стор расскажет вам все остальное и ответит на все ваши вопросы.

«Марафон» был просто воплощением красоты. Сконструированный Флетнером и построенный на правительственные средства, он представлял собой прекрасное сочетание военного крейсера и спортивной яхты. И в самом деле, по сравнению со старушкой «Колбаской» он был оборудован просто роскошно. Мне, как, впрочем, и всем остальным, он сразу ужасно понравился.

Стоя на металлическом телескопическом трапе, я наблюдал, как подтягиваются последние члены экипажа. Эл Стор куда-то сбегал и вскоре вернулся с баулом огромных размеров. Он имел право взять с собой в рейс в три раза больше багажа, чем кто-либо другой. И это неудивительно, поскольку среди совершенно необходимых ему вещей был, например, атомный двигатель — этакий чудесный маленький образчик последних достижений технической мысли, весивший около восьмидесяти фунтов. В некотором смысле это было его запасное сердце.

Четверо правительственных экспертов поднялись на корабль тесной группкой. Хотя я не имел ни малейшего понятия, кто они такие и какого черта летят с нами, я все же объяснил им, как найти отведенные для них каюты. Последним прибыл молодой Уилсон — светловолосый угрюмый парень лет девятнадцати. До этого на корабль и так уже загрузили три принадлежащих ему коробки, а сейчас он пытался протащить еще три.

— Что в них? — спросил я.

— Пластинки.— Он с нескрываемым отвращением оглядывал корабль.

— Музычку, что ли, слушать собираешься? — спросил я.

— Фотографические,— отрезал он без тени улыбки на лице.

— Ты фотограф экспедиции, что ли?

— Да.

— Ну хорошо, давай закидывай коробки в грузовой отсек.

Он нахмурился.

— Запомни раз и навсегда: их никогда не кидают, никогда не швыряют и не бросают. Их ставят, понятно? Ставят,— сказал он.—Причем аккуратно. Ты понял?!

Мне в общем-то понравилась внешность этого парня, но страшно не понравилась его агрессивность.

Преувеличенно бережно поставив коробки на верхней площадке трапа, он смерил меня взглядом. Его тонкие губы были плотно сжаты, а кулаки стиснуты так, что даже костяшки пальцев побелели. Наконец он сказал:

— Интересно, а сам-то ты что за шишка?

— Я — корабельный оружейник,— безапелляционно заявил я.— А теперь бери свои коробки и тащи их подальше отсюда в какое-нибудь более безопасное место, пока я не вышел из себя и не дал им здоровенного пинка.

Это был удар ниже пояса. Думаю, если бы я задел его самолюбие хоть немного еще, он точно бросился бы на меня с кулаками. Но он, похоже, скорее бы умер, чем дал мне или кому-нибудь еще дотронуться до его ненаглядных коробок.

То и дело бросая на меня взгляды, попеременно предвещавшие то смертельную битву, то мою скоропостижную смерть, то просто море крови, он начал перетаскивать свои драгоценные коробки в шлюз. Он носил по одной, неторопливо и бережно, как любимых детей. После этого я его довольно долго не видел. Наверное, я обошелся с ним чересчур круто, но, к сожалению, я понял это гораздо позже.

Перед самым вылетом я заметил, что двое уже пристегнувшихся пассажиров о чем-то ожесточенно спорят друг с другом. В мои обязанности входила и проверка того, как пристегнуты новички. Пока я проверял множество ремней и пряжек, они продолжали дискуссию.

— И все же что ни говори,— заводился один,— а ведь действует, разве не так?

— Ну и что же? — с раздражением фыркнул второй.— Только-то и всего. Я тысячу раз проверял эти совершенно безумные формулы Флетнера, так что мне по ночам стали сниться разные символы. С логикой у него все в порядке. Она неопровержима. Но вот сама исходная посылка совершенно дурацкая.

— Ну и что? Ведь первые два его корабля достигли системы Юпитера и вернулись обратно так быстро, что никто и глазом моргнуть не успел. Полет в обе стороны потребовал времени меньше, чем нужно обычному кораблю, чтобы оторваться от Земли. Это что, по-твоему, сумасшествие?

— Чушь собачья! — безапелляционно заявил второй. Он уже начинал багроветь.— Теория, конечно, просто поразительная и в то же время — полная чушь! Флетнер утверждает, что все бумажки астрономов с подсчетами расстояний можно смело спустить в унитаз, потому что в космосе нет такого понятия, как скорость, поскольку сам космос — материя и пространство — постоянно испытывает разного рода колоссальные колебания. Он утверждает, что там, где не от чего оттолкнуться, кроме какой-то там воображаемой точки, не может быть ни скорости, ни даже малейшего ускорения. Он утверждает, что мы просто одержимы идеей скорости и расстояния, так как наши умы привыкли к восприятию законов внутри Солнечной системы, но в глобальном космосе эти мерки неадекватны и совершенно неуместны.

— Лично я,— спокойно вставил я,— уже написал завещание.

Один из правительственных экспертов мельком взглянул на меня, затем быстро сказал другому:

— Ал по-прежнему утверждаю, что все это чушь.

— Не большая, чем телевидение или подобные тебе спорщики,— парировал оппонент,— но факт остается фактом: и то и другое существует.

В этот момент заглянул Макналти и спросил:

— Ты еще не заходил к этому парню, Уилсону?

— Нет, но через минуту подойду.

— Давай, и постарайся успокоить его. Похоже, у него депрессия.

Подойдя к каюте Уилсона, я увидел, что он уже пристегнулся и сидит молча, совершенно неподвижно, глядя перед собой невидящим взором.

— Доводилось когда-нибудь летать на космическом корабле?

— Нет,— проворчал он.

— Ну и не волнуйся. Конечно, бывали такие случаи, что человек улетал целиком, а приземлялся по частям; но, по официальной статистике, за год на море людей погибает гораздо больше, чем в космосе.

— Думаешь, я боюсь? — спросил он, вскочив так быстро, что я даже вздрогнул.

— Я?! Н-нет! — Я искал подходящие слова. Его уныние как рукой сняло, и теперь он выглядел даже страшновато.— Давай поговорим как мужчина с мужчиной,— предложил я,— скажи мне, что тебя гложет, и я постараюсь чем-нибудь помочь.

— У тебя не получится.— Он сел с таким же унылым выражением лица, что и раньше.— Я очень волнуюсь за мои пластинки.

— Какие пластинки?

— Ну те, фотографические, которые я везу с собой.

— Слушай, да они же в полной безопасности. И кроме того, слезами горю не поможешь.

— Ошибаешься,— сказал он.— Когда я впервые доверил их другому, то получил их назад порошком, в который они превратились после двух аварий. С тех пор у меня и появилась странная привычка самому заботиться о них. Я очень волновался за них прямо перед крушением «Сэнчури Экспресса» и разбил тогда, к счастью, только две. Волновался я и перед Большим Неапольским землетрясением. И тогда у меня разбилось всего шесть штук. Видишь, все это не так просто. Ладно, ты иди, а я должен поволноваться как следует,— сказал он, откинулся назад, затянул ремни и вернулся к своим переживаниям.

Вы можете себе такое представить? Я все еще был под впечатлением того, что услышал от фотографа, как вдруг, поднявшись на мостик, услышал громкие крики. Это Макналти орал на марсиан. Они

вылезли из своего специального отсека, где поддерживается давление три фунта — то, к которому они привыкли. Теперь же они все выползли на мостик, в отвратительную для себя атмосферу. Значит, дело того стоило.

Кто-то торжественно прошествовал вниз по трапу, неся в руках вазу яркой раскраски и самой что ни на есть омерзительной формы. Марсиане протестовали все громче и громче. Они визгливо чирикали, сердито размахивая щупальцами. Я подумал, что эта фарфоровая уродина, должно быть, представляет собой приз, полученный Кли Моргом за победу в каком-нибудь шахматном чемпионате, и является марсианским вариантом нашего призового кубка. С земной точки зрения ваза была отвратительна. В любом случае приказ командира — закон, и эта уродина должна остаться на Земле.

Раздался вой сирены, предупреждавший всех, кто еще не пристегнулся, о том, что старт через тридцать секунд. Вы бы видели, как марсиане тут же заткнулись и бросились в свой отсек!

Я пристегнулся почти мгновенно. Воздушные люки закрылись. Вууууум! Будто гигантская рука надавила мне на череп, пытаясь протолкнуть его в ботинки, и на время я потерял сознание.

* * *

Планета, которая быстро увеличивалась в иллюминаторах, была чуть больше Земли. Освещенная сторона этой планеты переливалась черным, красным и серебряным цветами, в отличие от нашей — зеленой, голубой и коричневой. Эта была одной из пяти планет, вращавшихся вокруг светила, чуть меньшего и чуть более белого, чем наше Солнце. Нам повстречалась небольшая группа астероидов, также обосновавшихся в этой системе, но мы лихо пролетели сквозь них.

Понятия не имею, как называлась звезда, служившая им светилом. Эл Стор сказал, правда, что это

небольшая звездочка в окрестностях Волопаса. Ее выбрали лишь потому, что из всех окрестных звезд только у нее одной были планеты, а вторую планету выбрали потому, что она лежала прямо по курсу.

Мы приближались к ней на слишком большой скорости, поэтому не могли притормозить и облететь ее вокруг, чтобы тщательно все рассмотреть и выбрать место для посадки. Корабль мчался под прямым углом к ее орбите, причем прямо на саму планету. Мы собирались, помолившись и все такое, нырнуть в атмосферу. Оставалось только надеяться на благополучный исход.

Материальное воплощение неортодоксальных теорий Флетнера оказалось настолько впечатляющим, что просто сердце уходило в пятки, и, чтобы вернуть его на место, требовалось приложить немало усилий. Я думаю, что корабль был способен и на большее, если бы не ограниченные возможности наших хлипких организмов. Макналти поразительно точно определил пределы этих возможностей, поскольку после торможения и последовавшей за ним посадки я все еще был жив, но потом еще целую неделю на моем измученном теле оставались отпечатки ремней.

Отчеты из лаборатории гласили, что атмосферное давление равняется двенадцати фунтам и воздух вполне пригоден для дыхания. Мы бросили жребий, кому выходить первым. Макналти и правительственным экспертам не повезло. То-то было смеху! Первой из шапки достали бумажку с именем Кли Янга, затем — одного из инженеров по фамилии Бренанд, а остальными счастливчиками оказались Эл Стор, Сэм Хигнет и ваш покорный слуга.

У нас в распоряжении имелся всего один час. Это значило, что мы не можем отойти от «Марафона» дальше чем на пару миль. Скафандры оказались не нужны. Кли Янг мог бы надеть свой дыхательный аппарат, чтобы не лишать себя привычного давления в три фунта, но он решил, что час

сможет продержаться и при двенадцати. Повесив на шеи бинокли, мы прицепили к поясам игольные излучатели. Эл Стор взял портативную рацию, чтобы поддерживать связь с кораблем.

— Только смотрите без глупостей, ребята,— предостерег капитан, когда мы уже собирались выходить наружу.— Посмотрите, что там и как, а ровно через час — назад!

Последним из люка вылез Кли Янг. Он посмотрел на провожающую нас завистливыми взглядами команду корабля своими большими, как блюдца, глазами и сказал:

— Вы бы лучше разбудили Саг Фарна и сообщили ему, что мы совершили посадку.

Боже мой, ну и твердая же поверхность оказалась у этой планеты! Она переливалась то черным, то серебристым цветом, а кое-где ее покрывали алые пятна, разбросанные там и сям. Я поднял кусочек какого-то ужасно тяжелого металла и бросил его в открытый люк корабля, чтобы его как следует проанализировали. И в то же мгновение увидел разъяренного Кли Морга, высунувшегося из люка. Он посмотрел на ни в чем не повинного Кли Янга и сказал:

— Очень остроумно кидаться камнями в других! Думаешь, если оказался среди землян, то уже все можно, да? Ты же не ребенок!

— Ах ты ничтожный пешкоед,— начал было Кли Янг, стараясь говорить как можно спокойнее,— могу тебе сказать, что...

— Заткнись! — властно приказал Эл Стор. Он двинулся вперед на запад, где садилось здешнее солнце, так проворно шагая, будто хотел обойти всю планету. В руке он держал радиостанцию. Мы двинулись за ним. Через десять минут он уже обогнал нас на полмили и теперь ждал, пока его догонят.

— Эй, верзила, не забывай, что остальные-то из плоти и крови,— заныл Бренанд, когда мы наконец поравнялись со здоровенным вторым пилотом.

— А я нет,— возразил Кли Янг.— Слава Богу, что хоть я и мне подобные сделаны не из такой дряни.— Он презрительно свистнул, размахивая щупальцами в воздухе, в четыре раза более плотном, чем на его родимом Марсе.— Будто на лодке плывешь!

После этого наше продвижение замедлилось. Мы спустились в тенистую долину, выбрались из нее, перевалили через небольшой холм. За это время мы не встретили ни птиц, ни деревьев, ни кустов, ни каких-либо других признаков жизни. Ничего, кроме серебристо-черной, полуметаллической почвы, горной гряды, вздымающейся вдали, и поблескивающего контура «Марафона» позади.

В следующей долине оказалась быстрая речка. Мы наполнили водой флягу, чтобы затем передать в лабораторию для анализа. Сэм Хигнет даже рискнул ее попробовать и сообщил, что пить можно, если, конечно, не обращать внимания на сильный привкус меди. Вода оказалась голубоватого оттенка, а в глубине мелькали какие-то смутные тени. Почва на берегах была значительно мягче, чем та, с которой мы имели счастье познакомиться раньше.

Сидя на берегу, мы наблюдали за стремительным потоком, слишком быстрым и глубоким, чтобы пересечь его вброд. Спустя какое-то время мы увидели плывущее по течению обезглавленное тело неизвестного создания.

Изуродованное тело отдаленно напоминало омара-переростка. У него был красный хитиновый панцирь, ноги как у краба и две клешни как у омара. Размером он был раза в два меньше человека. Там, где, по-видимому, не хватало головы, болтались какие-то белесоватые нити. Крови не было. Как выглядела голова, оставалось только догадываться.

Труп — воплощение немой угрозы — развернулся и поплыл дальше, а мы как зачарованные следили за ним, пока наконец он не исчез за дальним изгибом реки. Но нас интересовало вовсе не то, как

выглядела его голова, а кто ее отделил от тела и зачем он это сделал. Все молчали.

Не успели останки скрыться за излучиной реки, как мы еще раз убедились, что планета обитаема. Ярдах в десяти от нас, в рыхлом береговом откосе я заметил небольшое отверстие. Оттуда выскользнуло какое-то живое существо, подошло к воде и стало потягивать ее небольшими глоточками.

Четвероногое, с длинным треугольным хвостом, оно напоминало игуану. Существо было покрыто черной, отливающей серебром кожей, которая тускло мерцала. Его зрачки казались маленькими блестящими щелками. Длиной же оно было футов шести, включая хвост.

Напившись вдоволь, существо развернулось и побежало обратно, но, заметив нас, резко остановилось. Я вытащил игольный излучатель — на тот случай, если ему в голову вдруг придет попробовать нас на вкус. Оно внимательно изучало нас, широко открывая рот и демонстрируя совершенно черную глотку и два ровных ряда таких же черных зубов. Эту демонстрацию своих боевых возможностей существо повторило еще несколько раз, но затем, видимо, собралось с мыслями. Невероятно, но оно подошло к нам, село рядом и тоже уставилось на реку.

Я никогда не видел более дурацкого зрелища, чем мы являли собой в тот момент. Первым сидел Эл Стор, огромный и внушительный, с лицом цвета выделанной кожи. Рядом — негр Сэм Хигнет, наш хирург. Его сверкающие белизной зубы резко контрастировали с черной кожей. Дальше сидели коротышка-землянин Бренанд и марсианин с десятью щупальцами и с похожими на блюдца глазами. Потом я — седеющий землянин средних лет — и, наконец, это черное и блестящее невесть что. И вот теперь представьте себе всю эту разношерстную компанию, которая молча сидит и угрюмо созерцает реку.

Никто не проронил ни слова. Да, собственно говоря, нам и сказать-то было нечего. Мы смотрели на реку, и эта дрянь тоже. Все пребывали в спокойствии. Я сразу подумал о молодом Уилсоне и о том, как тот, наверное, нянчился бы с пластинкой, на которую ему удалось бы запечатлеть эту сцену. Жаль, его с нами не оказалось. Через некоторое время по реке проплыло еще одно тело, точно такое же, как первое. И тоже без головы.

— Видимо, кто-то кому-то ужасно не нравится,— сказал Бренанд, решив, видимо, нарушить общее молчание.

— Они независимы,— вдруг спокойно промолвила игуана,— как и я.

— А-а?!

Никогда еще пятеро людей не вскакивали так быстро и не восклицали столь одновременно.

— Никуда не уходите,— посоветовала ящерица.— Может быть, увидите что-нибудь.— Она взглянула на Бренанда и поплелась обратно в свою нору. Ее хвост блеснул серебром и исчез.

— Ну и ну,— сказал Бренанд, тяжело дыша.— Ушам своим не верю! — Ошеломленно вытаращив глаза, он подошел к норе, встал на колени и крикнул: — Эй!

— Его нет,— отозвался из норы чей-то голос. Облизывая губы, Бренанд жалобно, как побитый пес, посмотрел на нас. Потом пробормотал что-то вроде:

— Кого нет?

— Меня, кого же еще,— ответила ящерица.

— Вы тоже слышали или это мне показалось? — ошеломленно спросил Бренанд, вставая и глядя на нас.

— Ты ничего не слышал,— сказал Эл Стор, опередив остальных.— Эта тварь не сказала ни слова. Я внимательно наблюдал за ней, но она даже рта не раскрыла.— Его испытующий взор упал на нору.— Это были мысли животного, которые передавались тебе телепатически, и, конечно, твой мозг перевел их в человеческие понятия. Но ты не при-

вык получать телепатические сигналы и раньше с этим не сталкивался, и поэтому ты решил, что слышал настоящую речь.

— Никуда не уходите,— повторила ящерица.— Но только не крутитесь возле моей норы. Я люблю спокойствие. Так безопаснее.

Эл взял рацию.

— Я сообщу им о безголовых телах и спрошу, нельзя ли нам пройти еще пару миль вверх по течению.

Он включил рацию. Прибор тут же выдал нечто, очень напоминающее шум Ниагарского водопада. Больше не было слышно ровным счетом ничего. Эл переключил рацию на передачу, несколько раз попробовал вызвать корабль, но в ответ получил лишь тот же мощный шум.

— Может, статика? — предположил Сэм Хигнет.— Попробуй переключить частоты.

Рация имела ограниченный диапазон частот, и Эл Стор проверил его целиком. Грохот водопада постепенно сменился жутким шумом, напоминавшим треск миллионов цикад. Затем он сменился свистом, который через некоторое время вновь уступил место водопаду.

— Не нравится мне это,— дал свою оценку происходящему Эл.— Мы возвращаемся. Пошевеливайтесь.

Эл быстро поднялся по береговому откосу и вышел на ровное место. Своей могучей фигурой, выделявшейся на фоне вечернего неба, он напоминал какого-то сказочного великана.

Он прибавил шагу, так что за ним было просто не угнаться. Остальные не стали возражать. Все его беспокойство мгновенно передалось и нам. Да еще и эти обезглавленные тела...

* * *

Макналти, выслушав наш доклад, послал за Стивом Грегори и попросил того выйти в эфир. Стив

выполнил приказ и через несколько минут вернулся из радиорубки. Его брови были нахмурены.

— Капитан, их сигнал можно поймать только в ультракоротком диапазоне, а он так забит, что и слова не ввернуть.

— Что? — прорычал Макналти.— Как это так забит?

— Тремя разными видами шумов,— ответил Стив.— Постоянный свист, который, должно быть, является сигналом, указывающим направление. Затем восемь разных видов водопадов. Мне кажется, что это какие-то мощные потоки энергии. Кстати говоря, судя по царящему здесь в эфире хаосу, это место так и кишит жизнью.— Все это время он выделывал своими бровями всевозможные пируэты.— Телепередач засечь не удалось, только помехи по всему экрану.

Посмотрев в иллюминатор, один из правительственных экспертов мрачно заметил:

— Если эта планета так густо заселена, как вы утверждаете, то мы, должно быть, приземлились в местной Сахаре.

— Мы воспользуемся шлюпкой,— решил Макналти.— Пошлем на ней трех хорошо вооруженных людей и дадим им полчаса, чтобы как следует осмотреть все вокруг. Они успеют пролететь около пятисот миль и вернуться до наступления темноты.

Каждый из нас хотел бы принять в этом участие, но Макналти на сей раз сам назначил разведчиков. Одним из них оказался правительственный биолог Хейнс, а двумя другими — инженеры, умевшие управляться со шлюпкой.

Десяти минут вполне хватило, чтобы автоматические краны опустили шлюпку на землю. Все трое влезли в нее. У каждого был игольный излучатель. На борту также имелось шесть миниатюрных атомных бомб, а из прозрачной орудийной башни угрожающе торчали четыре ствола артиллерийской ус-

тановки. Эта маленькая экспедиция была вооружена что надо! И дело не в том, что мы ожидали каких-то неприятностей, просто мы не хотели полагаться лишь на удачу!

С ужасным воем двенадцатитонный цилиндр взвился вверх и почти сразу превратился в маленькую точку. Стив установил радиосвязь со шлюпкой, и теперь биолог Хейнс, стоя у иллюминатора, докладывал обстановку:

— Отлетели на шестьдесят миль, высота — шесть миль. Впереди показались горы. Набираем высоту.— Затем на минуту воцарилось молчание.— Находимся на высоте двенадцать миль. Вижу длинную прямую линию явно искусственного происхождения, тянущуюся вдоль предгорий. Начинаем снижаться, ниже, ниже... О Господи, да это же дорога!

— Там есть движение? — прокричал Стив, хмуря брови.

— В данный момент нет. Дорога в прекрасном состоянии. Не заброшенная, но, видимо, используют ее редко. Да на горизонте еще одна, наверное милях в сорока. Кажется... кажется... по ней что-то движется.— Он опять смолк, а мы, его слушатели, тем временем просто-таки подпрыгивали от нетерпения.— Боже мой, да их там полно...

И тут его голос пропал. В эфире слышалось только какое-то шуршание, напоминающее шорох осенних листьев.

Стив в неистовстве ходил вокруг приемника, что-то регулируя и настраивая, чтобы вернуть голос, так неожиданно исчезнувший. Но у него ничего не получалось, из динамика доносился только нагоняющий жуть шорох на частоте четыре-двадцать и грохот водопадов на частоте около двухсот.

Экипаж предложил отправить вторую лодку на поиски первой. У нас на борту находились четыре такие шлюпки, а кроме того, катер, который был и чуть больше, и гораздо быстрее шлюпок. Но Макналти лететь больше никому не разрешил.

— Нет, ребята,— сказал он совершенно спокойно.— На сегодня хватит и одной группы. Давайте дождемся ее. С ними, скорее всего, все в порядке. Наверное, у них вышло из строя радио или какая-нибудь ничтожная поломка в системе управления.— Он сверкнул глазами.— Но если она не вернется до рассвета, нам придется выяснить, что к чему.

— Конечно! — раздались крики из толпы.

Трам-тарарам! Треск прозвучал в полной тишине. Странный, хотя и знакомый звук, но только не тот, что может производить наша шлюпка.

Мы еще никогда не выскакивали из люка с такой скоростью.

Оказавшись снаружи, мы прижались спинами к огромному изогнутому корпусу «Марафона» и уставились на небо. И тут появились они... один, два, три, пять — длинные черные корабли пикировали прямо на нас.

Молодой Уилсон прямо аж засиял от радости и взвизгнул:

— О Боже!

Неизвестно откуда у него в руке появился фотоаппарат. Он навел объектив прямо на эти черные, приближающиеся к нам штуковины.

Никто из нас не догадался сбегать за биноклем, но Элу Стору он и не был нужен. Пилот стоял запрокинув голову и выпятив грудь. Его сверкающие глаза не отрывались от воздушного представления, которое нам выпала честь наблюдать.

— Пять штук,— сказал он.— Высота десять миль. Движутся быстро, вверх по параболе. Или они покрашены в черный цвет, или сделаны из какого-то металла черного цвета. Не похожи ни на один из земных аппаратов. Хвостовые сопла находятся снаружи, а не внутри кормовой части корабля. На носу и на корме у этих штуковин имеются стабилизаторы.

Он продолжал наблюдать за ними и после того, как лично я понял, что скоро вывихну шею. С за-

тихающим шумом эти пятеро исчезли у нас из виду. Они пролетели прямо над «Марафоном», но, видимо, на такой высоте, откуда наш корабль был виден так же, как иголка в стоге сена.

Кли Морг прощебетал:

— И все-таки они не так уж и отстали от нас, и космические корабли у них тоже есть. К тому же они делают омарам ампутацию головы, и вполне вероятно, что не эти существа являются самыми радушными существами во Вселенной. Я уже прямо-таки вижу, как им подают к обеду мое большое щупальце!

— Советую надеяться на лучшее, а не ждать худшего,— наставительно заметил Макналти. Он оглядел экипаж, затем «Марафон».— Кроме того, наш корабль гораздо быстрее тех, что предназначены для полетов в Солнечной системе, и мы можем постоять за себя.

Он многозначительно похлопал по излучателю. Я никогда не видел нашего пухленького и добродушного капитана таким грозным. У него была совершенно изумительная черта характера — он никогда не выказывал своих эмоций. Но в нужное время, в нужном месте он вдруг проявлял решительность...

Но, конечно же, не могло быть никого решительней Эла Стора, стоявшего в сторонке. Что-то монументальное ощущалось в этом парне, твердо стоявшем на ногах, дававшем отрывистые команды и с ходу принимавшем решения. В нем было нечто от тех древних идолов, которых находят в самых странных и отдаленных местах. Голос Джея пророкотал в тишине:

— Все, представление окончено. Возвращаемся в корабль и дожидаемся рассвета.

— Правильно,— согласился Макналти.— Надеюсь, завтра мы получим ответы на некоторые свои вопросы, независимо от того, вернется шлюпка или нет.

Тогда он еще не знал, что завтра ему, как и всем остальным, будет не до вопросов. Равно как не знали этого и остальные. А молодой Уилсон не свистел бы так громко и радостно по поводу удачного кадра, если бы знал, что не пройдет и суток, как он навсегда лишится его.

Один из пилотов, стоявший ночью на вахте, первым заметил какие-то машины. Они появились внезапно, всего за час до рассвета. Какие-то едва заметные тени подкрадывались к кораблю в ночной темноте, тускло освещаемой только блекнущими звездами.

Поначалу он решил, что это визит каких-то плотоядных представителей местной фауны. Но сомнения терзали его все сильнее, и наконец, не выдержав, он поднял тревогу. Услышав ее, экипаж мигом оказался на своих постах. Один из инженеров подтащил к иллюминатору переносной прожектор и начал прощупывать его мощным лучом окружающую темноту.

Луч осветил нечто большое и блестящее, тут же ретировавшееся, видимо из-за яркого света. Это нечто передвигалось так быстро, что нам так и не удалось как следует разглядеть его. Мы только увидели, что это существо представляло собой шар со щупальцами, ободком, очень напоминавшим расположенное в вертикальной плоскости колесо. Прожектор не мог уследить за всеми хитроумными трюками существа, так как его возможности были ограничены размерами иллюминатора. Мы ждали затаив дыхание, но ничто так и не пересекло яркую полосу света. Хотя мы чувствовали, что пространство вокруг так и кишит какими-то тварями.

Откопав еще пару прожекторов, мы расположили их у других иллюминаторов, пытаясь подловить нападавших тем, что включали и выключали прожекторы с некоторыми интервалами. Этот метод оказался наиболее эффективным. Мы опять смогли

на какую-то долю секунды увидеть уворачивающийся от луча прожектора шар.

Минуту спустя луч второго прожектора осветил гигантскую ажурную металлическую руку, поднимающуюся вверх в окружающей тьме. Оканчивалась эта рука чем-то большим и грозным, но только не кистью. Эта штука больше всего напоминала экскаватор.

— Вы видели! — завопил Стив. Хотя лицо его и скрывалось в тени, но я уже живо представлял, как у него сейчас скачут брови. Ходили даже слухи, что однажды брови оказались у него на затылке.

Я слышал, как сзади тяжело дышит Бренанд, и чувствовал легкое гудение Эла Стора. От прожектора исходил легкий запах нагретого металла.

Со стороны кормы послышались какие-то постукивания и скрежет. Это была мертвая зона нашей обороны. В кормовой части находились сопла двигателей, а мы никак не могли посмотреть, что там происходит. Макналти отдал приказ. Два инженера и навигатор бросились его исполнять. У нас не было возможности выяснить, на что способны эти существа, но если они занялись разборкой наших двигателей, нам грозило остаться здесь навсегда.

— Пора решать, что делать.— Как всегда, Эл Стор попал прямо в точку.

— В смысле? — спросил Макналти.

— Ну, мы можем выйти наружу, а можем улететь и оставить их здесь.

— Да понял я, понял! — Макналти немного нервничал и поэтому повысил голос.— Но мы так и не выяснили — друзья они нам или враги. Я бы не стал заранее утверждать, что враги, но и не взял бы на себя смелость говорить, что друзья. Нам надо соблюдать осторожность. Земные власти не одобрят, если мы будем вести себя слишком грубо по отношению к туземцам без видимой на то причины.— Он с отвращением фыркнул.— Это значит, что, если они настроены враждебно, мы будем вынуждены

бежать или стараться выяснить причины этой враждебности.

— Предлагаю,— весело сказал Кли Янг,— открыть люк и спеть им песенку. Когда кто-нибудь из них подойдет к нам, мы затащим его внутрь и дадим ему полюбоваться нами. Если он отнесется к нам положительно, мы его расцелуем, а если нет — разрежем на куски и выкинем наружу.

Дзын-н-нь! С кормы донесся громкий звон. Макналти аж содрогнулся, когда представил, что это зазвенело, упав на землю, одно из его драгоценных сопел. Он раскрыл рот, собираясь что-то сказать, но так и закрыл, не сказав ни слова, поскольку из машинного отделения вдруг донесся яростный рев. В следующее мгновение последовал сильный удар, и корабль проехал на брюхе ярдов двадцать.

Помогая встать на ноги упавшему капитану, Эл Стор сказал:

— Похоже, шеф Эндрюс поставил вопрос ребром. Он никому не позволит возиться с его трубами!

Сердитое бормотание из машинного отделения доносилось по-прежнему. Эта ругань очень напоминала поток бурлящей вулканической лавы. Макналти прекрасно знал, что, когда шеф в таком состоянии, его лучше не трогать.

Выглянув в иллюминатор, чтобы оценить обстановку, Макналти заметил освещенный лучом прожектора механизм. Нахмурившись, он обратился скорее только к Элу Стору, чем ко всем остальным.

— У нас два варианта. Мы можем сейчас же улететь, а можем попытаться отбить у них охоту ковыряться в корабле. Первый вариант означает потерю шлюпки. Но если смотреть правде в глаза, то второй вариант тоже сулит большие неприятности.— Его блуждающий взгляд остановился на Стиве Грегори.— Стив, иди и попробуй еще раз связаться со шлюпкой. Если у тебя получится, мы передадим им инструкции и только тогда откроем люк.

— Есть, капитан.— Стив ушел, причем брови все еще были у него на лбу. Он вернулся через пять минут.— Ни гу-гу.

— Что ж, в таком случае прошу приготовить оружие. Притащите один из этих прожекторов к шлюзу и направьте его на люк.— Он замолчал, так как «Марафон» вдруг резко накренился градусов на десять, а затем медленно встал на место.— Да, кстати, рядом с прожектором поставьте нашу скорострельную пушку.

Команда бросилась выполнять приказ, а он остался с Элом Стором и двумя инженерами, устанавливавшими прожектор.

— Уф-ф-ф,— вздохнул Макналти.— Страшно даже подумать, что за штуковина сумела сдвинуть с места наш корабль!

Клац-клац-клац! Похожий на звук гонга звон разнесся по всему «Марафону». Я услышал его у себя в оружейной, где готовил оружие для выдачи экипажу. Второй толчок оказался еще сильнее, чем первый. Корабль наклонился градусов на пятнадцать, но вскоре опять вернулся в первоначальное положение.

Выбегая с ворохом лент для артиллерийской установки, я увидел Эла, который ждал меня у люка шлюзовой камеры. Корабль снова содрогнулся. Эл никак не отреагировал на это, а просто продолжал стоять как ни в чем не бывало на своих каучуковых под ошвах, будто приклеился к стальной палубе. Он стоял незыблемо, как скала, наблюдая горящими глазами за открывающимся внешним люком.

Наконец мощная крышка люка отъехала и безжизненно застыла. Контрольный механизм закрепил эту громадину в стороне, и сразу же мощный, слепящий глаза луч прожектора ударил в дверной проем.

В темноте тут же послышались шорох, звон и скрежет, но на виду еще долго никто не появлялся. Скорее всего, открывшийся проход приняли за

еще один наблюдательный пункт. Мы все сгорали от нетерпения, но в поле зрения по-прежнему никто не показывался.

Рискуя собой, Дрейк, наш штурман, встал в полосу света и медленно пошел по направлению к круглому отверстию люка. Подойдя к самому краю, он огляделся. В следующее же мгновение Дрейк испустил приглушенный крик и исчез.

Здоровенный, широкоплечий, кривоногий инженер шел позади Дрейка, он с обезьяньим проворством вытянул толстую волосатую руку, чтобы схватить исчезающего человека. Но опоздал на какое-то мгновение. Стоя с убитым видом на самом краю проема, он вдруг тоже издал приглушенный рев и провалился в темноту. К этому моменту Бренанд дошел до середины прохода, но остановился, услышав предостерегающий крик Макналти.

Бренанда утащить не смогли. Как только что-то снаружи попыталось сделать это, он дико завизжал, но когда извивающееся марсианское щупальце обмоталось вокруг его талии и стало втягивать его обратно, он завизжал еще сильнее. Должно быть, Кли Янгу пришлось нелегко, раз ему, чтобы втянуть Бренанда, пришлось присосаться к полу для устойчивости.

Совершенно спокойно Макналти спросил:

— Что это было, Бренанд?

Не успел тот ответить, как снаружи послышались сильный удар и звон. В открытый шлюз полезла огромная, угловатая, блестящая штуковина. В свете прожектора она была отлично видна. Я хорошо разглядел ее квадратную переднюю часть с медной закрученной антенной, похожей на карикатурный завиток наверху, и двумя огромными линзами, уставившимися на свет с равнодушием кобры.

Не дожидаясь приказа Макналти, стрелок, сидевший за скорострельной пушкой, решил, что уже нет времени писать в штаб докладные, и начал стрелять. Грохот был ужасный, так как заработали все

восемь стволов и поток небольших снарядов устремился в отверстие люка. Вторгшееся существо просто разлетелось на куски прямо у нас перед глазами, а клочья разорванного металла, осколки стекла и пустые гильзы полетели во все стороны.

Не успел первый нападающий исчезнуть, как его место занял второй, который не мигая смотрел на весь этот ужас. Такой же плоский, такая же медная антенна, такие же холодные, ничего не выражающие глаза-линзы. Этот тоже разлетелся на куски. А за ним еще и еще. Стрелок уже просто озверел и на чем свет стоит проклинал левый подающий механизм за то, что снарядная лента медленно движется.

Короткое затишье последовало только после того, как четвертый пришелец был разнесен в пух и прах. Вскоре тишина была нарушена лязгом новых лент, заправляемых в пушку.

— Да, уж тут нашим властям будет нечего возразить,— решил капитан Макналти.— Как-никак я лишился двух людей, не считая шлюпки, конечно.— Кажется, он испытывал-огромное удовольствие от того, что его совесть чиста.

Кто-то, громко топая, подошел к нему и сказал:

— Третий прожектор только что засек Дрейка и Миншула. Их куда-то потащили.

— Хорошо, значит, они вне зоны поражения? — спросил Эл Стор.— Прекрасно! — Он бросил взгляд на проем. Правой рукой он подбрасывал и ловил яйцевидной формы предмет, который являлся не чем иным, как карманной атомной бомбой. Он подбрасывал ее с таким безразличным видом, что у меня от напряжения чуть не прорезался второй ряд зубов.

— Ради всего святого, прекрати! — завопил кто-то, видимо испытывая те же чувства, что и я.

Эл огляделся, чтобы узнать, у кого это нервы не в порядке. Взгляд его оставался холоден, очень холоден. Затем он нажал кнопку на яйце и бросил его в темноту снаружи. Все, включая Макнал-ти, тут

же легли на пол, и, если бы это была голая земля, а не стальной пол, они бы, наверное, закопались в нее.

Затем последовала ослепительная вспышка, и раздался ужасающий грохот. Корабль качнулся на один бок, потом на другой, и так несколько раз — как при землетрясении.

Откуда-то из темноты прилетело искореженное длинное металлическое щупальце и со звоном ударилась в стену. Что-то отдаленно напоминающее конец перископа рикошетом отскочило от щитка пушки, просвистело над растянувшимся на полу грузным капитаном, ударилось о прожектор, ободрало мне ухо и оставило длинную желтоватую царапину на стальном полу.

Мы очень заблуждались, надеясь, что это затишье снаружи будет долгим. Не успели стихнуть отзвуки взрыва, как со стороны кормы донесся звук яростно распарываемого металла. Лязгающие ноги и грохочущие клешни пробили обшивку корабля и ворвались внутрь. Сзади, где-то в районе машинного отделения, кто-то звал на помощь, ругался и, задыхаясь, хрипел.

Стоило нам повернуться туда, откуда, слышались звуки приближения врага, как чудовища начали новое массированное наступление через шлюзовую камеру. Но наш стрелок оставался на своем месте и, не обращая внимания на то, что происходит у него за спиной, снова сконцентрировал огонь на отверстии люка. Но пробравшиеся через раскуроченную корму представители инопланетной металлической фауны уже катились на нас лавиной.

Следующие две минуты пролетели как один миг. Я увидел, как вкатывается шар в сопровождении каких-то ужасных железных чудищ с суставчатыми ногами и клешнями, некоторые — со щупальцами или с нелепым набором каких-то странных инструментов.

Одна из клешней раскалилась докрасна и бессильно повисла, когда в нее попал лазерный луч.

Но ее похожий на гроб обладатель, сверкая выпученными глазищами, поспешил дальше, как будто ничего не произошло. Во время нашего беспорядочного отступления я заметил юного Уилсона, который успел выжечь глаз одному из нападавших до того, как тот его схватил.

Вдруг пушка неожиданно прекратила неистовую стрельбу и повалилась набок. Что-то холодное, твердое и скользкое обвило мою талию и подняло. Меня вынесли из корабля через шлюзовую камеру, хватка моего похитителя не ослабевала. Я успел заметить, как вооруженное разными инструментами чудовище точно так же схватило и несет нашего капитана, а тот бешено вырывается и размахивает руками.

Последнее, что я увидел среди всей этой суматохи,— активно жестикулирующий металлический шар, плавно поднимающийся к потолку. Он болтался на конце чего-то толстого и покрытого присосками, что, по-видимому, никак его не отпускало. Тут Макналти и его похититель заслонили от меня эту сцену, но я догадался, что один из марсиан прилепился к потолку и аккуратно занимается своеобразной рыбалкой, вылавливая своих жертв из кишевшей внизу толпы.

Схватившая меня штуковина быстро топала к начинающему светлеть горизонту. Солнце должно было взойти минут через двадцать. Окрестности уже заливал слабый свет.

Мой похититель надежно прикрепил меня к своей плоской спине. Грудь мою и талию туго стягивали какие-то провода, а руки и ноги удерживала суставчатая рука. Я мог только немного шевелить ступнями, да в руке все еще оставался тяжелый излучатель, но в таком положении воспользоваться им не представлялось возможным.

В дюжине ярдов позади меня, как мешок с мукой, тащили Макналти. Его нес другой урод. Он выглядел внушительнее: с восемью ногами, а вмес-

то щупалец — дюжина рук разной длины. Четыре руки обхватили корчившегося капитана, а две передние были сложены, как у богомола, остальные болтались по бокам. Я заметил, что хитроумная завитушка на спине у моего похитителя иногда как бы вопросительно выпрямлялась, а затем вдруг снова скручивалась, как часовая пружина.

Мы двигались мимо других машин. Многие суетились около развороченной кормы «Марафона». Большие, маленькие, длинные — одним словом, всякие. Среди них выделялась ужасная машина с рукой, похожей на стрелу экскаватора. Она с невозмутимым видом стояла в глубокой траншее, вырытой в земле под кормовыми соплами корабля. Шесть машин снимали сопла с днища. Верхние были уже сняты и теперь лежали на земле, как вырванные зубы.

Да, подумал я с горечью, тут есть над чем потрудиться герру Флетнеру с его гением. Если бы не этот башковитый ублюдок, я бы сейчас преспокойненько сидел в старой доброй «Колбаске».

Штуковина, на которой я сейчас совершал вынужденную прогулку, начала ускорять шаг, плавно переходя на неуклюжий галоп. Я никак не мог изогнуться таким образом, чтобы как следует рассмотреть ее. Я слышал, как стучат металлические лапы по полуметаллической земле, но все, что мне удавалось увидеть,— это сустав ноги, выделяющий сильно пахнущее машинное масло.

Бегущий позади здоровяк, тащивший не менее здоровенного Макналти, тоже прибавил шагу. Становилось все светлее и светлее. Я как мог задрал голову и увидел целую процессию нагруженных членами экипажа машин, тянувшуюся от самого корабля. Только мне не удалось различить, кто кого несет.

Мое внимание привлек какой-то шум. Ночь еще не окончательно сдала свои позиции, и на сей раз мне не удалось разглядеть космические корабли, хотя я и мог представить траекторию их полета,

так как они то и дело с грохотом проносились с севера на юг.

Наконец через час мой похититель остановился и поставил меня на землю. За это время мы, наверное, преодолели около тридцати миль. У меня ныло все тело. Солнце уже стояло в зените, и я обнаружил, что мы находимся на краю широкой, гладкой дороги, покрытой тусклым, свинцового цвета металлом. Штуковина, с виду очень напоминающая гроб футов семи длиной,— фантастическая лошадь, на которой я проделал весь этот путь,— стояла и разглядывала меня своими немигающими глазищами-линзами.

Вновь схватив, она затолкала меня в кузов стоящей неподалеку машины. Это была большая коробка на колесах с неизменной медной антенной, торчащей сверху. Я успел только заметить примерно с дюжину похожих тележек, выстроившихся в ряд, и очутился в полной темноте.

Через полминуты ко мне присоединился капитан. Затем Бренанд, Уилсон, помощник капитана и два инженера. Капитан тяжело дышал. Инженеры извергали лишь забавную смесь венерианских, марсианских и земных ругательств.

Дверь с шумом захлопнулась. Машина вздрогнула, как будто ее кто-то толкнул невидимым пальцем, и покатилась вперед. В ней ужасно воняло смазкой. В темноте кто-то все время сопел и негромко ругался. Думаю, это был Бренанд. Найдя зажигалку, капитан зажег ее, и мы смогли осмотреться. Наша передвижная тюрьма оказалась стальной камерой футов девяти в длину и около шести в ширину. Чего здесь явно не хватало, так это вентиляции. Запах масла стал невыносимым настолько, что у нас начали слезиться глаза.

По-прежнему сопя и ругаясь, обиженный Бренанд поднял свой излучатель и начал выжигать отверстие в потолке. Тогда и я воспользовался своим и помог ему вырезать лучом металлический круг.

Это оказалось нетрудно. Через пару минут тяжелая круглая пластина свалилась на пол. Если фургон, который нас вез и обладал какой-нибудь чувствительностью, то он совершенно никак не отреагировал на повреждение и продолжал ехать не останавливаясь.

Сквозь крышу мы, к своему вящему удивлению, никакого неба не увидели. Никаких кудрявых, облачков, которые должны были приветствовать наше появление, и даже милый нашему сердцу свет почему-то не залил кабину. В отверстии виднелся толстый слой какой-то темно-зеленой субстанции, ставшей непреодолимой преградой для наших излучателей. Как мы ни старались, с этим слоем ничего поделать не смогли.

Со стенами и дверью было то же самое. Опять то же темно-зеленое вещество. Слабым местом оказался лишь пол. Пока машина неслась в неизвестность, мы прорезали в нем дырку. Сквозь нее тут же хлынул свет, и мы как зачарованные уставились на быстро вращающуюся ось и улетающее вдаль полотно дороги.

Направив излучатель вниз, Бренанд сказал:

— Ну я им сейчас устрою! — и перерезал ось лучом.

Машина по инерции проехала еще немного и остановилась. Мы поздравили друг друга с тем, что обошлось без катастрофы. Идущие за нами машины одна за другой объехали нас и продолжили свой путь. Мы с Бренандом осматривали отверстия в полу, пока остальные бдительно следили за дверью. Макналти и его помощник потеряли свое оружие еще во время баталии. Зато один из инженеров сумел сохранить лучемет, а другой прихватил с собой свой четырехфутовый гаечный ключ. Поговаривали, что он не расстается с ним даже во сне.

Оставалось только догадываться, был ли у нашего фургона шофер, или он двигался автомати-

чески, а то и управлялся дистанционно. Но если бы шофер или кто-нибудь еще попытался открыть дверь, то без боя мы не сдались бы. Правда, ничего подобного не происходило. Мы подождали пять минут, в течение которых я размышлял о том, кто еще из нашего экипажа посажен в такие же фургоны и какая участь нас всех ожидает.

Затем мы расширили отверстие в полу настолько, чтобы через него можно было выбраться. Но в этот момент послышались приближающиеся звуки чего-то огромного и тяжелого. Мы почувствовали толчок, затем что-то громко щелкнуло, и в следующее мгновение мы снова покатились вперед, все быстрее и быстрее. Очевидно, теперь нас толкали сзади.

Вскоре полотно дороги мелькало с такой скоростью, что все мысли о побеге через отверстие в полу отпали сами собой. Вылезти через него было бы просто самоубийством. Если бы нас при этом и не перемололи огромные колеса, то обязательно раздавила та штука, что ехала за нами.

— Да,— заметил Макналти,— весьма досадно.

— Досадно? — переспросил Бренанд, как-то странно посмотрев на. него. Он опустился на колени, высунул голову в отверстие и несколько раз глубоко вдохнул. Один из инженеров зашелся беззвучным смехом.

— Черт, я потерял камеру для ночной съемки, которая обошлась мне в семьсот баксов,— вдруг яростно сказал Уилсон. Его ненавидящий взгляд просто прожег капитана насквозь.— А это уже не просто досадно! Это крайне досадно! Я с них еще сдеру их металлические шкуры! При первой же возможности.

— Вот твоя чертова камера,— произнес Бренанд. Он поднялся на ноги, вытащил ее из кармана и отдал Уилсону. Это была вещица не больше пачки сигарет.— Ты ее выронил. А я успел подобрать, когда меня вытягивали вслед за тобой.

— Спасибо, ты настоящий друг! — Уилсон нежно обхватил камеру и начал гладить пальцами.— А я так из-за нее переживал.— Он уставился прямо на меня и повторил: — Да, переживал.

Один из инженеров взглянул на мелькающую внизу дорогу. Сломанная ось, конечно, не вращалась.

— Нас, похоже, тащат на буксире. Если бы точно знать, что сзади нас ничего не едет...— Он помолчал, а затем продолжил: — Эй, подержите-ка меня за ноги, а я высунусь наружу и все как следует рассмотрю.

— Не надо,— отрезал Макналти.— Все равно мы едем слишком быстро, чтобы выпрыгнуть. Будем держаться вместе и вместе встретим опасность.

Мы сели на пол, прижавшись спинами к холодным стенам, тоскливо наблюдая за пятном света на полу. Кто-то достал герметично упакованную баночку с сигаретами, вскрыл ее и пустил по кругу. Курили мы в полной тишине.

Вдруг наш экипаж остановился, и послышался ужасный скрежет и звон. Машину встряхнуло так, будто она ткнулась в нечто невообразимо огромное. Затем за дверью что-то заурчало, как динамо-машина. Мы встали лицом к двери, готовые к обороне. Те, у кого были лучеметы, направили их на дверь.

Дверь щелкнула и мгновенно распахнулась. Огромная, суставчатая рука пролезла в отверстие и начала слепо шарить внутри. Она напомнила мне руку продавца в зоомагазине, пытающегося нащупать в огромной коробке маленькую белую мышку. Разинув рот и направив лучемет на самый дальний ее сустав, я смотрел на странную блестящую конечность. Вдруг один из инженеров нырнул под нее и с отчаянным криком выпрыгнул наружу.

Уродливая лапа уже схватила капитана, когда в ее заднюю часть ударил яркий луч, и она тут же лишилась возможности изгибаться. Лапа неуклю-

же подалась назад, а в это мгновение второй инженер тоже ринулся вперед, размахивая своим четырехфутовым гаечным ключом. Глупые мысли всегда приходят в самые неподходящие моменты. Выскакивая из фургона вслед за вычислителем и Макналти, я вдруг вспомнил, что еще ни разу не видел этого инженера без его ненаглядного ключа.

Битва снаружи оказалась ожесточенной, но недолгой. Нам противостояло порядка сорока машин восьми различных типов. Шесть из них были не больше собаки. Они только и делали, что болтались вокруг и наблюдали за происходящим. А самый крупный из противников был размером с пульмановский вагон и имел одну огромную телескопическую руку, заканчивающуюся большим черным диском.

Ярдах в пяти от двери мы увидели инженера, который выскочил наружу первым. Его держал в объятиях один из гробиков, а несчастный пытался излучателем выжечь ему глаз. Инженер с гаечным ключом сцепился с шаром, изо всех сил нанося ему сильные, но явно не причиняющие особого вреда удары по тем местам, откуда торчали металлические щупальца. При этом инженер осыпал беднягу страшными проклятиями, причем, насколько я успел заметить, не повторяясь.

Левее высокая, совершенно идиотского вида конструкция, отдаленно напоминающая трезвого жирафа в представлении пьяного сюрреалиста, схватила Макналти и бросилась с ним прочь. У «жирафа» было четыре руки, которыми он крепко держал невезучего капитана, и четыре неуклюже переступающие ноги, а еще — ужасно длинная шея, на конце которой красовался единственный глаз. Все еще не потерявший присутствия духа капитан тщетно пытался оказать сопротивление.

Пучеглазый гроб с разведенными в стороны конечностями бросился ко мне, чтобы нежно прижать к груди. Он топал, как разъяренный африканский

носорог. Звук, от которого кто угодно затрепещет. Он был уже так близко, что я почувствовал характерный запах перегретого машинного масла. Я отступил назад, думая, что на таком расстоянии длины его рук не хватит, но он тут же проворно выдвинул их из туловища еще на двадцать дюймов. Этот трюк чуть не стоил мне головы. Я быстро отпрыгнул, споткнулся и упал, чувствуя, как его неуклюжая рука просвистела прямо у меня над ухом.

Сражение проходило в полной, какой-то противоестественной тишине. Наши противники не издавали ни звука. Только изредка слышались наши ругательства и возгласы, урчание невидимых моторов, звон металлических щупалец, лязг металлических рук да тяжелый топот.

Мой противник наклонился, чтобы схватить меня, но я тут же откатился в сторону с такой скоростью, с какой мне кататься по земле еще никогда не доводилось и вряд ли когда-нибудь доведется. Я увернулся от его загребущих ручищ и массивных ног, выстрелил ему в брюхо, но совершенно безрезультатно. Откатившись на безопасное расстояние, я вскочил, бросил взгляд направо и увидел лежащее на земле тело вычислителя. Причем тело лежало отдельно, а мозги отдельно. Меня чуть не стошнило.

Когда я повернулся, чтобы посмотреть на гроб, пульмановский вагон, который до сих пор безучастно стоял в сторонке, направил на меня свой диск и обдал с ног до головы бледно-зеленым светом. Как выяснилось позже, этот свет должен был лишить меня возможности получать энергию извне, и после этого мне предстояло стать мертвее мертвого. Но я, к счастью, никакой энергии извне не получал, и поэтому с таким же успехом он мог бы посветить на меня фонариком.

Самыми проворными из всего этого сумасшедшего набора супермеханизмов, как выяснилось, были шары. И именно шару в конечном счете удалось-

таки меня поймать. Мой противник, напоминающий гроб, нетерпеливо скакал вокруг, выбирая подходящий момент для следующей атаки, еще один гроб мчался ко мне с другой стороны, и, пока я пытался уследить одновременно за обоими, сзади на меня напрыгнул шар, и мир померк перед моими глазами.

Я еще помнил, как мой луч метался по корпусу ближайшего из нападающих, успел заметить убегающего жирафа, уносящего Макналти, и вдруг — бах! — Вселенная будто взорвалась в моей голове, я выронил излучатель и потерял сознание...

Макналти устроил перекличку. В форме, превратившейся в лохмотья, и крайне усталый, но совершенно невредимый и по-прежнему пухлый, он стоял расправив плечи и оглядывал нас. Эл Стор находился рядом с ним, как всегда большой, сильный, со своей мощной металлической грудью, едва прикрытой лохмотьями одежды, и по-прежнему сверкающими неугасимым огнем глазами.

— Эмброуз.

— Здесь, сэр.

— Армстронг.

— Здесь, сэр.

— Бэйли.

Ответа не последовало. Капитан, нахмурившись, осмотрел нас.

— Значит, Бэйли. Кто-нибудь знает, что случилось со старшим стюардом Бэйли? Кто-то отозвался:

— Последний раз видел его прямо перед схваткой на корабле, сэр.

Больше никто ничего не смог добавить.

— Хм-мм! — Макналти нахмурился еще сильнее. Он сделал пометку в своем списке и продолжил.

Я был немного озадачен, когда оглядел нашу потрепанную, но все же не утратившую присутствия духа команду. Чего-то не хватало. Чего-то точно не хватало. Но капитан или не замечал этого, или просто не подавал виду и продолжал методично делать свое дело.

— Баркер, Бэнистер, Блейн, Бренанд...— И снова он поднял глаза, поскольку ответа не последовало.

— Бренанд ехал с нами в одном катафалке,— сказал я.— Но куда он делся потом, не знаю.

— Но ты ведь не можешь точно утверждать, что он умер?

— Нет, сэр.

— Бренанд так и не вылез из той машины,— сказал кто-то. Это был приверженец гаечного ключа. Он стоял рядом со Стивом Грегори, брови которого выделывали, как всегда, немыслимые пируэты, и лицо его очень напоминало полусъеденный апельсин. Но он так и не расстался со своим куском железа. Может быть, машины позволили ему оставить его у себя, решив, что это часть руки. Он продолжал: — Я был последним, кто полез в эту заварушку. Бренанд в ней не участвовал, и Уилсон тоже.

Макналти был явно огорчен. Эл Стор же заинтересовался. Капитан сделал две пометки в своем списке и продолжал. Все было хорошо до тех пор, пока он не дошел до буквы «К». Тут я вдруг понял, что именно меня так беспокоило.

— Кли Дрин, Кли Морг, Кли... а где Кли Дрин?

Мы начали оглядываться. Среди нас не оказалось ни одного марсианина. Ни единого. Ни Кли Янга, ни Саг Фарна, ни кого-либо еще — короче, ни одного из девяти наших марсиан. И никто не мог припомнить, что вообще видел хоть кого-нибудь из них со времени битвы на «Марафоне». Последним корабль покинул Мердок — правительственный эксперт, и он клялся и божился, что, когда его схватили, марсиане все еще оставались на корабле и все еще отбивались. Во всяком случае, ни одного из них не посадили к нему в машину, хотя она и была последней.

Никто из нас не мог дать объяснение тому, каким образом марсианам удалось избежать общей

судьбы, и где они в настоящее время находятся. Быть может, их огромная сила все же позволила им одолеть железных чудовищ, хотя это и казалось более чем маловероятным. У меня на этот счет имелось свое мнение, которое я, разумеется, держал при себе. Я подозревал, что они нашли в лице наших врагов достойных партнеров по шахматам, и сейчас и те и другие затаив дыхание склонились над шахматной доской в ожидании того, когда один из игроков передвинет ладью на две клетки вперед. Марсиане вполне способны отморозить что-либо в этом роде.

Пометив галочками имена всех марсиан, Макналти дочитал список до конца, пропустив шестого инженера Зейглера по той же причине, что и шефа Эндрюса. Смерть этих двоих не вызывала сомнений. Они погибли еще во время самой первой атаки.

Подведя итоги, Макналти сообщил, что семеро мертвы, а пятеро пропали без вести, не считая марсиан. Без вести пропали Хейнс и те двое, которые отправились вместе с ним в разведку на шлюпке, а также Бренанд и Уилсон. Для нашего небольшого экипажа это были серьезные потери, учитывая то, что отсутствующие, скорее всего, тоже погибли.

Пока Макналти мрачно выкликал имена, я принялся осматривать помещение, в котором мы находились. Мы сидели в каком-то металлическом ангаре, футов сто в длину, шестьдесят в ширину и сорок в высоту. Стены его были тускло-коричневого цвета, абсолютно гладкие и без единого окна. Куполообразный потолок, такой же коричневый, был тоже совершенно без всяких отверстий, но из центра свисали три огромных полупрозрачных пластиковых шара, которые светились оранжевым светом. Рассмотрев стены повнимательнее, я не заметил никаких швов, которые свидетельствовали бы о сварке или каком-либо другом виде монтажа.

— Ну, ребята...— заговорил Макналти.

Но продолжить ему не удалось. Из-за единственной в этом помещении двери вдруг раздался жуткий, пронзительный вопль. Он был ужасно высоким и тонким, исполненным невыразимой муки, и доносился как будто из какого-то узкого металлического коридора. А самое страшное, что голос явно принадлежал человеку или, по крайней мере, тому, что когда-то было человеком.

Всем стало не по себе, у некоторых на лбу выступила испарина. Мердок мертвенно побледнел. Черные пальцы Сэма Хигнета быстро сжимались и разжимались так, как будто он собирался броситься на выручку. Инженер с гаечным ключом закатал рукава, и стала видна экзотическая танцовщица, вытатуированная на его левом плече. Когда он стискивал пальцы на рукоятке ключа, танцовщица начинала плясать и извиваться. Выглядел он все еще неважно, но взгляд стал угрожающим.

Наконец и Эл Стор решил выразить обуревающие его чувства и медленно произнес:

— Попадись нам один из этих механизмов, мы бы, наверное, тоже разобрали его, чтобы посмотреть, как он устроен.— Он сказал это, ни на кого не глядя.— К сожалению, в этом они, похоже, очень напоминают нас. Так что все, кому не хочется быть разобранным на куски ради удовлетворения любопытства здешних обитателей, должны принять какие-то меры, чтобы их не вытащили отсюда живыми.

Тут снова послышался этот ужасный вопль. Он резко оборвался, достигнув самой верхней ноты, но наступившая потом мертвая тишина показалась нам не менее ужасной, чем сам крик. Теперь мое воспаленное воображение рисовало страшные картины. Я представлял себе, как механизмы, шумя и скрежеща, рыскают вокруг, тщетно пытаясь понять, что же послужило источником этого звука, а их металлические клешни вымазаны в крови того, что когда-то было живым человеком.

— Среди нас нет акробатов? — неожиданно спросил Эл.

Подойдя к стене лицом, он уперся в нее руками и расставил ноги. Армстронг — мощный шестифутовый детина — залез на Эла и встал ему на плечи. Это оказалось просто, зато все остальное — нет.

После долгих мучений нам наконец удалось водрузить Петерсена на плечи Армстронга. Теперь голова Петерсена находилась примерно в пятнадцати или шестнадцати футах от пола. Но дальше, как мы ни пытались, нам так и не удалось удлинить эту человеческую лестницу. Эл Стор стоял как скала, но остальным гладкая стена не давала возможности хоть за что-нибудь уцепиться. Пришлось оставить эту затею.

Мы не сомневались, что Эл Стор выдержит семерых человек — столько понадобилось бы, чтобы достать до потолка. Конечно, если Армстронг выдержит шестерых. На мой взгляд, добираться до крыши было попросту ни к чему. Тем не менее эта безнадежная затея хоть на некоторое время заняла наши руки и умы.

Блэйн с помощью своего излучателя попытался вырезать в стене несколько отверстий для ног и рук, но, видимо, стены были сделаны из более прочного металла, чем машины. Луч явно раскалял стену, и она даже краснела при максимальной температуре, но напрочь отказывалась плавиться или вообще поддаваться обработке.

Эта попытка использовать излучатель надоумила капитана провести инвентаризацию всего имеющегося у нас оружия. Оказалось, что на нас всех приходится семь излучателей, один старинный автоматический пистолет, владелец которого утверждал, что им пользовался еще его отец во время Последней войны, четырехфутовый гаечный ключ и два баллончика со слезоточивым газом.

Предшествующие события показали, что лучеметы являются не очень эффективным оружием в

борьбе с нашими бронированными врагами. Остальное же вообще можно было просто выкинуть. Но наличие такого количества оружия открыло нам один забавный аспект психологии наших врагов. Получалось, что тем, кто не выпускал из рук оружия, позволили оставить его при себе. Это наводило на мысль, что нашим врагам неизвестно, что такое оружие!

Мы закончили рассматривать свое бесполезное вооружение, как дверь совершенно неожиданно для нас распахнулась, и к нам бросили двух омароподобных существ. Дверь захлопнулась так быстро, что мы даже не успели рассмотреть, что за ней находится. Оказавшись на металлическом полу, существа медленно отползли в угол и вдруг неожиданно начали наползать на стену, постепенно принимая вертикальное положение. Несколько мгновений мы разинув рты смотрели на них, а они на нас. Наконец опомнившись, они снова шлепнулись на пол. Теперь стало видно, что их головы скорее напоминают головы насекомых, чем омаров, видимо, из-за выпученных фасеточных глаз и усов, как у бабочек.

Наконец оправившись от изумления, эти существа заговорили с нами, не словами, конечно, а телепатически. Их странные рты не открывались, а усики не шевелились. Но их мысленные образы были так понятны, что казалось, они обращаются к нам на нашем родном языке. В этом смысле они очень походили на нашу знакомую игуану.

Один из них — я так и не понял который — сказал:

— Вы пришельцы из какого-то другого места. Вы мягкотелы и совсем не похожи на твердопанцирных существ нашей системы. Вы нас понимаете?

— Да,— ответил Макналти, удивленно таращась на них.— Мы вас понимаем.

— Звуковые волны! — Странная парочка ошеломленно переглянулась, трепеща усиками. В кон-

це этой фразы так и слышался восклицательный знак.— Они общаются путем передачи модулированных звуковых волн!

Им, непонятно почему, это казалось фантастикой. Они смотрели на нас так, будто мы нарушили какой-то закон природы.

— С вами тяжело разговаривать. Вы нам не помогаете своим разумом. Нам приходится вдалбливать вам свои мысли, а потом с усилием вытягивать ваши.

— Вы уж нас, пожалуйста, извините,— сказал Макналти. Он вздохнул, приходя в себя.— К сожалению, телепатическое общение — не наш профиль.

— Ничего страшного, мы справляемся.— Они оба одновременно сделали какой-то непонятный жест клешнями.— Несмотря на наши внешние различия, мы с вами товарищи по несчастью.

— Но это только пока,— согласился Макналти, явно совершенно не собиравшийся мириться с нашим теперешним положением. Видимо, он уже считал себя этаким бывалым контактером.— Слушайте, а вы случайно не знаете, что они собираются сделать с нами?

— Они вас вскроют.

— Вскроют? Что, вот так просто возьмут и разрежут на куски?

— Да.

Макналти заметно помрачнел и осторожно поинтересовался:

— А зачем?

— Они вскрывают всех индивидуалов. Они делают это уже много лет и даже веков, пытаясь понять причину личностной независимости. Они разумные машины, но их разум исключительно коллективный.— Омар, или кто бы он там ни был, вдруг ненадолго замолк, а затем продолжил: — На нашей родной планете Варге тоже есть небольшие морские существа такого типа. Каждое в отдельно-

сти ничего собой не представляет как индивид, но, если они объединятся в группу, у них возникает коллективный разум.

— Почти как у некоторых видов термитов,— заметил капитан.

— В общем-то да, они действительно напоминают термитов,— согласился тот, что сейчас вел телепатическую передачу — а может, и оба? Я совершенно не мог понять, как он или они могли рассуждать насчет термитов, о которых они не имели ни малейшего понятия, пока наконец не догадался, что то, что было на уме у капитана, тут же передавалось и этим двум субъектам.— Миновало уже много оборотов вокруг нашего светила с тех пор, как они пытаются завоевать Варгу — нашу родную планету, которая находится рядом. Мы героически сопротивляемся, и небезуспешно, но им все равно время от времени удается захватить кое-кого из нас в плен, привезти сюда и вскрыть.

— Но все же, они просто машины?

— Они машины самых разных типов — воины, рабочие, даже специалисты и ученые. Но они действительно машины.— Вдруг он остановился и потряс нас до глубины души тем, что быстро указал клешней на спокойно стоявшего в сторонке Эла Стора: — Да, точно такие же машины, как и он! Он сделан из металла, и его мозг остается закрытым для нас! Он нам не нравится!

— Эл — больше чем просто машина, — возмущенно заступился за Эла Макналти.— Он ничуть не похож на все эти уродливые здешние штуки. Я не знаю, как вам это объяснить, но он... он — личность.

Тихий одобрительный ропот пронесся над толпой, наводя на мысль о том, что капитан высказал вслух общее молчаливое мнение.

— Причем в настоящий момент приходится об этом только сожалеть, — спокойно заметил Эл Стор.— Я обладаю личной независимостью. И это делает меня совершенно равноправным кандидатом

на вскрытие.— Немного погодя он добавил: — Я думаю, что меня постигнет та же участь, что и всех остальных.

Выслушав Эла с мрачной улыбкой, Макналти спросил пристыженных омаров:

— Если вы так чувствительны к нашим мыслям, то, может, вам удастся уловить где-нибудь невдалеке мысли других людей, таких же, как мы? А то у нас несколько человек пропало, и мне просто хотелось бы знать, живы они или нет.

Оба странных существа с Варги затихли и, слегка покачивая антеннами, начали тщательно прощупывать пространство за пределами нашего узилища. Что-то прогромыхало мимо нашей двери и, не останавливаясь, потопало дальше по коридору, но они даже не обратили на это внимания.

Через некоторое время один из них или оба сказали:

— Мы, к сожалению, умеем улавливать мысли лишь на небольшом, очень небольшом расстоянии. Но мы можем точно сказать, что разум, похожий на ваш, только что ушел, ушел навеки. Его сигнал угас, пока мы с вами разговаривали. Других сигналов, подобных вашим, в доступной нам зоне приема не обнаружено.

— Жаль,— сказал Макналти разочарованно.

Они подняли свои клешни, указывая на крышу, и продолжили:

— Но там, наверху, какие-то другие разумы, непохожие на ваши и совсем не такие, как у нас. Они просто удивительны. Невероятно, но они способны сосредоточиться на двух совершенно раз-нкх вещах одновременно.

— Что? — переспросил Макналти, почесывая затылок. Из того, что они сказали, он не понял ни слова.

— О двух вещах одновременно! Просто удивительно! Сейчас они высоко в воздухе и снижаются на крышу. Один из них размышляет о расположе-

нии маленьких божков на каком-то поле, состоящем из разноцветных квадратиков, и одновременно... думает о вас!

— Что?! — воскликнул Макналти.

Я увидел, как Стив Грегори, отчаянно шевеля бровями, ошалело уставился на крышу. Теперь мы все смотрели на нее вытаращив глаза. В следующее мгновение раздался ужасающий грохот, сотрясший здание до самого основания, и в крыше появилась огромная вмятина. Что-то сильно ударилось о металлические плиты, и одновременно в коридоре послышался дикий рев. У меня было такое чувство, что мне на голову надели ведро и колотят по нему чем-то тяжелым.

Наш почетный ключеносец оказался единственным наблюдательным, а также инициативным человеком. Он заметил, что дверь открывается внутрь. Не выпуская из одной руки своего массивного инструмента, другой рукой он вытащил из бокового кармана две короткие толстые отвертки и кусок металла, формой напоминающий топорик. Эти-то предметы он тут же и забил под дверь, конечно, не без некоторых усилий, но зато глубоко и надежно. Не успел он закончить, как вдруг шум в коридоре усилился и в дверь грохнуло что-то очень тяжелое.

Нам показалось, что смерть уже не за горами и заклиненная дверь отсрочит ее в лучшем случае на какие-нибудь несколько лишних минут.

Похоже, лязгающим за дверью чудовищам очень хотелось начать расчленять очередную жертву. Получалось, что причиной нашей, скорее всего, неминуемой гибели и должен стать наш хваленый индивидуализм. Вдруг мне пришло в голову, что первыми жертвами этих хирургов могут стать инженер с ключом и Сэм Хигнет, так как их вполне могло заинтересовать, почему у одного наполовину металлическая рука, а у другого — темная кожа, хотя у всех остальных — белая. А еще мне было бы очень

интересно посмотреть на их рожи, когда они начнут резать Эла Стора.

Дверь снова сотряс мощный удар, но она не открылась, а прогнулась в середине. В комнату через щель, образовавшуюся между дверью и стеной, ворвался яркий свет. Неизвестный механизм, лязгая гусеницами, видимо, готовился к новому удару.

— Стреляйте только в упор,— посоветовал инженер, заклинивший дверь. Он сплюнул на пол и оперся на свой гаечный ключ, как отдыхающий рыцарь опирается на боевую палицу. При этом снова обнажилась его экзотическая танцовщица, которая в данной ситуации была как-то неуместна.

Послышался скрежет разрываемого металла, и кусок крыши исчез. Наши задранные кверху лица вдруг залил солнечный свет. Огромный кожистый мешок со множеством длинных, сплошь покрытых присосками конечностей свесился, зацепившись шестью щупальцами за края дыры, и величественно завис в воздухе. Это был Саг Фарн.

Он протянул оставшиеся четыре вниз. Полностью размах его щупалец достигал тридцати двух футов, но теперь из-за того, что ему приходилось держаться за крышу, Саг Фарн стал короче футов на пять или на шесть. Его щупальца свисали вниз и призывно покачивались футах в четырнадцати от пола. Пока Саг Фарн висел в такой вот позе, а мы стояли внизу и глядели на него, пытаясь реально оценить наши шансы, дверь едва выдержала следующий удар. Омары, выпучив глаза, изучали Саг Фарна.

Вдруг он опустился еще футов на десять, схватил четверых из нас и потащил их к дыре в крыше. Они взлетели, как погонщик слонов взлетает на хоботе одного из своих подопечных. Приглядевшись, я понял, что Саг Фарн теперь висит не на своих щупальцах, а держится за щупальца другого марсианина, находящегося где-то за краем дыры. Когда первая четверка оказалась в нескольких футах от дыры, их перехватили другие щупальца и

вытянули в отверстие наружу. Затем Саг Фарна поднял еще четверых, затем еще и еще.

Пока я поглядывал то на дыру в потолке, то на дверь, которая вот-вот должна была податься, я совсем перестал обращать внимание на омаров и только теперь заметил, что они о чем-то ожесточенно спорят с Макналти.

— Нет,—как раз в это время твердо говорил капитан,— мы никогда не сдаемся. Мы никогда не смиряемся с неизбежностью поражения. Мы не собираемся умирать с гордо поднятой головой, как вы выразились.— Он презрительно фыркнул.— У нас, на Земле, был народ, похожий на вас. Они в трудной ситуации гордо умирали, вспарывая себе брюхо. Но их это ни к чему хорошему не привело.

— Но ведь сбегать нельзя,— возразил варганец так, будто речь шла о запрещенных способах ведения войны.— Это же трусость! Это против установленных правил. Даже ребенок знает, что пленник должен мужественно встретить уготованную ему смерть.

— Бред! — фыркнул Макналти.— Чушь собачья! Мы не связаны никакими обязательствами. Мы никому не давали никаких клятв и не собираемся.— Взглядом он проследил, как еще четверо отправились на свободу.

— Так нельзя! Вы не имеете права. Это же настоящий позор. Пленники — это пленники, и они не должны сбегать. Наши товарищи сами убили бы нас — так им было бы стыдно, если б мы сбежали. У вас что, совести, что ли, нет?

— Ваши правила просто идиотские! — сказал Макналти.— И мы по ним играть отказываемся. Мы не согласны. Мне наплевать на то, что вы тут говорите, потому что, с нашей точки зрения, мы сейчас поступаем совершенно правильно.

— Послушайте! — вмешался Эл Стор. Его сверкающие глаза смотрели то на негодующего капита-

на, то на почти выбитую дверь, которая вот-вот должна была сорваться с петель.— У нас попросту нет времени на дебаты по поводу различий в кодексах чести!

— Верно, Эл, но эти вареные раки так упрямы, что — у-у-у-ух! — Очень смешно было наблюдать за его удивленным выражением лица, когда невозмутимый Саг Фарн зацепил его и выдернул из круга спорящих.

Дверь наконец не выдержала и рухнула с таким звоном, что барабанные перепонки, казалось, вот-вот лопнут. Через развороченную дверь в нашу тюрьму въехала часть туши того, что здорово смахивало на пятидесятитонный танк, а в ангаре кроме двух фаталистов-варганцев оставалось еще семеро наших ребят.

Позади танка толпились щелкающие и урчащие гробы, шары и прочие уродливые механизмы. Я с ужасом следил за тем, как приближается этот гигантский механизм, еле-еле пролезающий в дверь и напоминающий древнюю колесницу Джаггернаута.

Тут наш врач-негр Сэм Хигнет самоотверженно крикнул Саг Фарну:

— Последним — меня!

Может, наш хирург и готов был пожертвовать собой ради других, но у висевшего под потолком парня со щупальцами, видимо, имелись свои соображения. Один из шаров быстро проскочил мимо танка и бросился на Сэма. Но он опоздал всего на какую-то пару секунд. Тихо, не произнеся ни слова, Саг Фарн отпустил те три своих щупальца, которыми держался за край дыры, схватил всех семерых и с огромным усилием потащил вверх. Медленно плывя к отверстию в крыше, я чувствовал, как дрожит от напряжения поднимающее меня щупальце. Видимо, даже для марсианина такой груз был тяжеловат. Тут вокруг меня, помогая Саг Фарну, обвилось другое щупальце. Уже почти протиснувшись в дыру, я заметил еще одного марсиани-

на, присосавшегося к потолку, а затем вдруг оказался на солнце.

В углублении на крыше удобно примостился наш катер, с виду очень напоминавший курицу-наседку в гнезде. Маленький изящный кораблик стоял, поблескивая на солнце, готовый в любую минуту взлететь. Трудно придумать более приятное зрелище для измученного человека.

Вокруг возвышались металлические здания. Некоторые квадратные, некоторые закругленные. Я не заметил ни одного окна, ни единого украшения. Зрелище было ужасное и подавляло своей сверхрациональностью. Нигде ни единого дымка.

Только вдали поднимались к небу какие-то струйки-разноцветных газов.

На некоторых зданиях находились огромные ажурные радиомачты и еще какие-то сложные конструкции, напоминающие направленные антенны. Это место походило на бескрайний металлический мегаполис.

Внизу виднелись улицы, по которым торопливо сновали разные машины. Я насчитал около ста видов. Большинство были совершенно не похожи на те, с которыми мы уже успели познакомиться. Например, длинная, гибкая машина, напоминающая гигантскую сороконожку. Спереди у нее вращались три резака, и, скорее всего, она представляла собой подземный трубоукладчик или комбайн.

В толпе я заметил гробы, шары, парочку «жирафов» и несколько любознательных и на первый взгляд совершенно бесполезных механизмов, которые путались у нас под ногами во время первого сражения. Наблюдая за этими полчищами, я пришел к выводу, что шары и гробы были чем-то вроде солдат, «жирафы» — полицейскими, а маленькие любопытные бездельники — журналистами или чем-то вроде военных корреспондентов, которые постоянно за всем наблюдали и передавали информацию либо в какой-то координационный центр, либо

всему механическому сообществу. Но насчет «жирафов» я все-таки был не совсем уверен.

Катер мог взять на борт лишь две трети спасенных. Пока они грузились, мы с Элом Стором стояли на краю дыры с рваными краями и смотрели вниз. Зрелище того стоило. Омаров уже не было: очевидно, они отправились с достоинством встречать свою горькую участь. Прямо под нами, как огромная металлическая жаба, стояла та самая пятидесятитонная туша, которая высадила дверь.

Вокруг нее, размахивая конечностями, метались шары и в бешенстве указывали ими на нас, если, конечно, машина может испытывать такое чувство. Несколько гробов подогнули свои суставчатые задние ноги, сели и уставились наверх, как свора охотничьих собак. В сидячем положении их головы запрокинулись, и они наконец обнаружили, куда сбежали их пленники. Теперь они напоминали собак, открывших пасти и свесивших наружу языки. Движущиеся машины наполняли воздух какими-то пощелкиваниями, потрескиваниями и едким запахом машинного масла.

В тридцати футах над этой толпой Саг Фарн и Кли Янг приклеились к противоположным стенам и теперь старались подцепить кого-нибудь из врагов. Наконец Саг Фарн опустил вниз свое щупальце, которое, наверное, могло бы удержать на месте линкор, прижал свои присоски к плоской спине одного из гробов, который, как можно было судить по его позе, сидел и ждал, пока мы осыплемся вниз, как спелый виноград. Саг Фарн поднял гроб, который тут же начал тревожно лязгать и дрыгать ногами. На помощь ему бросился встревоженный шар.

Кли Янг мгновенно среагировал и поймал шарик с невозмутимостью хамелеона, хватающего жирную муху. Гроб взлетел футов на двадцать пять, присоски отпустили его, он рухнул на спину пятидесятитонному монстру, с грохотом упал на пол и

остался недвижим. Шарик, который был легче, поднимался вверх, отчаянно трепыхаясь в могучих объятиях Кли Янга, а затем полетел в другой шар, ударился о него и затих. Тот же, на которого он упал, видимо, получил повреждения системы управления и начал тупо ходить по кругу.

Не сводя глаз с огромного монстра, который попрежнему караулил нас с невозмутимостью выброшенного на свалку автомобиля, Кли Янг сказал:

— Вот так мы и выиграли бой на корабле. Мы устроились на потолках, где они не могли нас достать. Мы их поднимали, а затем бросали. Они не умеют лазать. А большая машина, которая могла бы дотянуться до нас, в «Марафон» просто не влезла бы.

Одним своим огромным глазом он смотрел на нас с Элом, а другим выискивал очередного врага. От этой способности марсиан вращать глазами в разные стороны у меня всегда по спине мурашки бегали, да и впредь будут бегать. А он между тем обратился к Саг Фарну так, будто это было продолжением какого-то предыдущего, разговора:

— Кли Моргу следовало пожертвовать своим слоном.

— Да, я тоже пришел к такому выводу,— согласился Саг Фарн, очередным шаром размозжив голову «жирафу».—Морг вообще склонен ошибаться, поскольку не любит жертвовать. И поэтому никак не может понять, что, жертвуя слона сейчас, он через десять ходов возьмет у противника обе ладьи.— Он вздохнул и с возгласом: «Смотри!» — резко набросил свое щупальце на лихорадочно жестикулирующий механизм, очень напоминающий груду каких-то непонятных инструментов, схватил его и сильно швырнул о ту стену, на которой сидел Кли Янг.

Бу-у-у-ум! Мои ноги овеяло жаром — это с ревом поднялся в небо катер. На крыше осталось одиннадцать человек плюс марсиане, которые развлека-

лись тем, что постепенно превращали нашу бывшую тюрьму в свалку. Обернувшись, я увидел. кораблик, который, извергая пламя, с грохотом уносился на север.

— Если нам удастся здесь продержаться, то они очень скоро заберут и нас.— Блестящие глаза Эла Стора рассматривали марсиан и суетящиеся внизу механизмы.— Кли не прав, утверждая, что они не способны взбираться наверх. Как же тогда они возвели эти здания?

— Из этих точно никто не способен,— сказал я, указывая вниз.

— Из этих — конечно, нет, но я уверен, что у них есть специальные машины-строители. Что-то вроде верхолазов. Ставлю десять к одному, что они пришлют их, как только придут в себя после нашего грубого нарушения всех правил ведения войны. — Он указал на улицы, где по-прежнему не было заметно никаких признаков переполоха.— Они просто долго собираются с мыслями. Они, скорее всего, вообще не помнят случая, чтобы их пленники сбегали. Разумеется, если они в принципе способны что-нибудь помнить. Сейчас они просто ошеломлены, и им трудно понять, что произошло.

— Да, мы определенно имеем дело с совершенно иным типом разума,—согласился я.—Похоже, они мыслят слишком стереотипно и не в состоянии быстро осознать то, что выходит за рамки этих стереотипов.—С моей точки зрения, Эл обладал одним серьезным преимуществом перед нами — ему наверняка было легче представить себе ход мыслей наших механических противников. Но вслух я этого говорить не стал, потому что понимал, что он тоже в значительной степени является личностью.

Кли Янг вылез из дырки к нам на крышу, за ним появился и Саг Фарн. Он осмотрелся, устроился во вмятине, оставшейся после корабля, замотался в свои щупальца и тут же уснул. Во сне он сразу начал тонко и протяжно посвистывать.

— Вот соня! — пожаловался Кли Янг.— Готов спать когда угодно и где угодно.— Одним недовольным глазом он смотрел на храпящего марсианина, а другим уставился на Стива Грегори. Глаза марсианина, глядящие в разные стороны, и бегающие брови Стива Грегори уже начали наводить меня на мысль о том, что я, возможно, тоже обладаю каким-нибудь удивительным скрытым талантом.— Почему-то мне кажется,— мрачно сказал Кли Янг,— что никому из улетевших на корабле и в голову не пришло оставить здесь хотя бы шахматную доску.

— Конечно,— подтвердил Стив, в душе благодарный судьбе за такое упущение.

— Этого следовало ожидать,— проворчал Кли Янг.

Он отошел в сторонку, достал откуда-то бутылочку с хулу и демонстративно понюхал. Видимо, начинало сказываться пребывание при давлении в двенадцать фунтов. Я никогда особенно не верил всем этим неприличным марсианским росказням о человеческом запахе.

— А как вы узнали, в каком именно здании мы находимся? — спросил Эл Стор.

— Мы несколько раз облетели город,— сказал Кли Янг,—лелея тщетную надежду найти вас среди этой кучи построек. И нас особенно удивило то, что ни одна из машин на улицах не обратила на нас ни малейшего внимания. Наконец мы увидели целую шеренгу припаркованных машин, на одной из которых стояли Бренанд и Уилсон и отчаянно подавали нам сигналы. Тогда мы их подобрали и приземлились на этой, ближайшей крыше. Правда, приземлились мы довольно неуклюже, так как пульт управления катера приспособлен исключительно для человека.

— Так что, Бренанд и Уилсон спасены? — вмешался я.

— Да. Кли Дрин втащил их на борт. Они сказали, что им удалось выбраться из машины, в кото-

рой вас перевозили, через дырку в полу, а не через дверь, после чего к ним потеряли всякий интерес. Они были страшно удивлены, что их оставили в покое, и совершенно не могли этого понять.

Взглянув на меня, Эл сказал:

— Видишь — опять сбежавшие! Совершенно ненормально! Никто просто не знал, что с ними делать. Потому что с этой проблемой здесь раньше никогда не сталкивались.

Он подошел к краю крыши. Его толстые подошвы позволяли ему двигаться совершенно бесшумно. К нашей примыкала другая крыша, которая располагалась чуть ниже. Эл Стор долго смотрел на нее своими сверкающими глазищами.

— Те крики доносились откуда-то снизу. Давайте попробуем оторвать угол крыши и посмотрим, что там.

Он спрыгнул на соседнюю крышу. За ним последовал Армстронг, я и все остальные. Все вместе мы схватились за выступающий угол крыши. Он поддался неожиданно легко. Этот металл оказался чертовски своеобразным: исключительно прочным, жаростойким, хотя легко гнулся по линиям швов. Становилось понятно, почему марсианам так легко удалось проделать дырку в крыше.

Через образовавшуюся дыру мы увидели длинную узкую комнату, которая служила либо лабораторией, либо операционной. Здесь была целая уйма различных приборов, ярких ламп, стерилизаторов, подносов со странными инструментами, столиков на колесиках и еще множество предметов, назначения которых мы не знали.

В комнате находилось шесть отполированных до блеска и тщательно отделанных машин. Их блестящие, ничего не выражающие глаза внимательно следили за работой. У них были очень проворные конечности. Поняв, чем они заняты, я похолодел.

Куски одного из омаров лежали на одном столе, две головы на другом, и целая куча внутренностей на третьем. Трудно было сказать, те же ли это ома-

ры, с которыми мы разговаривали, или нет. Машины ходили по комнате туда-сюда с кусочками несчастных, рассматривали их в странного вида микроскопы и заталкивали в разные приборы.

У омаров внутри не было ничего похожего на кровь. Из них сочилась бесцветная маслянистая жидкость. И тем не менее один из пустовавших сейчас столов, пол и двое механических вивисекторов были измазаны красным. В проволочной корзине, стоявшей в сторонке, лежали две человеческие руки. На одном из пальцев безжизненной белой руки виднелось золотое кольцо. Оно принадлежало Хейнсу. Армстронг яростно выругался и сказал:

— С каким бы я удовольствием разнес все это к чертовой матери.

— К сожалению, мы ничего сделать не можем... пока,— заметил Эл Стор, с виду казавшийся совершенно спокойным.— Мы появились слишком поздно, и уже никого не спасти.— Он перевел взгляд на следующую крышу, которая находилась на этом же уровне футах в двадцати пяти от нас. Крышу венчала большущая радиомачта. Отходящая от этой мачты сдвоенная антенна соединялась с другой такой же, торчащей из соседней мачты футах в ста от нее.— Думаю, я смогу перепрыгнуть,— пробормотал Эл.

— Да ладно тебе,— заметил Армстронг, окидывая взглядом разделяющую здания пропасть шириной в двадцать пять футов.— Лучше дождаться катера. А то если ты не допрыгнешь хоть пары дюймов, тебе лететь и лететь, а когда шмякнешься на землю, разлетишься на тысячу мелких кусочков — нам на память.

Вернувшись к отверстию в крыше, Эл заглянул в него.

— Они все еще ждут,— сообщил он,— но не могут же они ждать до бесконечности. Думаю, вскоре они перейдут к более решительным действиям.— Он снова подошел к нам. Его форма превратилась

в лохмотья, хлопавшие на ветру.— Поэтому, думаю, лучше будет, если их опередить.

Не успели мы и глазом моргнуть, как он разбежался и прыгнул. На ходу удержать его было бы все равно невозможно: триста с лишним фунтов твердого, как камень, и мощного тела требовали чего-то посильнее обычных человеческих мышц. В принципе, может, Кли Янгу это и далось бы, но он почему-то не стал пробовать.

Разогнавшись изо всех сил, Эл перелетел улицу и приземлился даже в целом ярде от края противоположной крыши. Еще прыжок — и он оказался у ажурной мачты. По-обезьяньи вскарабкавшись на нее, он дотянулся до боковой антенны и обломил ее. После этого, вернулся к нам, еще раз сделав точно такой же прыжок.

— Когда-нибудь,— назидательно прощебетал Кли Янг,—тебя обязательно убьет током, если, конечно, раньше ты не свернешь себе шею.— Он указал щупальцем вниз на улицу.—Может быть, это и совпадение, но, по-моему, некоторые из них остановились.

И действительно, среди царящей на улице суеты несколько машин-автоматов замерли как вкопанные. Прочие же продолжали сновать взад-вперед как ни в чем не-бывало. Гробы, шары, некие подобия извивающихся червей и огромные громоздкие карикатуры на бульдозеры спешили по своим делам так, будто ничего и не произошло. Только представители одного вида — с яйцеобразными корпусами и на паучьих ногах — замерли без движения.

— Я бы сказал, что все они радиоядные,— прокомментировал Эл.— У каждого вида есть своя длина волны и собственная станция, которая питает его энергией.— Он указал на множество мачт, которыми был буквально утыкан весь город.— Если бы нам удалось вывести их из строя, я думаю, что мы на время парализовали бы их всех.

— А почему только на время? — спросил я.— Ведь тогда они лишились бы энергии навсегда, разве не так?

— Необязательно. Здесь такое множество машин, с таким количеством разных функций, что я готов держать пари: у них есть и машины на автономном питании, которые должны чинить радиомачты и которые объявятся, как только дела пойдут наперекосяк.

Кто-то вмешался:

— Если они выглядят как живые маяки, то один уже спешит сюда.— Говоривший указал пальцем в северном направлении.

Мы тоже уставились туда. Чудовище, что приближалось к нам, казалось совершенно фантастическим. Оно состояло из длинной металлической платформы на огромных колесах десяти или двенадцати футов в диаметре. Из центра платформы вверх поднималось сужающееся кверху цилиндрическое тело, увенчанное на высоте примерно шестидесяти футов каким-то подобием головы со множеством линз и манипуляторов. Эта громадина была выше пожарной каланчи: она возвышалась даже над большинством зданий.

— А где же аплодисменты? К нам пожаловал сам Чарли! — пошутил тот джентльмен, у которого имелся старинный пистолет. Он решительно схватился за свое древнее оружие. По сравнению с приближающимся колоссом пистолет казался просто игрушкой. С таким же успехом можно было пытаться завалить бешеного слона, стреляя в него шариками из жеваной промокашки.

— Скорее всего, автоматический ремонтник.— Эл холодно и спокойно продолжал наблюдать за чудовищем — Возможно, его прислали, чтобы снять нас отсюда.

Горстку людей это предположение как будто ничуть не взволновало. Может, они просто старались не выдать обуревавшего их чувства страха, которое так и рвалось наружу, например, из меня.

Чем ближе к нам подбиралась зловещая громадина, тем сильнее сжимался от ужаса мой желудок, постепенно превращаясь в малюсенький твердый комок.

По улице внизу все так же. сновали механические орды, а под отверстием в крыше нас поджидали другие охотники. Может, Эл еще и мог спастись, перепрыгивая с крыши на крышу, зато остальным оставалось только смириться и ждать неминуемого конца, подобно коровам на бойне.

Затем в небе появилась точка, и по донесшемуся до нас реву двигателей мы поняли, что возвращается катер. Он, как маленькая быстрая пуля, с ходу нырнул прямо к нам. Насколько я мог судить, он должен был достичь нас чуть раньше грозной башни на колесах. Но я искренне сомневался, что катеру удастся совершить посадку на крышу, что наши товарищи успеют открыть люк, взять нас на борт и улететь до того, как начнутся неприятности. Затаив дыхание, мы следили за тем, как катер увеличивается в размерах. Но и гигантский механический монстр тоже подкатывался все ближе и ближе. Оставалось только гадать, кто из них будет первым.

Когда я уже решил, что половина из нас может спастись за счет другой половины, люди в катере наконец заметили приближающуюся к нам башню. Катер даже и не попытался сесть, а круто развернулся и с визгом промчался футах в пятидесяти над головой гиганта. Должно быть, они сбросили на него миниатюрную атомную бомбу, хотя я и не заметил этого.

— Ложись!—вдруг крикнул Эл Стор.

Мы тут же попадали ничком. Что-то ухнуло, наше здание покачнулось, а нам на головы посыпались мелкие кусочки механизмов с улицы. На несколько мгновений воцарилась полная тишина, изредка нарушаемая лишь клацаньем немногочисленных уцелевших механических пешеходов да

удаляющимся ревом двигателей катера. Затем раздался грохот, и башнеобразный механизм рухнул на землю. Здание снова вздрогнуло.

Я поднялся на ноги. Башня во всю длину растянулась вдоль улицы. Платформа на колесах была уничтожена, корпус покорежен, а голова со множеством линз изуродована до неузнаваемости. Чудовище восстановлению явно не подлежало. К тому же, падая, гигант раздавил всмятку еще десяток машин поменьше.

Саг Фарн, которого разбудил грохот, защебетал:

— Что за шум? Снова, что ли, началось? — Он потянулся всеми щупальцами и зевнул.

— Ну-ка давай вылезай оттуда,— велел ему Кли Янг, недовольно глядя на него.— Очисти-ка место для катера.

Неспешно и довольно неуклюже Саг Фарн перебрался в тот уголок, где столпились все мы, окрыленные крепнущей надеждой на спасение.

Вскоре прямо к нам круто спикировал катер, на мгновение завис над самой крышей и сел на нее. Под его тяжестью крыша даже прогнулась. Если бы не поддерживающие ее мощные балки и не искусство пилотов, маленькое суденышко запросто могло бы провалиться вниз и оставить нас на растерзание врагу.

Мы с облегчением забрались в катер. Капитана на борту не было. Не было и Бренанда. За штурвалом находился второй навигатор Квирк, а экипаж составляли пятеро землян и один марсианин. Марсианин оказался Кли Дрином. Пока его змеерукие приятели вползали, он не сказал им ни слова, а только удивленно таращился на них и принюхивался.

— Готов поспорить на двенадцать межпланетных долларов,— ядовито заметил ему Кли Янг,— что твой ленивый мозг даже и не подумал захватить нам шлемы, чтобы мы могли отдохнуть от этого уже въевшегося в нас ужасного запаха.

— Нет, вы только послушайте! — воскликнул Кли Дрин, уставив на меня один глаз.— Пустился исследовать Вселенную, а сам плачет тут по поводу избыточного давления! — Затем его глаз снова устремился на Кли Янга, и он торжествующе добавил: — Кли Морг выиграл бы, если бы пожертвовал слона.

— Ха-ха! — деланно рассмеялся Кли Янг. Он сделал попытку понимающе подмигнуть Саг Фарну, но неудачно. Марсиане частенько пытались сымитировать земное подмигивание путем прикрывания одного глаза, нисколько не смущаясь тем, что для этого, как минимум, необходимы отсутствующие у них веки.— Как всегда, сообразил только через неделю!

Молодого Уилсона я нашел в рубке у носового иллюминатора рядом с пилотом Квирком. У него в руках уже была камера, и он разве что слюни не пускал. Еще две камеры висели на стене, причем на одной из них был объектив величиной с хорошее блюдце.

— А, сержант,— приветствовал он меня.— Я-то все снимаю. Снимки, снимки — дюжины и дюжины снимков.— Лицо его прямо-таки светилось от профессионального восторга.— И знаете, я все-таки успел щелкнуть эту башню на колесах. Как раз перед тем, как она повалилась. А теперь еще и вон ту парочку сниму.

Глянув через его плечо в иллюминатор, я увидел, что к месту событий спешат еще две башни, раскачиваясь на ходу, как перебравшие моряки. Где-то за моей спиной я услышал, как закрывается крышка люка.

Камера Уилсона защелкала. Катер дрогнул, оторвался от крыши и, управляемый опытной рукой Квирка, начал набирать скорость. Нет, все-таки ни одному марсианину никогда не научиться с таким изяществом справляться с ним.

Я отправился искать Эла Стора и нашел его у небольшого бомбосбрасывателя в трюме. Он как раз

взялся за спусковой рычаг и, когда я вошел, резко его дернул. Бросившись к ближайшему иллюминатору, я увидел, как здание рядом с тем, где мы столько проторчали, разъезжается в стороны, а затем его крыша проваливается вниг в облаках пыли. Представляю, что делалось там внутри!

— Конец их операционной,— пробурчал Эл. Глаза его походили на раскаленные угли.— Теперь вот для разнообразия мы их прооперировали.

Я, конечно, понимал его, но, черт возьми, не может же робот испытывать такое чисто человеческое чувство, как желание отомстить. И тем не менее никто никогда не удивлялся в те редкие моменты, когда Эл поступал как человек. По всем канонам науки, чувств у него не могло быть больше, чем у какой-нибудь куклы, и тем не менее — факт остается фактом — они у него были, хотя и не столь ярко выраженные, как у людей.

— Макналти за это по головке не погладит,— заметил я.— Он наверняка скажет, что, несмотря на наши потери, земные власти обязательно сочтут эти действия излишними. И всю дорогу его будет мучить совесть.

— Конечно,— согласился Эл как-то подозрительно быстро.— Я об этом не подумал. Как жаль! — Правда, в голосе его особого сожаления что-то не чувствовалось, да и лицо, как всегда, оставалось совершенно бесстрастным. По лицу вообще никогда нельзя было понять, что он думает, поскольку больше всего оно напоминало лицо какого-то каменного идола.

Он ушел в рубку к Квирку. Вскоре мы несколько раз спикировали вниз, по-прежнему держа курс на север. Каждый раз, когда катер нырял к земле, снаружи доносился отдаленный грохот. Заинтересовавшись, я снова приник к иллюминатору и понял, что по пути мы уничтожили несколько антенн. Невзирая на все возможное неудовольствие Макналти, Эл решился на это.

Под нами все тянулся и тянулся гигантский мегаполис с улицами, запруженными механизмами, большинство которых по-прежнему двигалось, а часть теперь замерла в неподвижности. Вдали можно было разглядеть две высоченные башни, которые к этому времени, видимо, уже добрались до нашего бывшего убежища. Они получили приказ и собирались выполнить его даже после того, как нас не станет.

Этот город занимал около двадцати квадратных миль и был целиком сделан из металла. Я никогда в жизни еще не видел столько металла в одном месте и вряд ли когда-нибудь увижу,

Наконец потянулись пригороды. Яйцеобразные механизмы бездействовали и здесь, равно как и машины еще трех видов. «Банг!» — пропела на прощание еще одна антенна, и мы сразу взмыли на высоту в двадцать тысяч футов. На юге уже появились смутные очертания второго города с его большими зданиями и высокими мачтами.

Похожий на прекрасное золотое веретено «Марафон» лежал на черно-алой поверхности планеты. Большая часть экипажа суетилась у кормы. Зайдя справа, катер приземлился, и мы выбрались наружу. Только тут я сообразил, что уже несколько часов у меня во рту не было и маковой росинки.

Что происходило без нас, мы узнали во время организованного на скорую руку и пришедшегося более чем кстати обеда. Оказывается, марсианам удалось продержаться до тех пор, пока все шары и гробы не отступили. Они расположились неподалеку от корабля и стали ждать неизвестно чего. Возможно, они рассчитывали, что марсиане выйдут наружу и тут они с ними покончат, или, что более вероятно, дожидались прибытия каких-то других машин, более подходящих для ведения боевых действий.

Марсиане воспользовались случаем и сбежали на катере. Улетая, они видели, как осаждающие тут

же устремились в опустевший корабль. Но к моменту нашего прибытия вражеская орда уже убралась восвояси, оставив после себя лишь несколько разбитых собратьев.

— А знаете,— заметил Эл Стор,— создается впечатление, что разумную жизнь они определяют исключительно по движению. Движется — значит, живое. «Марафон», например, лежит неподвижно, и поэтому они посчитали, что он никакой угрозы для них не представляет. Их интересовал только экипаж. Когда же экипаж бежал, корабль тут же перестал их занимать.— Он обвел нас задумчивым взглядом.— Просто никто не подумал об этом, но вполне возможно, что, оказавшись в ловушке, можно было просто замереть и дождаться, пока они не утратят к нам интерес. Да, вполне возможно! Но если бы вы хоть слегка пошевелились, они снова набросились бы на вас.

— Лично мне что-то не очень по душе стоять как монумент,— сухо сказал кто-то из присутствующих.— Для чего же тогда человеку ноги? По мне, так лучше уметь быстро бегать.

— Не дай Бог, они нападут снова, до того как мы закончим ремонт,— заметил я.

— Все может быть. По-моему, они очень любознательны, если можно так выразиться,— продолжал Эл.—Они крайне спокойно воспринимают все знакомое, но немедленно проявляют враждебность ко всему незнакомому. Они напали на корабль исключительно потому, что раньше на этом месте ничего не было. Но теперь, вполне возможно, они уже отметили своим коллективным разумом, что здесь лежат останки корабля, не представляющие для них никакой непосредственной опасности. Так и будет до тех пор, пока одна из проходящих мимо машин не сообщит о кипящей вокруг него бурной деятельности, которую коллективный разум может связать с нашим побегом, прикинуть, что можно по этому поводу предпринять и отдать соответствующие приказы.— Он бросил взгляд в иллюминатор на пыль-

ные холмы, за которые опускалось солнце.— Так что нам лучше поспешить.

Перекусив, мы вышли наружу и стали помогать тем, кто занимался ремонтом двигателей. Работа оказалась утомительной, особенно если учесть, что у нас не было соответствующего оборудования. Приходилось пользоваться лебедкой и с ее помощью устанавливать огромные трубы на место. Тем временем марсиане, ремонтировали поврежденную корму, то и дело вспыхивали голубоватые огоньки сварочных аппаратов. Инженеры находились внутри, проверяя состояние камер сгорания.

Еще трое членов экипажа приводили в порядок шлюз, изрядно поврежденный, причем главным образом нашей же скорострельной пушкой.

А пока мы занимались ремонтом, Квирк взял катер и отправился к дальней дороге. Капитан, правда, не слишком хотел рисковать катером, но Квирк поднял его повыше и висел в облаках до тех пор, пока движение на дороге не прекратилось. Тогда он сиганул вниз и нашел пропавшую шлюпку. Три члена его экипажа пригнали ее к кораблю и привезли тела двух товарищей Хейнса.

Насколько мы могли судить, шлюпка приземлилась совершенно открыто, поскольку Хейнс просто не мог знать, что поджидающая их штуковина, очень похожая на железнодорожный вагон, попросту заблокировала его радиопередатчик. Хейнс был захвачен. Остальные двое защищались как могли до тех пор, пока не перестали двигаться. Вечером мы похоронили их вместе с Эндрю-сом и остальными.

Голубоватые вспышки марсианских сварочных аппаратов и непрерывный стук и звон из разных частей корабля продолжались далеко за полночь. Конечно, мы рисковали выдать себя, но в данном случае риск был вполне оправдан.

Все это время Макналти то впадал в плохо скрываемое уныние, то приободрялся. Уныние, как я

полагаю, вызывала у него неотступная мысль о возможности еще одного нападения до того, как нам удастся взлететь. Бодрился же он, видя, что мы вот-вот закончим ремонт, а может, еще и потому, что на борту у нас теперь находился совершенно удивительный груз: три разбитых шара и два изуродованных гроба. Весь остальной металлолом нападавшие утащили с собой или, если можно так выразиться, вынесли своих раненых с поля боя.

На следующий день в два часа пополудни утомительная работа наконец закончилась, что было ознаменовано несколькими громкими «Ур-ра!», сопровождавшимися язвительными репликами некоторых членов экипажа. После этого мы стартовали. В трюме правительственные эксперты просто не отходили от нашего груза. Пролетев над местом недавних злоключений, мы через несколько секунд оказались над вторым городом на юге и совершили посадку на его окраине.

— Здесь мы явление совершенно новое,— сказал Эл Стор.— Посмотрим, как они на нас отреагируют.

Я поглядывал на часы. Нападение началось ровно через тридцать семь минут.

Здешняя тактика оказалась другой. Сначала нас внимательно изучили репортеры — облазили корабль со всех сторон, а затем умчались обратно в город. Потом подтянулась дюжина «пульманов», направивших на нас свои диски. На «Марафон» обрушился шквал излучения. Стив Грегори тут же выскочил из своей радиорубки и стал жаловаться, что его аппаратура сошла с ума. Рассказ о своих бедах он подкреплял бешеным танцем бровей.

А снаружи тем временем к излучателям, потерпевшим полное фиаско, подтягивалось подкрепление. Машины с огромными руками, машины с набором встроенных инструментов, причем все они сразу устремились к корме. Чуть поодаль неутомимо рыскали вездесущие гробы и шары.

Появились два «жирафа» и, сами того не ведая, послужили молодому Уилсону отличными объектами для съемки. Наконец капитан решил, что мы ждем уже достаточно долго и лучше не давать противнику возможности снова добраться до наших двигателей. С ужасным «У-у-у-у-ух!» подняв гигантское облако пыли, мы рванулись вверх, а вражеские силы остались в недоумении и растерянности.

Двадцать минут спустя мы снизились над широкой, но мало используемой дорогой и стали ждать, пока на ней не появится какой-нибудь самодвижущийся представитель этого мира. Первым оказался несущийся галопом гроб, неистово перебирающий всеми восемью ногами, с четырьмя сложенными руками, двумя щупальцами спереди и совершенно идиотским торчащим вверх медным завитком, напоминающим последний волосок на лысине. С полдюжины членов экипажа преградили ему путь, наставив на него излучатели, хотя это и было просто жестом. Как мы уже успели убедиться, излучатели не причиняли машинам практически никакого вреда.

Это была идея Эла, и Макналти поддержал ее с крайней неохотой. Капитан согласился устроить эту засаду только при условии, что мы организуем ее в непосредственной близи от «Марафона», который в случае чего сможет прикрыть ее участников одной из своих пушек. Со своего места мне были видны восемь скорострельных стволов, торчащих в одном из обращенных в нашу сторону люков. Гроб малопомалу замедлил свой бег и остановился.

Еще шестеро вышли из корабля и отрезали нашей жертве путь к отступлению, а еще четверо заняли позиции с противоположной от «Марафона» стороны дороги. Гроб обвел нас ничего не выражающим взглядом твердых блестящих линз, а медная антенна начала недоуменно подрагивать. У меня возникло ощущение, что его собратья уже знают о постигшей его печальной судьбе и сейчас собирают

силы для возмездия. Знал я и то, что, если бы он ринулся напролом, мы бы не смогли удержать его. Такой массивный кусок металла прошел бы сквозь наши ряды, как нож сквозь масло.

Несколько мгновений мы, затаив дыхание, смотрели на этого представителя иного мира, а он взирал на нас. Затем он развернулся, собираясь ретироваться, но обнаружил, что путь к отступлению отрезан, и снова развернулся. Мы начали переглядываться, напряжение становилось просто невыносимым. Но гроб по-прежнему ничего не предпринимал.

— Как я и думал, просто железный болван,— заявил Эл, видимо забыв о том, что он и сам не из плоти и крови. Он отважно приблизился к гробу, остановившись футах в трех или четырех от него, указал тому на «Марафон» и, поманив его за собой, двинулся к кораблю.

Конечно, этот жест общеупотребителен, его знают повсюду. Но я никак не ожидал, что эта металлическая уродина отреагирует на него. И тем не менее она потопала вслед за Элом!

Эл, повернувшись к гробу спиной, пошел к кораблю, а тот вдруг тронулся за ним, вяло переставляя ноги, как загнанная лошадь. Тут я в первый раз увидел, как наш приверженец гаечного ключа выронил от удивления свой любимый инструмент.

Дойдя до люка, из которого выглядывал совершенно пораженный Макналти, Эл сказал:

— Вот видите, у него тоже есть хоть и совершенно безумная, но все же этика. Он смирился с тем, что он мой пленник.— Эл завел гроб на корабль, поставил его в углу, где тот так и остался стоять, очень послушно и совершенно неподвижно.— Скорее всего, как только мы выйдем за пределы их сферы энергоснабжения, он отключится. Так что пусть им лучше займется Стив. Может, он оборудует его каким-нибудь портативным источником питания.

— Хм-м-м! — сказал Макналти, тараща глаза на гроб.— Позовите сюда Стива.

То, как легко нам сдался этот на первый взгляд неуязвимый противник, занимало наши умы все то время, пока мы задраивали люки и готовились навсегда покинуть негостеприимную планету. Очевидно, эти создания могли воевать только группами, но не поодиночке. Конечно, прочитать его мысли мы не могли — если у него вообще были мысли,— но нас очень занимал вопрос, уготована ли ему теперь в случае возвращения к собратьям та же печальная участь, которая постигла злосчастных омаров?

Эти железяки вообще отличались каким-то совершенно безумным взглядом на вещи, и самым безумным было их негативное отношение к любому проявлению инициативы. Или это странно только с нашей, человеческой, точки зрения? Может быть, просто все зависит от того, что считать «человеческой» этикой? Я, конечно, не большой ученый и не слишком здорово разбираюсь в истории, но припоминаю что-то насчет того, как в одной из войн в далеком прошлом японцы отказывались признавать, что у них есть пропавшие без вести, и упрямо называли их погибшими в бою.

Но вскоре мы поняли, что у коллективного разума кроме недостатков имеется и много достоинств. Мы покинули черно-алую планету, пронзили облака и тут же обнаружили четыре длинные черные ракеты. Мы уже видели такие раньше, и они летели, выстроившись в совершенно прямую линию.

Очевидно было, что их предводитель заметил нас и тут же отдал соответствующие приказы остальным. Мне сразу пришла на ум одна из до сих пор не разгаданных учеными загадок: почему летящие стаей птицы способны одновременно менять направление полета, обмениваться информацией, снижаться и вообще вести себя так, будто ими управляет какой-то единый разум. Черные ракеты вели себя

точно как птичья стая. Они одновременно меняли курс, идя нам наперерез и поливая нас все теми же бесполезными лучами, которые и на сей раз не причинили нам никакого вреда, а только действовали на нервы Стиву Грегори. Мне еще никогда не доводилось видеть такой слаженности действий.

Правда, им это ничего не дало, а нам вреда не причинило. Окажи их лучи на нас то воздействие, на которое они рассчитывали, мы сейчас лежали бы где-нибудь на поверхности планеты в виде дымящейся кучки искореженного металла. Мы же, миновав плотные слои атмосферы, вышли в открытый космос. Они последовали за нами, перестроившись с математической точностью в линию. Затем одновременно включили вспомогательные двигатели и стали быстро нагонять нас.

— Хорошо идут,— прокомментировал Эл.— Почти с такой же скоростью, что и мы без флетнеровских фокусов. Неплохо бы взглянуть на их двигатели и пилотов.

— А по мне, так пропади они пропадом,— буркнул Макналти.— Насмотрелся на всю оставшуюся жизнь.— Он отдал приказ в машинное отделение, «Марафон» развернулся и с головокружительной скоростью устремился в открытый космос. Где-то звякнуло стекло, и чей-то голос нелицеприятно отозвался о пилотах, которые трясут корабль, а заодно и о капитанах, которые заставляют их это делать. Четверка преследователей тоже развернулась и устремилась за нами.

Снова ударили зеленоватые лучи, но все четыре прошли где-то сбоку от нас. Видимо, промахивались наши преследователи тоже строго в унисон.

— Ну, кажется, с нас довольно,— решил Макналти, не желающий искушать судьбу. Он дал команду развернуться.

Мы едва успели пристегнуть ремни, как врубился флетнеровский двигатель. Я уже больше не мог наблюдать за нашими преследователями, поскольку

находился далеко от иллюминатора, но думаю, что они сразу превратились в четыре маленькие точки. Мы развили такую невообразимую скорость, что, пролетая мимо Варги, даже не успели разглядеть планету. Этой глыбе космической плазмы с ее двоякодышащими обитателями придется подождать до следующего раза.

На обратном пути марсиане почти не вылезали из своего любимого отсека, наслаждаясь тремя фунтами давления и непрерывно играя в шахматы. Эл большую часть времени проводил в трюме со Стивом — якобы изучая застывший в полной неподвижности гроб,— но марсианам все же удалось затащить его к себе, и он сыграл с ними семнадцать партий, из которых выиграл три. Они возликовали и по всему кораблю развесили бумажки с итогами турнира.

Уилсон почти не показывался из своей каюты.

У меня хватило ума не лезть к нему с соболезнованиями. Неуклюжие воины Механистрии, оказавшись на корабле, вдребезги разбили самые первые из его пластинок. Зато все остальные снимки получились: их было очень много, причем совершенно замечательных. Видимо, он решил, что лучше всего теперь не спускать с них глаз до самой Земли,

У самой границы земной атмосферы нас встретили два крейсера и сопровождали до самого космодрома. Родные, до боли знакомые коричневые, голубые и зеленые цвета Земли показались мне самым приятным зрелищем за всю жизнь. Только марсианам по-прежнему больше нравился грязно-розовый цвет, о чем они и заявили во всеуслышание. Когда наш корабль коснулся земли, они как раз горячо спорили из-за какой-то неправильно пожертвованной пешки, даже несмотря на то, что за нашей посадкой наблюдал весь мир.

Макналти, как от него и требовалось, произнес речь.

— Нам прошлось довольно нелегко... ничем не оправданная враждебность, вызвавшая справедливое негодование... прискорбный эпизод...—И тэ дэ и тэ пэ.

Впереди всех остальных встречающих стоял Флетнер и, как дитя, краснел каждый раз, когда Макналти начинал хвалить корабль.

В последних рядах толпы, окружившей нас, я заметил Кнуда Иохансена, ученого-роботехника, тщетно пытающегося протолкаться поближе и выискивающего взглядом Зла. То ли мне опять показалось, то ли так оно и было, но лицо его отражало чувства отца, пришедшего встретить горячо любимого сына.

Потом шквал приветствий стих, и мы начали разгрузку. Канистры с желтоватой водой, баллоны со сжатым инопланетным воздухом, сотни проб почвы и образцов металлов — все это выгружалось и выгружалось из трюма корабля. Наконец мы выволокли на свет бренные останки мертвых автоматов, и правительственные эксперты тут же умчались вместе с ними, как будто это были величайшие сокровища на свете. Уилсон исчез еще раньше, забрав с собой свои ненаглядные пластинки и несколько бобин с пленкой.

Старый Кнуд, которому наконец-то удалось пробиться сквозь толпу встречающих, подошел ко мне и спросил:

— Привет, сержант... а где Эл? — Он был без шляпы, седые волосы серебрились на солнце.

Тут из люка как раз показался Эл. Его сияющие глаза сразу обнаружили седовласого старика, пришедшего встретить его. Ну вы же знаете, что роботы в принципе не способны ни на что такое.

Они просто не так сделаны, да, впрочем, и Эл никогда не откалывал каких-нибудь этаких штучек, во всяком случае никто этого не видел. Но тут он сделал нечто уж и вовсе неслыханное, после чего мое трепетное сердце еще больше расположилось к нему.

Взяв тонкую, перевитую синеватыми венами руку Кнуда в свою огромную металлическую лапищу, он вдруг произнес:

— Привет, па! — Мне не видно было выражение лица Кнуда в этот душещипательный момент, зато я слышал, как Эл добавил: — Я привез тебе занятный сувенир.

Он указал на люк, из которого послышалось скрежетанье, повеяло машинным маслом и наконец появился наш пленный гроб, медный завиток которого был соединен с небольшой черной коробочкой, укрепленной на спине. За ним шел Стив Грегори, гордо шевеля бровями.

Эл взял Кнуда под руку, и они пошли куда-то прочь, инопланетная машина потрусила за ними, а Стив пошел следом за ней. Я потерял их из виду, так как в этот момент двое посыльных начали подниматься по трапу, неся огромную вазу ужасной формы и омерзительного цвета.

Добравшись до верхней площадки, один из них вытащил из кармана бумагу, брезгливо сверился с ней и возвестил:

— Данная суперчаша адресована змеерукому по имени Кли Морг.

— Сейчас я ему скажу,— пообещал я. А потом, будто в каком-то озарении, добавил: — Знаете, вам, наверное, лучше спустить ее вниз. Капитан все равно не разрешит вносить ее на борт.

И конечно, спускаясь по трапу, они ее грохнули.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Путешествие на Симбиотику

Совершенно неожиданно мы узнали, что «Марафон» отправляется в очередной полет: исследовать одну из планет в окрестностях Ригеля. Интересно, как это нашим земным астрономам удается обнаруживать подходящие мирки на таком немыслимом расстоянии?

В прошлый раз нас уже угораздило смотаться по их наводке в окрестности Волопаса, и мы еле унесли ноги с населенной разумными машинами планеты. «Марафон» — не так давно построенный по проекту старика Флетнера корабль — был просто чудом современной техники и не имел себе равных в известной нам части космоса. Поэтому ничего не оставалось, как предположить, что и у астрономов в распоряжении появился какой-то совершенно новый прибор для исследования далеких звездных систем.

Так или иначе, но мы, как нам было велено, отправились в полет и, добравшись до планеты, являвшейся целью нашей экспедиции, еще раз убедились, что ученые свой хлеб едят не даром. Как они и предсказывали, в системе Ригеля и в самом деле нашлась планета, где, по-видимому, действительно имелась жизнь.

По правому борту виднелся Ригель, пылающий, подобно раскаленной печи, градусах в тридцати выше плоскости, которая считалась нашим гори-

зонтом. То есть имеется в виду плоскость, являющаяся горизонтальной плоскостью корабля, с которой волей-неволей приходится считаться всей остальной Вселенной. Но светилом интересующей нас планеты был вовсе не далекий Ригель, а гораздо более близкая звезда, немного меньше и чуть менее яркая, чем наше родное солнышко.

К тому же у нашей планетки оказалось две сестрички, бегающие по внешним орбитам, и еще одна, находящаяся с противоположной стороны. Таким образом, в системе оказалось четыре планеты, три из которых были девственно пусты, как головы венерианских гуппи, и только одна — ближайшая к местному солнцу — подавала признаки наличия органической жизни.

Мы шли на посадку, развернувшись к планетке кормой. Скорость, с которой этот шарик рос в иллюминаторах, заставляла мои внутренности затягиваться тугим узлом. В принципе я после первого же рейса на нашей прежней тихоходной старушке «Колбаске» навсегда избавился от космической болезни и привык преодолевать в подвешенном состоянии бессчетные миллионы миль космического ничто. Но боюсь, что к совершенно безумным взлетам и посадкам этой флетнеровской посудины мне придется привыкать еще лет сто, если не больше.

Молодой Уилсон, весь опутанный ремнями безопасности, как всегда, был занят тем, что заранее оплакивал свои драгоценные фотопластинки. На лице у него отражалась такая душевная драма, что можно было подумать, будто парень на своих проклятых пластинках просто женат! Наконец мы совершили посадку, и, конечно, корабль напоследок изрядно тряхнуло.

— Да брось ты убиваться,—посоветовал я Уилсону.— Ведь ни одна из этих опрысканных эмульсией стекляшек ни цыпленка тебе не поджарит, ни куска только что испеченного земляничного пирога ласково под нос не сунет.

— Конечно нет,— согласился он.— Не сунет.— И, уже выпутываясь из своей предохранительной сбруи, вдруг бросил на меня испытующий взгляд и спросил: — Слушай, а как бы ты отреагировал, если бы я взял да и плюнул в ствол одного из твоих ненаглядных излучателей?

— Только попробуй! Сразу шею сверну! — предупредил я.

— Вот видишь! — назидательно произнес он и тут же помчался проверять, как поживают его бесценные пластинки. Я же, прильнув к ближайшему иллюминатору, начал разглядывать открывающийся за ним новый мир. Он был очень зеленый. Просто даже не верилось, что может существовать настолько зеленое море зелени.

Солнце, которое в космосе казалось бледно-желтым, здесь, на планете, было бледно-зеленым и заливало все вокруг своими желтовато-зелеными лучами.

«Марафон» совершил посадку на поросшей сочной зеленой травой, цветами и кустарником поляне посреди дремучего леса. Лес же представлял собой непролазную чащу могучих деревьев, цвета которых варьировались от очень светлого серебристо-зеленого до темно-зеленого, граничащего с черным.

Сзади подошел Бренанд и встал рядом. В свете, льющемся из иллюминатора, его лицо приобрело пятнистую ядовито-зеленую окраску. Больше всего он походил на оживший труп.

— Ну вот, вроде бы и сели,— заметил он, бросив взгляд в иллюминатор, и с улыбкой повернулся ко мне. Но, увидев выражение моего лица, сразу перестал улыбаться: — Слушай, чего это ты на меня так уставился?

— Да нет, ничего, это все освещение,— успокоил я.— На себя посмотри. Ты сейчас похож на полупереваренную порцию ирландского рагу, плавающую в шлеме туриста, слегка перегулявшего по Луне.

— Ну спасибо на добром слове,— сказал он. — Не за что...

Мы еще немного постояли у иллюминатора, с минуты на минуту ожидая сигнала, обычно созывающего всех членов экипажа на инструктаж перед выходом на поверхность новой планеты. Кому идти первым, обычно определялось с помощью жеребьевки, и я очень рассчитывал, что на сей раз мне повезет.

Бренанду, видимо, тоже не терпелось почувствовать под ногами твердую землю. Но сигнала все не было.

В конце концов Бренанд не выдержал:

— Чего это капитан там тянет? Заснул, что ли?

— Сам не понимаю.

Я снова бросил взгляд на его трупного цвета лицо. Зрелище было малопривлекательное. Судя по его брезгливой мине, я и сам выглядел ненамного лучше. Тогда я сказал:

— Ты же знаешь, какой наш Макналти перестраховщик. Скорее всего, после наших приключений на Механистрии он сто раз подумает, прежде чем хоть что-то предпринять.

— Похоже,— согласился Бренанд.— Схожу-ка я, пожалуй, да выясню, что там делается.

С этими словами он удалился. К сожалению, я не мог последовать за ним, поскольку до выхода первой партии на разведку был обязан постоянно находиться в оружейной. Ведь оружие могло понадобиться в любой момент, а по закону подлости оно всегда требовалось очень срочно.

И действительно, не успел Бренанд исчезнуть за дверью, как на мою голову свалилась разведочная группа, которой требовалось снаряжение. Их было шестеро: инженер Молдерс, навигатор Джепсон, наш врач-негр Сэм Хигнет, Уилсон и двое марсиан — Кли Дрин и Кли Морг.

— Что, снова повезло? — пошутил я, выдавая Сэму игольный излучатель и остальное барахло.

— Это уж точно, сержант! — На его темном лице сверкнула довольная улыбка.— Капитан поклялся, что ни одна живая душа не ступит на землю до тех пор, пока не будет произведена разведка с воздуха. Так что мы сейчас вылетаем на шлюпке номер четыре.

Кли Морг, сжимая своим змееподобным щупальцем излучатель и совершенно игнорируя присутствующих, чьи жизни он тем самым подвергал серьезной опасности, принялся потрясать в воздухе этим смертоносным оружием и возмущенно требовать: — А где наши с Дрином шлемы?

— Шлемы? — Я перевел взгляд с него на землян.— Так, может, и вам, ребята, тоже выдать скафандры?

— Нет,— ответил Джепсон.— Давление снаружи около пятнадцати фунтов, а кислорода в воздухе вообще девать некуда.

— Просто жижа какая-то! — подхватил Кли Морг.— Самая настоящая болотная жижа! Так что мы полетим в шлемах.

Пришлось выдать им дыхательные аппараты. Вообще эти марсиане настолько избалованы трехфунтовым давлением родной планеты, что более плотный воздух плохо действует на печень — если, конечно, она у них есть. Поэтому на корабле им даже отвели специальный отсек, давление в котором поддерживалось на привычной для них отметке. Безусловно, некоторое время они вполне могли пребывать и в условиях более высокого давления, но тогда вскоре начинали выходить из себя и всячески показывать, что на них вдруг обрушились все горести мира. Мы помогли им напялить эти их дыхательные аппараты и отрегулировали давление в шлемах так, как им нравилось. Я множество раз проделывал эту операцию, и тем не менее она, как и в самый первый раз, казалась мне совершенно противоестественной. Согласитесь, трудно себе представить, чтобы кому-то нравилось дышать настолько разреженным воздухом.

Когда мои клиенты стали напоминать увешанные игрушками новогодние елки, в оружейной появился Эл Стор. Войдя, он тут же навалился всеми своими тремястами с лишним фунтами на хлипкий металлический барьерчик, который аж застонал под такой тяжестью. Эл сразу же убрал с него руки и выпрямился. На его бесстрастном лице, как всегда, ярко сверкали глаза.

Покачав барьерчик, чтобы проверить, не сломался ли он, я заметил:

— Один у тебя серьезный недостаток. Ты постоянно забываешь про свою силу.

Но он ничего на это не ответил, а обвел взглядом присутствующих и сказал:

— Капитан велел передать, чтобы вы проявляли максимум осторожности. Нам ни к чему повторение того, что случилось с Хейнсом и его экипажем. Поэтому ниже тысячи футов не спускаться и ни в коем случае нигде не садиться. Автоматическая камера пусть работает на протяжении всего полета, а вы держите ушки на макушке и как только заметите что-нибудь достойное внимания — немедленно назад.

— Все понятно, Эл,— отозвался Молдерс, накидывая на руку две запасные ленты с патронами.— Передай капитану, что он может не беспокоиться.

На том мы и расстались. Вскоре после этого послышался звук стартующей шлюпки, напоминающий жалкую пародию на мощный проникновенный грохот взлетающего «Марафона». Скорлупка взмыла в зеленоватое небо, пронеслась над верхушками высоченных деревьев и вскоре превратилась в крохотную точку. К этому времени вернулся Бренанд, встал у иллюминатора и некоторое время следил за удаляющейся шлюпкой.

— Похоже, Макналти трусит,— наконец заметил он.

— Да это и понятно, ведь в случае чего отвечать за все ему.

Мертвенно-зеленое лицо Бренанда вдруг озарилось кривой усмешкой.

— Я тут прогулялся на корму и узнал, что парочка ребят из машинного все же решила натянуть нам всем нос. Они не стали дожидаться разрешения и сейчас уже там, снаружи, преспокойно кидают камешки.

— Чего кидают? — не веря собственным ушам, переспросил я.

— Камешки,— с каким-то злорадством повторил он.

Я помчался на корму, а Бренанд потащился за мной все с той же злорадной ухмылкой на лице. И точно, двое из наших вечно замызганных механиков, обслуживающих дюзы, решили, что они сами с усами. Скорее всего, эти двое проползли через главный инжектор, который еще даже и остыть не успел, и теперь стояли по щиколотку в зеленой траве, радостно хлопая друг друга по плечам и швыряя камешки в торчащий из земли валун. Глядя на них, можно было подумать, что они на веселом школьном пикнике. — А капитан знает?

— Ты с ума сошел,— замахал руками Бренанд.— Неужели ты думаешь, что он когда-нибудь разрешил бы этой паре небритых идиотов первыми выйти наружу?

В этот момент один из механиков как раз обернулся и заметил, что мы смотрим на него из иллюминатора. Он широко заулыбался, крикнул нам что-то, хотя мы и не могли его слышать через толстое стекло, подпрыгнул футов на девять в воздух и радостно стукнул себя в грудь грязным кулаком. По легкости его прыжка и по всему остальному было ясно, что притяжение здесь слабое, кислорода в воздухе много и что он плевать хотел на нас на всех. На лице Бренанда было написано, что он и сам бы не прочь проползти по трубе инжектора, выбраться на волю и присоединиться к веселью.

— Макналти с них семь шкур спустит,— строго, как и положено, заметил я, с трудом скрывая зависть.— Впрочем, их трудно винить. На корабле до сих пор не отключена искусственная сила тяжести, воздух спертый, и к тому же мы довольно долго пробыли на борту. Так что наружу выйти, конечно, очень хотелось бы. Будь у меня ведро и лопатка, я, наверное, и сам с радостью поиграл бы в песочек.

— Только вот песочка, здесь что-то не видно.

Наконец, устав швырять мелкие камешки, наши весельчаки набрали булыжников и двинулись к большому кусту, росшему ярдах в пятидесяти от носовой части «Марафона». Чем дальше в ту сторону они уходили, тем больше был риск, что их заметит капитан из своей каюты. Но их это, по-видимому, нисколечко не беспокоило. Они отлично знали, что в худшем случае Макналти прочтет им нудную лекцию, а затем отметит это в журнале под видом наложенного строжайшего взыскания.

Высотой куст достигал футов двенадцати или пятнадцати, и венчала его густая шапка ярко-зеленых листьев. Один из двоих наших гуляк дошел до него раньше второго и, остановившись в нескольких ярдах от куста, запустил булыжником точнехонько в самую середину. Дальше все происходило так быстро, что мы практически ничего не успели понять. Булыжник исчез среди листьев. Куст резко качнулся назад, как будто был укреплен на стальной пружине. Из куста выскочили три крошечных существа, мгновенно исчезнувшие в густой траве. Куст тут же качнулся в обратную сторону и снова замер в первоначальном положении. О том, что произошло, напоминали только все еще подрагивающие листья, а парень, который швырнул камень в куст, теперь лежал на земле ничком. Его приятель, отставший от него фута на три или четыре, замер от изумления и теперь стоял, недоуменно разинув рот.

— Эй! — воскликнул Бренанд.— Что у них случилось?

Механик, валявшийся на траве у куста, вдруг пошевелился, сел и начал отряхиваться. Его товарищ поспешил к нему и принялся помогать. До нас не доносилось ни звука, и оставалось только догадываться, о чем они там говорят и какими проклятиями сыплют.

Наконец процедура приведения одежды в порядок была завершена, и незадачливый механик неуверенно поднялся на ноги. Он с трудом сохранял равновесие, и приятелю на обратном пути к кораблю пришлось поддерживать его под руку. А куст продолжал стоять как ни в чем не бывало, только теперь перестали колыхаться и листья.

Не пройдя еще и половины пути до «Марафона», наш любитель побросать камни вдруг остановился и побелел как полотно. Он неуверенно облизал губы и снова брякнулся на землю. Второй с опаской оглянулся на куст, как будто ожидая, что тот на всех парах догоняет их, собираясь напасть. Наконец, нагнувшись, парень поднял приятеля, взвалил его на спину и с трудом потащил к входному шлюзу. Но не успел он, согнувшись в три погибели, сделать и двадцати шагов, как навстречу ему выскочил Эл Стор. Широко и твердо ступая по зеленой траве, Эл легко снял с бедняги неподвижное тело и без труда понес его к кораблю. Мы опрометью бросились к шлюзу узнать, что же произошло. Не говоря ни слова, Эл Стор протащил свою ношу мимо нас по коридору и внес бездыханное тело в медицинский отсек, где Уолли Симкокс — помощник Сэма — тут же принялся хлопотать над пациентом. Второй механик тем временем с понурым видом топтался в коридоре у двери медотсека. Когда же появился капитан Макналти и наградил его ледяным взглядом, вид у парня стал еще более унылым.

Буквально через полминуты из медотсека показалось багровое разъяренное лицо капитана, который рявкнул:

— Быстро сбегай и скажи Стиву, чтобы отзывал шлюпку обратно. Срочно нужен Сэм!

Я пулей метнулся в радиорубку и передал слова капитана нашему радисту. Включая рацию и поднося микрофон к губам, Стив, как обычно, бешено двигал бровями. Ему почти сразу удалось связаться со шлюпкой. Он передал приказ капитана и выслушал ответ. — Они возвращаются.

Вернувшись к медотсеку, я спросил у незадачливого энтузиаста игр на открытом воздухе:

— Что случилось-то, глупыш?

Тот пожал плечами:

— Да этот чертов куст, похоже, принял его за мишень и нашпиговал колючками. Такие длинные тонкие стрелочки, похожие на шипы. Попал ему в голову, в шею, а несколько штук застряло в одежде. Одна даже ухо пробила насквозь. Еще хорошо, что в глаз не попало.

— Это уж точно! — кивнул Бренанд.

— Слева от меня тоже пролетело несколько штук, и упали они только где-то ярдов через двадцать. Здорово он ими бьет: мимо уха как пчелы прожужжали.— Механик нервно сглотнул и переступил с ноги на ногу.— Всего было колючек сто — не меньше.

Тут в коридор вышел Макналти. Лицо его казалось каменным. Очень медленно и внушительно он бросил несчастному механику:

— А с тобой я поговорю чуть позже. Взгляд у него при этом был такой, что у бедняги чуть штаны не свалились от страха. После этого величественная фигура капитана проплыла по коридору и скрылась за углом. Бедолага-механик почуял, что дело пахнет керосином, и опрометью бросился восвояси.

А через минуту в небе над кораблем показалась шлюпка, сделала круг и приземлилась. Ее экипаж, пока маленький кораблик с помощью специального крана заводили в чрево большого корабля, бродил вокруг «Марафона».

Сэм пробыл в отсеке с пострадавшим около часа и вышел, качая головой:

— Все кончено. Я ничем не смог ему помочь.

— Ты хочешь сказать... он умер?

— Да. Эти колючки содержат очень ядовитый алкалоид. И противоядия у нас нет. От него начинает сворачиваться кровь, как при укусе змеи.— Он несколько раз устало провел ладонью по жестким курчавым волосам.— Даже не знаю, как сообщить об этом капитану.

В нос мы отправились вместе. Проходя мимо отсека марсиан, я наклонился и заглянул в небольшое смотровое отверстие. Кли Дрин и Кли Морг играли в шахматы, а еще трое наблюдали за игрой. Саг Фарн, как обычно, храпел в углу. Нет, все-таки нужно быть марсианином, чтобы скучать от приключений и в то же время потеть от возбуждения, играя в столь малодинамичную игру, как шахматы. Марсиане всегда отличались извращенным взглядом на вещи.

Продолжая одним глазом-блюдцем следить за доской, Кли Дрин безмолвно устремил второй глаз на смотровое отверстие, за которым виднелось мое лицо. От этого у меня аж мурашки по спине побежали. Я вроде слышал, что хамелеоны тоже так могут, но думаю, никакой хамелеон не смог бы развести глаза настолько. Я бросился догонять Бренанда и Сэма. Сердцем я все явственней предчувствовал беду. Капитан буквально взвился, как ракета, когда узнал от Сэма, что пациент умер. Из полуоткрытой двери донесся его громкий голос:

— Не успели сесть, а уже приходится делать в журнале запись о гибели одного из членов экипажа... преступная халатность... неподчинение приказу... надо же быть такими идиотами... вопиющее нарушение дисциплины.— Тут он остановился, чтобы перевести дыхание.— Однако, как бы там ни было, ответственность целиком и полностью лежит на мне. Эл, объявляй общий сбор.

Эл тут же нажал кнопку, и по всему кораблю разнесся сигнал общего сбора. Последними, конечно, притащились марсиане.

Обведя нас всех строгим командирским взглядом, Макналти принялся читать довольно продолжительную лекцию. Нас, мол, выбрали в качестве экипажа «Марафона» — именно потому, что мы зарекомендовали себя как хладнокровные, опытные, дисциплинированные, зрелые люди, которые уже давным-давно избавились от разных там детских пристрастий, вроде швыряния в цель камнями.

— Кстати, и к шахматам это относится! — с желчной язвительностью добавил он.

Кли Дрин тут же вскинулся и оглядел своих многощупальцевых собратьев: слышали ли они подобное неслыханное богохульство? И действительно, еще парочка марсиан что-то негодующе пискнула. Видимо, от возмущения им тоже ударило в голову то, что заменяет марсианам кровь.

— И поверьте,— продолжал между тем капитан, видимо подсознательно почувствовав, что плюнул в чью-то святую воду,— я вовсе не такой уж зануда. Просто я хочу подчеркнуть: для всего есть соответствующие время и место.— Марсиане слегка расслабились.— И поэтому,— продолжал Макналти,— я требую, чтобы вы всегда...

Тут раздался резкий звонок переговорного устройства, и капитан прервал свою речь на полуслове. На его столе стояли три аппарата. Он уставился на них с таким видом, будто ушам своим не верил. Присутствующие сразу начали переглядываться, пытаясь понять, кого же не хватает. В принципе, отсутствующих быть не могло: по сигналу общего сбора должен собираться весь экипаж до единого человека.

Наконец Макналти решил, что наилучший способ разгадать эту тайну — ответить на звонок. Нажав кнопку, он хрипло и недоверчиво рявкнул: «Да!» Но тут снова раздался звонок, причем друго-

го аппарата. Значит, капитан с первого раза не угадал. Он раздраженно хлопнул по кнопке второго аппарата и снова рявкнул: «Да!» До нас донесся какой-то сдавленный писк, а лицо капитана тем временем искажали самые немыслимые гримасы.

— Кто? Что? — несколько раз переспросил он.— Что тебя разбудило? — Тут глаза его полезли на лоб.— Кто-то стучится в дверь? — Отключив наконец переговорное устройство, он некоторое время ошеломленно молчал, а затем сказал Элу Стору: — Звонил Саг Фарн. Жаловался, что его сиесту нарушил какой-то стук в крышку входного люка в шлюзе.— Капитан не глядя нащупал кресло и рухнул в него, хватая ртом воздух. Его выпученные глаза наконец отыскали в толпе Стива Грегори.— Послушай, прекратишь ты когда-нибудь играть своими бровями или нет?

Стив тут же опустил одну бровь на глаз, другую задрал на лоб и широко раскрыл рот, стараясь изобразить на лице искреннее раскаяние. Вид у него при этом стал окончательно идиотским. Эл Стор наклонился и что-то негромко сказал капитану на ухо. Макналти устало кивнул. Эл выпрямился и, обращаясь к нам, сказал:

— Все свободны. Марсианам, думаю, будет лучше надеть шлемы. У шлюза мы установим пушку и только после этого откроем люк.

Что ж, это звучало достаточно разумно. Днем, конечно, проще простого заметить любого, кто приближается к кораблю, но только не после того, как он подойдет к нему вплотную. Угол обзора иллюминаторов не так широк, чтобы увидеть кого-либо стоящего у самого шлюза. Все понимали, что капитан допустил промашку, устроив собрание и не выставив никого наблюдать за окрестностями, но ни один из присутствующих не оказался столь бестактен, чтобы сделать ему замечание. Если те, кто стучался к нам, не отойдут от корабля подальше, увидеть их мы можем, только открыв люк, и уж точно

не станем заниматься ничем другим, пока не выясним, что у нас за гости. Предыдущая экспедиция, во время которой враждебные машины начали разбирать корабль, научила нас осторожности.

Засоню Саг Фарна наконец разбудили, вытащили из уютного уголка, где он сладко спал, и отправили за шлемом. Напротив шлюза установили скорострельную пушку, наведя ее стволы на крышку люка. Не успели мы сделать это, как по крышке люка что-то несколько раз звякнуло. Впечатление было такое, что кто-то бросает в корабль камешки.

Наконец люк медленно открылся. В корабль тут же ворвался зеленоватый свет и хлынул свежий воздух, такой приятный, что у меня чуть не закружилась голова. В тот же момент наш шеф-инженер Дуглас (сменивший на этом посту старого Эндрюса) вырубил искусственную гравитацию, и мы сразу стали на треть легче. Мы с таким тревожным напряжением вглядывались в отверстие люка, что нам вполне могло пригрезиться и тупое рыло ожившего металлического чудовища, разглядывающего нас равнодушно-враждебными линзами. Но никаких механических звуков слышно не было, не лязгали металлические руки и ноги. К нам ворвался лишь свежий ветерок да шелест зеленой травы, да еще вроде слышалось где-то вдалеке странное, ни на что не похожее приглушенное буханье, отдаленно напоминавшее барабанный бой.

Тишина была такой глубокой, что я сразу услышал у себя за спиной дыхание Джепсона. Стрелок замер за пушкой, устремив взгляд в прицел и положив палец на гашетку. Справа и слева от него поблескивали заряженные лентами подающие механизмы. Остальные члены боевого расчета тоже были готовы к любым неожиданностям. И тут я услышал что-то вроде шагов по траве у самого шлюза.

Мы все отлично знали, что Макналти удар хватит, если кто-нибудь осмелится подойти к самому

краю и выглянуть наружу. Он небось до сих пор каждую ночь видит во сне, как металлические руки хватают решившегося на это смельчака. Вот и пришлось нам стоять у шлюза и ждать, что будет дальше. Через некоторое время внизу у самого люка послышался какой-то непонятный шум. В следующее мгновение в шлюз влетел булыжник величиной с хорошую дыню и, едва не угодив в плечо Джепсону, разлетелся, ударившись о стенку шлюза.

Я решил, что с меня довольно, и, крепко сжимая в руке игольный излучатель, пригнувшись, двинулся к выходу. Добравшись до края шлюза, находившегося футах в девяти от поверхности планеты, я осторожно выглянул наружу. За спиной я чувствовал дыхание последовавшего за мной Молдерса. Похожие на бой больших барабанов звуки теперь слышались гораздо отчетливее, но источник их по-прежнему оставался загадкой.

Под самым шлюзом стояли шесть существ, на первый взгляд удивительно похожих на людей. У них были совершенно человеческие фигуры, такие же, как у нас, конечности, пальцы и черты лица. Отличие их в основном заключалось в коже. Она у них выглядела грубой, морщинистой и отливала тусклой зеленью. Кроме того, на груди у них имелся какой-то непонятный орган, очень похожий на цветок хризантемы. Иссиня-черные глаза наших гостей постреливали по сторонам с чисто обезьяньей настороженностью.

Но, несмотря на все отличия, сходство с людьми было настолько ошеломляющим, что я, разинув рот уставился на них, а они в свою очередь — на меня. Затем один из них что-то визгливо крикнул, взмахнул рукой, и брошенный им камень едва не разнес мне череп. Я еле успел пригнуться и почувствовал, как булыжник просвистел у самого уха. Молдерс тоже пригнулся и невольно толкнул меня при этом. Где-то позади нас послышался глухой удар, кто-то громко выругался, а я потерял равновесие и полетел вниз.

Стараясь не выпустить из рук излучатель, я шмякнулся в густую траву, покатился кубарем и тут же вскочил на ноги. В любой момент на меня мог обрушиться настоящий метеоритный дождь. Но неприятельского секстета уже и след простыл. Неизвестные существа были ярдах в пятидесяти и быстро улепетывали по направлению к лесу большими ловкими прыжками, которым мог бы позавидовать любой кенгуру. Я, скорее всего, легко мог бы подстрелить двоих-троих, но Макналти наверняка распял бы меня за это. Земные законы очень строги по отношению к тем, кто плохо обращается с аборигенами на других планетах.

Из люка на землю спустился Молдерс, за ним последовали Джепсон, Уилсон и Кли Янг.

Уилсон держал в руках свою ненаглядную камеру со светофильтром на объективе. Он просто-таки трясся от возбуждения.

— Я успел их заснять из четвертого иллюминатора. Целых два раза щелкнул!

— Хм-м-м! — Молдерс оглядел окрестности. Это был грузный флегматичный человек, больше похожий на скандинавского пивовара, чем на старого космического волка.— Давайте-ка проследим за ними до опушки.

— Отличная идея! — весело подхватил Джепсон. Знай он, что его ждет, он бы так не веселился.

Стоя по колено в густой траве, он с удовольствием набрал полную грудь ароматного, насыщенного кислородом воздуха.

— Заодно и прогуляемся на совершенно законном основании.

Мы тут же двинулись вперед, зная, что капитан вскоре начнет заклинать нас вернуться обратно. Наверное, не найти другого такого человека, которого было бы так трудно убедить, что риск необходим и что ценой, которую приходится платить за знание, почти всегда являются человеческие жизни. Наш капитан, как будто специально, сначала

подвергал нас опасности, залетая неведомо куда, а потом, оказавшись на месте, всегда старался избегать даже малейшего риска.

Добежав до опушки леса, шестеро зеленых остановились и опасливо уставились на нас. Похоже, на открытом месте они чувствовали себя гораздо менее уверенно, чем на краю, по-видимому, их родного леса. Один из них, повернувшись к нам спиной, нагнулся и, просунув голову между коленями, принялся корчить рожи.

Гримасы его показались нам совершенно бессмысленными и непонятными.

— Это еще что такое! — взревел Джепсон, которому явно не понравилось, что какой-то зеленый туземец корчит ему рожи, выглядывая из-под собственного зада.

Уилсон фыркнул и заметил:

— Мне приходилось видеть нечто подобное. По-моему, это знак презрения... похоже, он является универсальным для всех планет.

— Будь я попроворней, я бы ему показал,— с угрозой в голосе заметил Джепсон.

В этот момент нога его попала в ямку, он оступился и рухнул на землю. Зеленые подняли радостный визг и принялись швырять в него камнями, которые совсем чуть-чуть не долетали до цели. Мы тут же бросились вперед, передвигаясь огромными скачками. При слабом притяжении на планете было низкое атмосферное давление, и мы чувствовали себя значительно легче, чем на Земле. Наверное, мы неслись побыстрее иных олимпийских чемпионов. Пятеро зеленых нырнули в чащу, а шестой, как белка, полез вверх по стволу одного из ближайших деревьев. Из их поведения явственно следовало, что они считают лес и деревья самым надежным убежищем.

Мы остановились ярдах в восьмидесяти от дерева, на котором спрятался наш зеленый приятель. Вполне можно было ожидать града ядовитых колю-

чек. В памяти еще оставалось воспоминание о том, что сумел натворить всего один, с виду такой безобидный, кустик. Растянувшись в цепь, мы начали осторожно подкрадываться ближе, в любую минуту готовые броситься наутек. Но ничего не происходило. Мы подошли еще ближе. И снова ничего. Так, шаг за шагом, мы и оказались почти у самого ствола. Дерево — то ли ствол, то ли листья — испускало слабый аромат чего-то вроде ананаса или корицы. Глухие удары, которые мы слышали еще в корабле, сейчас стали гораздо более отчетливыми.

Дерево вблизи выглядело чрезвычайно внушительным. Его темно-зеленый шероховатый ствол футов семь-восемь в диаметре уходил вверх на высоту около двадцати пяти футов, и только там от него начинали отходить в стороны мощные длинные ветки, каждая из которых заканчивалась всего одним огромным, похожим на лопату, листом. Глядя на гигантский ствол, мы не могли понять, как нашему беглецу удалось так быстро вскарабкаться наверх, но, судя по всему, труда это для него не составляло. И тем не менее его на дереве обнаружить не удалось. Мы раз двадцать обошли вокруг дерева, пристально вглядываясь в переплетение ветвей, сквозь которые пробивались зеленоватые лучи местного солнца. Но никаких признаков аборигена нам заметить не удалось. У нас не было ни малейшего сомнения в том, что он затаился где-то там наверху, а мы просто не можем его разглядеть. Перескочить с этого дерева на ближайшее соседнее он никак не мог. Не удалось бы ему и соскочить незамеченным на землю. Даже несмотря на довольно скудное освещение, нам был отлично виден весь этот ревесный исполин, поскольку мы окружили его со всех сторон. Но чем дольше мы вглядывались, пытаясь отыскать туземца среди ветвей, тем больше убеждались в том, что нам это не под силу.

— Куда он мог подеваться? Просто уму непостижимо! — буркнул Джепсон, отходя от ствола подаль-

ше, чтобы удобнее было смотреть вверх. И тут послышался свист рассекаемого воздуха — это ветка, нависавшая над его головой, резко метнулась вниз. Я даже как будто услышал безмолвный торжествующий возглас доставшего-таки свою жертву дерева. Плоский лист шлепнул Джепсона прямо по спине, а все пространство под деревом тут же оказалось буквально залито ананасово-коричным ароматом. Затем ветка так же резко ушла обратно вверх, унося с собой и свою жертву. Джепсон с яростным ревом отчаянно пытался высвободиться, а мы, совершенно обалдевшие, столпились внизу. Нам было видно, что он прилип к тыльной стороне листа, и чем яростнее он пытался оторваться от него, тем больше его заливало какое-то густое желтовато-зеленое вещество. Судя по всему, оно было раз в сто более липким, чем самый лучший птичий клей. Наконец мы стали хором орать ему, чтобы он перестал дергаться, а то, мол, эта жижа зальет ему и лицо. Но чтобы привлечь его внимание, нам потребовалось немереное количество децибел и изрядное количество довольно-таки оскорбительных выпадов в его адрес. К тому времени липкая масса уже покрыла всю его одежду, а одна рука намертво прилипла к телу. Выглядел он ужасно. Было совершенно ясно: если липучка зальет ему рот и нос, то он просто задохнется.

Молдерс попробовал взобраться по стволу наверх, но вскоре понял, что это напрасная трата сил. Он отошел подальше от ствола, чтобы взглянуть, что там наверху, но тут же поспешно вернулся на прежнее место, заметив, что одна из ветвей угрожающе шевельнулась, собираясь угостить его порцией все той же липкой дряни.

Самое безопасное для нас место находилось прямо под несчастным Джепсоном. Липучка все заливала и заливала того и, насколько я мог судить, через полчаса должна была покрыть полностью, а если он будет продолжать дергаться — то и еще раньше.

Все это время где-то поблизости продолжали раздаваться глухие удары, как бы отсчитывавшие последние мгновения жизни нашего несчастного товарища. Звуки напоминали удары африканских тамтамов, приглушенные какими-то толстыми стенами.

Указывая на золотистый цилиндр «Марафона», лежащий в пятистах ярдах от нас, Уилсон сказал:

— Чем больше мы потеряем здесь времени, тем хуже все это кончится. Давайте сбегаем на корабль, возьмем веревки и крюки. А тогда снять его будет делом нескольких секунд.

— Нет,— решил я.— Мы, черт возьми, снимем его еще быстрее.

Потопав ногами по траве и убедившись, что она и в этом месте достаточно густая и упругая, я поднял излучатель и прицелился в то место, где лист, державший Джепсона, соединялся с веткой. Поняв, что я собираюсь сделать, он в панике взревел:

— Эй, не вздумай... ты, полоумный! Ты же меня...

Но игольный луч максимальной мощности уже перерезал ветку. Лист отвалился, и тут дерево как будто взбесилось. Свои двадцать пять футов до земли Джепсон пролетел с просто-таки удивительной скоростью в два смачных ругательства на каждый фут. Наконец он с шумом рухнул на траву с прилипшим к спине листом и разразился совсем уж площадной бранью. Нам тем временем пришлось ничком броситься на землю, поскольку дерево вышло из себя и яростно пыталось дотянуться листами-лопатами до нас — своих обидчиков.

Одна особенно настойчивая ветка продолжала колотить листом всего в ярде от моей головы, а я в свою очередь пытался вдавить себя как можно глубже в землю. Я чувствовал, как ритмичными толчками мою голову овевают порывы ветра от хлопающего рядом листа и густой ананасово-коричный аромат. Меня прямо-таки пот прошибал при мысли о том, как отчаянно будут напрягаться мои лег-

кие, вылезать из орбит глаза и колотиться сердце, если лист дотянется до меня и я получу порцию липкой дряни прямо в лицо. Нет, тогда уж я предпочел бы, чтобы меня просто пристрелили.

Через некоторое время дерево наконец прекратило тщетные попытки добраться до кого-нибудь из нас и снова застыло, как дремлющий гигант, в любую минуту готовый снова перейти к активным действиям. Мы по-пластунски доползли до Джепсона и кое-как ухитрились вытащить его из-под дерева вместе с листом, прилипшим к спине.

Идти он не мог, так как сапоги и брючины намертво склеились между собой. Левая рука тоже будто приросла к телу. Он был совершенно вне себя и непрерывно то жаловался на судьбу, то ругался, не давая себе времени ни подумать, ни перевести дыхание. До этого случая мы даже не представляли, что он способен на такое красноречие. И только когда мы выволокли его на открытое место, я вслух произнес те несколько энергичных слов, которые он по оплошности пропустил.

Молдерс, всегда очень спокойный, ругаться не стал, видимо вполне удовлетворившись тем, что принялись извергать из себя мы с Джепсоном. Молдерс помогал мне тащить его, и теперь ни он, ни я не могли отлепиться от нашей ноши. Мы превратились буквально в единое целое, как трое сиамских братьев-близнецов, только вот никаких братских чувств мы при этом не испытывали, да и речи наши тоже как-то не свидетельствовали о братской любви.

Получалось, что нам не остается ничего другого, кроме как тащить Джепсона на руках, которые накрепко приклеились к его телу.

Мы вынуждены были держать его в горизонтальном положении лицом вниз, как в стельку пьяного матроса, которого товарищи волокут обратно на корабль. Лист по-прежнему украшал его спину.

Ничуть не облегчал и без того малоприятную задачу придурок Уилсон, которому наши неприятно-

сти почему-то казались весьма забавными. Он плелся за нами, давясь от смеха, и то и дело щелкал своей поганой камерой, которую я с огромным удовольствием запихал бы ему в глотку. Он просто до неприличия радовался тому, что проклятый клей не попал и на него тоже.

Эл Стор, Бренанд, Армстронг, Петерсен и Дрейк встретили нас, когда мы протащились уже более полпути до корабля. Сначала, они недоуменно уставились на Джепсона, а потом с уважением начали прислушиваться к его гневным тирадам. Мы предупредили их, чтобы они до нас не дотрагивались. Когда мы дотащили свою ношу до корабля, то почувствовали, что устали как собаки. Хоть вес Джепсона и составлял здесь только две трети нормального, но через пятьсот ярдов он уже начал казаться нам настоящим мамонтом.

Мы уронили его на траву под шлюзом и волей-неволей вынуждены были усесться на него сверху. Из джунглей по-прежнему доносились глухие удары. Эл ушел на корабль и вскоре вернулся, ведя за собой Сэма и Уолли. Указав им на наше мрачное трио, он спросил, не знают ли они, как избавиться от этого суперклея. Тот уже застыл и стал совершенно твердым. Мои руки и пальцы чувствовали себя так, будто их поместили в гласситовые перчатки.

Сэм и Уолли испробовали холодную воду, теплую воду, довольно горячую воду и очень горячую воду, но вода никакого воздействия на клей не оказывала.

Шеф-инженер Дуглас принес бутылочку ракетного топлива, которым он выводил пятна, драил медяшки, травил насекомых и использовал для растирания во время приступов люмбаго. С его помощью можно было делать и еще восемнадцать разных дел — во всяком случае, так утверждал Дуглас. Но растворять клей топливо отказалось.

Затем они попробовали какой-то сверхочищенный бензин, которым Стив Грегори заправлял все-

му экипажу зажигалки. Но и это оказалось напрасной тратой времени. Он легко растворял резину и еще пару другую материалов, но только не эту дрянь. Молдерс все это время сидел совершенно спокойно, несмотря на то что обе его руки были будто вплавлены в куски желто-зеленого стекла.

— Да, похоже, вы вляпались,— лицемерно посочувствовал Уилсон.— Как мухи в мед!

Снова появился Сэм и принес с собой йод, который клея тоже не растворил, зато вступил с ним в реакцию, и воздух вокруг нас начал наполняться странным дымом с ужасным запахом. Тогда на лице Молдерса в первый раз появилась страдальческая гримаса. От азотной кислоты по поверхности застывшего клея пошли пузыри, но и только. Впрочем, с кислотой в любом случае шутки были бы плохи. Нахмурившись, Сэм удалился, чтобы поискать еще какой-нибудь растворитель. Навстречу ему вышел Эл Стор, решивший узнать, как наши успехи. Подойдя к нам, Эл вдруг споткнулся, что для него было делом совершенно необычным, учитывая его нечеловеческое чувство равновесия. При этом он нечаянно толкнул мощным торсом молодого Уилсона, и эта ухмыляющаяся обезьяна свалилась с копыт и рухнула прямо на ноги Джепсону, где клей, по-видимому, оставался еще достаточно мягким, чтобы тут же прихватить новую жертву. Уилсон сразу затрепыхался, пытаясь высвободиться, но, поняв, что никакие усилия не помогают, сразу изменился в лице. Джепсон, увидев выражение ужаса на лице насмешника, разразился громким смехом.

Подняв с земли упавшую камеру, Эл повесил ее на плечо и как ни в чем не бывало заметил:

— Никогда раньше не оступался. Крайне досадно, что так получилось.

— Ничего себе — досадно! — в сердцах воскликнул Уилсон, который, судя по выражению его лица, сейчас больше всего на свете желал бы, чтобы Эл

Стор расплавился и превратился в лужицу жидкого металла.

Как раз в этот момент из корабля появился Сэм с большой стеклянной банкой в руках.

Подойдя к нам, он плеснул немного жидкости из банки на мои увязшие в клею руки, и зеленоватая масса тут же начала растворяться, превращаясь в тонкий слой слизи, и через мгновение мои руки оказались на свободе.

— Нашатырь! — возвестил Сэм. Правда, он мог бы этого и не говорить: характерный запах перепутать нельзя ни с чем. Нашатырь оказался прекрасным растворителем для злосчастного клея, и вскоре Сэм окончательно очистил нас от его остатков.

После этого я погнался за Уилсоном, и мы раза три обежали вокруг корабля. К сожалению, на его стороне было преимущество в возрасте, а значит, и в скорости. Наконец мне пришлось прекратить преследование, так как я окончательно запыхался. Мы уже собирались подняться на борт и доложить капитану обо всем, что с нами случилось, но проклятое дерево снова начало хлопать ветками. Нам даже издали было прекрасно видно, как со свистом хлещут по воздуху большущие листья. Стоя у самого входа в шлюз, мы обернулись и с удивлением воззрились на это. И тут заговорил Эл Стор, причем в голосе его явственно слышались металлические нотки: — Где Кли Янг?

Никто из нас этого не знал. Я начал припоминать все случившееся и понял, что, когда мы тащили Джепсона домой, Кли Янга с нами не было. Последний раз я видел его, еще стоя под деревом, и у меня бегали по спине мурашки при виде того, как он двумя глазами одновременно разглядывает две разные ветки.

Армстронг нырнул в корабль и вскоре вернулся с известием, что на корабле Кли Янга нет абсолютно точно.

Молодой Уилсон, глаза которого еще были выпучены почти так же, как у пропавшего марсианина, заявил, что он вообще не помнит, чтобы Кли Янг выходил вместе с нами из леса. После этих слов мы выхватили излучатели и на всех парах помчались обратно к треклятому дереву. Оно не переставало махать крыльями так, будто к земле эту сумасшедшую птицу привязывали только корни. Добежав до чудовищного дерева, мы начали обходить его по периметру, стараясь не оказываться в пределах досягаемости ожесточенно хлопающих листьев и пытаясь взглядом отыскать прилипшего к одному из них марсианина. Но его там не было.

Наконец мы обнаружили его на стволе на высоте приблизительно сорока футов. Пятью могучими щупальцами он крепко держался за ствол, а другими пятью крепко сжимал зеленого аборигена. Пленник бился в объятиях марсианина, тщетно пытаясь вырваться, и непрерывно что-то визгливо кричал.

Кли Янг начал осторожно спускаться вниз. То, как он двигался и выглядел, делало его ужасно похожим на какой-то невероятный гибрид университетского профессора и морского осьминога. Абориген же с вытаращенными от ужаса глазами бессильно колотил марсианина по шлему дыхательного аппарата. Кли полностью игнорировал недружественное поведение зеленого туземца и спустился наконец к той ветке, которая добралась до Джепсона. Покрепче ухватив свою жертву, марсианин осторожно пополз вдоль ветки и добрался до ее конца, где отсутствовал лист. Здесь его и аборигена ветка стала мотать вверх и вниз с амплитудой футов в двадцать. Рассчитав маневр до секунды, Кли Янг отцепился от ветки, когда та опустилась почти до самой земли, и тут же скользнул прочь из-под кроны, чтобы его не зацепила ни одна из других. С опушки леса вдруг донесся певучий вой, и что-то похожее на кокосовый орех, пролетев по воздуху, упало и

разбилось под ногами у Дрейка. Странный снаряд был хрупким, как пустая яичная скорлупа, внутри оказался белым и, похоже, совершенно пустым.

Не обращая ни малейшего внимания ни на вой, ни на бомбу, которая вовсе не была бомбой, Кли Янг потащил своего все еще пытающегося вырваться пленника прямо к «Марафону».

Дрейк удивленно отшатнулся, затем с любопытством нагнулся над «кокосом» (или как его назвать?) и презрительно пнул расколовшуюся при падении скорлупу носком сапога. В тот же самый момент что-то невидимое, вылетевшее из осколков, валяющихся у его ног, набросилось на него, он судорожно втянул щеки, закатил глаза и отступил назад. Затем его стошнило, причем так сильно, что он чуть не упал. У нас хватило ума не пытаться выяснять, в чем дело, а схватить его в охапку и помчаться следом за Кли Янгом. Всю дорогу его тошнило, и рвота утихла, только когда мы наконец добрались до покатого борта «Марафона».

— Боже милостивый! — наконец выдавил он, потирая живот.— Какая мерзкая вонь! По сравнению с этим скунс — роза животного мира! — Он вытер губы.— У меня желудок просто наизнанку вывернулся.

Мы отправились к Кли Янгу, пленника которого уже посадили за примирительную трапезу. Стягивая шлем, Кли Янг сказал:

— На это дерево взобраться оказалось совсем не так уж и трудно. Оно, конечно, пыталось схватить меня, но, как выяснилось, ветки не могут дотянуться до ствола.— Он недовольно фыркнул и потер свое плоское лицо уроженца Красной Планеты гибким кончиком огромного щупальца.— Ума не приложу, как это вы, примитивные двуногие, можете постоянно хлебать суп, который называете воздухом. Да в нем хоть плавай!

— Слушай, Кли, а где же ты нашел зеленого? — спросил Бренанд.

— Он притаился на стволе в сорока футах от земли. Там в коре оказалось углубление, где он спрятался. Я и заметил-то его почти случайно, когда подобрался чересчур близко и он начал дергаться, боясь, что я его обнаружу.— Марсианин поднял свой шлем.— Поистине замечательный пример естественной маскировки.— Продолжая одним глазом взирать на шлем, второй он устремил на любопытного Бренанда и сделал недовольный жест щупальцем: — А как насчет того, чтобы хоть где-нибудь откачать воздух и позволить представителям высшей формы разумной жизни хоть какое-то время провести в покое и с удобствами?

— Ладно, так и быть, откачаем воздух из правого шлюза,— пообещал Бренанд.— И не больно-то выпендривайся, ты, жалкая карикатура на резинового паука.

— Ха! — с большим достоинством ответствовал Кли Янг.— Кто, по-твоему, придумал шахматы, но до сих пор с трудом отличает черную пешку от белой? Кто не в состоянии даже камешки побросать без того, чтобы не вляпаться во что-нибудь этакое? — С этим презрительным замечанием по поводу земной несостоятельности он снова нахлобучил шлем и знаком попросил меня откачать в нем воздух, что я и сделал.— Благодарю! — глухо донесся его голос из-за диафрагмы шлема. Теперь следовало побольше узнать о нашем зеленом госте.

Капитан Макналти беседовал с аборигеном лично. Босс величественно восседал за своим металлическим столом и взирал на хрупкого туземца взглядом, в котором было поровну высокомерия и добродушия. Туземец стоял перед ним и то и дело испуганно зыркал своими черными глазенками по сторонам. Теперь, вблизи, я разглядел на нем набедренную повязку, цветом почти не отличающуюся от кожи. Спина его казалась чуть темнее, чем грудь и живот, а кожа на ней выглядела гораздо грубее, более пористой и напоминала кору дерева, на котором он пытался от нас спрятаться.

Даже набедренная повязка сзади оказалась гораздо темнее, чем спереди. Ноги у него были широкими и босыми, а на пальцах ног имелось по два сустава почти такой же длины, что и пальцы рук. Одежды у него, кроме набедренной повязки, никакой не было, как, впрочем, и оружия. Но наибольший интерес у присутствующих, конечно, вызывала своеобразная хризантема у него на груди.

— Его накормили? — заботливо спросил капитан.

— Ему предлагали поесть,— ответил Эл.— Но он отказался. Даже не прикоснулся к пище.

Насколько я понимаю, единственное, чего ему хочется,— это вернуться обратно на дерево.

— Хм-м-м-м,— проворчал Макналти.— Всему свое время.— И, снова напустив на себя вид добродушного дядюшки, он спросил у туземца: — Как тебя зовут?

Видимо, по интонации капитана поняв, что ему задали вопрос, зеленый абориген замахал руками и возбужденно зачирикал на непонятном языке. Он говорил и говорил, то и дело подкрепляя свои слова очень выразительными, но совершенно непонятными нам жестами. Язык был довольно благозвучным, а голос певучим.

— Понятно,— пробормотал Макналти, когда поток непонятных слов наконец иссяк. Он вопросительно взглянул на Эла Стора: — Как ты считаешь, этот парень не может быть телепатом, вроде тех омаров?

— Более чем сомнительно. По уровню развития я бы поставил его где-то в один ряд с конголезскими пигмеями, а может, и ниже. У него даже примитивного копья нет, не говоря уже о луке со стрелами или духовой трубке.

— Думаю, ты прав. Мне тоже показалось, что он не больно-то разумен.— По-прежнему сохраняя отечески-покровительственный вид, Макналти продолжал: — В любом случае мы пока друг друга не

понимаем, и нам, видимо, придется каким-то образом решить проблему языкового барьера. Посадим нашего лучшего лингвиста: пусть осваивает язык этого парня и потихоньку учит его основам нашего.

— Позвольте, я попробую,—предложил Эл.— Худо ли бедно, но у меня перед всеми остальными есть одно преимущество — электронная память.

Он приблизился к зеленому туземцу, бесшумно неся свое могучее, идеальных пропорций тело на толстенных эластичных подошвах. Похоже, туземцу пришлось не по душе то, как тихо Эл к нему подошел, да и его сверкающие глаза тоже. Он попятился и прижался спиной к стене, снова шаря глазами по сторонам в поисках возможного пути для бегства.

Эл, заметив его испуг, остановился и хлопнул себя по голове могучей ручищей так, что мне этот хлопок наверняка размозжил бы череп.

— Голова,— сказал он. Потом он еще с полдюжины раз повторил движение, каждый раз приговаривая: — Голова, голова!

Уж настолько-то глупым зеленый быть просто не мог: он наконец понял, чего от него добиваются, и чирикнул:

— Мах!

Снова коснувшись своей головы, Эл спросил:

— Мах?

— Бья! — отозвался туземец, вроде уже начавший приходить в себя.

— Ну вот, это, оказывается, чертовски просто,— одобрительно пророкотал Макналти, явно становясь все более и более высокого мнения о своих лингвистических способностях.— Мах — голова, бья — да.

— Совсем необязательно,— возразил Эл.— Все зависит от того, как он интерпретировал мои жесты. Например, «мах» может означать и голову, и лицо, и череп, и человека, и волосы, и бога, и ум, и мысль, а может, и инопланетянина или даже черный цвет. Если же он решил, что речь идет о контрасте между

моими черными волосами и его зелеными, то «мах» вполне может означать «черный», в то время как «бья» будет значить уже не «да», а «зеленый».

— Верно, я об этом как-то не подумал.— Капитан явно сник.

— Нам придется заниматься подобными вещами до тех пор, пока мы не выясним точного значения, достаточного для составления простейших фраз. А уже после этого значение слов будет достаточно легко установить по контексту. Так что дайте мне хотя бы два-три дня.

— Что ж, валяй. И прошу тебя, ты уж постарайся, Эл! А то и впрямь, нельзя ведь надеяться, что через пять минут после встречи мы уже будем говорить с ним о чем хотим!

Уводя туземца в кают-компанию, Эл прихватил с собой Миншула и Петерсена. Он решил, что одна голова — хорошо, а три — лучше. Тем более что Миншул и Петерсен и так знали по несколько языков и свободно владели идо, эсперанто, венерианским, высоким марсианским и низким марсианским, в особенности здорово — низким. Только они из всех членов экипажа были в состоянии дать достойный отпор этим маньякам от шахмат на их родном языке.

У себя в оружейной я нашел Сэма, который пришел, чтобы сдать то, что брал. Я спросил у него:

— Ну как, Сэм, что вы там увидели из своей шлюпки?

— Не так уж и много. Мы слишком быстро вернулись. Успели пролететь где-то около тысячи двухсот миль. И под нами все время был только лес, лес и ничего, кроме леса. Разве что время от времени попадались полянки. Правда, пару раз мы видели целые луга площадью с хорошее графство. Один из них, самый большой, находился у длинного голубого озера. А еще мы видели несколько рек и ручьев.

— А признаков цивилизации не попадалось?

— Никаких.— Он указал в сторону кают-компании, где Эл и его помощники возились с абориге-

ном, пытаясь изучить его язык.— Такое впечатление, что здесь должны быть более цивилизованные народы, но сверху их в любом случае довольно трудно обнаружить. Все скрывает этот густой покров леса. Уилсон сейчас проявляет отснятые пленки в надежде обнаружить на них нечто такое, чего мы не заметили глазами. Но я сильно сомневаюсь, что его камера запечатлела что-нибудь примечательное.

— Да о чем речь! — пожал я плечами.— Какие-то тысяча двести миль, да еще в одном направлении,— это просто ерунда по сравнению с целым миром. С тех пор как один парень всучил мне банку краски в полоску, меня на мякине не проведешь.

— А что, полоска не вышла?

— Да нет, просто банку неправильно открыл, — ответил я.

В самый разгар нашей шутливой словесной дуэли меня вдруг осенила сногсшибательная идея. Я вслед за Сэмом выскочил из оружейной и опрометью бросился в радиорубку.

Стив Грегори с умным видом сидел у своих приборов и, как обычно, валял дурака. Но я был уверен, что сейчас-то уж точно сражу его своей сообразительностью наповал. Только Стив нацелил на меня свою мохнатую бровь, как я выпалил:

— Слушай, а что, если прочесать все радиочастоты?

— А может, тебя самого сперва прочесать как следует? — нахмурившись, сразу огрызнулся он.

— Мне это ни к чему — я перхотью не страдаю,— с достоинством отозвался я.— Ты лучше вспомни те странные посвистывания и шум водопадов, которые мы обнаружили в эфире на Механистрии. Так вот, если на этой кучке перегноя и есть какие-нибудь высокоцивилизованные обитатели, они, вполне возможно, тоже производят разные шумы. А если так, то ты легко их засечешь.

— Это точно.— Он на какое-то мгновение ухитрился удержать свои юркие брови в неподвижном

состоянии, но сразу все испортил тем, что начал шевелить огромными ушами.— Но только если они действительно их производят.

— Тогда почему бы тебе прямо сейчас не начать прочесывать эфир? Мы бы хоть знали, есть тут цивилизация или нет. Чего ты тянешь?

— Послушай,— как-то подозрительно осторожно начал он,— а вот излучатели у тебя в оружейной... они у тебя все вычищены, заряжены и готовы к бою?

Я недоуменно уставился на него:

— А ты думал! Готовы, да еще как. Это же моя работа.

— Так вот: то твоя работа, а это — моя.— И он снова задвигал ушами.— Ты опоздал примерно часа на четыре. Я прошерстил весь эфир сразу же после посадки и не обнаружил ничего, кроме слабенького немодулированного шипения на волне 12,3 метра. Это характерные помехи излучения Ригеля, да и шли они явно из космоса. Неужели ты мог подумать, что я такой же раздолбай, как наш змеерукий засоня Саг Фарн?

— Да нет, что ты. Извини, Стив... мне просто показалось, что это отличная идея.

— Ничего, сержант,— дружелюбно отозвался он.— Просто каждый должен заниматься своим делом, а не лезть в чужие.— Он начал рассеянно вертеть ручки своих высокоточных радиоселекторов.

Вдруг из динамика раздался кашель, как будто кто-то прочищал горло, сменившийся резкими звуками: «Пип-шш-уоп! Пип-пип-уоп!»

Нельзя было выбрать момента удачнее. Успокоившиеся ненадолго брови нашего радиста сразу взбеленились, и могу поклясться, что на сей раз они не только сразу улетели куда-то под самую шевелюру Стива, но и продолжали ползти по его голове, перевалили через макушку, спустились по затылку и исчезли на спине под воротничком.

— Морзе,— растерянно пробормотал он тоном обиженного ребенка.

— А я почему-то всегда думал, что Морзе пользуются только на Земле, а не на других планетах,— заметил я.— Тем не менее раз ты считаешь, что это азбука Морзе, значит, с легкостью сможешь прочесть сообщение.— Тут меня прервал новый шквал громких писков из динамика: «Пип-пиппер-пии-уоп!»

— Нет, это не Морзе,— промямлил Стив, противореча сам себе.— Но это искровые сигналы.— При этих словах он бы с удовольствием нахмурился, не будь его брови так далеко на затылке, что их просто было слишком долго возвращать на лоб. Одарив меня одним из самых скорбных, какие мне когда-либо приходилось видеть, взглядов, он схватил блокнот и начал записывать импульсы.

Мне еще предстояло — на всякий случай — проверить скафандры, зарядные устройства скорострельной пушки и еще кое-что, поэтому я ушел, вернулся в оружейную и принялся за дело. Когда стемнело, Стив все еще сидел за столом у себя в радиорубке. Эл и его ребята по-прежнему возились с аборигеном, но вскоре случилось непредвиденное.

Солнце село, и даже его последние вечерние зеленоватые лучи начали исчезать за горизонтом. На лес и поляну, где лежал наш корабль, опустился бархатный полог ночи. Я как раз шел по коридору на камбуз и не успел дойти до кают-компании, как вдруг ее дверь распахнулась и оттуда пулей вылетел зеленый туземец. Лицо его выражало беспредельное отчаяние, а ноги мелькали так быстро, будто он рвался к финишной ленточке, на которую какой-то остряк прилепил целую тысячу международных кредитов.

Не успел я схватить беглеца, как из кают-компании донесся крик Миншула. Наш зеленый друг извивался как угорь, пытался кусаться и даже сделал мне неуклюжую подсечку. От его шершавого грубого тела исходил слабый ананасово-коричный аромат.

Тут из кают-компании выскочили остальные, выхватили у меня туземца и начали успокаивающе ему что-то говорить. Наконец он немного затих и расслабился. Уставившись вороватыми глазками на Эла Стора, он стал что-то чирикать, ожесточенно размахивая руками, напомнившими мне при этом ветки того коварного липучего дерева. Элу все же удалось что-то втолковать ему довольно связно, хотя и с запинками. Похоже, за это время им удалось набраться слов достаточно для хоть какого-то, пусть и не полного взаимопонимания. Одним словом, худо ли бедно, но конфликт был улажен. Наконец Эл сказал Петерсену:

— Знаешь, скажи-ка ты капитану, что я хочу отпустить Калу.

Петерсен тут же умчался, но уже через минуту вернулся обратно.

Он говорит, делай так, как считаешь нужным.

— Отлично.— Эл довел аборигена до шлюза, показал на открытый люк и что-то сказал. Зеленому два раза повторять было не нужно — он с места ласточкой нырнул вниз. Похоже, кто-то одолжил ему свою набедренную повязку и он боялся опоздать вернуть ее, поскольку шуршание его ног, бегущих по траве, сливалось в один сплошной шорох, как у человека, который ни в коем случае не может терять ни секунды. Эл все еще стоял в шлюзе и смотрел ему вслед горящими глазами.

— А чего это ты решил выпустить птичку из клетки, Эл?

Повернувшись ко мне, он ответил:

— Я пытался убедить его вернуться завтра утром на рассвете. Может, он вернется, а может, и нет... Посмотрим. Времени у нас было не так уж много, и вытянуть нам из него ничего особенного не удалось, но мы успели понять, что язык их чрезвычайно прост. Его зовут Кала, и он из племени Ка. Все его соплеменники носят имена, начинающиеся на «Ка». Например: Кали, Кану или Кахир.

— Вроде как марсиане с их Кли, Лейдами и Сагами.

— Вот-вот,— согласился он, невзирая на то, что марсианам могло бы и не понравиться сравнение их цивилизации с примитивными зелеными аборигенами.— А еще он рассказал, что у каждого члена их племени есть свое дерево.

Я не совсем понимаю, что он хотел этим сказать, но из его объяснений выходило, что жизнь каждого из них каким-то таинственным образом связана с деревом, на котором они должны проводить каждую ночь. Непременно. Я пытался удержать его, но он так рвался уйти, что мне стало его жалко. Он был готов скорее умереть, чем провести ночь вдали от своего дерева.

— Чушь какая-то.— Я улыбнулся от внезапно пришедшей мне в голову мысли.— А должно быть, еще большей чушью это показалось бы Джепсону.

Эл по-прежнему смотрел куда-то в непроглядную тьму, откуда плыли странные ночные запахи и доносились все те же глухие удары, напоминавшие барабанный бой.

— А еще мы узнали, что во тьме обитают какие-то существа, гораздо более могущественные, чем Ка. У них необычайно сильный гамиш.

— Что-что? — переспросил я.

— Сильный гамиш,— повторил он.— Это слово меня просто убивает. Он повторял его снова и снова. Например, он сказал, что у «Марафона» очень сильный гамиш. У меня и у Кли Янга — тоже. А вот у капитана Макналти, по его словам, гамиш так себе. У самих же Ка его и вовсе нет.

— Так это нечто, чего он боится?

— Не совсем. Это скорее благоговение, чем страх. Насколько я смог понять, гамишем изобилует все удивительное или уникальное. У просто не совсем обычных гамиша поменьше. А во всем заурядном гамиша нет ни капли.

— Неплохой пример трудностей взаимопонимания. Получается, что договориться вовсе не так просто, как кажется начальству там на Земле.

— Да, это верно.— Сверкающие глаза Эла переместились на Армстронга, который стоял возле шлюза, облокотившись на пушку.— Сейчас твоя вахта?

— До полуночи — моя, а потом заступает Келли.

Назначать Келли нести вахту у пушки показалось мне довольно глупым. Этот с головы до ног покрытый татуировками тип никогда не расставался с четырехфутовым гаечным ключом и в любой критической ситуации предпочитал пускать в ход именно указанный инструмент, а вовсе не какую-то там новомодную скорострельную восьмиствольную пушку или игольный излучатель. Ходили слухи, что он даже во время венчания не выпускал из рук ненаглядную железку и будто его жена пыталась развестись с ним на том основании, что вышеозначенный предмет действует ей на нервы. Лично же я считал, что Келли — это просто неандерталец, которого волею судеб занесло не в то время.

— Ладно, лучше не будем рисковать и задраим люк,— решил Эл.— Черт с ним, со свежим воздухом.

Это было типично для него, и именно из-за таких вот вещей он всегда и казался самым настоящим человеком. Сейчас он упомянул свежий воздух так, будто сам его употреблял. Но то, как обыденно это в его устах звучало, заставляло забыть о том, что с того самого дня, когда старый Кнуд Иохансен поставил его на ноги и включил, он не сделал ни вздоха.

— Пожалуй, пора закрывать.— С этими словами он повернулся спиной к царящему снаружи мраку и двинулся обратно в корабль.

В этот момент откуда-то снизу послышался певучий голос:

— Ноу байдерс!

Эл остановился как вкопанный. Прямо под люком послышался топот ног. Затем в шлюз влетело что-то круглое и блестящее, пролетело над левым плечом Эла и разбилось о пушку. При этом на пол выплеснулась золотистая и очень летучая жидкость, которая почти мгновенно испарилась. Эл мгновенно обернулся и стал вглядываться в темноту. Удивленный Армстронг отскочил к стене и протянул руку к кнопке тревоги. Но до кнопки он так и не дотянулся. Внезапно замерев, он начал сползать вниз по стене и растянулся на полу, будто его оглушили чем-то тяжелым.

Выхватив излучатель, я начал осторожно продвигаться вперед — туда, где на фоне темноты маячила могучая фигура Эла. Конечно, это было ошибкой с моей стороны: сначала все же следовало нажать эту дурацкую кнопку. Стоило мне сделать всего три шага, и ядовитая дрянь из разбившегося шара шарахнула меня по мозгам точно так же, как и Армстронга. Очертания фигуры Эла вдруг расплылись у меня перед глазами, подобно мыльному пузырю, становясь все больше и больше, наконец пузырь лопнул, я рухнул навзничь, и перед глазами у меня все померкло.

Даже не знаю, сколько я так пролежал, потому что, когда я открыл глаза, в голове у меня сохранились смутные воспоминания о какой-то суете, криках и топоте ног вблизи моего неподвижного тела. Похоже, пока я валялся в беспамятстве, вокруг что-то происходило. Я лежал на влажной от ночной росы траве. Совсем неподалеку виднелась опушка барабанящего леса, а с ночного неба на меня равнодушно взирали звезды. Я был спеленут, как египетская мумия. С одной стороны от меня лежала мумия Джепсон, а с другой — мумия Армстронг. Дальше лежало еще несколько человек, обездвиженных таким же способом.

В трехстах или четырехстах ярдах от нас ночную тишину то и дело взрывали звуки сердитых

голосов: смесь земных ругательств и непривычно певучих фраз аборигенов. Как раз в той стороне находился «Марафон», но его самого в темноте видно не было, а выделялось только освещенное отверстие люка. Светлое пятно то и дело мигало,— видимо, там происходила какая-то возня. Раз или два свет ненадолго вообще заслоняли чьи-то очень широкие спины.

Джепсон преспокойно храпел, будто отдыхал воскресным полднем у родных пенат, зато Армстронг уже полностью пришел в себя и понял, что единственным его свободным органом остался рот. Он сразу решил использовать и его, и вернувшееся сознание. Подкатившись к Блейну, он начал зубами развязывать его путы. Из темноты к нему тут же приблизилась тень, похожая на человеческую, и резко взмахнула над ним рукой.

Армстронг снова затих. К этому времени мои глаза уже достаточно привыкли к темноте, и я различил неподалеку еще несколько фигур, почти незаметных из-за темноты. После этого я успокоился, решил, что пока лучше побыть паинькой, и продолжал лежать неподвижно, недобрыми словами поминая про себя Макналти, «Марафон», старика Флетнера, который придумал этот корабль, а заодно и всех тех идиотов, которые поддержали его и морально, и материально.

Меня и раньше частенько преследовало чувство, что все они рано или поздно сведут меня в могилу, а теперь были все основания считать, что нехорошие предчувствия сбываются.

Где-то глубоко в моем сознании тоненький сварливый голосок вдруг пропищал: «Слышь, сержант, а помнишь — ты обещал своей матушке больше не ругаться? Помнишь, как ты однажды получил от венерианского гуппи в обмен на банку сгущенки самоцветный опал величиной с башенные часы? Так что лучше покайся, сержант, пока еще есть время!»

Так я лежал и пытался припомнить все дурные поступки, которые когда-либо совершал. А тем временем там, у корабля, где мелькал то и дело свет, голоса аборигенов становились все громче и громче, а голоса наших в конце концов затихли. То и дело слышалось, как там разбивается что-то хрупкое.

Появилось еще несколько смутных фигур, которые принесли еще несколько тел, бросили их на траву и снова растворились во тьме. Я бы с удовольствием пересчитал лежащих спеленутыми на траве людей, но из-за темноты это было практически невозможно. Люди, которых только что принесли, находились без сознания, но очень скоро начали приходить в себя. Я сразу узнал сердитый голос Бренанда и астматическое дыхание капитана.

Как раз когда сражение закончилось, из-за облаков выглянула холодная голубая звезда. Воцарившаяся тишина казалась просто ужасной: ее нарушали только шорох множества босых ног по траве да непрекращающиеся барабанные удары, доносящиеся со стороны леса.

Постепенно вокруг нас собралось довольно много аборигенов. Они буквально заполнили всю поляну. Чьи-то руки подняли меня, проверили прочность пут, плюхнули в плетеный гамак и куда-то понесли. Я чувствовал себя добытым на охоте кабаном, которого на шесте несут к костру носильщики-туземцы. Интересно, простит ли мне Господь тот случай с лопухом-гуппи?

Караван вступил в лес. Несли меня головой вперед. Позади тащили еще один гамак, и я скорее чувствовал, чем видел, что за ним следуют и другие.

Сардиной, плывущей за мной, был Джепсон. Он покачивался в воздухе и громко жаловался на судьбу, которая связала его по рукам и ногам, стоило ему высадиться на эту планету. Не будучи лично знаком с астрономом, который выбрал для иссле-

дования именно этот мир, он проклинал его такими словами, которых устыдился бы любой уважающий себя человек, да к тому же то и дело извергал целый шлейф разных неблагозвучных эпитетов.

Осторожно обогнув одно из едва видимых деревьев, наша процессия отважно нырнула под следующее, обошла третье и четвертое. Как туземцы отличали одно дерево от другого при таком паршивом освещении, было выше моего понимания.

Только мы забрались в самую чащобу, как позади нас на поляне раздался оглушительный грохот и в ночное небо взвился высоченный столб пламени.

Даже оно в этом мире выглядело зеленоватым. Наш караван остановился. Тут же жалобно запищали две или три сотни туземных голосов: писк начался где-то за моей головой и прошел по всей цепочке.

Они взорвали «Марафон», подумал я. Ну что ж, всему когда-нибудь приходит конец, в том числе и моей призрачной надежде вернуться домой.

Но писк и щебет затихли сразу же, как только вслед за столбом пламени с поляны донесся сотрясающий землю рев. Мой гамак начал раскачиваться, поскольку носильщики, видимо, растерялись от испуга и готовы были уронить его на землю.

Затем они вдруг припустили вперед так быстро, что я глазам своим не верил. Я чуть ли не летел по воздуху, то и дело огибая огромные деревья, а порой вдруг резко сворачивая в сторону от каких-то зарослей, и вовсе не похожих на деревья. Сердце мое ушло в пятки.

Рев на поляне тем временем завершился мощным ударом, и в небо, прорезав слой облаков, вдруг унеслось алое копье. Это зрелище я видел множество раз и прежде, но сейчас я никак не ожидал полюбоваться им снова. Старт космического корабля! Это взлетел наш «Марафон»!

Может быть, эти странные создания оказались такими умными, что стоило им захватить совершен-

но незнакомый корабль, как они тут же разобрались в управлении и решили перегнать его куда надо? Наверное, это и были те самые существа, которых Ка считали гораздо могущественнее себя? Но тут я поймал себя на том, что наше нынешнее положение не очень вяжется с подобной мыслью: люди, способные управлять космическим кораблем, тащат своих пленников в примитивных плетеных гамаках. Кроме того, их явный испуг и то, как они припустились бежать, скорее всего, говорили о том, что впечатляющий взлет «Марафона» явился для них полной неожиданностью. По-видимому, от разгадки этой тайны я был весьма далек.

Огненный след корабля, изгибаясь, уходил куда-то на север, а наши носильщики по-прежнему бежали вперед со всех ног. По пути похитители сделали лишь одну остановку, чтобы о чем-то посовещаться. Их непрерывный щебет явственно показывал, что остановились они отнюдь не перекусить. Двадцать минут спустя мы снова остановились, впереди послышался ужасный рев. Вокруг нас сразу же сгрудилась охрана, а из головы колонны послышались крики, перемежающиеся громким мяуканьем и ожесточенным хлопаньем больших веток. Перед моим внутренним взором тут же предстал огромный ярко-зеленый тигр.

Затем послышались звуки, наводящие на мысль о стрелах, втыкающихся в туго натянутую кожу. Мяуканье перешло в визг, сменившийся сдавленным хрипом. Мы двинулись дальше, по широкой дуге огибая какие-то ужасного вида заросли, которые я тщетно пытался разглядеть получше. Как жаль, что у этой планеты не оказалось своей Луны! Здесь были только редкие звезды, проглядывающие среди облаков, да бесконечный враждебный лес, над которым разносились все та же глухая дробь.

Рассвет наступил как раз тогда, когда наши носильщики огибали совершенно безобидные с виду кусты. Вскоре мы вышли на берег широкой реки.

И только здесь смогли как следует рассмотреть наших похитителей, которые вместе со своими ношами начали спускаться с берегового откоса вниз.

Они оказались существами, очень похожими на Ка, только чуть выше, чуть стройнее и с большими, очень умными глазами. У них была такая же пористая кожа, правда, скорее не зеленая, а сероватая, и точно такие же хризантемы на груди. В отличие от Ка, у них были какие-то складчатые одеяния, плетеные ремни и разнообразные деревянные орудия, вроде довольно искусно сделанных духовых трубок и пузатых сосудов с узкими горлышками. У некоторых на боку болтались плетеные корзинки с блестящими шариками, вроде того, который отправил меня в нокаут у шлюза.

Чуть приподняв голову, я попытался было рассмотреть что-нибудь еще, но смог увидеть только Джепсона, следующего позади меня, и Бренанда — в гамаке за ним.

В этот момент мой собственный гамак совершенно бесцеремонно бросили на землю у самой кромки воды. Рядом со мной плюхнулся Джепсон, а за ним и все остальные образовали ровный ряд вдоль воды. Обратив ко мне лицо, Джепсон сквозь зубы процедил:

— Вонючие ублюдки!

— Не бери в голову,— отозвался я.— Если будем играть по их правилам, они со временем обязательно ослабят бдительность.

— А еще,— злобно продолжал он,— мне страшно не нравятся умники, которые пытаются умничать не ко времени.

— Ничего я не умничаю,— огрызнулся я.— И вообще кому-кому, а тебе лучше бы помолчать! Ты же связан по рукам и ногам.

— Опять ты за свое! — Он яростно задергался в своих путах, пытаясь хоть немного растянуть их и высвободиться.— Ну погоди, я еще доберусь до тебя и уж тогда так свяжу, что ты вообще никогда не выпутаешься!

Я даже не стал ему отвечать. Что толку попусту сотрясать воздух, если собеседник явно не в духе? Между тем становилось все светлее, и зеленоватый туман над зеленой рекой потихоньку рассеивался. Теперь я уже смог различить Блейна и Миншула, лежащих позади Армстронга, а за ними — грузную фигуру капитана Макналти.

С десяток наших похитителей прошлись вдоль ряда лежащих на земле людей. У всех десятерых при себе были те самые пузатые фляги. Ко мне тоже подошли двое, распахнули форменную куртку, обнажив грудь и обалдело уставились на нее. Их явно что-то поразило, и с уверенностью можно было сказать, что отнюдь не покрывавшая ее густая растительность.

Дураку понятно, что туземцы, не обнаружив на моей груди столь милой их сердцу хризантемы, ужасно удивились тому, как я обхожусь без столько лет. Они позвали остальных, и вся шайка сгрудилась надо мной. Лежа перед ними с обнаженной грудью, я чувствовал себя этаким жертвенным агнцем. В конце концов они решили, что сделали умопомрачительное открытие, которое следовало подкрепить данными дальнейших исследований, и продолжили осмотр.

Оказавшись возле Блейна и того придурка, который первым выбрался из корабля, чтобы покидаться камешками, они развязали их, раздели догола и начали внимательно, будто какую-то призовую скотину на сельскохозяйственной выставке, рассматривать. Один из них вдруг ткнул Блейна в солнечное сплетение, где, по его мнению, должна была находиться их ненаглядная хризантема.

Тут Блейн не выдержал и с диким криком бросился на обидчика, повалив того на землю. Второй наш товарищ, оставшийся без одежды, тут же радостно последовал его примеру. Армстронг, которого вообще трудно было назвать дохляком, напрягся из последних сил, ужасно побагровел от напря-

жения, но разорвал путы, вскочил и тоже с ревом кинулся в драку.

После этого и все остальные задергались, стараясь разорвать путы, но безуспешно. Зеленые сбежались к месту свалки и начали забрасывать землян своими шарами. Механик и Блейн вырубились почти одновременно. Трясущемуся же от ярости и матерящему зеленых на чем свет стоит Армстронгу удалось продержаться достаточно долго, для того чтобы зашвырнуть двух туземцев в реку, а третьего отправить в нокаут. Потом он все-таки рухнул на землю.

Вытащив своих товарищей из воды, зеленые опять одели потерявших сознание Блейна и механика, затем Армстронга и снова надежно их связали. После этого они принялись совещаться. Я ни бельмеса не понимал в их канареечном языке, но у меня создалось впечатление, что, по их мнению, мы обладали просто необычайно большим количеством гамиша. Путы к тому времени начали меня раздражать. Я бы дорого дал за то, чтобы освободиться от них, добраться до зеленых туземцев и вышибить мозги парочке-другой.

Повернув голову, я окинул мрачным взглядом небольшой кустик, растущий почти рядом с моим гамаком. Кустик яростно размахивал своими крошечными веточками и испускал резкий запах жженой карамели. Да, похоже, вся здешняя растительность в основном занималась одним и тем же. Тут вдруг зеленые перестали переговариваться и сгрудились у самой воды. Из-за излучины реки показалась целая флотилия длинных, узких и довольно изящных лодок, вскоре причаливших к берегу. Нас тут же погрузили на эти лодки — по пять человек в каждую. Оттолкнув свои пироги от берега, экипажи, каждый из которых состоял из двадцати человек, начали ритмично то толкать, то тянуть на себя деревянные рычаги, имевшиеся у бортов в каждой лодке. Лодки двигались против течения, но тем

не менее развивали довольно приличную скорость, рассекая воду острыми носами.

— Мой дедушка был миссионером,— сказал я Джепсону.— Однажды он тоже попал в подобный переплет.

— Ну и что?

— Угодил в котел,— ответил я.

— Знаешь, я искренне надеюсь, что и ты кончишь там же,— безжалостно отозвался Джепсон. Он все еще пытался освободиться от пут, но тщетно.

Поскольку делать было нечего, я начал с интересом наблюдать за тем, как наша команда управляет лодкой, и вскоре сделал вывод, что рычаги приводят в действие или два больших насоса, или несколько маленьких, и что лодка двигается вперед, засасывая воду спереди и выбрасывая ее сзади.

Позднее выяснилось, что я ошибался. Все оказалось гораздо проще. Под водой рычаги присоединялись к двадцати веслам с состоящими из двух половинок лопатками. При движении весла назад половинки лопаток сходились, образовывая широкую лопасть, а при движении вперед весла расходились, свободно пропуская воду. Это позволяло туземцам гнать лодку гораздо быстрее, чем при обычной гребле веслами, которые нужно поднимать, поворачивать и снова опускать в воду, тратя на это дополнительные усилия.

Пока мы так плыли вверх по течению, солнце поднялось почти до зенита. За вторым поворотом русло реки разделилось надвое, и течение в узких протоках, с двух сторон огибающих каменистый островок ярдов в сто длиной, стало гораздо сильнее.

На конце островка, что был выше по течению, росла группа из четырех зловещего вида деревьев, стволы и ветви которых отливали какой-то мрачной, переходящей в черноту зеленью. От стволов отходило множество огромных горизонтальных ветвей, затем стволы оголялись и только на высоте

футов в шестьдесят венчались пушистой кроной. Каждая из нависших над водой ветвей заканчивалась полудюжиной толстых мощных отростков, которые напоминали готовые к удару хищные лапы.

Гребцы работали рычагами как бешеные. Караван лодок направился в правый проток, над которым нависали самые большие и самые грозные с виду ветви. Стоило только носу первой лодки оказаться под веткой, как та жадно пошевелила своими хищными пальцами. И мне вовсе не померещилось: я видел это так же ясно, как вижу деньги, причитающиеся мне за полет, когда кассир пододвигает их мне в окошко. Здоровенная лапа явно была готова чем-нибудь поживиться, а судя по ее размерам и размаху пальцев, она вполне могла бы выхватить из воды всю лодку целиком и сделать с ее экипажем и пленниками такое, о чем мне даже думать не хотелось.

Но ничего подобного не случилось. Как только лодка вошла в опасную зону, рулевой встал и начал что-то громко втолковывать дереву. Пальцы тут же расслабились. Рулевой следующей лодки поступил точно так же. Затем еще один. Затем за дело принялся туземец из моей. Каково было мне, неподвижно лежащему на спине и не способному защищать свою жизнь, с бешено бьющимся сердцем следить, как над головой проплывает чудовищная лапа древесного Джека-Потрошителя!

Наконец наш рулевой замолк, и ему на смену пришел рулевой следующей за нами лодки. Я почувствовал, что спина моя взмокла.

Миль через пять мы свернули к другому берегу. Я не мог видеть самого пункта назначения до тех пор, пока зеленые не вытащили меня из гамака, не развязали и не поставили на ноги. Я, конечно, тут же потерял равновесие и сел на землю. Ноги временно отказались мне служить. Растирая их, чтобы восстановить кровообращение, я с любопытством рассматривал место, куда нас привезли.

Цилиндрические здания были сделаны из светло-зеленого материала. Все они казались одинаковой высоты и диаметра, и в центре каждого росло по дереву, диаметр кроны которого был гораздо больше, чем диаметр самого дома, поэтому листва надежно укрывала дома от наблюдения сверху. Лучшей маскировки для жилищ невозможно было себе и представить, хотя и причин считать, что туземцам может что-то угрожать сверху, не имелось, однако деревья, проросшие сквозь дома, не позволяли определить, сколько же всего домов в поселении, поскольку за ближайшими домами виднелись только деревья, деревья и еще раз деревья, под каждым из которых вполне могли еще таиться дома.

Трудно было сказать, где мы находимся: в захолустной деревушке или в пригороде гигантского мегаполиса, уходящего далеко за горизонт. Ничего удивительного, что с нашей шлюпки не удалось выявить на планете признаки цивилизации. Экипаж шлюпки мог пролетать над районами, населенными миллионами аборигенов, и не заметить ничего, кроме джунглей.

Вокруг нас столпилась часть аборигенов с оружием наготове, а остальные уже заканчивали развязывать последних пленников. Похоже, их ничуть не удивлял тот факт, что мы явились с неба в такой странной штуковине, как «Марафон». К этому времени ноги, кажется, снова готовы были служить мне. Я натянул сапоги, встал и начал оглядываться. И вот тут-то я испытал сразу два потрясения.

Первое — когда понял, что в плен вместе со мной угодило всего чуть более половины экипажа «Марафона». Остальных с нами не было. В одном из гамаков лежало безжизненное тело парня, принявшего на себя залп отравленных колючек сразу после посадки на планету. С чего вдруг зеленые решили утащить с собой хладный труп, я даже представить себе не мог.

На двух связанных вместе гамаках растянулась уже бодрствующая, но еще довольно сонная, и апатичная туша Саг Фарна. Правда, он оказался единственным попавшим в плен марсианином. Больше никого из уроженцев Красной Планеты с нами не было. Отсутствовали также шеф Дуглас, Бэнистер, Кейн. Ричардс, Келли, Эл Стор, Стив Грегори, Уилсон и около дюжины других членов нашего экипажа.

Может, они погибли? Это казалось довольно сомнительным, иначе с какой стати зеленые утащили бы с собой только один труп, а прочие оставили на корабле. Может, ребятам удалось сбежать? Или они просто попали во вторую группу пленников, которых отправили совсем в другое место? В общем, пока о судьбе остальных судить было рано, хотя их отсутствие и выглядело весьма странным. Я подтолкнул локтем Джепсона:

— Слышь, а ты заметил...

Но меня на полуслове прервал зычный рев со стороны реки. Все зеленые, как один, тут же уставились куда-то вверх, воинственно потрясая своим оружием. Губы их шевелились, но криков никто бы не смог услышать, поскольку рев был такой, что заглушал любые звуки. Я мгновенно обернулся, и глаза мои буквально полезли на лоб от удивления. К реке спикировал наш катер с «Марафона» и снова взмыл вверх. Затем он исчез за деревьями, и постепенно рев его двигателей стал затихать где-то вдали. Но по звуку я догадался, что он просто разворачивается. Рев снова стал оглушительным, и машина стала заходить в пике. Через мгновение она снова появилась в поле зрения, пронеслась над самой рекой, едва не касаясь брюхом воды и оставляя за собой шлейф зеленоватых брызг. Затем катер во второй раз взмыл в небо, причем так быстро и с таким шумом, что даже невозможно было понять, кто его пилотирует.

Поплевывая на руки, Джепсон бросил на зеленых мрачный взгляд:

— Ну сейчас эти уроды получат свое!

— Не спеши,— проворчал я.

— А ты...— Он не договорил, так как в этот момент к нему подскочил тощий и определенно очень злой абориген. Он презрительно ткнул его в грудь и прокричал что-то с явно вопросительной интонацией.

— Убери лапы! — огрызнулся Джепсон и сильно толкнул его в ответ.

Зеленый, не ожидавший такого отпора, отлетел назад и, восстановив равновесие, вдруг резко взмахнул правой ногой. Я думал, что он хочет отвесить Джепсону здоровенный пинок, но ошибся. Это движение ноги оказалось гораздо более смертоносным. Он что-то метнул в Джепсона, и это «что-то» было живым. Я успел только разглядеть нечто похожее на малюсенькую змейку. Она оказалась не длиннее и не толще карандаша и — видно, для разнообразия — не зеленой, а ярко-оранжевой в мелкую черную крапинку.

Эта штука шмякнулась Джепсону на грудь, укусила его и молниеносно бросилась вниз. Оказавшись на земле, она, рассекая траву, мотнулась к своему хозяину. Обвернувшись колечком вокруг лодыжки зеленого, она снова замерла и стала похожа на какой-то совершенно безобидный браслет. Я обратил внимание, что подобные украшения имелись на ногах лишь нескольких туземцев. И все они были оранжевыми с черным, кроме одного — черного с желтыми крапинками.

У укушенного Джепсона выпучились глаза, он открыл рот, явно пытаясь что-то сказать, но не смог произнести ни звука и зашатался. Туземец с черно-желтой ядовитой гадиной на ноге, стоящий справа от меня, наблюдал за муками Джепсона с чисто академическим интересом.

Я сломал ему шею. Она переломилась со звуком, напомнившим мне треск ломающейся гнилой швабры. Не успел он превратиться в падаль, как

тварь решила, что пора сматывать удочки. Двигалась она удивительно проворно, но на сей раз ей не повезло. Теперь я был готов. Как раз в тот момент, когда Джепсон навзничь рухнул на траву, каблук моего сапога опустился на мерзкую голову псевдозмеи.

Вокруг меня тут же началась свалка. Я успел разобрать только тревожные крики Макналти: «Ребята! Ребята!» Даже в такой ситуации этот совестливый маразматик, видимо, живо представлял себе, как на Земле его отчитывают за дурное обращение с местным населением.

Армстронг то и дело орал: «Еще один!» И каждый раз это сопровождал громкий всплеск. То и дело фукали духовые трубки, тут и там слышался треск лопающихся шаров. Джепсон по-прежнему замертво валялся на земле, а над его телом разгорелся самый настоящий бой. Рядом со мной дрался Бренанд. Он, тяжело дыша, изо всех сил старался выдавить своему зеленому противнику глаз.

Я к тому времени занялся следующим аборигеном и как раз начал разделывать его на части, постаравшись представить, что это просто жареный цыпленок. Однако зеленую тварь было просто не удержать. Он метался у меня в руках, как резиновый мяч. Бросив взгляд через его дергающееся туда-сюда плечо, я увидел Саг Фарна, который ухватил одновременно пятерых и теперь буквально жонглировал ими. Оставалось только позавидовать тому, что у него букет анаконд вместо рук.

Мой оппонент тем временем изо всех сил вцепился пальцами в то место, где у меня, по его мнению, должна была быть хризантема. Не нащупав ее, он страшно удивился и, даже летя вверх тормашками в реку, похоже, все еще раздумывал, каким бы способом вывести меня из строя. Тут у моих ног лопнуло сразу несколько шаров, и последнее, что я помню, так это очередной торжествующий возглас Армстронга перед очередным громким

всплеском и то, как Саг Фарн, вдруг вспомнивший о том, что у него одно щупальце не при деле, решает использовать его, и из шести бегущих на меня с разных сторон туземцев цели достигают только пять. Куда он дел шестого, я уже не видел.

Как ни странно, но я не отключился полностью, как в первый раз. Возможно, я просто получил неполную дозу той гадости, которую испускали эти шары, а может быть, это была какая-то другая их разновидность — с менее ядовитой дрянью внутри. Помню только, что, когда на меня навалилось пятеро туземцев, небо бешено завертелось у меня перед глазами, а мозги превратились в какую-то холодную вязкую кашицу. Затем, к собственному удивлению, я обнаружил, что нахожусь в полном сознании и что мои верхние конечности снова крепко связаны.

Немного левее меня целая куча туземцев навалилась на кого-то, не видимого за их телами. Кто это был, я не видел, зато отлично слышал. Из-под кучи тел вдруг раздался воинственный клич Армстронга, через несколько томительных мгновений куча распалась, и выяснилось, что вместе с ним отбиваются Блейн и Саг Фарн. Справа от меня валялся Джепсон. Руки его остались, по-видимому, свободны, зато ноги явно не двигались. Катера больше нигде не было видно, не слышалось и рева его двигателей, свидетельствовавшего о том, что он поблизости.

Когда все закончилось, туземцы без лишних разговоров протащили нас миль на пять в глубину леса, или города, или как он у них там назывался. Джепсона двое туземцев несли на плетеных носилках. Но даже несмотря на то, что мы преодолели такое расстояние, домов по-прежнему было не меньше, чем вначале. На порог то одного, то другого дома выходили туземцы и бесстрастно наблюдали за тем, как мы понуро двигаемся мимо. По их взглядам можно было подумать, что мы последние из сохра-

нившихся в природе экземпляров вымирающей птицы додо.

Во время этого марша смерти прямо за мной плелись Миншул и Макналти. До меня вдруг донеслись исполненные важности слова последнего:

— Я обязательно поговорю об этом с их руководством и непременно обращу их внимание на то, что это бессмысленное столкновение в значительной степени явилось результатом ничем не оправданной враждебности со стороны именно их представителей.

— Совершенно с вами согласен,— с явной издевкой в голосе подхватил Миншул.

— Даже учитывая определенные трудности в достижении взаимопонимания,— продолжал Макналти,— я тем не менее совершенно убежден в том, что мы заслуживаем более уважительного обращения.

— Вы абсолютно правы,— снова поддакнул Миншул. Теперь его тон был торжественно-серьезен, как у председателя на съезде владельцев похоронных контор.— И мы считаем, что оказанный нам прием оставляет желать много лучшего.

— Именно,— одобрил капитан.

— А посему в дальнейшем любые враждебные по отношению к нам действия мы будем рассматривать как достойные всяческого сожаления,— продолжал Миншул с абсолютно серьезной миной.

— Разумеется,— подтвердил Макналти. — Не говоря уже о том, что в подобном случае мы будем вынуждены выпустить кишки всем до единого зеленозадым уродам, населяющим эту вонючую планетку.

— Что? — с ужасом переспросил Макналти, от неожиданности даже сбившись с шага.— Что вы сейчас сказали?

Миншул изобразил на лице самое невинное удивление:

— Я? Ничего, капитан. Я даже рта не раскрыл. Вам, наверное, просто послышалось.

Но что собирался ответить разъяренный капитан, так и осталось тайной, поскольку в этот момент один из зеленых заметил, что тот отстает, и подтолкнул его в спину. Макналти сердито хрюкнул, прибавил шагу и за всю дорогу больше не произнес ни слова.

В конце концов дома под сенью огромных деревьев кончились, и мы вышли на поляну, наверное, раза в два больше той, где совершил посадку «Марафон». Она была почти круглая, совершенно ровная и вся поросла густой изумрудно-зеленой травой. Солнце, висящее у нас над головами, заливало своими бледно-зелеными лучами этот местный амфитеатр, по краям которого толпились молчаливые, чего-то ждущие туземцы: тысячи глаз пристально рассматривали нас.

Наше внимание сразу привлек центр поляны. Там рос самый настоящий монстр из местных деревьев, напоминающий прямо-таки какой-то небоскреб, вроде тех, что строят у нас дома, на Земле. Не знаю, уж какой он был высоты, но могу с уверенностью сказать, что даже мамонтовые деревья Калифорнии показались бы рядом с ним просто тростинками. Ствол его был никак не меньше сорока футов в диаметре, а ветки — невероятно толстыми, хотя и казалось, что чем выше, тем они становятся тоньше. Дерево выглядело столь внушительно, что мы не могли отвести от него глаз. Если эти зеленые зулусы все-таки собирались нас вздернуть, то болтаться нам предстояло высоко. Наши конвульсивно дергающиеся тела на таком дереве казались бы просто мошками, застрявшими где-то между небом и землей.

Видимо, Миншула одолевали те же самые мысли, поскольку я услышал, как он сказал Макналти:

— Похоже на гигантскую новогоднюю елку. А мы, скорее всего, станем на ней украшениями. Возможно, они даже будут тянуть жребий, и счастлив-

чику будет предоставлено право решать, кому висеть на самом верху.

— Не преувеличивайте,— оборвал его Макналти.— Они не посмеют пойти на столь вопиющее нарушение законов.

Как раз в этот момент какой-то здоровенный морщинистый абориген указал на нашего столь оптимистически настроенного капитана, и шестеро дюжих молодцов тут же навалились на него, прервав рассуждения на тему межзвездного права. Выказывая совершеннейшее презрение и полностью игнорируя все те обычаи и правила, которые столь высоко ценила их жертва, они поволокли капитана к грозному дереву.

До этого мы как-то не обращали внимания на разносящийся над поляной приглушенный, но непрекращающийся рокот. Этот странный, не поддающийся определению звук преследовал нас с самого начала, и мы успели привыкнуть к нему, перестали осознавать его постоянное присутствие, подобно тому, как люди в конце концов перестают слышать тиканье домашних часов. Но теперь, возможно потому, что эти ритмичные удары как-то особенно подчеркивали серьезность происходящего, мы снова обратили внимание на эти глухие, но мощные «дроб-дроб-дроб».

В зеленоватом свете местного солнца лицо капитана, который не стал упираться и послушно зашагал вперед, приобрело какой-то призрачный оттенок. Однако он и сейчас держался с присущей ему важностью, а лицо его выражало до смешного непоколебимую уверенность в преимуществах разумных договоренностей. Я никогда не встречал человека с такой по-дурацки неистребимой верой в силу писаных законов. И сейчас, видя, как он величественно шествует вперед, я знал: его поддерживает глубокая убежденность в том, что эти жалкие, ничтожные существа просто не могут сделать ему ничего плохого, не напечатав сначала кучу со-

ответствующих бумажек, а затем не получив на них необходимые подписи и печати. Если уж Макналти и предстояло умереть, то это обязательно должно было произойти с одобрения вышестоящих органов и с соблюдением всех необходимых формальностей.

Когда Макналти и его эскорт прошли уже полпути к дереву, к ним приблизились девять высоких туземцев. Хотя они и были одеты точно так же, как и все остальные их соплеменники, они каким-то неуловимым образом ухитрялись дать понять, что они не имеют ничего общего с толпой. «Шаманы»,— решил я.

Шестеро, конвоирующие Макналти, тут же передали его с рук на руки этой девятке и сломя голову бросились к краю поляны, будто вот-вот в ее центре должен появиться сам дьявол. Но никакого дьявола, кроме чудовищного дерева, там не было. Но зная, на что способны и что уже выделывали некоторые представители флоры этого суперзеленого мира, вполне можно было предположить, что это дерево — видимо, прапрадедушка всех здешних деревьев — способно на какое-то из ряда вон выходящее и совсем уж немыслимое злодейство. Насчет этого невообразимого куска древесины сомневаться не приходилось в одном — гамиша у него просто немерено.

Девять «шаманов» быстро раздели Макналти до пояса. Все это время он не переставая что-то им втолковывал, но мы стояли слишком далеко и не слышали, что за убедительную лекцию, на которую его слушатели не обращали ни малейшего внимания, он им читал. Раздев капитана, они снова принялись внимательно изучать его грудь, потом о чем-то посовещались между собой и потащили Макналти еще ближе к дереву. Наш командир, с приличествующим его званию достоинством, упирался. Но туземцы, поняв, что он не хочет идти подобру-поздорову, наплевали на церемонии и, подняв

его на руки, понесли вперед. Тут Армстронг, еле сдерживая ярость, сказал:

— Ноги-то у нас свободны, или что? — И тут же мощной подсечкой сбил с ног ближайшего стража.

Но не успели мы последовать его примеру и затеять еще одну бессмысленную потасовку, как наши взгляды вновь обратились наверх. На фоне доносящегося из леса барабанного боя вдруг возник гораздо более громкий, пронзительный, похожий на стон звук, который вскоре превратился во все нарастающий вой. Вой почти сразу перешел в грохот, и мы увидели, как над треклятым деревом пронесся наш серебристый проворный катер. Что-то выпало из брюха пикирующей машины, распахнулось, как зонтик, на мгновение застыло в воздухе и стало медленно опускаться вниз. Парашют! Я даже смог различить фигурку человека, держащегося за стропы, всего за какую-нибудь секунду до того, как его поглотила густая верхушка дерева. Правда, на таком расстоянии я не смог разглядеть, кто же этот нежданный пришелец с небес.

Девятеро, что несли Макналти, бесцеремонно швырнули его на траву и уставились на дерево. Как ни странно, но пришелец с небес поверг туземцев скорее в изумление, чем в ужас. Дерево по-прежнему оставалось неподвижным. И тут вдруг среди верхних веток блеснул тонкий луч, прошел насквозь через основание одной из веток и отделил ее от ствола. Отрубленная ветвь полетела вниз. Тотчас же, наверное, не меньше тысячи похожих на бутоны утолщений, которые до сей поры мирно прятались между листьями, начали набухать, как воздушные шарики, достигли размеров огромных тыкв и стали взрываться с глухими хлопками. При этом из них вырывались облачка какого-то желтоватого тумана, так быстро сливавшегося в огромную тучу, что меньше чем через минуту им оказалось окутано почти все дерево.

Все присутствующие на поляне туземцы вдруг заухали, как стая перепуганных сов, повернулись и бросились бежать. Те девятеро, что занимались Макналти, видимо, тоже сразу забыли, что собирались сделать, и бросились следом за своими сородичами. Не успели они пробежать и десяти шагов, как луч срезал двоих из них, а остальные семеро только прибавили ходу. Макналти остался на месте, безуспешно пытаясь развязать себе руки, а желтый туман тем временем подползал к нему все ближе и ближе.

Луч снова сверкнул среди веток, и еще одна толстенная ветвь рухнула вниз. Само дерево уже почти скрылось в облаке тумана. Последний туземец исчез в лесу. Медленно наползающий туман был уже ярдах в тридцати от капитана, а тот в каком-то оцепенении все стоял и смотрел на него. Запястья его по-прежнему были туго связаны. В гуще тумана все еще слышались хлопки, хотя уже и не такие частые.

Истошно крича Макналти, чтобы он воспользовался нижними конечностями, мы принялись лихорадочно освобождаться от пут, помогая друг другу. Между тем у Макналти хватило сообразительности лишь попятиться на несколько шагов. Сверхчеловеческим усилием Армстронг наконец избавился от пут, выхватил из кармана брюк складной нож и начал разрезать веревки на руках у остальных. Миншул и Блейн, которых он таким образом освободил первыми, тут же помчались к Макналти, все еще величаво, подобно могучему Аяксу, торчавшему на одном месте, будто бросая вызов инопланетным богам. Ребята схватили его и потащили назад. Когда мы окончательно освободились, над нашими головами снова промчался катер, скрылся за высоченным столбом желтого тумана и с грохотом исчез где-то вдали. Мы хрипло закричали: «Ура!» Тут из основания желтого облака появилась огромная фигура, тащившая за собой два безжизненных тела. Это ока-

зался Эл Стор. На спине у него была небольшая рация.

Он приблизился к нам, огромный, могучий, как всегда сверкающий неугасимым пламенем своих очей, и, бросив к нашим ногам два трупа, сказал:

— Смотрите — вот что с вами сделает этот туман, если сейчас же не возьмете ноги в руки!

Мы уставились на два тела, которые он притащил с собой. Это были те двое, которых он срезал излучателем, но то, как ужасно они успели разложиться, явно не было результатом воздействия игольного луча. Процесс гниения зашел настолько далеко, что трупами их было называть немного поздно, а скелетами — немного рано. На гниющих костях висели лишь клочки кожи да остатки внутренних органов. Можно себе представить, что случилось бы с Элом, если бы он был человеком из плоти и крови, как мы, или даже если бы он просто дышал воздухом.

— Скорее к реке,— бросил нам Эл.— Даже если нам придется пробиваться с боем. «Марафон» приземлится на берегу, и мы во что бы то ни стало должны до него добраться.

— И попрошу вас не забывать,— официальным тоном добавил Макналти.— Устраивать ненужную бойню нам ни к чему.

Ну просто со смеху умереть можно! Все, чем мы располагали из оружия, так это излучателем Эла, ножиком Армстронга да своими собственными кулаками. А позади нас, совсем близко и по-прежнему неумолимо приближаясь к нам, двигалась стена желтой смерти. Между нами и рекой лежал мегаполис зеленых, населенный черт знает каким количеством туземцев, вооруженных черт знает каким оружием. Образно говоря, мы оказались между двух огней.

Мы двинулись вперед. Первым шел Эл, за ним — Макналти и здоровяк Армстронг. Следом за ними шли двое, волочившие на себе Джепсона, хоть и неспособ-

ного ходить, зато способного отлично ругаться. Еще двое несли тело, которое наши похитители не поленились притащить от самого корабля. Не встретив никакого сопротивления и без особых затруднений мы углубились сотни на две ярдов в лес и там наскоро похоронили парня, первым вступившего на негостеприимную почву этой планеты. Он ушел в землю тихо, без особых почестей, хотя в лесу по-прежнему слышался непрекращающийся барабанный бой.

Через сто ярдов нам пришлось хоронить еще одного. Приятель покойного — тот, с которым они развлекались, швыряя камешки,— расстроенный подобным окончанием жизненного пути приятеля, в качестве своего рода искупления вины решил идти первым. Мы продвигались вперед довольно медленно и очень осторожно, пытаясь заранее обнаружить возможную засаду, успеть среагировать на малейшее движение мечущего отравленные колючки куста или готового залить нас клеем дерева. Парень, идущий впереди, обошел сторонкой одно из деревьев, проросших сквозь очередной из домов. Все внимание несчастный полностью сосредоточил на темном зеве входа в дом и не заметил другое дерево, под которым как раз проходил. Оно было не слишком высоким, с серебристого оттенка корой, продолговатыми фигурными листьями, с которых свисали многочисленные длинные нити, всего фута три или четыре не достающие до земли. Он рукой отодвинул пару этих самых нитей. Блеснула яркая голубоватая вспышка, в воздухе распространился запах озона и паленых волос. Парень рухнул как подкошенный. Его убило током так же мгновенно, как если бы в него ударила молния.

Туман не туман, но мы все же вернулись на сто только что преодоленных ярдов назад и похоронили его рядом с товарищем. Церемонию провели на скорую руку — когда мы закончили, ползучая желтая отрава уже наступала нам на пятки. Мы снова двинулись вперед. Зеленоватые лучи солнца, про-

биваясь сквозь листву над нашими головами, покрывали землю мозаикой из светлых и темных пятен. Обойдя стороной дерево-убийцу, окрещенное нами вольтивой, мы вскоре вступили на центральную улицу туземного города. Продвижение по ней имело как положительную, так и отрицательную сторону. Дома тянулись ровными рядами слева и справа от нас, на порядочном удалении друг от друга. Теперь мы могли двигаться по середине улицы так, что над головами у нас проглядывало небо и местная враждебная растительность уже не могла дотянуться до нас. Но это же обстоятельство делало нас гораздо более уязвимыми для внезапного нападения туземцев, если те все же постараются любой ценой не дать нам уйти. То есть нам предстояло преодолеть весь путь обратно при том, что мы со всех сторон были как на ладони.

Пока мы упрямо шли вперед по улице, морально готовые к любым неожиданностям. Саг Фарн сказал мне:

— Слушай, у меня появилась одна неплохая идея.

— Что за идея? — спросил я, в душе надеясь, что она может оказаться спасительной.

— А вот представь, что если сделать доску в двенадцать клеток, а не в восемь,— жизнерадостно сказал он, совершенно игнорируя наше плачевное положение,— то на ней можно расположить дополнительно по четыре пешки и по четыре новые старшие фигуры с каждой стороны. Я предлагаю назвать их «лучниками». Они могли бы ходить на две клетки вперед, а вражеские фигуры могли бы брать только на одну клетку вбок. По-моему, это просто восхитительно усложнило бы игру.

— Знаешь что, надеюсь, ты когда-нибудь все же проглотишь шахматы и подавишься ими,— разочарованно огрызнулся я.

— Увы, мне следовало бы помнить, что твои умственные способности находятся на уровне низших

позвоночных.— С этими словами он извлек бутылочку с хулу, которую каким-то чудом ухитрился пронести сквозь все выпавшие на нашу долю испытания, отошел от меня подальше и принялся демонстративно нюхать. Нет, что ни говори, а я все равно ни в жизнь не поверю, что мы воняем, как утверждают марсиане!

Тут Эл Стор прекратил и нашу пикировку, и продвижение вперед вообще. Он возвестил:

— Думаю, пора! — С этими словами он включил свою портативную рацию, настроил ее и сказал в микрофон: — Стив, как слышишь меня? Прием.

Последовала пауза, затем послышалось:

— Да, мы в четверти мили от реки. Пока все тихо. Но это явно затишье перед бурей. Скоро окажемся на месте.— Снова пауза.— Хорошо, будем вас направлять.

Оторвавшись от микрофона и подняв глаза к небу, Эл по-прежнему держал наушник у уха и внимательно слушал. Мы тоже стали прислушиваться. Сначала мы не слышали ничего, кроме барабанного боя, который на этой сумасшедшей планете, кажется, вообще никогда не прекращается, но вскоре до нас донесся отдаленный шум, похожий на гудение гигантского шмеля. Эл снова взялся за микрофон. — Теперь мы вас слышим. Идите прямо в нашу сторону и скоро будете над нами.— Гул становился все громче.— Ближе, ближе.— Он подождал еще немного. Гул вроде бы чуть отклонился в сторону.— Теперь вы немного сбились с курса.— Новая недолгая пауза. Отдаленный звук вдруг стал мощным и громким.— Так держать! — Гул превратился в рев.— Давайте! — закричал Эл.— Вы почти над нами!

Он с надеждой взглянул вверх, и мы все как один тоже последовали его примеру.

В следующий миг над узким разрывом в кронах деревьев промчался катер и в мгновение ока скрылся из вида. Тем не менее экипаж катера, очевидно, все же заметил нас, поскольку маленькое суденыш-

ко сделало изящный поворот, вновь пару миль пронеслось параллельно улице и на умопомрачительной скорости вышло прямо на нее. Теперь мы все ясно видели катер и радостно приветствовали его, прыгая, как ошалевшие от радости дети.

— Видите нас? — спросил Эл в микрофон.— Тогда попробуйте во время следующего захода.

Катер снова сделал круг, лег на прежний курс и с ревом помчался прямо на нас.

Сейчас он напоминал чудовищный снаряд, выпущенный из древней пушки. Из его брюха вдруг посыпались какие-то предметы: тюки и ящики, начавшие медленно спускаться к нам на парашютах. Все это посыпалось на наши головы как манна небесная, а катер тем временем с ревом понесся дальше и исчез в северном направлении. Если бы не проклятые деревья, катер мог бы просто сесть, взять нас на борт и улететь, вырвав из лап опасности.

Мы жадно накинулись на припасы, разрывая упаковки и вытаскивая содержимое. Скафандры на всех. Что ж, они помогут нам уберечься от разного рода газообразной отравы. Полностью заряженные излучатели с запасными обоймами. Небольшой ящичек с полудюжиной крошечных атомных бомб. А еще по пузырьку йода и по пакету первой помощи на каждого.

Один здоровенный тюк застрял высоко на дереве. Вернее, за ветки зацепились стропы парашюта, а сам тюк, соблазнительно покачиваясь, висел в воздухе. Горячо надеясь, что в нем не содержится ничего такого, отчего можно взлететь на воздух, мы лучом перерезали стропы, и тюк упал вниз. В нем оказались концентрированные рационы и пятигаллонная канистра фруктового сока.

Сложив парашюты и нагрузившись припасами, мы двинулись дальше. Первую милю преодолели без осложнений: деревья, деревья, деревья и дома, покинутые обитателями. Только сейчас я заметил, что над всеми домами возвышались деревья одного

и того же вида. Ни один дом не стоял ни под клеешлепками, ни под вольтивами, с ужасными свойствами которых мы имели несчастье познакомиться. Были ли домашние деревья безобидными, никто из нас проверять не стал, но Миншул наконец выяснил, что именно они являлись источниками непрекращающегося барабанного боя.

Наплевав на Макналти, который сразу возбужденно расквохтался, как курица-наседка, Миншул на цыпочках прокрался в один из пустующих домов, держа наготове излучатель. Через несколько секунд он вновь появился на пороге и сообщил, что дом совершенно пуст, но ствол дерева, проходящий сквозь него, грохочет, как африканский тамтам. Он приложился к стволу ухом и услышал, как внутри бьется могучее сердце. Макналти тут же пустился в рассуждения насчет того, что мы, скорее всего, просто не имеем права калечить или каким-либо иным способом причинять вред деревьям на этой планете. Мол, если на самом деле они являются пусть даже и полуразумными существами, то, по межзвездным законам, все равно обладают статусом аборигенов и в качестве таковых подпадают под действие раздела такого-то параграфа такого-то Транскосмического Кодекса, регулирующего межпланетные отношения. Он с большим смаком углубился в юридические аспекты этого вопроса, совершенно не принимая во внимание то, что еще до вечера может угодить в котел с кипящим маслом. Когда он наконец остановился, чтобы перевести дух, Эл Стор заметил:

— Слушайте, капитан, похоже, у здешних жителей свои собственные законы и они собираются неукоснительно придерживаться именно их.— С этими словами он указал прямо вперед.

Я проследил взглядом за его указательным пальцем и тут же начал лихорадочно облачаться в скафандр.

Говорят, рекорд по надеванию скафандра равняется двадцати семи секундам. Честное слово, я

натянул его на двадцать секунд быстрее, да только мне вряд ли кто поверит. Ну вот, решил я, и настал час расплаты. В угрожающе нависшей надо мной деснице возмездия я ясно видел того несчастного гуппи и банку сгущенного молока.

В полумиле впереди нас поджидал вражеский авангард, состоящий из каких-то змееподобных чудовищ толщиной с меня и длиной никак не менее сотни футов. Все они скользили в одном направлении и на ходу практически не извивались. За ними в нашу сторону неуклюже продвигалась целая армия обманчиво безобидных с виду кустов. А вот уже за кустами, громко вопя от сознания собственной неуязвимости, наползала целая орда зеленых туземцев. Скорость наступления этой совершенно кошмарной армии определялась темпом продвижения змееподобных существ, ползущих впереди. Они двигались как-то неестественно, как будто им сейчас приходилось перемещаться раз в сто быстрее, чем обычно.

Охваченные ужасом при виде этого невероятного зрелища, мы остановились как вкопанные. Ползучие гады продолжали надвигаться на нас, производя впечатление существ невероятной мощи, которая в нужный момент выплеснется наружу. Чем ближе они к нам подползали, тем больше и омерзительней казались. Когда до них оставалось не более трехсот ярдов, я понял, что любой из этих тварей ничего не стоит обвиться сразу вокруг шестерых из нас и сдавить так, как никакой, даже самый исполинский, удав не сможет сжать и жалкого козленка. Это были самые дикие исчадья здешнего бескрайнего и полуразумного леса. Я понял это инстинктивно и даже услышал, как на ходу они издают негромкие мяукающие звуки. Так вот, значит, как выглядят мои таинственные зеленые тигры, с одним из которых нашим похитителям пришлось сразиться, когда нас уносили от корабля. Но, очевидно, они все же поддавались дрессировке, и

их мощь и злобу можно было как-то держать в узде. Во всяком случае, здешним обитателям это, похоже, удалось. Следовательно, вполне возможно, что они стоят на гораздо более высокой ступени развития, чем Ка.

— Думаю, дистанция как раз самая подходящая,— вдруг сказал Эл Стор, когда расстояние между нами и чудовищами сократилось до двухсот ярдов.

Он небрежно поигрывал маленькой бомбочкой, которая, в принципе, могла бы превратить в пыль не только наш «Марафон», но и корабль раза в два больший.

Главным и самым серьезным недостатком Эла было то, что он, похоже, плохо представлял мощь игрушек, с которыми ему приходилось иметь дело. Поэтому они поигрывал бомбочкой так беззаботно, что мне вдруг ужасно захотелось, чтобы он оказался от меня где-нибудь подальше — желательно на другом краю Вселенной,— и только когда я уже едва не дрожал от страха, он размахнулся и швырнул бомбу в наступающих. Его мощная рука со свистом рассекла воздух, и смертоносный снаряд по широкой дуге отправился в сторону неприятеля.

Мы мгновенно залегли. Земля вздыбилась, вверх взметнулось ослепительное пламя, и полетели клочья пористых зеленых ошметков, на мгновение зависших в небе, а потом дождем посыпавшихся вниз.

Вскочив, мы бросились вперед и, пробежав сотню ярдов, снова залегли, увидев, что Эл бросает еще одну бомбу. На сей раз у меня было впечатление, что прямо у меня под боком вдруг проснулся вулкан. Взрыв оказался таким сильным, что я от удара чуть не распался на молекулы. Не успели его отзвуки затихнуть, как послышался рев вновь появившегося катера, который спикировал на противника с тыла и, похоже, сбросил еще парочку бомб. Просто кошмар какой-то!

— Давай! — крикнул Эл. Схватив обезножившего Джепсона, он вскинул его на плечо и бросился вперед. Мы помчались за ним.

Первым препятствием стал огромный кратер, на дне которого, все еще дымясь, кипела земля и корчились изувеченные остатки гигантских червей. Пробегая по краю кратера, я чуть не налетел на шестифутовый обрубок одной из этих тварей, который все еще продолжал конвульсивно дергаться. Между этим кратером и следующим там и сям были рассеяны остатки вражеского ползучего авангарда. И внутри и снаружи эти гадины оказались насквозь зелеными, а кожу их покрывали тоненькие волоски, которые и сейчас продолжали подрагивать. Сотню ярдов, разделяющую два кратера, мы покрыли в рекордно короткий срок, Эл по-прежнему несся впереди, даже несмотря на свою тяжеленную ношу. Я потел, как загнанная лошадь, и то и дело благодарил свою счастливую звезду за пониженную гравитацию. Только поэтому мне все еще удавалось поддерживать этот безумный темп.

Потом снова пришлось разделиться и с двух сторон огибать второй кратер. Вот тут-то нам и довелось впервые встретиться лицом к лицу с противником, и дальнейшее я помню уже смутно.

Передо мной возник куст. По старой земной привычке я отнесся к нему с пренебрежением, на мгновение позабыв те невзгоды, которые мы уже претерпели от здешних проклятых растений. Я почти не обратил на него внимания и мчался вперед. Зловредный куст отступил в сторону и, мгновенно обвившись вокруг моих ног, завалил меня на всем скаку. Я с размаху грохнулся о землю и, хотя как будто ничего себе не повредил, от неожиданности стал ругаться на чем свет стоит. Тем временем куст принялся методично посыпать мой скафандр серым порошком. Через мгновение я увидел длинное кожистое щупальце, которое оторвало от меня куст и методично разорвало его на куски.

— Спасибо, Саг Фарн,— выдохнул я, вскочил и снова помчался вперед.

Второго растительного недруга я уже скосил лучом, который, пройдя сквозь него, заодно поджарил стоящего ярдах в шестидесяти — семидесяти от меня, что-то кричащего и отчаянно жестикулирующего туземца. Саг тем временем занялся третьим кустом, порвал его и разбросал в разные стороны. Странный порошок на него, похоже, никак не действовал.

К этому времени Эл находился уже ярдах в двадцати впереди. Он остановился, выхватил еще одну бомбу, швырнул ее, бросился на землю, затем снова вскочил и, громко топоча башмаками, бросился вперед с Джепсоном, болтающимся у него на плече. Над нашими головами снова загрохотал катер. Он устроил самую настоящую бойню во вражеском тылу. Откуда-то из-за моей спины вдруг сверкнул игольный луч, едва не задевший шлем моего скафандра, и испепелил еще один куст. У меня в наушниках одновременно слышались голоса по крайней мере шести человек, на все лады честящих зловредных аборигенов. Справа от меня вдруг начало крениться и рухнуло на землю огромное дерево, но у меня не было ни времени, ни желания оглядываться и выяснять, кто его срубил.

Потом одна из змей схватила Блейна. Как ей, единственной из всех, удалось уцелеть, было уму непостижимо. Она, подобно остальным, лежала и дергалась, как и все ее подруги, но при этом сохранила свою смертоносную силу. Блейн налетел на нее, и в тот же миг она свернулась кольцом и стиснула его. Он отчаянно заверещал в микрофон шлема. Этот предсмертный крик был просто ужасен. В том месте, где могучие кольца стиснули скафандр, он лопнул, и во все стороны брызнула кровь. Это зрелище и вопль умирающего Блейна так ошеломили меня, что я невольно остановился и в меня врезался бегущий прямо за мной Армстронг.

— Не останавливаться! — проревел он и, толкнув меня вперед, мгновенно разорвал бешено извивающуюся гадину на несколько корчащихся кусков. Мы снова помчались вперед, вынужденные оставить изуродованные останки Блейна на милость враждебных джунглей.

К этому времени мы уже пробились сквозь передовые отряды псевдорастений и врезались в изрядно поредевшие боевые порядки яростно завывающих туземцев. Под нашими ногами с треском лопалось множество шаров с отравой, но скафандры надежно защищали нас от воздействия их газообразного содержимого. Да и в любом случае мы неслись слишком быстро, чтобы успеть почувствовать на себе действие отравы. Я одного за другим срезал излучателем трех зеленых туземцев и успел заметить, как Эл, даже на мгновение не притормозив, оторвал голову еще одному.

Мы уже начали задыхаться от быстрого бега, когда враг неожиданно дрогнул. Услышав вой заходящего в очередное смертоносное пике катера, оставшиеся в живых аборигены прыснули в разные стороны и мгновенно скрылись в густом лесу. Путь был свободен. Мы, не сбавляя хода и по-прежнему держа излучатели наготове, наконец выскочили на берег реки. А там, на поляне у самой воды, нас ждало самое приятное и долгожданное зрелище на свете — наш милый «Марафон».

И тут Саг Фарн, когда мы уже радостно ринулись было к открытому входному люку, сделал нечто совершенно непредвиденное, изрядно нас напугав. Он обогнал нас, заслонил люк своей огромной тушей и, подняв вверх обрубок щупальца, заявил:

— На вашем месте я бы так не торопился! — В чем дело? — спросил Эл. Его горящие глаза уставились на обрубок щупальца марсианина, и он добавил: — Что с тобой случилось?

— Я лишился большей части щупальца, — сказал Саг Фарн так небрежно, будто для него лишиться щу-

пальца так же легко, как снять шляпу.— Это все тот порошок. Он состоит из мириадов субмикроскопических насекомых. Они пожирают все, на что попадут. И уже начали есть меня. Оглядите себя получше.

Елки-палки, он оказался совершенно прав! Начав внимательно осматривать скафандр, я заметил на нем серые пятнышки порошка, медленно меняющие форму.

Так, значит, рано или поздно они проедят ткань скафандра и примутся за меня!

Мне еще никогда в жизни не было так паршиво. Одним словом, нам пришлось тут же возле корабля, по-прежнему не спуская глаз с опушки леса, с полчаса заниматься раздражающей и довольно потной работенкой: прожаривать другу другу скафандры расширенными до максимума лучами на минимальной мощности. К тому времени, когда последние остатки живого порошка обуглились и отвалились, я чувствовал себя так, будто меня и самого как следует прожарили.

Молодой Уилсон, которого хлебом не корми, а дай возможность посмеяться над другими, воспользовался случаем и заснял всю унизительную процедуру взаимного прожаривания на пленку. Я отлично знал, что в один прекрасный день все это будет продемонстрировано любопытному миру, вальяжно развалившемуся в мягких креслах у экранов и страшно далекому от всякого рода невзгод, выпавших на нашу долю у Ригеля. Втайне я надеялся, что хоть немного серых жучков уцелеет, доберется до его пленки и добавит происходящему на ней хоть малую толику подлинного реализма.

Затем, напустив на себя официальный вид, Уилсон сделал несколько снимков леса, реки и парочки перевернутых туземных лодок с их двухлопастными веслами. В конце концов мы с облегчением погрузились на корабль.

Катер тоже был принят на борт, и «Марафон» незамедлительно стартовал.

Никогда еще я не испытывал такого облегчения, видя в иллюминаторе нормальный и приятный глазу желтовато-белый свет, навсегда смывший с наших лиц желчную трупную зелень. Стоя у иллюминатора вместе с Бренандом, мы наблюдали, как эта странная жуткая планета уменьшается в размерах, и не могу сказать, чтобы я уж очень сильно жалел об этом. Тут к нам сзади подошел Эл и сообщил:

— Сержант, посадок больше не предвидится. Капитан принял решение возвращаться на Землю.

— А почему? — спросил Бренанд. Он указал на уменьшающийся зеленоватый шарик: — Ведь мы так и не обнаружили почти ничего стоящего.

— Макналти считает, что мы узнали вполне достаточно и привезем более чем ценную информацию.— Паузу заполнил ритмичный гул двигателей.— Макналти говорит, что он соглашался возглавить экспедицию, а не скотобойню. С него, мол, довольно, и он намерен подать в отставку.

— Идиот напыщенный! — в сердцах заметил Бренанд, не выказывая ни малейшей уважительности к капитану.

— Хотелось бы все-таки понять, что же такого мы узнали? — спросил я.

— Ну прежде всего нам удалось выяснить, что жизнь на этой планете в основном симбиотична,— отозвался Эл.— Разные ее формы сосуществуют и совместно используют свои возможности. Люди сосуществуют с деревьями, причем у каждого народа деревья свои. А сосуществовать им дает возможность как раз тот самый странный орган на груди.

— Лекарства в обмен на кровь,— с отвращением заметил Бренанд.

— Но,— продолжал Эл,— на планете есть и гораздо более цивилизованнные, чем Ка, народы, настолько высокоразвитые и богоподобные, что могут надолго отрываться от своих деревьев и путешествовать по всей планете днем и ночью. Они умеют доить свои деревья, хранить и носить с собой пита-

тельную жидкость и пить ее из чашек. Они — единственные, кто сумел извлечь пользу из навязанного им симбиотического образа жизни и — по меркам этой планеты, конечно,— обрести свободу.

— На поверку они оказались не такими уж богоподобными! — усмехнулся я.

— Не в этом дело,— возразил Эл.— Верно, нам удалось с боем вырваться из их плена, но победить их нам не удалось. Они как были, так и остались единственными хозяевами своего мира. А мы понесли довольно тяжелые потери и еле унесли ноги, да еще не знаем, как снова поставить на ноги Джепсона.

Когда он повернулся, собираясь уходить, я кое-что вспомнил:

— Эй, послушай-ка, а что все-таки случилось после нападения на корабль? И как вам удалось напасть на наш след?

— Мы уже начали терпеть поражение. И решили, что главное достоинство храбреца — благоразумие. Поэтому мы взлетели до того, как они успели полностью вывести корабль из строя. А уж после обнаружить вас особого труда не составляло.— Его глаза горели, как всегда, невозмутимо, но, готов поклясться, на сей раз в них сверкали искорки насмешки.— С вами оказался Саг Фарн. А с нами остались Кли Янг и все остальные.— Он постучал себя пальцем по лбу.— Забыл, что ли? У марсиан очень большой гамиш.

— Они же могут общаться между собой телепатически! — с досадой воскликнул Бренанд.— Совсем вылетело из головы! Но ведь Саг Фарн ни разу даже словом об этом не обмолвился. Косоглазый паук просто дрых всю дорогу.

— И тем не менее,— сказал Эл,— он все время поддерживал со своими приятелями контакт.

Он пошел дальше по коридору и скрылся за углом. Тут раздался сигнал, и мы с Бренандом, обнявшись, как братья, вместе с кораблем перешли

на флетнеровский режим полета. Зеленый мир превратился в крошечную точку с быстротой, которой я никогда не перестану изумляться. Постепенно приходя в себя, мы кое-как разогнулись, и Бренанд тут же протянул руку к клапану давления марсианского отсека и повернул регулятор. Когда стрелка поползла направо и наконец остановилась на отметке пятнадцать фунтов, лицо его озарилось мрачным удовлетворением.

— Слушай, марсиане ведь сейчас там,— напомнил я.— Боюсь, им это не понравится.

— А им это и не должно нравиться. Я покажу этим резиновым чучелам, как водить нас за нос!

— Макналти тоже будет не в восторге!

— А кого волнует, будет он в восторге, или нет? — проревел он.

В этот момент из-за угла внезапно появился Макналти, шествуя со всегда присущим ему достоинством.

Бренанд быстро и довольно громко добавил:

— Как тебе не стыдно! Мог бы относиться к нему поуважительнее и называть его капитаном!

Понятно? В общем, если вам когда-нибудь доведется оказаться в космосе, насчет корабля можете не беспокоиться. Если вам что-нибудь и угрожает, то только находящиеся вместе с вами на борту подлецы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Путешествие на Гипнотику

Я рассчитывал провести честно заработанные двенадцать месяцев отпуска в довольствии и покое на родимой Земле, но, как всегда, оказалось, что я рано начал радоваться. Какой-то дьявольски дотошный очкарик из обсерватории ухитрился убедить власть предержащих в том, что в районе Кассиопеи имеется очередной подходящий шарик. После этого во все концы полетели вороха телеграмм, призывающих нас — усталых и доверчивых простаков — немедленно бросить милые нашим сердцам мирные утехи и явиться на корабль.

Я получил свою повестку в три часа теплым ласковым днем, как раз когда с упоением качался в кресле на веранде. Могу вас заверить, ни место, ни время вовсе не располагали к тому, чтобы с радостью воспринять подобное приглашение. Я чуть было не послал принесшего телеграмму посыльного куда подальше, но вовремя спохватился — ведь парень тут ни при чем. Потом я прочитал текст, порвал бумажку в мелкие клочки, выругался в сердцах и, закрыв глаза, предался своему прежнему занятию. На следующее утро я упаковал вещички и вылетел на восток, заглотив наживку просто потому, что не хватило мужества поступить иначе. Одним словом, у меня не хватило мужества оказаться трусом.

Вот так и получилось, что я снова, в который уже раз, стоял у иллюминатора, наблюдая за тем,

как быстро увеличивается и постепенно занимает все обозримое пространство незнакомый мир. Несмотря на то что новая экспедиция не вызывала ни малейшего энтузиазма, вид планеты так захватил меня, что я едва не забыл пристегнуться, когда перед посадкой «Марафон», как всегда, вышел из флетнеровского режима. Я чуть не опоздал. Снова возникло ощущение, что тебя взяли да и вывернули наизнанку, а потом, как-то сразу, произошла посадка.

Мое обычное место было в оружейной, где я благополучно и пребывал, в то время как остальные в кают-компании тянули жребий, кому первому подставлять зад под возможные пинки инопланетян. Предыдущие экспедиции уже отучили членов экипажа по-детски беззаботно радоваться возможности ступить на твердую землю, не получив ни разрешения, ни оружия. Во всяком случае, на сей раз никто и не подумал обводить Макналти вокруг пальца и выползать наружу через дюзы.

В ближайшем ко мне иллюминаторе я наблюдал массу растений всех мыслимых видов. Правда, была у них одна особенность, которая сразу бросалась в глаза, а именно то, что ни одно не переплеталось ни с какими другими. Низкое или высокое, широкое или узкое, но каждое растение занимало строго свой отдельный клочок земли так, что солнечные лучи свободно падали на разделяющее их пространство. Короче, джунгли, которые, строго говоря, таковыми не являлись. По здешним джунглям можно было гулять совершенно спокойно, в том смысле, что особых препятствий для ходьбы там не наблюдалось. Хотя, само собой, человека там, могли подстерегать и другие, гораздо более серьезные опасности.

Кругом преобладал зеленый цвет, хотя то тут, то там попадались пятна желтого или коричневого цвета. Похоже, хлорофилл свойственен растительности на большинстве планет, где вдоволь солнеч-

ного света. Лучи здешнего солнца золотистыми пятнами падали на землю между отдельными растениями. Местное светило в основном было подобно нашему старому доброму солнышку, только с чуть более горячими лучами, поскольку оно находилось немного ближе к планете.

При виде этой чужой растительности, расположившейся по принципу «живи и жить давай другим», мне стало как-то не по себе. Во всей этой строгой упорядоченности ощущалось что-то искусственное. Правда, я не замечал, чтобы растения были высажены ровными рядами или росли группами. И тем не менее мне в голову пришла мысль, что какие-то существа, мыслящие совершенно иначе, чем мы, выращивали их специально. Будто какой-то сеятель прошел здесь с перемешанными между собой семенами самых разных растений, беря их по одному и аккуратно опуская в землю в каком-то одному ему известном порядке. Ну вроде того, как если бы вы стали сажать сначала дуб, а через двадцать футов от него — капусту. Подошел Бренанд и заметил:

— Похоже, на всех чужих мирах действует один обманчивый принцип: все они стараются выглядеть как можно более безобидными, а сами тем временем готовятся укусить.

— Думаешь, и этот готовит нам сюрприз?

— Не знаю. Но биться об заклад, что это райский сад, я бы пока не стал.

— А как насчет побиться, что это просто чей-то сад?

— Что ты имеешь в виду? — с любопытством спросил он.

Я указал рукой в иллюминатор:

— Сам посуди: где тут извечная борьба за жизненное пространство?

Он тоже выглянул наружу:

— Ну это-то просто. Скорее всего, здесь земля не очень плодородная. Поэтому и растительность скудная.

— Я бы не сказал, что она такая уж скудная,— не согласился я, указывая на лохматого, похожего на огромный кактус представителя здешней флоры, величиной с половину «Марафона».

— Тем не менее растительность здесь разбросана слишком хаотично,— извернулся он.— Никто не станет сажать морковку рядом с крыжовником.

— Может, кто-то и станет.

— А зачем?

— О Господи! — устало вздохнул я.— Спроси что-нибудь попроще. Например, какого черта я забыл здесь, когда мог бы счастливо и с удобствами отдыхать сейчас дома?

— А вот на этот вопрос ответ я знаю,— отозвался он.— На «Марафоне» по утрам не приносят почту.

— Ну и что?

— Ну сам знаешь, в почте всегда попадаются всякие счета, письма с угрозами...

— Ха! — воскликнул я, уставившись на него.— Судишь о других по себе, да? То-то я и смотрю, что ты сорвался с Земли как оглашенный. Значит, за тобой уже начали охотиться?

— Не обо мне речь,— возразил он.— Мы ведь, кажется, обсуждаем тебя и причины, по которым ты отправился в эту экспедицию. Со мной-то все ясно: я не прочь подзаработать. А за каждый полет платят выше крыши.

У меня с кончика языка уже готов был сорваться достойный ответ, но тут в оружейную заявились два инженера, Эмброуз и Макфарлейн и потребовали выдать им все необходимое.

— А где остальные? — спросил я, выдавая им излучатели, пакеты первой помощи, сухие пайки и прочее.

— Никаких остальных не будет. — Получается, Макналти посылает только вас двоих?

— Точно. Он решил, что и двое вполне справятся со шлюпкой.

— Старик опять перестраховывается,— заметил Бренанд.— Он вообще с каждым разом трясется все больше и больше.

— Ребята, скафандры брать будете?

— Нет.— Эмброуз кивнул на иллюминатор.— Давление тринадцать фунтов, и хоть воздух слегка и отдает старым козлом, но для дыхания вполне пригоден.

— Так вот в чем дело! — Я довольно пренебрежительно ткнул большим пальцем в сторону Бренанда.— А я-то думал, это он им несет.

— Ты думал, что это от меня несет,— поправил Бренанд.— Даже сказать и то правильно не можешь.

Макфарлейн, худой, жилистый, рыжеволосый тип, пристегнул излучатель, развел руки в стороны и шутливо заметил:

— На тот случай, если я не вернусь... неужели никто на прощание меня даже не поцелует? — Поскольку никто особого желания не выказал, он скорчил обиженную мину и упавшим голосом добавил: — Раз так, что ж....— и понуро удалился.

Пару минут спустя шлюпка уже взлетела, развернулась на запад и вскоре скрылась из виду. Но шум ее двигателей был слышен еще довольно долго.

Отправившись проведать Стива Грегори, я нашел его в радиорубке, как всегда считающим ворон.

— Как дела, Стив?

Он небрежно бросил взгляд на приборы:

— Кроме шороха да треска, пока ничего.— С этими словами он кивнул на толстую книгу, лежащую на столе: — Согласно моему радиокорану, это характерное излучение звезды ЗЕМ-27, предположительно той самой, что горит в здешнем небе. — И больше ничего?

— Ни вот столечко! — Нагнувшись к микрофону, он включил его и сказал: — Шлюпка, шлюпка! Вызывает корабль. Ответьте!

В ответ послышался какой-то писклявый голосок, ничуть не похожий ни на голос Эмброуза, ни на голос Макфарлейна:

— Сорок четыре к западу, высота восемь тысяч.

— Есть что-нибудь?

— Ничего интересного.

— Хорошо. Конец связи.— Он снова откинулся на спинку кресла.— Знаешь, у меня было чувство, что прошлый полет окажется последним. Я уже совсем свыкся с этой мыслью и готов был окончательно осесть на берегу.

— Ну прямо точь-в-точь как я! — заметил ваш покорный слуга.— Будто проклятие какое-то. Видно, не следовало мне зариться на опал того гуппи.

— Какой еще опал? — сразу заинтересовался он, поднимая брови.

— Неважно. Просто мое прошлое омрачено одним неблаговидным поступком.

— Нашел, чем удивить,—отозвался он.—Да если хочешь знать, в старые добрые времена я как-то один раз даже поменял свое свидетельство о рождении на...

В этот момент его прямо на полуслове прервал сигнал, раздавшийся откуда-то из недр аппаратуры, утыканной циферблатами и табло. Он щелкнул тумблером.

Снова послышался голос, на сей раз значительно более громкий:

— Докладывает шлюпка. Семьдесят к западу, высота четыре тысячи. Делаем круг над большим озером. На берегу что-то вроде селения.

— Одну минуточку.— Стив щелкнул другим тумблером и сказал в микрофон: — Капитан, тут на связи Эмброуз. Утверждает, что, похоже, нашел разумную жизнь.

— Ну-ка, свяжи меня с ним! — приказал Макналти.

Стив переключил их друг на друга. По интеркому нам был слышен весь их разговор.

— Что там у вас, Эмброуз?

— Поселок на берегу озера.

— Вот как! И кто же в нем живет?

— Вроде никто,— ответил Эмброуз.

— Как это «никто»? Вы хотите сказать, что он заброшен?

— Ну, утверждать пока рано, но отсюда сверху он выглядит именно так. Состоит он примерно из сотни небольших, пирамидальной формы хижин, расположенных четырьмя концентрическими кругами. Но между хижинами никакого движения не заметно.— Последовала пауза, затем: — Капитан, а что, если нам приземлиться и изучить все поподробнее?

Макналти такая идея явно пришлась не по душе. Судя по тому, как затянулось молчание, он лихорадочно взвешивал все «за» и «против». Капитан, похоже, пытался придумать способ рассмотреть поселок вблизи, не приближаясь к нему. В жизни не встречал человека, который бы настолько не любил рисковать, если только не было стопроцентной гарантии успеха. Наконец его голос раздался снова, только на сей раз немного приглушенный из-за того, что он отвернулся, разговаривая с кем-то сидящим рядом.

— Они просят разрешения сесть. Что скажешь?

— Кто не рискует, тот не выигрывает,— послышался в ответ глубокий голос Эла Стора.

— Согласен, но...— Снова пауза, затем — снова громко — в интерком: — Скажите, Эмброуз, а там хватит места для посадки «Марафона»?

— Нет, если не сжечь около десяти акров кустарника или не сровнять с землей половины селения.

— Хм-м-м-м! Тогда знаете что: попытайтесь пару раз облететь селение на минимальной высоте. Думаю, это выгонит их из хижин. Эмброуз тяжело вздохнул и ответил:

— Ладно, капитан, мы попробуем... но я уверен, что поселок пуст и нам никого не спугнуть.— Пос-

ледовало длительное молчание, потом он опять заговорил: — Черта с два. — Что, никто не выскочил? — Нет. Мы им чуть крыши не посшибали, а от выхлопа аж стены тряслись. Уверен, здесь пусто.

— Ну что ж, ладно. Садитесь и все обследуйте, но только будьте очень осторожны.— Видимо, он снова повернулся к собеседнику, так как голос опять стал глуше.— Поверь мне, Эл, после этой экспедиции пусть кто угодно... Стив щелкнул тумблером со словами: — Похоже, у него на уме то же, что и у нас с тобой. Он тоскует по «Колбаске» и регулярным ходкам на Венеру и обратно. Тогда мы все чувствовали себя уютно, как в колыбельке.

— Кто-то же должен проявлять героизм,— сказал я.

— Ясное дело. Но только славой нужно время от времени делиться. А то она может набить оскомину.

Он снова склонился над приборами, и послышался голос Эмброуза, заглушаемый какой-то барабанной дробью:

— Полегче, полегче, Мак. Смотри, вон там, справа. Ага, вот теперь давай! Тормози! Быстро!

Барабанная дробь смолкла. Из динамика доносились обрывки довольно продолжительного разговора, разобрать который не представлялось возможным, так как говорили явно не в микрофон. Наконец они начали громко переругиваться. Похоже было, что они спорят, кому первым выходить наружу, а кому оставаться в шлюпке. Кажется, Макфарлейн предлагал бросить монетку, а Эмброуз хотел сперва внимательно осмотреть ее.

Стив, немного покраснев от возмущения, подкрутил регулятор громкости и в конце концов сумел привлечь внимание спорщиков.

— Ну вот что, кретины,— довольно грубо начал он,— лучше выдерните друг у друга по волоску. Кто выдернет подлиннее — выходит. А кто покороче — остается.

За этим последовало долгое молчание, потом послышался стук открывающегося и закрывающегося люка.

Через некоторое время Стив нетерпеливо спросил:

— Ну как? Кому выпало идти?

— Макфарлейну,— кисло отозвался Эмброуз. После этого он отошел от микрофона, оставив канал открытым. Некоторое время было слышно, как он расхаживает по шлюпке взад и вперед. Скорее всего, он разглядывал окрестности из разных иллюминаторов и завистливо следил за Макфарлейном, прогуливающимся снаружи и наслаждающимся свободой.

Через некоторое время он раздраженно хрюкнул и пробормотал что-то нечленораздельное. Потом протопал тяжелыми башмаками куда-то дальше. Люк снова открылся, и мы услышали, как он кричит товарищу:

— Чего тебе, умник?

Ответ до микрофона не донесся, поэтому мы так и не узнали, что ответил Макфарлейн. Послышался отдаленный шум, будто кто-то спрыгнул из люка в густую траву. Затем все стихло. Тоскливо потянулись минуты, каждая из которых казалась нам вечностью.

Стив начал нервничать. Через некоторое время стали сходить с ума его брови. Когда судорожно задергались его большие уши, я не выдержал.

— Послушай,— сказал я.— Не стоит начинать волноваться раньше времени. Давай лучше поговорим с Эмброузом. Прочитай ему хоть стишок какой-нибудь, что ли.

Бросив на меня негодующий взгляд, он снова потянулся к регулятору и начал громко вызывать Эмброуза. Он окликал его не меньше дюжины раз, но ответа так и не добился. Эмброуз не откликался. Макфарлейн — тоже. В шлюпке по-прежнему стояла могильная тишина, хотя, по доносящимся из

динамика слабым шумам, было ясно, что передатчик шлюпки все еще включен. Взяв в руки микрофон, Стив хрипло проорал:

— Эй, на шлюпке! Куда вы пропали? Корабль вызывает шлюпку! На шлюпке, отвечайте!

Тишина.

— Эмброуз! — снова проревел он в микрофон.— Эмброуз! Где вы?

Ответа не было.

— Может, он просто зашел в сортир,— неуверенно предположил я.

— С какой стати? — спросил Стив с очень глупым видом.

— Ну, например, подровнять усы или еще за чем-нибудь. Ходят же зачем-то люди в сортир? Для этого он и предусмотрен.

— Только не сейчас,— сказал он.

— А почему бы и нет? Имеет полное право.

— В таком случае он выбрал чертовски неудачное время,— стоял на своем Стив. Затем он снова поиграл бровями и добавил: — Ладно, даем ему еще десять минут.

Когда время истекло, он снова стал вызывать шлюпку, ругаться и все такое. Но из динамика попрежнему доносился лишь слабый шум, а шлюпка продолжала молчать.

Конечно, пришлось обо всем доложить Макналти. Он сразу начал кипеть, пыхтеть и позвал на помощь Эла. Наконец они пришли к выводу, что пока рано считать, будто с экипажем шлюпки случилась какая-то неприятность. Возможно, просто любопытство Эмброуза пересилило осторожность и он таки вышел из шлюпки, чтобы взглянуть на какую-нибудь находку товарища. А может, ему пришлось выбраться наружу, чтобы помочь тому втащить на борт что-то такое, что не под силу поднять одному человеку. Но он в любом случае сначала должен был доложить об этом. Сообщить на корабль о том, что он собирается делать и по какой причи-

не. Когда они вернутся, ему по этому поводу предстоит крайне неприятный разговор.

Пока же нам предстояло сидеть и слушать. Если что, тревогу поднимать не раньше чем через час. Поэтому я оставил Стива сидеть и ждать, отправился на камбуз и как следует поел. Там же сидел молодой Уилсон и прихлебывал кофе.

— Как там шлюпка? — спросил он.

— Сам бы не прочь узнать.— Я тоже налил себе кружку черного крепкого кофе.

— В каком смысле?

— В том смысле, что они сели возле местной деревушки и почти сразу замолчали. Стив, как ни старается, не может поймать от них ни звука.

— Деревушки? И какие же в ней, интересно, живут существа?

— А никакие. Она пуста. Эмброуз и Макфарлейн отправились туда, и после этого там стало совсем пусто.

— Они что — исчезли?

— Я этого не говорил.

— Но ты бы и не удивился, если бы оказалось именно так? — спросил он, искоса взглянув на меня.

— Нет, не удивился бы.

— Так-так! — Он скорчил рожу.— Значит, опять двадцать пять.— И продолжал: — Что же намерен предпринять Макналти?

— Пока ничего.

— Черт, пока он будет тянуть, наших ребят запросто могут сварить и съесть.

— А может, они сами сейчас варят и едят что-нибудь свеженькое, пока мы тут жуем собачьи консервы.— Я допил кофе и встал.— Надеюсь и тебя увидеть в чьем-нибудь очаге.

Почти весь следующий час я провел у себя в оружейной, занимаясь неотложными делами, затем решил, что остальное может подождать. Я просто никак не мог сосредоточиться на работе, поскольку

не знал, что происходит. Ну я и отправился в логово к Стиву.

— Ну?

— Ш-ш-ш! — Оц поднес палец к губам.— До сих пор не доносилось ни звука, а буквально сейчас вроде что-то послышалось.

Он прибавил громкости. До нас донесся характерный звук закрывающегося люка. Из динамика послышалось какое-то шарканье — похоже, где-то в районе кормы шлюпки. Стив снова щелкнул тумблером вызова. До нас донесся отдаленный звонок.

Тут же послышался довольно своеобразный звук с противоположного конца шлюпки. Что-то вроде шипения или плевка. Мне показалось, будто какое-то существо испугалось звонка. Звуки шагов больше не повторялись. Никто не отправился на нос, чтобы ответить на вызов, как можно было ожидать. Только резкое шипение и тишина.

Нахмурившись, Стив снова дал сигнал. Никакого ответа. И тем не менее в шлюпке кто-то находился, в этом сомневаться не приходилось. Стив еще с дюжину раз включал вызов, причем так быстро, что любому стало бы ясно: вызов очень срочный. Но и это помогло как мертвому припарки.

— Что они там, черт возьми, думают! — наконец воскликнул он.

— Попробуй-ка отчехвостить их как следует,— посоветовал я.— Там такой громкоговоритель, что слышно от носа до кормы. Схватив микрофон, он рявкнул: — Эй!

В ответ на это раздалось лишь еще более громкое шипение, как будто паровоз выпускал лишний пар, а потом послышался торопливый перестук, похожий на быстрые шаги, и стук крышки люка. Потом опять тишина. Кто бы там ни был на шлюпке, он покинул ее, причем поспешно.

Стив уставился на меня. На лице его отражалась целая гамма чувств.

— Ну и что ты на это скажешь?

— Не нравится мне все это.

— Вот и мне тоже.— Он с сомнением уставился на микрофон.— Слушай, а может, они просто морочат нам голову, чтобы их не отозвали обратно?

— Может, конечно,—нехотя согласился я.— Ничто из того, что может выдумать человек, не является невозможным. Поэтому всегда остается один шанс из миллиона, что они напоролись на космический коктейль-бар, в котором заправляет парочка роскошных брюнеток. Но вообще-то я сильно сомневаюсь. Это радио просто-таки вопиет о какой-то беде.

— Согласен. Надо доложить Макналти.— Стив переключился на каюту капитана и произнес: — Только что кто-то заходил на шлюпку, но не ответил.

— Ты уверен?

— Абсолютно, капитан. Я так же ясно слышал шаги, как сейчас слышу вас.

— Что ж, достаточно убедительно,— сказал Макналти.— А это точно не Эмброуз и не Макфарлейн?

Стив заколебался, потом сказал:

— Если это и был один из них, то он совершенно оглох, поскольку не отозвался даже на звонки вызова. А как только я крикнул: «Эй!» — он тут же смылся.

— Это подозрительно,— наконец решил Макналти.—Думаю, не стоит терять времени и...— Он вдруг замолчал, поскольку громкоговоритель у нас в радиорубке квакнул: «Эй!» После этого капитан изумленно воскликнул: — Это еще что такое?

— Шлюпка.— Совершая ушами не менее четырнадцати совсем невозможных движений одновременно, Стив принялся орудовать переключателями.— Сейчас я переключу ее на вас.

— Послушайте, Эмброуз, — величественным тоном начал Макналти.— Что за шутки?

— Послушайте, Эмброуз,—передразнила шлюпка каким-то странно искаженным голосом.— Что за шутки?

— Говорит капитан Макналти! — взревел этот достойный джентльмен, у которого явно стало подниматься давление.

— Говорит капитан Макналти,— возмутительно передразнивая, проскрипела шлюпка.

Макналти несколько мгновений тяжело дышал, затем спросил тихим и почти ласковым голосом:

— Стив, небось это твои шуточки?

— Никак нет, сэр,— ответил Стив, явно шокированный таким предположением.

Его собеседник взревел с новой силой:

— Эмброуз, приказываю вам немедленно вернуться и клянусь...— Он чуть не задохнулся от душившей его ярости. Наступила пауза, во время которой шлюпка повторяла все то же самое, но только писклявым голосом и совершенно издевательским тоном. Затем послышался другой голос.

— Кто это? — спокойно спросил всегда держащий себя в руках Эл Стор.

— Кто это? — переспросила шлюпка.

— Иммиш ванк воззенек,— отправил Эл Стор в эфир сущую абракадабру.

— Иммиш ванк воззенек,— эхом отозвалась шлюпка, будто ей было совершенно все равно, что один язык, что другой.

Эл уверенно произнес:

— Можешь выключать, Стив. Придется посылать катер и разбираться на месте.

Стив выключил передатчик и сказал мне:

— Такое впечатление, что Эмброуз приобрел себе попугая.

— Или говорил с перерезанной глоткой.— Я чиркнул пальцем по горлу и издал булькающий звук.

Стиву моя шутка явно пришлась не по душе. На катере отправились восемь человек, все земляне. Правда, парочка марсиан крайне неохотно согласилась бы оторваться от своих шахматных досок, но у нас не было оснований считать, что нам понадобится их помощь, а места в катере они заня-

ли бы довольно много. Не полетел с нами и Эл Стор. Об этом нам в свете дальнейших событий пришлось еще не раз пожалеть.

Пилотировал Бэнистер. Катер с грохотом оторвался от «Марафона» и поднялся сразу на десять тысяч футов. Облака на этой планете были очень тонкими и висели на большой высоте, так что видимость оставалась вполне приличной.

Глядя в иллюминатор, находившийся сбоку от моего кресла, я видел все тот же покрытый деревьями, простирающийся на десятки миль ландшафт, однообразие которого изредка нарушалось только реками и ручьями да еще длинными цепочками пологих холмов почти на горизонте. Никаких явных признаков разумной жизни заметно не было — во всяком случае, в этих краях.

Сидящий рядом со мной Уилсон баюкал свою камеру, на которую было навинчено множество всяких штучек-дрючек, а на объективе красовался зеленоватый фильтр. Уилсон то и дело выглядывал в иллюминатор со своей стороны, посматривал на солнце и нервно облизывал губы. Впереди, рядом с Бэнистером, сидел детина по имени Вейч, который постоянно поддерживал связь со Стивом по ларингофону.

Катер довольно долго летел вперед, затем резко повернул направо и начал снижаться. Бэнистер и Вейч наклонились вперед, изучая лежащую впереди местность через лобовое стекло. Вскоре и нам стала видна поляна на берегу реки, расположенные на ней концентрическими кругами хижины и невдалеке от них — шлюпка. Мы спустились еще ниже, продолжая разворачиваться. Через некоторое время стало ясно, что сесть, не причинив никаких разрушений, нам не удастся: шлюпка занимала практически единственное свободное место на окраине деревушки. Поэтому мы волей-неволей были вынуждены пролететь над деревней, поскольку не могли сделать круг настолько маленький, чтобы облететь

ее по периметру. Мы снизились еще, развернулись и пролетели над шлюпкой на высоте уже никак не более пятисот футов. Тут мы увидели Эмброуза и Макфарлейна, преспокойно стоящих у шлюпки и смотрящих на нас. Они выглядели настолько привычно, что я просто глазам своим не поверил. Мы пронеслись над ними за каких-то две секунды, и я услышал, как несколько раз щелкнула камера снимавшего их Уилсона.

Я не смог разглядеть стоящую на земле парочку как следует, поскольку Уилсон почти целиком заслонял иллюминатор, но у меня сложилось впечатление, что оба целы, невредимы и ведут себя как ни в чем не бывало. Кроме того, я заметил, что Эмброуз держит в руках что-то вроде корзинки с фруктами. Вот это-то и разозлило меня больше всего. Мне показалось, что эти двое прогуливались тут в свое удовольствие да набивали брюхо, в то время как на «Марафоне» разразилась паника и пришлось посылать на выручку катер. А им ни до чего и дела не было, они знай наслаждались как могли. Ну ничего: Макналти с них за это семь шкур спустит.

Мы сделали еще один разворот и пошли на новый заход. Бэнистер яростно грозил кулаком через стекло. Макфарлейн тоже приветливо помахал ему, как будто был на пикнике, устроенном воскресной школой. Уилсон успел его при этом щелкнуть.

Вейч тем временем говорил в микрофон:

— Они в порядке. А та чепуха, которую вы слышали, скорее всего, связана с какой-то поломкой оборудования шлюпки.

Не знаю уж, что ему ответили на это с «Марафона», но Вейч тут же отозвался:

— Вас понял. Мы сбросим им записку — и сразу назад.

Он нацарапал что-то на клочке бумаги, сунул его в специальную капсулу и во время следующего захода сбросил ее над деревней. Я видел, как ее длинный яркий хвост-лента опустился на землю

ярдах в двадцати от нашей сладкой парочки. Затем деревня скрылась из виду, и мы легли на обратный курс, к кораблю.

* * *

Я как раз шел к себе в оружейную, когда меня перехватил Стив, высунувшийся из своей радиокаморки. Он окинул меня пристальным взглядом, как будто хотел понять, пьян я или трезв, потом сказал:

— А ты уверен, что у этих двоих все в порядке?

— Конечно, ведь я видел их своими глазами. А что?

— Ну... ну...— Он нерешительно почесал в затылке, оглянулся на свои шкалы и циферблаты и снова повернулся ко мне: — Аппаратура шлюпки, конечно, может дать сбой. В мире нет ничего совершенного, это относится и к любой радиоаппаратуре.

— Ты о чем?

— Понимаешь, мне еще никогда в жизни не приходилось слышать о поломках, в результате которых передачи возвращаются обратно, причем слово в слово.

— Ну вот видишь! — сказал я.— Это и есть твой первый раз.

— Но это теоретически невозможно,— настаивал он.

— То же самое можно сказать и о моей тетушке Марте. У нее на ногах десять пальцев.

— Как у всех,— сказал он.

— Да, но у нее их два на одной ноге и восемь — на другой.

Он слегка скривился и заметил:

— Слушай, сейчас речь идет не о каких-то там цирковых уродцах. Говорю же тебе: не может быть такой поломки, которая давала бы эхо-сигналы.

— Тогда как же ты это можешь объяснить?

— Никак.— Он тяжело вздохнул.— В том-то и дело. Я слышал то, что слышал, и со слухом у меня

все в порядке, но тем не менее аппаратура здесь абсолютно ни при чем. Говорю же тебе, кто-то просто передразнивал нас, и ничего смешного я в этом не вижу.

— Эмброуз не такой человек,— сказал я.

— Верно,— подозрительно быстро согласился он.

— Да и Макфарлейну тоже такое ребячество не очень свойственно.

— Точно,— снова охотно поддакнул он.

— Тогда кто же?

— Да брось ты... в привидения я не верю.

На сем мы расстались, и я отправился дальше, чувствуя какую-то смутную тревогу, но не желая себе в этом признаться. Ведь Стив свое дело знал, как никто другой. С ним мало кто мог сравниться. Притом он был радистом нашего корабля. И говорил абсолютно убежденно.

Получается, что кто-то ткнул Макналти носом в его же собственные слова. Не Эмброуз. И не Макфарлейн. Но больше там никого быть не могло. И все же нам это отнюдь не показалось. Чем больше я раздумывал о последних событиях, тем более необъяснимыми они казались. Впрочем, там, где речь идет о чужих планетах, совершенно необъяснимые вещи случаются крайне редко.

Успокоенный донесением экипажа катера, Макналти расслабился настолько, что даже разрешил нескольким из нас размять ноги снаружи. Выйти должно было не более дюжины человек, причем поступил строгий приказ постоянно держать излучатели наготове и не отходить дальше чем на полмили от корабля. Дюжину счастливчиков отбирали по жребию, и ваш покорный слуга в нее, к сожалению, не попал.

Они явились ко мне за оружием. Одним из них был Джепсон, тот парень, который в прошлой экспедиции едва не захлебнулся клеем. Я решил его подначить:

— Ну, во что собираешься вляпаться на сей раз?

— Надеюсь, ни во что,— сразу вскинулся он.

Молдерс, великан-швед, беря излучатель, заметил:

— Лично я на всякий случай буду держаться от тебя подальше. Валяться склеенным с тобой мне что-то не очень понравилось.

Они ушли. Судя по цвету неба, гулять им предстояло не очень долго, поскольку солнце уже садилось и до прихода ночи оставалось никак не более часа.

Когда тени снаружи вытянулись и загустели, Макналти испытал новый удар. С полдюжины гуляк вернулось добровольно, поскольку они не встретили ничего, что могло бы их задержать. Пронзительно завыла сирена корабля, созывая остальных. На носу я заметил какое-то оживление и увидел, что расчет нашей скорострельной пушки проверяет готовность своего восьмиствольного любимца. Явно заваривалась какая-то каша, а какая именно, скорее всего мог знать Стив. Я отправился к нему.

— Что там такое?

— Катер ведь сбросил записку ребятам, верно? — сказал он.

— Конечно. Я сам видел, как она упала им чуть ли не на головы.

— Так вот, они никак на нее не прореагировали.— Он ткнул большим пальцем в темный иллюминатор слева от себя.— Уже стемнело, а они до сих пор не вернулись. И на вызов не отвечают. Я их вызывал до посинения, орал в микрофон так, что голос сорвал. Генератор шлюпки все еще работает, и канал по-прежнему открыт, но Эмброуз и Макфарлейн с таким же успехом могли бы торчать на другом краю Вселенной.

— Ничего не понимаю.— Я был искренне озадачен.— Ведь я же сам их видел. Они еще этак вальяжно расположились у самого люка. И с ними все было в порядке. Да и шлюпка вроде целехонька.

— Это неважно,— упрямо настаивал он.— Я же говорил тебе, что тут дело нечисто, и продолжаю это утверждать.

Поскольку сказать мне на это было нечего, я поплелся к себе, завалился в койку и попытался читать, но, сколько ни старался, никак не мог сосредоточиться. Я все сильнее чувствовал, что кто-то совершенно непостижимым образом натянул нам нос. Чем больше я об этом думал, тем больше нервничал, поскольку не мог придумать даже маломальски правдоподобного объяснения происходящему.

Снаружи уже воцарилась ночь, и только мерцающий свет звезд освещал окружающую растительность. Я все еще мучался над проблемой внезапно полезшего на рожон экипажа шлюпки, пытаясь решить, что же могло заставить его нарушить приказ, когда в дверь моей каюты раздался стук и заглянул Уилсон.

Увидев выражение его лица, я сразу сел. У него был вид человека, который только что обменялся рукопожатием с призраком.

— Что с тобой? — осведомился я.— Дурной сон приснился, что ли? Учти, убаюкивать тебя я не намерен.

— Сам не понимаю.— Он присел на край стола и попытался взять себя в руки, но это у него не очень получилось.— Думаю сходить к Макналти и все ему рассказать. Но сначала я хотел попросить тебя посмотреть и подтвердить, что я не спятил.

— Что посмотреть?

— Вот это.— Он бросил мне на колени три снимка.

Я мельком взглянул на них и понял, что это фотографии, сделанные с катера. Учитывая обстоятельства, при которых Уилсон снимал, вышли они довольно хорошо. Должно быть, он снимал с выдержкой в одну тысячную секунды или даже меньше и с диафрагмой, разинутой шире, чем рот вене-

рианского гуппи. Никаких смазанных контуров, несмотря на колоссальную скорость катера. Четкие и ясные снимки, как будто сделанные со штатива.

— Неплохая работа,— похвалил я.— С камерой ты действительно обращаться умеешь.

Он как-то недоверчиво уставился на меня, потом сказал:

— Может, посмотришь повнимательнее? И скажи, видишь ли ты молнию на комбинезоне Эмброуза.

Я послушно взял снимки и принялся их рассматривать. Затем пулей вылетел из койки, метнулся к столу и включил сильную настольную лампу. При ее ярком свете меня ждало еще более сильное потрясение. Я аж весь задрожал. Вместо хребта вдоль спины у меня будто длинная тонкая сосулька протянулась.

Никакого Эмброуза на снимках не было. И никакого Макфарлейна тоже. Как раз на том месте, где возле люка шлюпки они стояли, теперь красовались два каких-то отталкивающего вида объекта, напоминавших большие клубки толстых черных переплетенных веревок.

— Ну? — спросил внимательно наблюдавший за мной Уилсон.

Я сунул фотографии ему в руки:

— Советую сейчас же отнести это капитану, и побыстрей! А я побегу готовить излучатели и так далее. Думаю, очень скоро все это понадобится.

Сигнал тревоги прозвучал минут через десять. Я уже был готов к этому и бегом бросился на нос. Мы собрались в кают-компании. Все молчали и ждали, что будет дальше. Вкатился Макналти, за которым по пятам следовал Эл Стор, как всегда огромный и сверкающий глазами. Макналти с каким-то ожесточением произнес:

— Мы вступили в контакт с высшей на этой планете формой жизни еще несколько часов назад, но поняли это, к сожалению, только сейчас. Эти су-

щества враждебны по отношению к нам, и счет пока один-ноль в их пользу. Мы уже понесли потери и лишились четырех человек. — Четырех? — вырвалось у меня. Он бросил взгляд на меня, затем оглядел всех присутствующих.

— Я разрешил выйти двенадцати членам экипажа. Но вернулось только десять человек. По сигналу сирены не пришли Джепсон и Пейнтер. Кроме того, Эмброуз и Макфарлейн тоже до сих пор не откликнулись на приказ возвращаться. Поэтому мне не остается ничего иного, как считать всех четверых нашими потерями.— Голос его стал твердым.— И больше мы потерь допустить не можем!

Присутствующие немного заволновались. Стоящий рядом со мной Кли Янг наклонился и прошептал мне и Бренанду на ухо:

— Он считает потерянные фигуры, не просчитывая ходов. Как можно продумывать игру, не располагая достаточным...

Тут он заткнулся, поскольку снова заговорил Макналти:

— Пока мы не понимаем действий противника, но уже не вызывает сомнений, что он располагает определенной гипнотической силой, которую со счетов сбрасывать никак нельзя. Несомненно, именно с ее помощью Эмброуза и выманили из шлюпки, заставив думать, что его зовет Макфарлейн. Надеюсь, это позволит вам хоть отчасти представить, с чем нам предстоит иметь дело.

Бренанд, не знавший о происходящем и половины того, что было известно мне, спросил:

— А что конкретно вы имеете в виду, говоря о гипнотической силе, капитан?

— Вообще-то с этим нам как раз и предстоит разобраться,— отозвался Макналти, причем довольно зловеще.— Пока нам известно только, что они могут заставить человека думать, будто он видит действительно то, что видит... а вполне возможно, они способны и на гораздо большее! То есть мы столкну-

лись с телепатическим оружием значительной мощи и отныне должны просчитывать каждый свой шаг!

— К Элу это тоже относится? — снова спросил Бренанд.— Его они тоже способны ввести в заблуждение?

Хороший вопрос. Ведь эти сверкающие глаза были устроены совершенно иначе, чем наши. Их оптические нервы представляли собой не что иное, как тончайшие серебряные проводки, а скрывавшийся за ними мозг являлся чудом электроники. Ведь камеру Уилсона провести не удалось, следовательно, у меня не было оснований думать, что неизвестным врагам удастся задурить голову Элу. Но Эл лишь улыбнулся и сказал:

— Это нам еще предстоит выяснить.

Тут в разговор со своей неуместной заносчивостью вклинился Кли Янг.

— То же относится и к нам, марсианам.— Он уставился своими глазами-блюдцами в две чуть ли не противоположные стороны одновременно. При виде этого у меня, как всегда, мурашки побежали по телу.— Ведь совершенно очевидно, что наши органы зрения значительно совершеннее человеческих!

— Чушь! — сказал Бренанд.

— Дело вовсе не в глазах, если можно облапошить мозг,— резонно заметил Эл Стор.

— Ну и с мозгом дело обстоит почти таким же образом,— стоял на своем Кли Янг. Чтобы усилить впечатление от своих слов, он даже взмахнул щупальцем: — Поскольку всем известно, что мозг марсианина...

Раздраженно прервав его на полуслове взмахом руки, Макналти резко заявил:

— Сейчас не время муссировать достоинства и недостатки разных рас. Мы начинаем действовать, с тем чтобы выяснить судьбу пропавших товарищей и спасти их, если они еще живы. «Марафон» останется здесь, пока спасательный отряд под ру-

ководством Эла Стора будет заниматься поисками Джепсона и Пейнтера.

Тем временем десять человек и один марсианин на катере отправятся к шлюпке, выжгут площадку, достаточную для посадки, и займутся поисками Эмброуза и Макфарлейна. Желательно, чтобы обе группы состояли из добровольцев.

В принципе, десять человек и марсианин — чересчур много для катера. Но шлюпка находилась не так уж далеко, и это, определенно, был самый быстрый и верный способ доставить туда спасательный отряд — причем чем многочисленнее, тем лучше. Я решил, что марсианина включили, даже невзирая на его значительный вес, только потому, что Макналти действительно надеялся на особую устойчивость марсиан к гипнозу, в которой пытался убедить нас Кли Янг. Отрядом же с «Марафона», примерно по той же причине, был назначен командовать Эл Стор. Таким образом, каждый отряд получал командира, которого трудно сбить с толку.

Я вызвался лететь на катере. Желание лететь изъявили также Бэнистер, Бренанд, Кли Янг, Молдерс, Уилсон, Келли и еще несколько человек. Отпустив остальных по местам до тех пор, пока не будет закончена подготовка к отправке группы на катере, Макналти занялся нами.

— Непосредственно поиск будут вести шесть человек и марсианин,— распорядился он.—Постоянно держитесь вместе и не разделяйтесь даже на мгновение. Остальные четверо будут сидеть в катере и не должны покидать его ни в коем случае.— Он обвел нас мрачным взглядом и твердо добавил: — Я хочу, чтобы вы усвоили это крепко-накрепко. Четверо, остающиеся в катере, ни в коем случае не имеют права его покидать, даже если вдруг появятся все остальные и станут на коленях умолять их выйти. Поскольку к тому времени под личиной товарищей уже, возможно, будут скрываться совсем не они!

— А предположим, они вовсе не станут молить нас выйти к ним, — предложил сплошь покрытый татуировкой Келли. Я заметил, что в кулаке он сжимает свой ненаглядный гаечный ключ.

Макналти, видимо, также заметил могучий инструмент и ядовито заметил:

— Эту штуку можете оставить здесь. По-моему, излучатель вам скорее пригодится.— Он презрительно фыркнул и продолжал: — Конечно же, если они не будут пытаться выманить вас наружу — все в порядке. Тогда и проблема отпадает.

— Значит, мы можем их впускать? — настаивал неугомонный Келли.

Ну и ну! Надо было видеть в этот момент лицо капитана. Он открыл было рот, но тут же снова закрыл его, покраснел, а потом побагровел. Затем он повернулся к Элу Стору, умоляюще заламывая руки:

— Тут затронут серьезный вопрос, Эл. Если членов поисковой группы долгое время не было в поле зрения, как оставшиеся на катере определят, можно ли впустить их на борт?

Эл немного подумал.

— Проще всего воспользоваться паролем, причем у каждого из членов группы он должен быть своим. Того, кто не сможет или не захочет назвать его, нужно сжечь прямо на месте. Конечно, это довольно суровый способ, особенно если кто-нибудь просто его забудет, но, думаю, рисковать не стоит.

Правда, и нам, и капитану эта идея не особенно понравилась. Лучше было бы придумать что-нибудь еще более надежное, более верное. Если эти инопланетяне в состоянии обмануть наши глаза, то существовала и возможность того, что они способны обмануть и наши уши, внушив нам, что мы слышим правильный пароль, и именно тогда, когда нужно. Мной овладело неприятное чувство, что они вполне могут убедить нас написать завещание в свою пользу, причем мы будем твердо уверены, что имен-

но они и являются нашими законными наследниками.

Однако никто из нас в тот момент так и не смог придумать ничего лучшего. Идеальным решением был бы анализ крови, но нельзя же у такого количества людей взять кровь и исследовать ее под микроскопом, в то время как за этими людьми по пятам, возможно, гонится целая вражеская армия. И в этом случае беспомощные люди бесцельно погибнут из-за того, что мы окажемся не в состоянии быстро определить, что они действительно люди!

Оставив Макналти отбирать и инструктировать добровольцев для поисковой группы «Марафона», мы занялись освобождением катера от всего лишнего и погрузкой на него того, что нам скорее может пригодиться. Катер был раза в три больше шлюпки и имел на борту очень много такого, что вряд ли могло понадобиться в столь недолгой вылазке, как наша. Например, на нем была почти тонна продовольствия, запас воды, достаточный, чтобы экипаж мог продержаться на ней два месяца, баллоны с кислородом, скафандры, космический компас, мощная радиостанция и тому подобное. Вытащив все это, мы погрузили на катер скорострельную пушку и побольше боеприпасов, газомет, контейнер с бомбами и некоторые другие, столь же малоприятные, подарки для местных жителей.

Я как раз тащил к шлюзу две запасные снарядные ленты для пушки, когда заметил, что один из двух стоящих на вахте техников зачем-то открывает входной люк, а другой тем временем стоит прислонившись к стене шлюза и наблюдает за ним, рассеянно ковыряясь в зубах. У обоих вид был как у портовых стивидоров, которым вот-вот предстоит наблюдать за погрузкой мешков с марсианскими болотными стручками.

Обычно я в чужие дела стараюсь не лезть, иначе очень трудно ладить с людьми, если ты наглухо

запаян в одной жестянке с ними и которые, чуть что не так, сразу норовят вцепиться в глотку. Но, видимо, в свете последних событий я стал немного нервным, потому что вдруг остановился, лязгнув висящими на мне лентами:

— Кто велел открывать люк?

— Никто, — сообщил тот, что ковырялся в зубах.— Вернулся Пейнтер и просит, чтобы его впустили.

— Как вы узнали?

— А чего тут знать, если он там стоит? — Он смерил меня одним из таких «А твое какое дело?» взглядом и добавил:—Он постучал в крышку люка. Может, что-то случилось с Джепсоном, и он пришел за подмогой.

— Может быть,— сказал я, сбрасывая на пол снарядные ленты и выхватывая излучатель.— А может, и нет?

Второй тем временем уже как раз почти отпер люк, а ковыряльщик уставился на меня так, будто я совсем с ума сбрендил. Крышка люка звякнула и распахнулась. За ней открылась широкая черная дыра. Тут же в проеме люка появился Пейнтер, который спешил так, будто за ним гналась тысяча дьяволов, и через шлюз направился внутрь корабля прямо мимо меня. Я громко окликнул его:

— Стой, ни с места!

Он даже ухом не повел. И ничего не ответил. Мы всегда с ним были на довольно короткой ноге, и он наверняка ответил бы мне что-нибудь вроде «Какая муха тебя укусила, сержант?». Скажи он что-то подобное, и я бы сразу успокоился. Но он не произнес ни слова.

Какую-то долю мгновения я смотрел на него, не веря своим глазам, потому что я действительно видел: это настоящий Пейнтер, Пейнтер с головы до ног, даже с хорошо мне знакомой седой прядью в волосах. Он казался абсолютно настоящим до самой мелкой детали — и одежда, и все остальное. До

того настоящий, что я даже испугался: неужели я сейчас хладнокровно убью человека?

Я нажал на спуск. Луч попал ему прямо в живот, когда он не успел пройти еще и ярда.

От того, что случилось потом, у меня даже на спине волосы встали дыбом, а уж двоим разгильдяям-вахтенным и вовсе стало плохо. Перед глазами у меня будто что-то щелкнуло, и Пейнтер вдруг исчез, вроде как кто-то выключил проектор. Вместо него посреди шлюза оказалась какая-то масса перепутанных черных веревок, которые извивались, стараясь завязаться в миллионы узлов. Из этой массы то и дело высовывались то концы, то петли, которые непрерывно дергались и дрожали. Не было видно ни глаз, ни носа, ни ушей, ни каких-либо иных узнаваемых органов — ничего, кроме кома жирных черных веревок, будто множество змей сплелось в один агонизирующий узел. Он тут же покатился обратно, я еще раз успел пронзить его лучом, и он вывалился куда-то в темноту.

— А ну-ка быстро! — рявкнул я, чувствуя, как по спине у меня ручейком стекает пот.— Задраить люк!

Они начали выполнять приказ, но как-то вяло и сонно. Один потянул на себя рычаг, и крышка люка стала медленно закрываться. Я не уходил до тех пор, пока люк не был окончательно закрыт и задраен. В шлюзе стоял какой-то слабый запах, напомнивший мне запах поджаренного на костре козла, с которого дураки гуппи забыли снять шкуру.

Когда я наклонился, чтобы поднять с пола снарядные ленты и снова взвалить их на себя, появился Эл Стор. Он сразу обратил внимание на необычный запах, бросил взгляд на ошалевших вахтенных и сразу понял, что случилось что-то неладное.

— Что такое? — спросил он.

— Пейнтер вернулся,— сообщил я.— Только это был не Пейнтер.

— Вы впустили его?

— Да. И это был самый настоящий Пейнтер. Я помню его гораздо лучше, чем собственную мамашу.

— Ну и?..

— Только он не мог или не хотел говорить. Не отвечал на вопросы. Поэтому я решил не рисковать.— Я вспомнил о том, что произошло, и спина у меня мгновенно взмокла.— Я угостил его лучом в брюхо, и он тут же превратился в какое-то кошмарное чудовище.

— Хм! Жаль, меня здесь не оказалось... можно было бы проверить, вижу ли я то же самое, что и все вы.— Он немного подумал, затем продолжал: — Судя по всему, говорить они не могут, равно как и внушить нам, что говорят. Это немного упрощает дело. Значит, в дальнейшем нам будет легче.

— Легче было на венерианской линии,— заметил я с нескрываемой тоской.

Не обратив на мои слова ни малейшего внимания, он продолжал:

— Кроме того, теперь мы точно знаем, что Пейнтер действительно у них, а скорее всего, и Джепсон тоже, поскольку в противном случае они не сумели бы создать правдоподобный образ одного из них.— Он повернулся к парочке поникших вахтенных: — Люк больше не открывать, не получив предварительно разрешения от самого капитана. Это приказ!

Они угрюмо кивнули. Эл отправился дальше по своим делам, я — по своим. Через час катер был готов. Мы набились в него как сельди в бочку. Кли Янг явился в своем дыхательном аппарате, наслаждаясь любимыми тремя фунтами, и расположился, вольготно раскинув свои многочисленные щупальца по нашим коленям. Одно из них легло и на мои. Оно было чуть повернуто ко мне внутренней стороной, на которой виднелась одна из присосок величиной с небольшое блюдце. Меня так и подмывало взять да и плюнуть в нее — просто так, безо всякой особой причины, просто потому, что это наверняка

бы ему не понравилось. Наконец катер с ревом взмыл в ночное небо. Пилотировал, как и в прошлый раз, Бэнистер. Несмотря на непроглядную темень, найти шлюпку большого труда не составляло. На носу катера имелся мощный прожектор и полный набор аппаратуры для полета в условиях плохой видимости. Особенно выручало то, что генераторы шлюпки по-прежнему работали и радиоканал оставался открытым: нам оставалось лишь не терять издаваемые рацией шлюпки шумы и держать курс прямо на них.

Вскоре мы уже пронеслись над поселком туземцев. В свете нашего прожектора ярко блеснул серебристый цилиндрический корпус шлюпки. Сами хижины мы увидели только мельком, но мне показалось, что я различаю между ними какие-то темные бесформенные силуэты, перемещающиеся с места на место. А может, это мне только почудилось.

Прямо за околицей деревеньки Бэнистер сбросил серию напалмовых бомб. Они достигли земли и легли в ряд длиной четыреста — пятьсот ярдов, полыхнув ослепительным всепожирающим огнем. Мы пролетели дальше, давая пламени время как следует потрудиться, затем сделали широкий разворот прямо над грядой невысоких холмов и над озером. Наконец мы снова пронеслись над хижинами на высоте пятидесяти футов — так низко, что чуть не посшибали крыши, и скользнули на выжженную бомбами, покрытую свежим пеплом посадочную площадку. Затем мы выбрали четверых, которым предстояло остаться на борту и никого обратно не впускать,— это касалось и тех из членов поисковой группы, у кого могли возникнуть нелады с памятью! Остающиеся тщательно записали все наши пароли. Моим паролем было слово «нани-фани» — одно из грязных венерианских ругательств. Поскольку я простой космонавт, а не какой-нибудь там интеллигент, ругательства я всегда запоминаю хорошо, а забываю очень редко. Но мне и в голову

не приходило, что когда-нибудь настанет день, когда от неприличного слова будет зависеть моя жизнь.

Покончив со всеми этими приготовлениями, мы проверили излучатели, взяли по бомбе, затем Бренанд открыл люк и вышел наружу. За ним последовали Молдерс, Келли, я, потом Кли Янг, и последним выбрался Уилсон. Я еще помню, как наблюдал за вытатуированной на руке Келли девицей, пустившейся в бешеный пляс, когда он вылезал из люка. На сей раз он все-таки расстался со своим ключом и теперь для разнообразия сжимал в кулаке излучатель. Затем я и сам спрыгнул на землю, тут же мне на голову свалился Кли Янг, и мы, переплетясь руками, ногами и щупальцами, покатились по земле. Наконец мне кое-как удалось выпутаться, и я вылез из-под него, не забыв упомянуть при этом, что ни на одной планете, кроме Красной, не появляется на свет столько имбецилов.

Тьма стояла хоть глаз выколи. Мы едва видели смутные очертания не тронутых огнем деревьев и кустов по краям выжженной полосы. У всех нас имелись мощные фонари, но мы предпочитали не включать их, чтобы не стать мишенями для вражеских стрелков с их неизвестным оружием, возможно прячущихся в темноте. Когда имеешь дело с непонятным противником, всегда нужно быть максимально осторожным, даже если при этом и приходится двигаться вперед буквально на ощупь.

Но мы все-таки знали, в какой стороне от катера находится деревушка, и все, что от нас требовалось,— это идти по полосе выжженной земли до тех пор, пока она не кончится. Первым и наиболее вероятным местом пребывания Эмброуза и Макфарлейна — или их останков,— несомненно, являлись хижины. Поэтому мы и направились прямо к ним, бесшумно и осторожно идя друг за другом. Неприятности начались в самом конце нашего пути, шагах в двадцати от деревни. Перед нами возникла группа кустов и деревьев, не пострадавших от бомб,

за которыми в призрачном свете звезд уже смутно виднелись крайние хижины. Думаю, мы вообще не признали бы в этих размытых силуэтах очертаний домов, если бы не знали, что они вот-вот должны появиться перед нами, и если бы наши глаза уже не свыклись с темнотой.

Бренанд осторожно миновал первое из деревьев. Ярдах в двух за ним крался Молдерс. Как вдруг раздалось глухое «тунк!», и Молдерс удивленно вскрикнул. Огромный швед на секунду или две приостановился, пытаясь отыскать взглядом Бренанда, который как сквозь землю провалился. Затем он сделал еще несколько осторожных шагов вперед, пялясь в темноту, и тут мы снова услышали «тунк!». Третьим шел Келли, который сразу остановился и хрипло прошептал:

— По-моему, дело неладное. Я все же включу фонарь.

Мы подтянулись к нему, и он направил луч своего фонаря вперед. В круге яркого света мы сразу увидели Бренанда и Молдерса, растянувшихся на траве и похожих на усталых детишек, сморенных сном на сеновале. Было совершенно непонятно, отчего они вырубились, поскольку никаких живых существ или подозрительных звуков мы не заметили. Впечатление создалось такое, будто они просто взяли да и упали замертво. Но пока мы разглядывали их, Молдерс вдруг сел, осторожно щупая затылок. На лице его застыло выражение крайнего удивления. Бренанд же лишь пару раз пошевелился и почмокал губами.

Щурясь от яркого света, Молдерс пожаловался:

— Меня оглушили!

Он кряхтя поднялся на ноги, огляделся и неожиданно яростно воскликнул:

— Кажись, вон то дерево!

С этими словами он выстрелил в деревце высотой футов в пять, растущее чуть в стороне. Я решил, что парень свихнулся. Но в следующий мо-

мент мне пришлось задуматься, не поехала ли крыша у меня самого.

Деревце, абсолютно ничем не примечательное, с длинными тонкими блестящими листьями, на вид явно являло собой не что иное, как представителя местной флоры. Луч Молдерса угодил ему прямо в ствол, и деревце мгновенно исчезло, растаяв как дым. На его месте возник один из тех больших кошмарных клубков, которые мне уже приходилось видеть раньше.

Прямо позади разъяренного Молдерса стояло еще одно такое же деревце. Несмотря на то что взгляд мой был прикован к происходящему, краем глаза я заметил, что это второе дерево начинает шевелиться, как будто собираясь что-то сделать. Думаю, еще никогда в жизни я не ухитрялся выстрелить молниеноснее. Я всадил в него луч так быстро, что никто и глазом моргнуть не успел. И дерево тут же исчезло, превратившись в жирный клубок бешено дергающихся веревок.

Я продолжал стрелять, и Молдерс тоже последовал моему примеру. Особенно отвратительными казались две характерные особенности этих представителей здешней жизни. Во-первых, то, что они воспринимали попадание луча абсолютно безмолвно, не издавая ни малейшего звука. Во-вторых, в то время как я лучом отсекал торчащие концы и петли, остальное тело продолжало пульсировать, будто не ведая о том, что происходит, а отрезанные куски извивались и корчились на земле, как будто живя своей собственной, независимой от остального организма, жизнью.

Короче говоря, мы разрезали их на пару сотен кусков, которые как ни в чем не бывало продолжали извиваться, подобно большим черным червякам. На помощь им так никто и не пришел. Все окружающие деревья стояли абсолютно неподвижные и бесстрастные. Может, они просто были настоящими. Теперь мы этого никогда не узнаем.

К тому времени, как мы закончили, Бренанд тоже пришел в себя, поднялся и осторожно ощупывал здоровенную шишку на черепе. Он почти ничего не видел и был исключительно мрачен. Кисло взглянув на Кли Янга, он заметил:

— Ну вот ты и увидел этих тварей.— Он указал на все еще шевелящиеся обрубки на земле.— И какими, интересно, они тебе представлялись?

— С прискорбием вынужден констатировать, что мне они представлялись просто деревьями,— промямлил Кли Янг, тем самым неохотно признавая, что тоже был введен в заблуждение, как и ничтожные земляне.

— Ну что, по-прежнему будешь настаивать на преимуществах своих глаз на шарнирах, да? — ядовито заметил Бренанд. Он снова пощупал голову и пинком отшвырнул в сторону шестидюймовый кусок извивающейся веревки.— Пошли!

Мы зачем-то перешли на бег, добежали до первой хижины и набились в нее как сельди в бочку. Изнутри строение выглядело гораздо более вместительным, чем с воздуха: оно было раза в три просторнее обычной земной комнаты. Внутренних перегородок не оказалось, и обстановка вызывала легкое недоумение.

Стены и крыша были плетеными, причем такими плотными, что защищали и от ветра, и от дождя. Каркас хижины был сделан из прочных упругих шестов, напоминающих стволы бамбука. На полу лежала толстая травяная циновка, украшенная искусным орнаментом. У одной стены стояли три круглых стола в фут высотой и фута четыре в диаметре. Это я их называю столами, хотя они вполне могли быть и стульями, и кроватями.

На стропилах крыши висели довольно своеобразные предметы обихода, некоторые были вырезаны из дерева, другие — из тусклого, отливающего свинцом металла. У большей части этой утвари имелись тонкие изогнутые носики, оканчивающи-

еся малюсенькой дырочкой, которую, наверное, можно было бы заткнуть булавкой. Лично мне показалось, что существа, пользующиеся такой посудой, должны сосать из нее ртом не больше пуговицы от ширинки.

Особенно привлекло наше внимание висящее на стене напротив двери устройство. Оно имело круглый циферблат с нанесенными на него сорока двумя точками. На нем был закреплен еще один диск всего с одной точкой, и, пока мы разглядывали прибор, этот второй диск очень медленно повернулся, и точка на нем совместилась с точкой на большом круге. По-видимому, устройство служило чем-то вроде часов, хотя они не тикали, да и вообще не издавали никаких звуков. Тем не менее эта штука служила очевидным доказательством того, что в данном случае мы имели дело не с какими-то дикарями, а с существами, обладающими довольно развитым сознанием и умеющими делать довольно сложные вещи.

Хижина была пуста. Ее обитатели скрылись, а странные часы на стене молчаливо отсчитывали местное время. Мы осветили фонарями буквально каждый кубический дюйм помещения и совершенно уверились в том, что в хижине нет ни души. Я мог бы поклясться чем угодно) что хижина пуста, хотя и обратил внимание на легкий козлиный запашок, который я объяснил себе затхлостью воздуха или даже тем, что он остался после ухода обитателей этого жилища.

Хижина номер два оказалась точно такой же. В ней никого не было. Правда, мебели в ней было чуть больше, и обставлена она была чуть иначе: мы насчитали не три, а целых пять круглых столиков или кроватей. Двое часов. Но никаких обитателей. Мы снова тщательно обследовали ее шестью парами глаз, в том числе и движущимися независимо друг от друга огромными глазами Кли Янга, и все равно в ней никого не обнаружили.

К тому времени, когда мы закончили обыскивать внешнее кольцо, обследовав тридцатую по счету хижину, нам стало ясно, что обитатели селения убежали в лес еще тогда, когда катер пронесся над ними в первый раз, но все же оставили двух сторожей, чтобы испытать, на что мы способны. Ну что ж, думаю, мы оправдали их ожидания.

И все равно мне было как-то не очень приятно обыскивать чужие дома. Существа, которые умеют делать металлическую посуду и приборы вроде часов, вполне способны создать оружие гораздо более серьезное, чем лук и стрелы. А это означало, что нам еще могут дать прикурить.

Так чего же они тянут? Поразмыслив над этим, я наконец сообразил, что можно безнаказанно шарить и по бесчисленному количеству земных деревушек, не встретив при этом ни единого солдата или ружья. Когда требуются войска, их вызывают по телефону или по радио. Может быть, мы наткнулись на совсем уж глухую деревеньку, жители которой сейчас в ужасе побежали за подмогой куда-нибудь еще. В таком случае все самое интересное ждало нас впереди.

Но я ошибался. Нас просто водили за нос, а мы даже и не подозревали об этом.

Выйдя из тридцатой по счету хижины, Бре-нанд мрачно сказал:

— Сдается мне, что мы попусту теряем время.

— Ты просто читаешь мои мысли,— подхватил Уилсон.

— И я тоже так считаю,— добавил Молдерс.

—И я,— согласился Келли.

Я ничего говорить не стал. Они и так уже высказали то, что было у меня на уме. Я вышел наружу в темноту, убежденный в том, что все это хождение из хижины в хижину — дело совершенно напрасное и что самое правильное — вернуться на катер и убраться восвояси.

— А как же шлюпка? — спросил Кли Янг.

— Да плевать на нее,— равнодушно откликнулся Бренанд.

— А как же быть с Эмброузом и Макфарлейном? — настаивал марсианин.

— Они просто две иголки в этом инопланетном стоге сена,— заявил Бренанд.— Их тут можно искать до тех пор, пока мы не обрастем седыми бородами в ярд длиной. Давайте возвращаться.

Кли Янг сказал:

— А что же мы скажем Макналти?

— Что их здесь попросту нет.

— Но мы ведь на самом деле этого не знаем!

— А я уверен! — решительно воскликнул Бренанд.

— Правда? — Кли Янг некоторое время обдумывал услышанное. Затем он обратился к остальным: — Вы тоже так считаете?

Мы все как один кивнули. Да, и я вместе со всеми — как последний дурак, которым и оказался.

— Странно,—медленно и со значением заметил Кли Янг.— Потому что я так не считаю!

— Ну и что с того? — грубо спросил Келли. Кли Янг повернулся к нему:

— Я думаю несколько по-другому, чем вы. Можно обмануть мои глаза, но не кое-что другое!

— Что другое?

— Ту часть моего разума, которая не связана со зрением.

Бренанд вмешался:

— Что ты имеешь в виду?

Сжимая в одном щупальце излучатель, а в другом фонарь, Кли опасливо огляделся и сказал:

— Ведь мы прилетели сюда исключительно для того, чтобы отыскать Эмброуза и Макфарлейна, если это возможно. А тут вы совершенно неожиданно решаете, что черт с ними. Причем все как один.— Его глаза снова уставились в темноту.— Занятное единодушие, не правда ли? Мне кажется, что же-

лание закончить поиски вам внушили, а значит, здесь кто-то есть!

Господи, меня это просто-таки потрясло! На какое-то мгновение в голове у меня все смешалось, поскольку пришлось выбирать между двумя взаимоисключающими желаниями. Остальных я видел очень смутно, но Уилсон стоял рядом со мной, и я заметил, что на лице его написано полное смятение. Сомневаться не приходилось: в бесполезности дальнейших поисков нас кто-то убеждал.

Затем в голове у меня будто щелкнуло, и действительность наконец окончательно взяла верх над иллюзией. Должно быть, и с остальными в этот момент произошло то же самое, потому что Молдерс как-то стыдливо крякнул. Потом в сердцах выругался Келли, а Бренанд раздраженно заговорил:

— Ну теперь мы перешерстим все эти хижины до единой!

После этого мы немедленно приступили к обыску хижин второго, внутреннего, круга. Мы бы действовали гораздо проворнее, если б не были вынуждены держаться вместе. Тогда мы могли бы одновременно обыскивать по шесть хижин. Но у нас был приказ не разделяться, да мы и сами к этому времени научились осторожности. Я пару раз ловил себя на мысли, что неплохо бы нам ускорить процедуру, разделившись, но каждый раз спохватывался, опасаясь, что эти мысли могут оказаться не совсем моими собственными. Противно действовать по приказу омерзительного клубка веревок, прячущегося где-то поблизости в темноте.

Мы уже добрались до двенадцатой по счету хижины во внутреннем ряду, и Бренанд вошел внутрь первым, освещая себе дорогу фонарем. К этому времени мы привыкли к тому, что хижины пусты, но все же были готовы к любой неожиданности. На сей раз я оказался последним и уже собирался войти в хижину вслед за Уилсоном, когда из мрака справа

от меня вдруг донесся едва различимый звук. Я остановился у входа и посветил фонарем направо.

В свете фонаря я увидел Эмброуза, сидящего через две хижиньы от меня. Он помахал рукой, как бы показывая, что яркий свет мешает ему разглядеть, кто я. Он был совершенно спокойным, целым и невредимым и выглядел так, словно недавно женился на дочери вождя и решил принять местное гражданство.

Я, само собой, тут же издал радостный возглас и окликнул находящихся в хижине ребят:

— Там один из наших!

Они тут же выскочили наружу и уставились туда, куда светил мой фонарь.

— Привет, Эмми! — крикнул Бренанд.

— Привет! — отчетливо и внятно сказал Эмброуз, повернулся и скрылся в хижине.

Само собой, мы вприпрыжку помчались туда же, предполагая, что у Эмброуза на руках, возможно, больной или тяжело раненный Макфарлейн.

Это представлялось вполне правдоподобным, судя по тому, что он не бросился к нам, а ушел обратно в хижину. Я был совершенно уверен, что в хижине мы найдем лежащего на полу Макфарлейна, и машинально даже полез за своим пакетом первой помощи. Добежав до хижины, мы ввалились внутрь. Шесть фонарей залили помещение ярким светом.

Но там никого не оказалось. Ни души!

Стены были сплошными и прочными, второго выхода тоже не наблюдалось. Фонарь Бренанда все время освещал единственный вход в хижину с того самого момента, как мы побежали к ней. Мы очень тщательно все обшарили, то и дело призывая Эмброуза, но убедились, что там и крысе было бы негде спрятаться.

Закончив обыскивать хижину, мы остановились, растерянно глядя друг на друга и чувствуя полную опустошенность, как вдруг Молдерса осенило:

— Вопрос: а почему это нас заманили именно в эту хижину? Ответ: чтобы мы пропустили две последние!

— Точно! — удивленно выдохнул Бренанд. Он бросился к двери.— Плевать на приказы: разделимся на тройки и обыщем обе хижины одновременно.

Молдерс, Келли и я бросились в хижину номер тринадцать. Пусто. Обстановка в ней оказалась примерно та же, что и в остальных, и здесь никого не было. Мои партнеры терять времени не стали. Убедившись, что хижина пуста, они помчались в соседний дом, где находилась группа Бренанда, и я уже собирался последовать их примеру, когда услышал — а может, мне только показалось, что услышал,— какой-то приглушенный звук за спиной.

Резко развернувшись, я посветил фонарем, но не обнаружил ничего, что могло бы издать такой звук, но тут он послышался снова, а за ним последовало несколько глухих ударов, как будто кто-то топал по густой траве.

Снова иллюзии, подумал я. Хотя существа и хранили молчание, я знал, что по крайней мере нескольким самым одаренным из них удается заставить нас слышать звуки. Я мог поклясться, что Эмброуз ответил Бренанду: «Привет!» Тут мне пришло в голову, что просто должны быть и еще более способные твари, которые в состоянии имитировать человеческую речь, поскольку ведь передразнивал же кто-то Макналти по радио, и это не было иллюзией. Голос действительно звучал в динамике.

Чувствуя себя как-то глупо, я спросил: «Кто здесь?» — приготовившись всадить луч туда, откуда на мой вопрос эхом откликнутся: «Кто здесь?» Но мне никто ничего не ответил, лишь сдавленные булькающие звуки разнеслись по хижине с удвоенной силой.

Я совершенно растерялся. Одна часть моего разума спорила с другой: «Ты позволил себя отделить от остальных, пусть даже и на несколько ярдов. Они

ведь в соседней хижине и не видят, что с тобой может случиться, а ведь кто-то явно хочет, чтобы ты отправился вон в тот угол и получил по башке».

Любопытство подталкивало меня в угол, а осторожность удерживала на месте. И тут как раз вернулся Келли, чтобы посмотреть, почему я задерживаюсь. Вопрос был решен.

— Еще секундочку,— сказал я.— Ты пока постой и прикрой меня, если что. Там, похоже, что-то забавное.

С этими словами я вернулся в хижину с фонарем в одной руке и с излучателем — в другой и, прислушавшись, определил, что звуки доносятся из дальнего левого угла комнаты. Чем ближе я подходил, тем они становились громче, как будто для того, чтобы подсказать мне, что я приближаюсь к цели в игре «Холодно — горячо». Теперь я слышал их так же отчетливо, как обычно слышу рев двигателей «Марафона», когда он начинает подниматься над землей. Чувствуя себя довольно глупо под взглядом наблюдающего за мной Келли, я положил фонарь на пол, встал на колени и начал шарить руками вокруг. Вдруг моя рука нащупала грубый ботинок.

В следующее мгновение Келли грязно выругался и выстрелил так, что луч прошел всего в каких-то трех дюймах от моей шеи. Жаром мне даже волосы на затылке опалило. Позади что-то яростно задергалось, зазвенела какая-то упавшая на пол посуда, и возле меня на полу появился четырехдюймовый кусок извивающейся веревки. В то же мгновение рядом со мной появился Эмброуз.

Он возник совершенно внезапно, как будто какой-то фокусник вдруг вытащил его, как кролика из шляпы. Я ощупывал руками совершенно пустой угол, пытаясь обнаружить источник странных звуков, и вдруг коснулся невидимого ботинка, а потом над моей шеей блеснул луч Келли, что-то яростно завозилось позади меня — и вот пожалуйста: передо мной на спине лежит Эмброуз, связанный и

с кляпом во рту. Я пребывал в таком состоянии, что уже вообще отказывался верить чему бы то ни было. Поэтому я вырвал у него изо рта кляп и, направив на него излучатель, сказал:

— Может, ты и Эмброуз, а может, и нет. Поэтому не вздумай повторять то, что я говорю. Придумай быстренько что-нибудь сам, да побыстрей.

Ну, я вам должу, он оказался и придумщиком! Я услышал такое, от чего мои уши едва не свернулись в трубочки, а Келли от восторга просто оцепенел. Ругался Эмброуз быстро, складно и с большим-большим чувством. Он всегда казался человеком довольно спокойным, и трудно было даже представить, что в душе у него накопилось так много вещей, могущих значительно обогатить мировую сокровищницу непристойных выражений. Но в одном сомневаться не приходилось: никакое существо, рожденное на этой планете, ни в жизнь не сумело бы придумать ничего даже отдаленно похожего на тираду Эмброуза.

Одним словом, я занялся освобождением его от пут, сплетенных из очень прочных волокон травы, а он тем временем продолжал высказывать все, что думает, лишь изредка останавливаясь и припоминая, не пропустил ли он случайно какого-нибудь смачного ругательства. Вокруг нас всюду корчились обрубки маслянистых веревок, бесцельно ползая взад и вперед. Теперь в дверях виднелось уже четыре изумленных лица, помимо Келли.

Наконец, отшвырнув остатки веревок, Эмброуз встал, ощупал себя с ног до головы и сказал столпившимся в дверях ребятам:

— Нашли Мака?

— Пока нет,— ответил Уилсон. — Десять против одного, что он в соседней хижине,— сказал Эмброуз.

— Боюсь, не выиграть тебе,— сообщил Уилсон.— Мы как раз оттуда, и его там нет.

— А вы как искали? — вмешался я.— Прощупывали весь пол?

Глядя на меня, как на дурака, Уилсон спросил:

— А с какой стати нам его прощупывать?

— А стоило,— поддержал Келли, поигрывая излучателем и облизывая губы.

— Послушайте,— сказал я.— Неужели непонятно, что вы видите только то, что вам указывают видеть. И поэтому, когда вам указывают не видеть ничего...

— Послушайте лучше меня,— сказал Эмброуз.— Этот клубок змей может внушить вам что угодно.— Он шагнул вперед.— Пошли-ка лучше обшарим ту хижину еще раз.

Мы вернулись к хижине номер четырнадцать. Лучи шести фонарей залили ее ярким светом от стены до стены и от пола до крыши. Пусто. Никого. Черт возьми, это было совершенно очевидно!

Стоя в центре помещения, Эмброуз сказал:

— Мак, ты можешь издать какой-нибудь звук? Какой угодно? Тишина.

Все это выглядело довольно глупо: стоит посреди хижины человек и взывает к кому-то не более видимому, чем привидение. Я попытался представить себе Макфарлейна, лежащего где-то совсем рядом и изо всех сил пытающегося освободиться от пут или произвести хоть какой-то звук, оставаясь при этом абсолютно недоступным нашим глазам и как будто погребенным в каком-то слепом пятне нашего сознания.

В этот миг мне в голову пришла идея, которая тогда показалась мне ну прямо-таки гениальной. Ведь лучи шести фонарей, светящие в шести разных направлениях,— они, пожалуй, освещали хижину даже чересчур ярко!

— Эй! — сказал я.— Давайте-ка лучше направим весь этот свет в одну сторону.

— Зачем? — спросил Молдерс.

— А затем,— поведал я, наслаждаясь наступившей тишиной,— что при таком освещении совер-

шенно отсутствуют тени, а любой объект тень отбрасывает обязательно.

— Да, это верно,— согласился Уилсон, явно восхищаясь моим интеллектом.— Обязательно отбрасывает.

Но Эмброуз раздраженно отмахнулся и тут же вернул меня с небес на землю, сказав:

— Пустая трата времени. Теней мы не увидим точно так же, как не видим отбрасывающих их объектов. Если уж тебя водят за нос, то это всерьез и надолго.

— Угу! — согласно проворчал Бренанд, которому услышанное, видимо, пришлось по душе. Он погладил макушку, на которой вскочила довольно заметная шишка.

Снова обращаясь в пространство, Эмброуз заявил:

— Хорошо, Мак, если не можешь даже пискнуть, попробуй подкатиться к моим ногам.— Он немного подождал, глядя себе под ноги. Время, казалось, остановилось. Наконец он разочарованно огляделся и поймал мой недоуменный взгляд: — Я прощупаю пол вдоль этой стены, а ты займись тем же самым с другой стороны. Остальные пусть пока проверят середину хижины. Если почувствуете что-нибудь или на что-то наткнетесь — сразу хватайте!

Опустившись на четвереньки, он пополз вдоль стены, ощупывая рукой пол впереди себя. Я занялся тем же самым с другой стороны. Поскольку я уже нашёл таким образом Эмброуза, мне эта процедура не казалась такой странной, как остальным. И тем не менее я чувствовал себя немного не в своей тарелке. Как-то странно сознавать, что, не будучи слепым, ты тем не менее не можешь полагаться на свои глаза. Я, конечно, имею в виду следствие, а не причину. Наши глаза были целы и нормально функционировали. Беда лежала гораздо глубже — в той части мозга, где создавалась ложная картинка, охотно принимаемая разумом за чистую монету.

Пока все остальные корчились посреди комнаты, я добрался до угла и свернул вдоль следующей стены, снова дополз до угла, поводил рукой в воздухе и — о-о-о-о! — коснулся чего-то невидимого, попытался схватить его и ощутил под рукой пучок каких-то холодных склизких трубок. Самое ужасное, что я никак не мог разжать руку. Я был потрясен, и пальцы не слушались меня. Невидимая тварь между тем рванулась, потащила меня за собой, и я ткнулся носом в пол.

Слава Богу, хоть Келли сообразил, что происходит. У него было некоторое преимущество перед остальными, поскольку он уже стал свидетелем аналогичной ситуации в предыдущей хижине. Увидев, как я вписался носом в пол, он прицелился в точку, находящуюся где-то в футе от моего стиснутого кулака, и выстрелил. Через полсекунды начался кавардак. Я обнаружил, что одной рукой вцепился в бешено извивающийся клубок черных веревок, который пытается тащить меня к выходу, Келли тем временем расстреливает его по краям, а Бренанд ошалело палит в самую середину.

Эмброуз начал просить, чтобы кто-нибудь дал ему нож разрезать веревки на Макфарлейне. Кли Янг попытался было схватить чужака своим мощным щупальцем, но решил не рисковать, так как кто-нибудь мог впопыхах попасть в него лучом. Уилсон отплясывал какой-то воинственный танец в центре хижины, непрерывно паля куда ни попадя. Один из лучей прошел, наверное, не дальше чем в одной восьмой дюйма от толстого зада Келли, примерно на таком же расстоянии от моей головы, и проделал в стене дырку размером с обеденную тарелку. Даже не знаю, как такое произошло: получается, что луч пару раз изогнулся вопреки всем известным законам физики.

Я наконец выпустил дрянь, за которую держался, и заметил, что руки мои перепачканы какой-то сероватой вонючей слизью. Тварь уже превратилась в груду отдельных кусочков, которые лучи делали

все мельче и мельче. Но как бы ни были малы эти обрезки, они все равно продолжали извиваться и прыгать по полу. Из перерезанных концов торчали тонкие белые нити. Я прикинул, что целый клубок достигает четырех футов в диаметре и весит не менее ста пятидесяти фунтов.

В противоположном углу Макфарлейн тем временем лихорадочно избавлялся от остатков стягивавших его травяных пут. Лицо у него было довольно кислое.

Наконец избавившись от последних обрывков веревки, он чуть ли не с кулаками набросился на Эмброуза:

— Какого черта ты не остался в лодке и не вызвал подмогу?

— Да потому, что появился твой близнец и начал звать меня так настойчиво, будто речь шла о жизни и смерти,— отверг его домогательства Эмброуз.— А еще потому, что тогда я не знал того, что знаю теперь. Вот я и поверил твоему двойнику, как дурак выскочил наружу и тут же стал похож на кокон шелкопряда.— Он шмыгнул носом и добавил: — Ничего, это мне урок. В следующий раз буду сидеть и смотреть, как ты корчишься в агонии.

— Ну спасибо,— сказал Макфарлейн.— Когда-нибудь я отвечу тебе тем же.— Он плюнул на нечто похожее на обрубок змеи, пытающийся обвиться вокруг его ботинка.— Ну что, так и будем здесь всю ночь стоять и выяснять отношения?

— Так ты же сам их вроде и выясняешь! —Бренанд подошел к двери и посветил фонарем наружу.— Мы сейчас проводим вас до шлюпки. Взлетайте — и прямо на «Марафон». А разберетесь, кто прав, кто виноват, после того как...

Тут его голос прервался, фонарь в руке дрогнул, он схватился за боковой карман и рявкнул:

— Целая сотня! Ложись! — Затем он швырнул что-то, а я во второй раз за эту ночь вписался лицом в пол.

Ночь вдруг озарилась ослепительной вспышкой. Земля содрогнулась, а с нашей хижины мигом улетела куда-то вдаль соломенная крыша, похожая на какой-то старинный аэроплан. Через секунду или две сверху на нас посыпались омерзительные клочья, и тут не прекратившие отвратительно извиваться.

Даже несмотря на то, что они умели делать металлические предметы и приборы, обитатели этого мира, похоже, так и не научились делать ничего, даже отдаленно похожего на оружие. Возможно, они просто прошляпили это направление развития, целый миллион лет посвятив оттачиванию искусства обмана. Как бы то ни было, наша мощь, должно быть, явилась для них чем-то совершенно чуждым и непонятным, равно как и их гипнотические способности — для нас. А уж эта последняя демонстрация нашей силы, образно говоря, и вовсе загнала их души в пятки.

Мы бросились наружу, чтобы в полной мере использовать смятение в рядах неприятеля, возникшее в результате взрыва бомбы, промчались мимо хижин, большинство которых лишилось крыш или перекосилось, в любой момент готовые воспользоваться еще одной бомбой, если путь нам преградит что-нибудь реальное или даже воображаемое. Но, похоже, враг решил, что вставать у нас поперек дороги неразумно, и на пути у нас не возникло даже жалкого стада разъяренных динозавров.

Я раздумывал об этом, мчась вслед за остальными сквозь окружающую тьму. Обладай я способностью заставлять людей видеть то, что мне хочется, я бы с легкостью нагнал страху на кого угодно, внушив ему, что за ним, например, гонится бешеный слон. Но потом я сообразил: ведь подлинная сила этого гипноза заключается как раз во внушении нам знакомых образов — а инопланетяне вряд ли могли придумать много такого, что мы бы сочли знакомым. Любые обычные иллюзии,

с помощью которых они подчинили себе все низшие формы жизни на планете, нашему разуму показались бы совершенно противоестественными, и первое, что бы мы сделали,— это швырнули очередную бомбу. Да, имея дело с нами, они были ограничены незнанием того, что мы собой представляем. Но вот если когда-нибудь они досконально разберутся в нас!..

Наверняка именно для этого они и умыкнули Эмброуза и Макфарлейна. Правило первое: нужно как можно лучше узнать того, с кем имеешь дело. Четверо захваченных людей должны были дать необходимую информацию, на основании которой они могли бы надеяться одолеть и остальных. Может быть, при удачном стечении обстоятельств им бы это удалось. Я, конечно, сомневаюсь в подобном исходе дела, но противника никогда нельзя недооценивать.

К этому времени мы уже миновали деревню и находились где-то совсем недалеко от шлюпки. Правда, учитывая темноту и концентрическое расположение хижин, было довольно трудно отличить одно направление от другого. Что касалось меня, то я старался просто не отставать от остальных, как овечка от стада, но Бренанд несся вперед так уверенно, что казалось, знает, куда направляется. В голове у меня постепенно начало зреть предчувствие, что Бренанд чересчур самонадеян и завел нас всех не туда. Мало-помалу мы сбавили темп, начали колебаться. Похоже, подобные мысли стали появляться и у остальных. Ведь не могла же шлюпка и в самом деле находиться так далеко от деревни?

В этот момент луч фонаря Бренанда описал широкую дугу, и чуть левее нас блеснула металлическая корма шлюпки. По всей видимости, мы просто чуточку сбились с пути. Мы направились к ней.

Стоя у лесенки, Эмброуз, прищурившись от света наших фонарей, сказал:

— Спасибо, ребята. Мы, значит, улетаем и надеемся увидеть всех вас на корабле.

С этими словами он взялся за лесенку обеими руками, сделал несколько забавных движений ногами, будто крутил педали велосипеда, и ткнулся носом в землю. Мне все это показалось не очень смешным и даже глупым. Это одна из тех шуток, над которыми почти никто не смеется. И только тогда я понял, что шлюпка исчезла из виду, будто ее тут никогда и в помине не было, а Эмброуз собирался подняться по несуществующей лестнице. Кли Янг произнес какое-то слово на верхнемарсианском, для которого в земном языке не имелось эквивалента, и повел лучом фонаря вокруг, как бы пытаясь обнаружить того или тех, кто устроил нам западню. То, что это существо или существа находились в пределах телепатической досягаемости, не вызывало сомнений. Но каков же этот предел? Десять ярдов или тысяча? Однако никого найти ему не удалось. Нас окружали только кусты да небольшие деревца или, во всяком случае, объекты, абсолютно на них похожие. Определить, что есть что, было попросту невозможно, как невозможно было и тратить драгоценные часы на выжигание всей растительности вокруг.

Подняв Эмброуза с земли, Макфарлейн с угрозой в голосе сказал:

— Что? Не можешь каждый раз не падать перед ними?

И так выведенный из себя очередной неудачей, Эмброуз огрызнулся:

— Заткнись, пока я тебя сам не заткнул!

— Ну давай, ты — и кто еще с тобой? — спросил Макфарлейн, тут же встав в боксерскую стойку.

Вклинившись между ними, Бренанд рявкнул:

— Уж вам-то двоим, как никому другому, должно быть понятно, что, устраивая драку, вы, возможно, действуете по чьему-то наущению!

— Правильно,— поддержал его Молдерс, поняв, к чему тот клонит.— Отныне если кому и захочется начистить зубы товарищу, пусть отложит это

благое намерение до тех пор, пока мы не вернемся на корабль.

— Может, ты в чем-то и прав,— согласился Макфарлейн, слегка смутившись. Он махнул рукой: — Ладно, у нас и других забот хватает. Где же шлюпка?

— Где-то рядом,— заявил я.— Даже если бы сотня этих тварей и решила перетащить ее на другое место, далеко бы они ее не унесли.

— Значит, и от этого места пойдем по кругу,— принял решение Бренанд.—Мы на нее обязательно наткнемся, даже если и придется для этого обойти всю деревню.— Он посмотрел сначала в одну сторону, затем в другую, не зная, какое направление лучше выбрать.

— Пошли налево,— предложил Келли и глубокомысленно обосновал свое предложение: — Просто я уже и так смотрю в том направлении.

Мы отправились налево, то и дело ориентируясь по смутным контурам хижин, едва видимых в свете наших фонарей. Тогда мне не приходило в голову, что хижины могут быть столь же иллюзорными, как и шлюпка, а настоящие хижины находятся совсем в другом месте. Таким образом нас вполне могли бы заставить ходить кругами хоть сотню лет. А то и вообще идти строго по прямой в полной уверенности, что мы обходим деревню, до тех пор, пока мы основательно не заблудились бы в лесу.

Возможно, во время взрыва погибли как раз самые умные из аборигенов, а оставшиеся в живых, враги поглупее, взяли и все испортили, поскольку хижины оказались самыми что ни на есть настоящими, и не успели мы пройти и сотни ярдов, как наткнулись на шлюпку. На этот раз Эмброуз сначала тщательно ощупал лесенку, осторожно поднялся к люку, потрогал крышку и похлопал рукой по корпусу. — В общем, как я уже говорил, спасибо, ребята! Он открыл люк и скрылся внутри шлюпки.

За ним полез Макфарлейн. Вот и смотрите, какими дураками порой оказываются даже самые умные, поскольку мы, все шестеро, стояли возле шлюпки и махали им на прощание руками, думая только о том, как мы сейчас рванем к катеру. Макфарлейн закрыл люк, но почти тут же вновь распахнул его и взглянул на нас с превосходством человека, который, в отличие от других, хоть изредка пользуется своей думалкой.

Глядя на нас с той жалостливой улыбкой, с какой люди обычно смотрят на венерианских гуппи, он сказал:

— Подбросить никого не нужно?

Бренанд при этих словах аж подскочил и закричал то, что, в принципе, не сообразить было просто невозможно:

— Елки-палки! А ведь чтобы вернуться, катер нам и вовсе ни к чему!

С этими словами он начал карабкаться по лесенке. Остальные потянулись за ним. Я поднимался предпоследним, за мной стоял один Уилсон. Мне пришлось чуть задержаться, ожидая, пока Кли Янг протащит внутрь свою тушу и я тоже смогу пройти через небольшой люк. Процесс был медленным, и без посторонней помощи Кли бы просто не справился. После него поднялся я и услышал, как позади резво вскакивает на лестницу Уилсон и тут же, оступившись, соскальзывает на пару ступенек вниз. Перекладины лесенки металлические, и поэтому если вы относитесь к ним без должного внимания, то рискуете пересчитать их носом. Я успел заметить, как в темноте его фонарь начинает бешено плясать и тухнет. Он предпринял вторую попытку, когда я был уже у люка.

— Эк тебя угораздило,— подколол его я, когда он добрался до самого верха и уже входил в шлюпку. Он ничего мне не ответил, что было на него по меньшей мере не похоже. Я собирался включить подъемный механизм лесенки и запереть крышку

люка, когда он прошествовал мимо меня с каким-то отрешенным выражением лица, распространяя вокруг знакомый запах серой слизи. Бывают моменты, в которые приходится забывать о всяких там чувствах и прочих тонких материях. Поэтому я с размаху залепил ему ногой прямо в солнечное сплетение.

И тут же оказался один на один с мохнатым клубком, который стал бешено метаться вокруг меня, пытаясь то охватить одной из своих петель мои руки, то оплести ноги и свалить на пол. В нем было столько энергии, что он, наверное, мог бы целую неделю без остановки крутить динамо-машину. Эта тварь была настолько скользкой и юркой, что я никак не мог справиться с ней. И только когда я уже с ужасом начал понимать, что, кажется, здорово переоценил свои силы, Кли Янг просунул в шлюз свое могучее щупальце, ухватил моего противника за бока, раз двадцать шмякнул его о металлический пол и вышвырнул через все еще не закрытую дверь наружу.

Даже не потрудившись выразить ему благодарность, я сграбастал фонарь, выхватил излучатель и в два прыжка соскочил по лесенке на землю. В трех или четырех ярдах от шлюпки по земле катался Уилсон, бешено отбиваясь от двух клубков подвижных, как ртуть, веревок. Похоже, его противники пытались сосредоточиться на двух вещах одновременно, как марсиане, однако у них это не совсем получалось. Они пытались прижать Уилсона к земле и в то же время ввести в заблуждение возможных его спасителей. Уилсон все им испортил тем, что, бешено отбиваясь, постоянно отвлекал их и они оказались не в состоянии сделать его невидимым для остальных.

Их катающиеся по земле тела то появлялись, то исчезали, как будто на экране, где изображение возникает и пропадает. Пару секунд я их видел. Потом не видел. Затем они снова появлялись на пре-

жнем месте. Я аккуратно прицелился и выстрелил как раз в тот момент, когда они в очередной раз стали видны, перерезав петлю, которую уже затянуло вокруг шеи Уилсона. Затем по лестнице скатился Кли Янг, отшвырнул меня в сторону и бросился в драку.

Он, конечно, лучше всех годился для этого дела. Полностью игнорируя визуальную игру «А вот мы есть, а вот нас нет», он раскинул щупальца по всему полю боя и сгреб всех участников сразу, удерживая их могучими присосками. Потом отделил зерна от плевел, случайно заехав при этом Уилсону по уху. Одним щупальцем он закинул несчастного почти на середину лестницы, в то время как другие два его щупальца неутомимо колотили незадачливых гипнотизеров о землю. Колошматил он их довольно долго и пару раз даже сменил темп ударов, давая понять, что спешить ему некуда. В конце концов он поднял всех в воздух и шмякнул друг об друга. К тому времени визуальные фокусы уже давно кончились. Бедные жертвы Кли определенно больше не собирались выдавать себя за то, чем не были. Наконец он зашвырнул их куда-то далеко за деревья.

После этого он поднялся вслед за мной по лестнице, втиснулся в люк, запер дверцу и загерметизировал шлюпку. Я отправился на нос сказать Эмброузу, что теперь все на борту готовы к взлету, корабль герметичен и можно взлетать.

Макфарлейн скрючился возле Эмброуза в маленькой рулевой рубке и по радио разговаривал с катером:

— Что значит, вы собьете нас, если мы взлетим первыми? Ответ из катера гласил:

— Если вы собираетесь вернуться на «Марафон», мы должны прибыть туда раньше вас.

— Почему?

— Потому что список паролей у нас и вам придется нам их назвать. Откуда мы знаем, кто вы такие?

Нахмурившись, Макфарлейн ответил:

— Да, да, все верно, но давайте взглянем на это дело с другой стороны. — С какой еще стороны? — Ведь у вас-то, ребята, вообще не было никаких паролей. Откуда же наши на «Марафоне» будут знать, кто вы такие?

— Но мы ведь не покидали катера, — с негодованием отозвался голос.

— Ха! — усмехнулся Макфарлейн, испытывая какое-то извращенное удовольствие от этого спора.— Но у вас нет доказательств!

На другом конце помолчали, затем возразили:

— Ведь те шестеро согласились вернуться на катер? А не вернулись. Вы говорите, что они у вас на шлюпке, но у вас тоже нет доказательств!

Оглянувшись через плечо, Макфарлейн взревел:

— Ну-ка поговорите с этими недоумками, сержант. Объясните им, что вы все действительно здесь целые и невредимые.

Очевидно, его услышали и на катере, поскольку голос оттуда сразу резко спросил:

— Это вы, сержант? Назовите ваш пароль! — Нани-фани,— с облегчением выпалил я.

— А кто еще с вами на борту?

— Мы все.

— Потерь нет?

— Нет.

Задумчивая пауза, затем:

— Ладно, мы возвращаемся. Вы следуйте за нами и приземляйтесь только после нас.

Макфарлейн, которому, видимо, не понравилось, что ему отдает распоряжения человек, стоящий на служебной лестнице гораздо ниже его, взорвался:

— Слушай, ты! Я не намерен исполнять твои приказы!

— Еще как намерены,— возразил кто-то еще, по-видимому ничуть не обескураженный.— Потому что катер вооружен, а ваша шлюпка — нет. Только по-

пробуйте не подчиниться — и увидите, что мы с вами сделаем. А капитан нас за это еще и расцелует в обе щеки!

Сраженный справедливостью последнего замечания, Макфарлейн выключил радио яростным толчком большого пальца и, усевшись, молча уставился куда-то в пространство. Полминуты спустя темноту впереди нас прорезала алая полоска выхлопа стартующего катера. Мы следили за тем, как огненная струя исчезает где-то на высоте десяти тысяч футов, затем я схватился за ближайшие поручни — как раз в тот момент, когда Эмброуз включил двигатели и поднял шлюпку в воздух.

Вопреки ожиданиям, наше возвращение никакой паники не вызвало, хотя на корабле и пытались решить, те ли мы, за кого себя выдаем. Я бы даже не удивился, если бы меня подвергли серии тестов, имеющих целью доказать мою абсолютную и непререкаемую принадлежность к роду человеческому. Отпечатки пальцев, анализы крови и так далее. Но они свели все к гораздо более простой и короткой процедуре. Все, что нам предстояло сделать,— это подняться на борт и ненадолго задержаться в шлюзе, пока Эл Стор осматривает нас.

Оказавшись внутри «Марафона», мы сразу поняли, что корабль готов к немедленному старту. Надолго оставаться здесь никто не собирался. Отправившись в умывальную, я долго отмывал руки от присохшей слизи. Она липла к рукам, воняла и, казалось, не давала мылу мылиться. Затем я на скорую руку проверил оружейную и нашел, что все в полном порядке. Если вскоре нам предстояло стартовать, то после старта нужно было сделать довольно многое, и я решил пока разузнать последние новости у Стива или кого-нибудь, кто не прочь поболтать. Не пройдя и пары ярдов по коридору, я встретил Джепсона и зловеще усмехнулся:

— Так ты, значит, все еще жив! Что случилось?

— Меня захватили в плен,— мрачно сказал он.

— Подумаешь! Ты к этому, наверное, уже привык.

Он фыркнул и заметил:

— Я бы привык, если бы каждый раз это происходило одинаково. Меня убивает разнообразие способов.

— Ну и как же получилось на сей раз?

— Да мы с Пейнтером тащились по лесу. Откололись от остальных, но были совсем недалеко от корабля. Пейнтер вдруг заметил, или ему показалось, что заметил, будто на земле валяется нечто вроде металлического украшения, и остановился, чтобы подобрать его. И, как он утверждает, его рука сомкнулась на пустом месте.

— А потом?

— А потом кто-то треснул его по кумполу, пока он стоял нагнувшись. Я слышал, как он упал, обернулся. И могу поклясться, что видел, как он стоит и держит что-то в руке. Ну я, конечно, тоже подошел посмотреть — и... бам!

— Короче, с тобой поступили точно так же.

— Да. Пейнтер говорит, что его стукнуло дерево, но я что-то не верю. Я пришел в себя, обнаружил, что связан по рукам и ногам и что рот у меня заткнут пучком травы. Меня тащили по кустам какие-то два скользких чудовища.— Он скорчил гримасу.— Нет, их надо было видеть!

— Я видел,— заверил я.— Но поначалу они были в масках.

— Потом они бросили меня и приволокли Пейнтера, упакованного точно так же. А сами побежали обратно к кораблю — видно, за следующими клиентами. Мы лежали там совершенно беспомощные, до тех пор пока не увидели свет фонарей, вспышки излучателей. Потом было много шума, и поисковая партия наконец нашла нас. Ребята говорят, что прикончили с полдюжины штуковин, которые показались бы им самыми обычными деревьями, если

бы не Эл Стор. Он расхаживал вокруг и показывал, в какие стрелять.

— Старый верный фотоглаз, да? — Что-то вроде того. Наше счастье, что он оказался на борту. Плохо бы нам пришлось, если бы мы стали расхаживать вокруг, принимая все за чистую монету.

— Наверняка против этого что-нибудь изобретут,— успокоил я.— Недаром же они доят из меня налоги, которые идут на потребу головастым ребятам в лабораториях. Я не намерен шляться по космосу и подставлять голову. Если они хотят получать и дальше мои заработанные потом и кровью бабки, пускай соорудят мне какой-нибудь проволочный шлем или еще что-нибудь для защиты от всякой там телепатии.

— Да уж, тем, кто высадится здесь после нас, проволочные шлемы еще как понадобятся, это точно! — подтвердил он и отправился дальше.

Стива я нашел в радиорубке, где он грыз сухари, и спросил его:

— Как дела? Если, конечно, знаешь. А ты у нас всегда все знаешь, ушастый.

— А ты разве еще не в курсе? — отозвался он.— Ну конечно же нет. Ты у нас никогда ничего не знаешь, безмозглый.

— Ну ладно.— Я привалился к косяку.— Разминка окончена. Давай рассказывай.

— Стартуем, как только все окажутся на борту и Макналти соберет все отчеты.

— Так быстро? Но ведь мы здесь считай и дня не пробыли.

— А ты еще хочешь послоняться? — Он с любопытством посмотрел на меня.

— Конечно, нет!

— Я тоже. Чем быстрее мы отсюда уберемся, тем скорее я получу свой замечательный пухлый конвертик.

— Но мы ведь почти ничего не узнали,— возразил я.

— А вот капитан считает, что мы узнали все необходимое,— парировал он. Положив ноги на край стола с аппаратурой, он устроился в кресле поудобнее и продолжал: — Какие-то умники там, на Земле, выбирают планету, просто закрывая глаза и бросая стрелку в карту звездного неба. Потом они говорят, что здесь вполне может существовать разумная жизнь и что мы обязательно должны слетать и проверить. Все, что мы должны установить, так это правильно ли стрелка попала в цель и что это за разумная жизнь. А мы теперь и то, и другое знаем точно. Поэтому с чистой совестью можем возвращаться домой, пока нам не открутили головы и не выпустили кишки.

— Я полностью с тобой согласен, только хочется кое-что от себя добавить,— сказал я.— И это кое-что можно выразить всего в двух словах: «Я завязываю!»

— Да-да! Как же! Ты и в прошлый раз говорил то же самое. — Может, и говорил, но... Корабль взревел. Я пулей бросился к себе, пристегнулся и кое-как ухитрился пережить взлет. Видно, я никогда не привыкну к тому, как «Марафон» взлетает и садится, даже если мне придется пройти через это тысячу раз. У меня есть тайное желание как-нибудь залучить Флетнера на борт и показать ему, что такое на самом деле его любимое детище.

Мы отлетели уже на двадцать миллионов миль, когда в дверь оружейной просунул голову Бэнистер и спросил:

— Слушай, а чего это Мак так разговаривал со мной, когда я был в шлюпке? Будто ему уж и вообще ничего сказать нельзя.

— Я, конечно, не уверен, но вполне возможно, что желание затеять свару ему внушили. Старый принцип «разделяй и властвуй» в переводе на наш язык. Правда, фокус не сработал, поскольку Мак оказался слишком цивилизованным человеком, чтобы дойти до крайности.

— Хм! А я об этом не подумал.— Он ошалело почесал в затылке.— Ну и хитрые же твари!

— По мне, так даже слишком. — Согласен. Я с ужасом думаю: вдруг кому-то из них удалось пробраться на борт? Представляешь, каково в этой консервной банке знать, что кто-то из ребят вовсе не тот, за кого ты его принимаешь, а узнать, кто есть кто, невозможно.

— Твою идею можно развить дальше и гораздо более интересно,— сказал я, поскольку сам много раз думал над этим.— Но только если хочешь сам себя перепугать до полусмерти.

Он как-то странно улыбнулся, полупонимающе-полувстревоженно, и закончил:

— Знаешь, я скорее буду бояться наших паукообразных умников.

С этими словами он удалился, а я продолжал заниматься своими делами. После того как он упомянул о марсианах, я тоже начал думать о них — об этих снабженных щупальцами существах, более чуждых нам, чем кто-либо еще. Но мы как-то сжились с ними, и даже когда кто-нибудь из них погибал, мы начинали тосковать по нему. Да, марсиане были отличными ребятами. Все очень их любили. И никто не боялся.

Тогда что же значило это странное замечание Бэнистера? И что это за неуверенная кривая усмешка? Похоже, он старался привлечь мое внимание к каким-то противозаконным делишкам, которые имеют место в марсианском отсеке, где они отдыхают от слишком плотного для них воздуха. Убежденность, что так оно и есть, становилась все сильнее и сильнее, пока я наконец не бросил все и не отправился посмотреть на марсиан своими глазами.

От того, что я увидел, заглянув в небольшое смотровое отверстие, волосы у меня на голове встали дыбом. Шайка мерзавцев с Красной Планеты, как обычно, сгрудилась вокруг шахматной доски. Только Саг Фарн дрых в углу. С одной стороны за дос-

кой сидел Кли Дрин, уставившись своими блюдцевидными глазищами на доску. Я обратил внимание, что он играет белыми.

А напротив него из здоровенного клубка черных веревок вдруг высунулся отросток, коснулся черного слона, но так и не подвинул его. Марсиане с облегчением вздохнули, как будто случилось что-то необычайное.

Ого-го! Больше смотреть я не собирался. И отправился на нос, причем так быстро, что металлические пластины на моих подошвах иногда высекали искры. Поворачивая за угол, я столкнулся с Элом Стором, идущим мне навстречу. Ощущение у меня было такое, что я с разбега врезался в гранитную скалу. Он схватил меня мощными руками и взглянул, как всегда, горящими глазами:

— Что-нибудь случилось, сержант?

— Еще бы! — Я проверил, действительно ли его хватка по-прежнему такая же стальная, чтобы увериться в том, что он на самом деле старый добрый Эл Стор, а не очередной обман зрения. После этого я, задыхаясь от быстрого бега, выпалил: — Они на борту!

— Кто?

— Эти склизкие, отвратительные гипнотизеры. Во всяком случае, один из них. Он сейчас дурит головы марсианам.

— Как это?

— Втирает им очки, сидя за шахматной доской.

— Сомневаюсь,— ровным голосом и совершенно невозмутимо сказал он.— У него бы просто не хватило времени изучить игру.

— То есть?..— я недоуменно уставился на него.— Так ты знаешь, что он здесь?

— Конечно. Я ведь сам его поймал. А потом Кли Морг выпросил его у меня, заявив, что из их отсека ему нипочем не сбежать. И это святая истинная правда, хотя клянчил он его у меня вовсе не поэтому.

— Нет? — Я был окончательно сбит с толку.— А почему же?

— Неужели никак не догадаться? Ты же знаешь этих ребят. Они надеются, что сумеют обыграть существо, которое вроде бы двигает одну фигуру, а на самом деле ходит совершенно другой.— Он немного помолчал.— Это значит, что им придется продумывать все вероятные ходы и относиться к тому, который они видят, лишь как к одному из логически возможных. Это привнесет в игру новую остроту и сделает ее гораздо более захватывающей.

— Ты и в самом деле так считаешь?

— Конечно.

Тут я сдался. Эта шайка с Красной Планеты одержима игрой, а Эл, очевидно, способен понять их и даже потворствовать им в этом. В один прекрасный день он и сам может победить на марсианском чемпионате и стать обладателем отвратительной чаши мерзкого цвета и отталкивающей формы, которую я не согласился бы поставить возле своего кресла-качалки даже в качестве плевательницы.

Тоже мне завоеватели космоса! Все они просто сумасшедшие, как вы и я!

Содержание

Безумный мир. *Роман*
(перевод Б. Минченко)

Глава первая 7
Глава вторая 21
Глава третья 39
Глава четвертая 59
Глава пятая 76
Глава шестая 96
Глава седьмая 109
Глава восьмая 126
Глава девятая 146
Глава десятая 167
Глава одиннадцатая 182
Глава двенадцатая 200
Глава тринадцатая 219
Глава четырнадцатая 242
Глава пятнадцатая 259
Глава шестнадцатая 279
Глава семнадцатая 296

Космический марафон. *Роман*
(перевод П. Киракозова)

ПРОЛОГ 311
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Путешествие на Механистрию 338
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Путешествие на Симбиотику 408
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Путешествие на Гипнотику 480

SCIENCE FICTION

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «SCIENCE FICTION»

Э.Ф.РАССЕЛ
"БЕЗУМНЫЙ МИР"
Д.КЭМПБЕЛ
"ЛУННЫЙ АД"

КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ВОВЛЕЧЕТ ВАС
ВО ВСЕЛЕНСКУЮ ИГРУ, ПРАВИЛА
И ЗАКОНЫ КОТОРОЙ — ЗАГАДКА.
НО ЕСЛИ ВЫ ВЫЙДЕТЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ —
ВАМ ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

КОНАН

КЛУБ

ЖДЕТ ТВОИХ

ПИСЕМ

199155 Санкт-Петербург, а/я 153

Литературно-художественное издание

Эрик Фрэнк Рассел

БЕЗУМНЫЙ МИР

Романы

Ответственный за выпуск *А. Тишинин*
Редактор *И. Петрушкин*
Технический редактор *Н. Сосик*
Художник *А. Лидин*
Корректор *Б. Фред*
Верстка *Е. Посадовой*

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ИД 00533 от 06.12.1999 г.
199155, Санкт-Петербург, а/я 153.

Подписано в печать 01.03.2000 г. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 5000 экз. Заказ № 827.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
198005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Северо-Запад®